МАРКСИЗМ-ЛЕНИНИЗМ

и реалии конца XX столетия

МАРКСИЗМ-ЛЕНИНИЗМ
и реалии конца XX столетия

Москва
Издательство
политической
литературы
1988

ББК 15
М27

М27 **Марксизм-ленинизм** и реалии конца XX столетия / Редкол.: Б. И. Коваль и др.— М.: Политиздат, 1988.— 399 с.
ISBN 5—250—00241—2

В книге исследуется широкий круг вопросов мирового развития в прошедшие десятилетия: ядерная эпоха и теория классовой борьбы, противоречия эпохи и социальный прогресс, борьба за демократическую и социалистическую альтернативу, революция и контрреволюция в современном мире, динамика общественного познания и идеологическая борьба и другие проблемы.

Рассчитана на научных работников, преподавателей, пропагандистский актив.

М $\frac{0302030104-255}{079(02)-88}$ 53—88 ББК 15

ISBN 5—250—00241—2

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Любой человек, сравнив картину мира начала и конца XX в., должен будет признать: XX век был поистине революционной эпохой.

Грандиозный революционный переворот произошел в развитии производительных сил человечества. В начале века оно не поднималось выше атмосферы, в конце века оно занято покорением космоса. В начале века оно располагало примитивными счетными устройствами, ныне в его распоряжении находятся ЭВМ, выполняющие миллионы, миллиарды и даже триллионы счетных операций в секунду. От первых автоматических систем человечество ныне переходит к робототехнике.

Изменился самым радикальным образом политический облик мира. Россия открыла в начале века эру революций, заставивших в конечном счете сильно потесниться капитализм. Ныне на земле развивается, соревнуется с капитализмом система социализма; рухнула колониальная система, создав возможность для образования десятков новых независимых государств.

Изменился радикальнейшим образом весь культурный облик мира. С одной стороны, новейшие средства связи углубили тенденцию к универсализации человеческой культуры. С другой стороны, усилилась и тенденция к выявлению разнообразия национальных культур, определяющих многоцветье человеческой цивилизации.

Человечество решило или начало решать одни сложнейшие задачи, но, еще не решив их до конца, оказалось уже перед другими, еще более сложными явлениями, тенденциями, процессами.

Эти процессы были не только благотворными — они принесли с собой и величайшие угрозы человечеству. Неконтролируемый рост производительных сил нарушает в мире экологическое равновесие, ставит под угрозу само

взаимодействие человека и природы. С другой стороны, развертывающиеся ныне процессы НТР революционизировали все военное дело, создали и здесь гигантскую угрозу человеческому роду. Пулемет или пушка начала века кажутся детской игрушкой по сравнению с современным ракетно-ядерным оружием, способным в считанные минуты уничтожить в любом конце света миллионы и миллионы людей.

Марксистская теория, созданная в XIX в. усилиями К. Маркса и Ф. Энгельса, развитая в начале XX в. В. И. Лениным, предсказала гигантский рост производительных сил, превращение науки в непосредственную производительную силу, предвидела неминуемость социального и культурного обновления человечества. Но она не могла предвидеть — да и не претендовала на это — всю многосложность сегодняшних явлений, противоречий, всех грандиозных успехов людей и всех возникших перед ними опасностей. Именно этот факт делает необходимым коренное обновление науки об обществе, обновление марксизма.

Решить эту задачу можно только совокупными усилиями марксистов всего мира и лишь с учетом всех достижений немарксистской прогрессивной мысли. У авторов данной книги задача куда более скромная — выделить, наметить хотя бы некоторые линии, по которым идет обновление науки об обществе, показать, как она реагирует на кардинальные сдвиги, происшедшие в мире к концу XX столетия. Книга написана авторским коллективом Института международного рабочего движения АН СССР в следующем составе: доктор философских наук И. К. Пантин — I раздел, 1; кандидат экономических наук Г. Г. Пирогов — I, 2; доктор исторических наук З. П. Яхимович — I, 3, II, 2; доктор исторических наук Е. Г. Плимак — I, 4, приложение; кандидат философских наук К. М. Кантор — I, 5; доктор исторических наук С. Л. Агаев — II, 1; кандидат философских наук Л. Л. Лисюткина и кандидат исторических наук С. В. Патрушев — II, 3; доктор исторических наук В. Г. Хорос — II, 4; доктор исторических наук В. Б. Кувалдин — III, 1; доктор философских наук Л. Н. Митрохин — III, 2; кандидат филологических наук А. А. Лебедев — III, 3; кандидат философских наук К. Г. Мяло — III, 4.

Научно-вспомогательную работу по книге осуществила С. А. Антонова.

I.

МАРКСИЗМ, ОКТЯБРЬ, СОВРЕМЕННОСТЬ

1. ОКТЯБРЬ И ВСЕМИРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Осмысление значения исторического события, в особенности такого, как Октябрьская социалистическая революция,— это всегда осмысление с точки зрения своего времени всего того «пробега» всемирной истории, который фокусируется вокруг изучаемого события. Лишь в том случае обращение к прошлому будет иметь значение для настоящего, если оно служит действенным контактом между современностью и историей, включено в реальное социальное отношение типа «обратной связи».

Проблема всемирно-исторического значения Октябрьской социалистической революции встает сегодня в условиях, существенно отличающихся от тех, в которых она ставилась и обсуждалась раньше. Главное среди них — выдвинутая ходом общественного прогресса во второй половине XX в. неотложная задача наращивания *«конструктивного, созидательного взаимодействия государств и народов в масштабах всей планеты»* [1]. Теперь эти новые условия, а не только традиция, связывающая значение Октября с обобщением опыта социалистической революции, применением его к новым странам и регионам, раскрывают смысл проблемы и позволяют судить о нашей революции, ее исторических последствиях с надлежащей точки зрения.

Задача конструктивного взаимодействия в масштабах планеты появилась не вдруг, в результате, скажем, более глубокого уяснения сил, определяющих общественное развитие; она родилась в ходе истории, в силу социальных причин, среди которых возникновение глобальных проблем и опасностей стоит на первом месте. В основе ее появления лежал также процесс преобразования мирового сообщества, начало которому положил октябрь-

[1] Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986, с. 20.

ский перелом, обнаруживший характерные черты и стороны нового миропорядка. Они выявились с тем большей наглядностью, когда государство, рожденное Октябрем, одержало в союзе с другими странами всемирно-историческую победу над германским фашизмом и японским милитаризмом. Следствием этой победы — в одних случаях непосредственным, в других — опосредованным — стало освобождение бывших колоний и полуколоний, крах колониальной системы империализма в ее, так сказать, классическом виде. И хотя капитализму во многом удалось спасти сложившиеся ранее отношения экономической зависимости, политический и идеологический удар по капиталистической системе был достаточно сильным: в поступательное движение истории включились сотни народов, океан людей, буквально все человечество.

Однако в результате этого исторического процесса были созданы лишь предпосылки для превращения отдельных обществ в звенья общечеловеческого движения. А о том, что такая потребность в нашу эпоху не просто существует, а выдвинулась на первый план, свидетельствуют противоречия глобального масштаба, затрагивающие самые основы существования цивилизации. «Решать общечеловеческие, глобальные проблемы силами одного государства или группы государств нельзя,— подчеркнул М. С. Горбачев.— Здесь необходимо сотрудничество в общемировом масштабе, тесное конструктивное взаимодействие большинства стран. Сотрудничество на основе полного равноправия, уважения суверенитета каждого. На основе добросовестного выполнения принятых обязательств, норм международного права. Таково категорическое требование времени, в которое мы живем» [1].

Преодолены первые, хотя и существенные, препятствия на пути к созданию единства человечества. Народы проложили себе путь к новой жизни через руины старого миропорядка — другой участи он не заслуживал. Однако пройдена лишь часть исторического пути. Вторая часть — неизмеримо сложнее. Проблемы этого этапа связаны с сосуществованием в рамках современного всемирно-исторического процесса качественно различных способов производства и форм жизнедеятельности (хозяйственной, политической, духовной), причем не просто с сосуществованием, а с взаимодействием разнотипных элементов эпохи. Главная трудность при этом — несовпадение

---

[1] Материалы XXVII съезда КПСС, с. 19.

в формах и ритмах движения стран, народов, цивилизаций, несовпадение, которое в контексте развития НТР оказывается куда значительней, глубже, чем можно было предполагать раньше.

Объективно складывающаяся нетождественность хозяйственного механизма, производственных отношений, политической жизни в эпицентрах капитализма и зависимых от них странах слишком часто превращает в утопию самые искренние стремления либерализма к «вестернизации» развивающихся обществ (торжество индустриализма в экономике, вытеснение капитализмом всех предшествующих укладов, утверждение западных парламентарно-демократических форм политического устройства и т. п.). Парадокс буржуазного развития в развивающемся мире заключается в том, что продуктом эволюции отсталого общества по законам капитализма является отнюдь не капиталистический уклад, как таковой, а более сложная и пестрая укладная структура. Капитализм растет вглубь и вширь, обрекает на смерть все предшествующие ему уклады. Однако разоряемые трудящиеся не вбираются в своей массе в современные секторы, продолжая существовать рядом с ними в виде все возрастающего сектора бедности, пауперизма, социального распада. Причем речь идет не о сравнительной бедности, а о нищете, эпидемиях, хроническом недоедании и голоде, неграмотности и темноте, поражающих сотни миллионов людей.

Однако и путь социалистической ориентации в этих странах связан также с гигантскими трудностями и изломами. Ведь если необходимость развития рождается преимущественно на национальной почве, то некапиталистическая перспектива в существенной мере определяется всемирными факторами. Задача передовых сил в этих странах заключается, таким образом, не просто в освобождении уже существующих форм производства и труда от отживших форм собственности и политических институтов, но в создании общих условий, при которых современные производительные силы могли бы возникнуть и развиваться.

Как бы то ни было, через трудности и противоречия, через резкое расхождение темпов и типов развития человечество идет к многообразию единого. Характерная особенность: даже тогда, когда прогресс не перестает быть буржуазным по своему экономическому содержанию, по своим средствам и формам, он уже не может ос-

таваться только буржуазной мерой: общественно-экономические структуры современного типа можно создать лишь выходя за пределы буржуазных преобразований. Какие формы принимает этот «выход за пределы» — дело другое: в зависимости от обстоятельств он может принять форму или социалистического развития, или социалистической ориентации, или промежуточных, временных мер на почве капитализма или на пути к нему. Но во всех этих случаях без учета этого объективно обусловленного сдвига невозможно представить движение всемирного целого, его диалектику и своеобразие в преддверии третьего тысячелетия.

Октябрь возвестил всему миру, что отныне историческое развитие человечества будет группироваться вокруг двух полюсов — альтернатив социально-экономической эволюции. Однако, по мере того, как конфликт этих альтернатив становился открытым, развитым, претворенным в действие государств, групп государств на международной арене, по мере нарастания опасности ядерной конфронтации становилась все более очевидной необходимость изменения взаимоотношений, дополнения соперничества сотрудничеством — во имя выживания цивилизации. Сегодня в свете нового политического мышления и обострения глобальных проблем стало окончательно ясным, что для человечества нет другого пути избегнуть летального исхода, чем сотрудничество государств, относящихся к различным общественно-политическим системам. В центр понимания перспектив следует поэтому поставить не просто соперничество социальных систем, а непривычное сочетание соперничества с сотрудничеством, не только непримиримость идеологий — социалистической и буржуазной,— но и новый тип связей между государствами, начиная с области самой широкой, общей, как предотвращение гибели человеческой цивилизации перед лицом ядерной катастрофы, необратимых экологических сдвигов, кончая самой узкой — обменом информацией по борьбе со спидом.

Как видим, в многоразличие современного мира, в предпосылки его существования и развития входит сегодня историческое действие, политическая воля. В таком своем значении роль политики нова, непривычна, но другими средствами задача выживания человечества неразрешима. Однако в том и будет заключаться продолжение дела Октября в конце XX в., что социализм должен оказаться в состоянии видоизменить всемирные

формы исторического движения — путем обновления способа действия и у себя внутри, и на международной арене проторить дорогу новым возможностям социального прогресса. В этом смысле мы и говорим об ином, более высоком содержании проблемы всемирно-исторического значения Октября в нашу эпоху.

* * *

Всякое значительное историческое событие оказывает влияние на ход мировой истории. Но это влияние может оказаться слабым: последствия события, расходясь подобно кругам на воде, постепенно сходят на нет. В другом случае историческое изменение, существенное для своего времени, как бы «компенсируется» воздействием со стороны противоположно направленных сил целого, компонентом которого оно является. Октябрьская социалистическая революция имеет совершенно другой характер — необратимого всемирно-исторического сдвига, детонировавшего цепную реакцию перемен во всем мире. Октябрь положил начало процессу, ведущему к социальному освобождению человечества, уничтожению господства одних народов над другими, к ликвидации войн как средства разрешения конфликтов. В определенном смысле мы можем сказать, что нынешний общественно-политический облик нашей планеты сформировался под воздействием Октября.

В силу чего же Октябрь стал поворотным пунктом всемирной истории? Было бы неверно ограничивать ответ на этот вопрос указанием на социалистический характер российской революции, на факт строительства нового общества.

Бесспорно, Октябрь знаменовал начало эры социалистических революций. Но сама по себе эта констатация исторического перелома слишком абстрактна, чтобы передать вполне особенности воздействия российской революции на ход дел в мире, на развитие международных отношений. Мы уже не говорим о том, что она подталкивает к общесоциологической, а не конкретно-исторической постановке вопроса о последующих изменениях в развитии событий. Бесспорно также, что Октябрь, благодаря марксизму-ленинизму, стал богатейшим источником политического опыта и идей. В трех российских революциях, наряду с вопросом о социализме, были поставлены — естественно, в той исторической форме, в которой они тогда могли быть поставлены,— основные проблемы,

с которыми столкнется освободительное движение Запада и Востока в XX в. Среди них главные: вопрос о мире, переходе от демократии к социализму, аграрный вопрос, национально-колониальный, вопрос о строительстве социалистического общества и т. д. И все-таки ответ лежит не здесь. Вдумываясь в смысл и развитие фактов, приходишь к выводу: событие национальной жизни России, Октябрьская революция смогла приобрести всемирно-историческое значение прежде всего потому, что *действовала заодно* с великими общими причинами, определившими развитие большинства человечества. Вот почему вся трудность, а вместе с тем и все значение, какое имеет научный анализ характера и последствий российской революции, состоит в том, чтобы разглядеть *развитие, в ней зафиксированное.*

В истории взаимодействия культур и народов не много найдется примеров столь внушительного по своему значению и последствиям творческого контакта разных культур и эпох, как тот, что представлен превращением России благодаря революции в один из факторов — в перспективе важнейший — общечеловеческого движения. Исключительное стечение исторических обстоятельств, не говоря уже об особой остроте классовой борьбы в революции, выросшей непосредственно из империалистической войны и переросшей в войну гражданскую, обусловило конкретный ход революции, черты неповторимости, исключительности, экстраординарности, препятствуя, особенно на первых порах, правильному пониманию значения происшедшего в октябре 1917 г. К этому следует прибавить важнейшие особенности революции, вытекавшие из «срединного», если можно так выразиться, положения России. Как отмечал В. И. Ленин, «Россия, стоящая на границе стран цивилизованных и... стран всего Востока, стран внеевропейских... должна была явить некоторые своеобразия, лежащие, конечно, по общей линии мирового развития, но отличающие ее революцию от всех предыдущих западноевропейских стран...» [1].

Даже марксистам трудно было поначалу теоретически осмыслить тот факт, что победоносный прорыв мировой цепи господства буржуазии совершился в России (стране «средне-слабого» развития капитализма), а не в развитых западноевропейских государствах, в которых социалистическая революция могла бы, по-видимому,

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 379.

более быстро реализовать свои материальные возможности. Но история в эпоху империализма «распорядилась» таким образом, что страна, где еще не созрели вполне все объективные предпосылки социалистического хозяйства и общества, первой осуществила победоносную социалистическую революцию, положив начало — во всемирно-историческом масштабе — смене капитализма новой, коммунистической общественно-экономической формацией. Именно в ней впервые возникло и укрепилось государство диктатуры пролетариата; рабочий класс, объединив вокруг себя всех трудящихся, приступил к решению сложнейших задач переходного периода, к созданию основ нового общества.

Оценивая характер Октябрьской революции, иногда ограничиваются «взвешиванием» удельного веса каждого из укладов, составляющих социально-экономическое целое страны, выводя отсюда невозможность социализма. Однако решающая особенность переворота в России заключалась не просто в развитости или неразвитости социально-экономических условий, не просто в острых противоречиях, присущих капитализму второго «эшелона» развития, а в особом, непривычном для революций XVII—XIX вв. сочетании социальных конфликтов, в новом типе их связи, взаимоперехода, характерном, как показало последующее историческое движение, для эпохи монополистического капитализма. Выступая на VIII съезде РКП(б) по проблемам партийной программы, В. И. Ленин указывал на важность понимания генезиса нашей революции, того, «как мы шли, что нас подвело к самой социалистической революции. Нас,— говорил он,— подвел империализм, нас подвел капитализм в его первоначальных товарно-хозяйственных формах» [1]. Социальные революции современности подтвердили этот диагноз. К революции подводят сегодня и империализм в форме транснационального монополистического капитализма, и товарно-капиталистическое производство в его более или менее развитом или, наоборот, неразвитом виде, и даже докапиталистические уклады, конечно, в модифицированном, «сдвинутом» виде. Наконец, к социальной революции подводит в нашу эпоху и мировой социализм, значение которого в генезисе прогрессивных изменений в мире постоянно возрастает. Следует сказать, что и решение проблем глобального масштаба, затраги-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 156.

вающих самые основы существования человеческой цивилизации, точно так же требует обуздания слепых сил, порождаемых современным капитализмом.

Разумеется, никто не вправе выдавать, скажем, радикальное решение аграрного вопроса в интересах крестьянства за нечто большее, чем демократическую меру — «первичную» с точки зрения завоевания условий современной цивилизации. Сама по себе национализация крупной промышленности — это также еще не социализм. Но дело в том, что средства для решения даже самых «первичных» задач в XX в. уже не могут быть традиционными и тем более элементарными. Не в том состоял кризис капиталистической системы, выявившийся впервые в России в 1917 г., что капитализм исчерпал ресурсы своего развития. Напротив, он тогда рос, как растет и сегодня, овладевая целыми отраслями производства в масштабе страны, в мировом хозяйстве в целом. Суть проблемы в другом: в нашу эпоху преодолеть старые и новые диспропорции общественного развития, порождаемые капитализмом, с помощью такого роста сплошь и рядом невозможно. Отсюда появление иных возможностей прогресса, видоизменение как региональных, так и всемирных форм исторического движения. Отсюда видоизменение состава сил, способных осуществлять наиболее радикальные и неотложные преобразования, а также обогащение способов действия. Эти принципиально новые возможности исторического прогресса в XX в. и были как раз выявлены победой Октября. Не случайно именно октябрьский перелом, с одной стороны, ускорил превращение относительно однотипной европейской революционности в мировой революционный процесс с громадным многообразием форм последнего, с другой — положив начало новой эпохе всемирной истории, определил на десятилетия вперед общее направление развития.

* * *

Отсюда ведет свое начало новая восходящая линия в ходе события, иного рода связь между социализмом и всемирно-историческим развитием.

Прежде всего коренным образом изменился характер социализма как теории и общественного движения. В. И. Ленин неоднократно и по разным поводам говорил о современном ему марксизме как о теории коммунизма, развившегося до практического, массового политического действия. Но чем дальше, тем больше к этому стала

добавляться переориентация основных положений социализма, перевод предмета теории социализма из отношения к определенной исторической реальности, Западной Европе по преимуществу, в отношение к всеобщему объекту — всемирно-историческому целому, иначе говоря, выведение его за пределы условий, в которых учение было первоначально сформулировано. Причем суть дела заключается не только и не столько в обогащении теории социализма рядом политических концептов, позволяющих диагностировать более широкий диапазон ситуаций. Главное, пожалуй, состоит в том, что благодаря Великому Октябрю социализм стал частью средств, которые необходимы мировой цивилизации для развития в современных условиях.

Октябрьский перелом знаменовал собой радикальное изменение условий развития социализма как теории и как политического действия. Исследователям предстоит еще изучить, какими собственными превращениями марксистской теории обеспечивалось и оплачивалось это превращение социализма в учение о социалистических и демократических преобразованиях поистине планетарного масштаба. Не вызывает сомнений лишь одно: это был радикальный разрыв с «социализмом вообще», который выступал однозначно, безотносительно к социально-историческому контексту его приложения, вернее, бессознательно ориентировался на европейские образцы.

Поскольку этот социализм решал свои задачи и оценивал свои решения по ограниченным внутренним критериям, постольку форма подхода к социалистической революции и переход к ней выступали в нем как несущественные. Главной проблемой для него был вопрос о материальных и социальных предпосылках социалистического переворота — уровне производительных сил в данной стране, развитии классового антагонизма между пролетариатом и буржуазией, уровне культуры населения и т. п. В то же самое время разнообразие форм социализма, определяемое через конкретный тип решаемых исторических задач, игнорировалось: действительный социализм, где бы он ни возник, сопоставлялся с одним всеобщим (и абстрактным) социалистическим идеалом. В результате подобного соотнесения социалистический переворот, удовлетворяющий «идеалу» частично, не полностью, выбрасывался из теоретического ряда, построенного согласно критериям «социализма вообще», хотя бы на деле этот переворот, как было с Октябрем, решал

всемирно-исторические задачи. Не случайно социализм оставался по преимуществу европейским и не оказывал, за немногим исключением, заметного влияния на освободительное движение.

Короче, социалисты ставили вопрос о социализме в европоцентристском духе, заранее предполагая европоцентристский же ответ на него. Решающим для них было научно смоделированное представление, как *должен* выглядеть социализм в любой стране, в любом регионе, вопрос же о многообразии и своеобразии общей закономерности, о том, *что* вызвало возникновение социализма в его конкретной форме, отодвигался на второй план, оказывался несущественным.

Великая Октябрьская социалистическая революция составила эпоху в развитии социализма тем, что связала идеи социализма со всем комплексом проблем развития современного общества — от самых низших, элементарных, до самых высших. Благодаря Октябрю международное коммунистическое движение приобрело возможность рассматривать различные формы движения к социализму (и перехода к нему) как выражение различных исторических условий разных стран, находящихся в определенном, далеко не одинаковом отношении к задачам построения социализма. При этом различие частных задач, возникающих при переходе от капитализма к социализму в каждой данной стране, их особая последовательность сами по себе отнюдь не означают отсутствия общих закономерностей перехода: просто-напросто они свидетельствуют о том, что единая по своей всемирно-исторической сущности задача перехода от капитализма к социализму решается в странах с громадным многообразием конкретных условий — социально-экономических, политических, культурных. С точки зрения такого подхода впервые появилась возможность рассматривать специфические формы социалистического движения не как «искажение» действительной природы социализма, а как основной конструктивный элемент теории (и истории) социализма, взятого как всемирно-историческое целое. Закономерность обрела реальные очертания.

* * *

Всемирно-исторический процесс таков, что его развитие нельзя в принципе выразить геометрической линией. Только в целях удобства — чтобы видеть главное направление развития, начало и продолжение его —

мы можем уподобить процесс, скажем, прямой линии (переход от капитализма к социализму), реально, в действительности дело обстоит неизмеримо сложнее.

Известно, К. Маркс и Ф. Энгельс исходили при определении социалистической перспективы из того, что европейское буржуазное общество, вторично, после 1848 г., пережившее «свой шестнадцатый век», не протянет долго: неумолимый исторический кризис сведет его в могилу[1]. А раз будут реорганизованы на социалистический лад Европа и Северная Америка, это даст «такую колоссальную силу и такой пример, что полуцивилизованные страны сами собой потянутся за нами; об этом позаботятся одни уже экономические потребности»[2].

Эта перспектива не реализовалась в XX в.: историческое развитие пошло другим, более сложным и зигзагообразным путем.

Сегодня мы отдаем себе отчет в том, что перемена «маршрута» истории явилась чем-то неизмеримо большим, нежели временным зигзагом. Особая форма начала мировой социальной революции превратилась в целую эпоху, наложила печать на жизнь народов всей планеты, изменила характер исторического процесса, его формы, ритмы. Всемирно-историческое развитие в XX в. окончательно утратило качество предопределенности, свойственное эпохе восходящего движения капитализма. До Октября любая революция, какой бы характер она ни носила, какие бы широкие слои народа она ни поднимала к политической жизни, служила в конечном счете прологом «следующей» капиталистической формации (или стадии ее). Под влиянием же победы Октября и превращения социализма в мировую систему изменились условия дальнейшего развития человечества, в особенности освободившихся стран, сократился ряд необходимых в прошлом исторических этапов построения основ современной цивилизации или, по крайней мере, ускорилось их прохождение.

Изменение всемирно-исторического развития в послеоктябрьскую эпоху, его многовариантность и противоречивость, проявляющие себя не только в экономической сфере, но и в сфере политики, культуры, на арене практического действия классов и масс, выдвинули перед исторической наукой (да и не только перед ней) проблему

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 29, с. 295.
[2] Там же, т. 35, с. 298.

нового типа целостного, многоаспектного изучения всемирной истории. Вместо рассмотрения одного и того же социально-исторического целого — пусть даже внутренне дифференцированного, развернутого по шкале времени — сегодня надлежит рассматривать совокупность и взаимодействие качественно различных экономических и политических систем и укладов, предполагая при этом, что все исторические этапы, через которые человечество проходит в своем всемирно-историческом развитии, оказываются одновременно осуществленными в конкретных странах и, что особенно важно, во взаимодействии между ними.

Громадное усложнение путей социального прогресса, форм и условий его осуществления ставит перед марксистами во весь рост вопрос об общей перспективе, своего рода красной нити, связывающей все историческое движение человечества. Последняя, по выражению В. И. Ленина, «нам, естественно, представляется прямой, и мы должны ее представлять прямой, чтобы видеть начало, продолжение и конец,— в жизни она никогда прямой не будет, она будет невероятно сложной...» [1]. Конечно, общее направление исторического прогресса человечества задается указанием на переход от капитализма к социализму во всемирном масштабе. Более того, именно здесь пролегает наиболее четкая грань, отделяющая марксистское мировоззрение от немарксистского. Но общие положения марксизма легко превращаются в упрощенные схемы, в доктринерское забвение насущных политических задач исторического момента, если они рассматриваются непосредственно как ответы на конкретные вопросы теории и практики. Истина эта не нова для марксистского обществоведения. Есть, однако, обстоятельства, придающие ей в наши дни особую актуальность и поворачивающие ее к нам новыми сторонами.

Наверное, один из наиболее важных уроков недавнего прошлого состоит в осознании того, что общей слабостью наших историко-социологических концепций социализма и всемирности — при разном уровне их теоретической разработки, доказательности — был явный привкус предопределенности, благодаря чему все мировое развитие вытягивалось в одну линию, представлявшуюся единственно возможной.

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 47.

История в действительности никогда не покоится на абстрактной противоположности между истинным и ложным, справедливым и несправедливым и еще меньше — на абстрактном противоположении прогресса и регресса. Она всегда монолитна, как говорил А. Лабриола, в основе ее находится процесс образования и преобразования общества, причем динамика этого процесса не находится по одну сторону, в мире социализма, а по другую — только регресс и стагнация. России было легче начать революцию, потому что относительная отсталость страны своеобразно слила пролетарскую революционность против буржуазии с крестьянской революцией против помещиков, потому что политическая отсталость, усугубленная существованием остатков крепостничества, вызвала к жизни необычную силу революционного натиска масс, потому что «генеральная репетиция» — буржуазно-демократическая революция 1905—1907 гг.— очень много дала для политического обучения рабочих и крестьян и т. д. и т. п.[1] Но России, как всякой сравнительно отсталой стране, сложнее было продолжить социалистические преобразования. Индустриально развитым капиталистическим странам будет гораздо труднее начать переход к социализму, но гораздо легче продолжить. По-видимому, этим странам суждено «начать» лишь тогда, когда капитализм исчерпает свои возможности, которые он открывает для развития производительных сил. Тогда, учитывая экономическую роль эпицентров капитализма в современном мире, предвидение К. Маркса и Ф. Энгельса осуществится: переход к социализму этих стран даст мощный толчок общечеловеческому прогрессу.

Если серьезно относиться к вопросу о соревновании социализма и капитализма и считаться с непреложными фактами, то необходимо признать, что обе системы на данном историческом этапе способны к изменениям и развитию: внутри каждой из них действуют преобразующие силы, стремящиеся путем реформ разной глубины, объема обеспечить соответствие экономической жизни и социальных отношений в новой фазе НТР. Другое дело, что развитие при капитализме неизбежно носит противоречивый антагонистический характер: узурпация монополистической олигархией «всеобщей производительной силы» (К. Маркс) — науки и техники — порождает раз-

---

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 306.

рыв между научно-техническим развитием и социальным прогрессом. Но развитие это имеет место, и в принципе современный капитализм способен осуществить структурную перестройку, которая обеспечивала бы переход к новой модели функционирования.

Отсюда вытекают важные следствия, характеризующие нашу эпоху перехода от капитализма к социализму.

Прежде всего необходимо расчленять два взаимосвязанных, но различных по существу процесса: вызревание материальных предпосылок социалистического общества и экономическое изживание капитализма как формации. То, что первое не совпадает со вторым, продемонстрировал факт строительства нового общества в СССР и других странах в условиях соревнования с капитализмом, а в последнее десятилетие — и структурной перестройки его экономики под воздействием НТР. Иными словами, следует учитывать не только «вертикальное» соотношение между капитализмом и социализмом как уровнями — низшим и высшим — общественной реальности, но и некоторое «горизонтальное» их соотношение.

В то время как современные производительные силы в одних странах развиваются на капиталистической экономической основе (во всяком случае, последняя дает еще для них определенный стимул), поступательное движение других стран осуществляется в рамках социалистического выбора. Сложилось специфическое «равновесие», динамическое по своему характеру. Страны социализма уже стали неотъемлемой составной частью мировой цивилизации, все более активно воздействующей на историческое развитие остальных стран, но они еще не превзошли капитализм в экономическом отношении (производительность труда, новейшая технология и т. п.). Страны же развитого капитализма уже не в состоянии подорвать мировой социализм военным путем (без риска глобальной катастрофы). Однако они еще чрезвычайно сильны в экономическом отношении: капитализм доминирует в экономике и развитых и освободившихся стран.

В этих условиях решающее значение для судеб прогресса в мире приобретает курс на ускорение социально-экономического развития социалистических стран. Сегодня как никогда важно добиться, чтобы преимущества социализма выявили себя в восприимчивости к новым формам и масштабам развития цивилизации, к культуре,

к науке, к созданию экономических, социальных, психологических предпосылок, соответствующих эпохе НТР. Наша страна, как и другие страны социализма, подошла к своеобразному внутреннему рубежу, преодоление которого коренным образом должно изменить динамику развития производства и общества. «Наша экономика испытывается на высокую эффективность, на восприимчивость к передовым технологиям, на умение выдавать первоклассную продукцию, соперничать с конкурентами на мировых рынках,— говорилось на январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС.— Наша мораль, весь советский образ жизни испытываются на способность неуклонно развивать и обогащать ценности социалистической демократии, социальной справедливости и гуманизма. Наша внешняя политика — на твердость и последовательность в защите мира, на гибкость и выдержку в условиях раздуваемой империализмом лихорадочной гонки вооружений, нагнетаемой им международной напряженности»[1]. От того, как социализм ответит на вызов истории, зависят пути социального прогресса во всем мире.

Прогрессивное историческое развитие совершается сегодня не только путем перехода новых стран на более высокий уровень общественного бытия, но и за счет расширения связей современного мира — экономических, политических, культурных, роста взаимозависимости народов и государств в масштабе планеты. Это взаимодействие входит в предпосылки современного миропорядка. Вместе с тем способ связи «элементов» мирового целого носит противоречивый, порой антагонистический характер. Бедствия, которые переживают народы развивающихся стран, хорошо известны. Их устранение невозможно без преодоления экономической и культурной отсталости, унаследованной от периода колониализма, ликвидации разрыва между индустриально развитыми и развивающимися странами.

На каких путях исторической эволюции это произойдет и в какие сроки — сказать пока нельзя. Ясно одно: развивающиеся страны находятся в противоречивой, драматической ситуации. С одной стороны, социальные, экономические, экологические проблемы, стоящие перед ними, таковы, что решить их методами, какими они решались когда-то в западноевропейском регионе, сплошь

---

[1] Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 27—28 января 1987 г. М., 1987, с. 63.

и рядом невозможно; с другой — без приобщения к достижениям современной технической цивилизации, концентрирующимся в эпицентрах капитализма, цели развития недостижимы. Разрывать этот замкнутый круг приходится в суровой и упорной борьбе, делая каждую завоеванную позицию плацдармом для дальнейшего продвижения. История развивающихся стран представляет нам огромное разнообразие идей и стремлений, политических решений и экономических экспериментов. Но под всем разнообразием форм кроется и пробивает себе дорогу главная тенденция. Борьба идет за то, чтобы сделать мир более «современным», поставить большинство населения земного шара в такие условия, которые давали бы ему возможность существовать и развиваться.

* * *

Новое (социализм) еще не осилило старого (капитализм, смешанные и докапиталистические формы) в мировом масштабе. Но почему не осилило? Ввиду краткости срока, живучести старого? А может быть, и потому, что капитализм оказался способным утилизировать определяющие моменты социального прогресса, завоеванные на принципиально иной основе и в борьбе с капитализмом, превратить их в источник развития для себя? И наоборот, не сказалось ли на судьбах социализма то, что он, в силу особенностей своего исторического происхождения и развития, не сумел перехватить инициативу у капитализма в разработке и освоении новых путей прогресса цивилизации? Какой бы ответ ни давать на эти вопросы, не подлежит сомнению одно: социализм как обновляющий фактор общества должен уметь обновляться и сам при переходе от одного исторического этапа к другому.

Сегодня социализм перестал быть подчиненным моментом развития мировой цивилизации. Социалистические страны, как и социалистические движения, превратились в могучие силы, ответственные за судьбы всемирного развития. Непосредственная задача социализма заключается уже не в том, чтобы выстоять любой ценой перед давлением и угрозами ведущих капиталистических государств. Ситуация кардинально изменилась во второй половине XX в., после разгрома фашизма и формирования содружества социалистических стран. Границы господства «силы обстоятельств» резко сузились: ныне

мировой социализм уже не обороняющаяся сторона, он стал необходимой составной частью человеческой цивилизации, «частью», от которой в наше время зависит во многом и всемирное целое. Задача сопротивления нажиму империализма, конечно, остается, но она уже не определяет существа стоящих перед социализмом вопросов. Чем дальше, тем яснее вырисовывается миссия социализма, заключающаяся в обновлении основ международных отношений.

Нераздельность судеб мира — и капиталистического и социалистического — в наш ядерный век не может быть подвергнута сомнению. Чернобыль стал уроком в этом смысле для всех, даже для самых отчаянных скептиков. Независимо от разницы политических и общественных систем, противоположности идеологий, а иногда и помимо своей воли мы начинаем соприкасаться, сближаться трудностями, открываться ими друг другу. Процесс этот будет совершаться тяжело. Предстоит преодолеть не только недоверие государств друг к другу, но и прежнюю беззаботность в отношении причастности каждого народа к состоянию главных дел, определяющих судьбы человечества. Другой мир открывается людям, и от них, от их конкретного выбора политических действий зависит, сумеют ли они сохранить себя в нем, и не только сохранить, но и обеспечить условия социальной эволюции человечества.

Этот перевод проблемы социального прогресса на новый, более высокий уровень осознается и воспринимается в нашей литературе с большим трудом, ибо речь идет не только о формировании концепции будущего, требующей иных критериев, непривычных подходов, но и о преодолении инерции первичного решения вопроса о переходе к социализму и путях его развития.

Это относится прежде всего к преодолению, обновлению того теоретически ограниченного ви́дения путей генезиса и развития социализма, которое сложилось как отражение особенностей определенной исторической полосы в мировой эволюции, в коммунистическом и рабочем движении. Характерная его черта, возникшая, кстати, в борьбе с теориями и идеологией II Интернационала,— это возведение в общую социологическую схему генезиса и формы социализма, сложившейся на определенных этапах истории.

Нелепо отрицать, что практика построения социализма в СССР раздвинула горизонты социалистической

теории. Она способствовала преодолению узких, европоцентристских представлений о новом строе, давала перспективу освободительной антиимпериалистической борьбе народов Востока. Но неверно было бы на этом основании забывать, что исторический опыт одной страны, даже такой громадной, как СССР, нельзя превращать в общую социалистическую доктрину. С одной стороны, потому что «в каждой отдельной стране движение страдает той или иной односторонностью, теми или иными теоретическими или практическими недостатками отдельных социалистических партий» [1]; с другой — и это самое важное — потому что специфика и оригинальные черты современных ситуаций, исторических процессов требуют возрастающего разнообразия решений и конкретных и общих проблем, которые в каждой стране встают перед силами социального преобразования. Мы уже не говорим о складывании новой системы социальных потребностей в современном обществе в связи с развертыванием НТР, о новых направлениях демократизации, которые не имеют аналога в минувшей истории.

Вспомним слова К. Маркса. «...Пролетарские революции...— писал он,— постоянно критикуют сами себя, то и дело останавливаются в своем движении, возвращаются к тому, что кажется уже выполненным, чтобы еще раз начать это сызнова, с беспощадной основательностью высмеивают половинчатость, слабые стороны и негодность своих первых попыток, сваливают своего противника с ног как бы только для того, чтобы тот из земли впитал свежие силы и снова встал во весь рост против них еще более могущественный, чем прежде, все снова и снова отступают перед неопределенной громадностью своих собственных целей, пока не создается положение, отрезывающее всякий путь к отступлению, пока сама жизнь не заявит властно:

Hic Rhodus, his salta!
Здесь роза, здесь танцуй!» [2]

По сути дела, речь идет сегодня о том, чтобы охватить, понять историческую реальность, существенно отличную от той, которую анализировали К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин, применяя в то же самое время к анализу этой реальности марксистский диалектический

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 17, с. 182.
[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 8, с. 123.

метод, поскольку он имеет предпосылкой выявление реальных противоречий и преодоление капитализма.

Предстоит вновь и во многом заново, учитывая первоочередные запросы, направления общественного развития и характер проблем, определить место социализма и капитализма в совершающихся изменениях. Касается ли это новой, глобальной проблематики исторического прогресса и прежде всего центральной для человечества конца XX в. проблемы выживания; касается ли это вопросов, имеющих историческую давность, но вместе с тем звучащих сегодня по-новому и даже выдвигаемых заново современной историей,— таких, как демилитаризация спора между Востоком и Западом (по удачному выражению социал-демократа Карстена Фойгта), как поиски путей совместной безопасности разных стран, как соотношение глобального и регионального в условиях нашей эпохи,— во всех случаях становится ясным, что дальнейшие изменения современного мира, изменения, составляющие главное содержание нашего столетия и имеющие своим центральным пунктом Октябрь 1917 г., могут быть упрочены и продолжены, если будут учтены — теоретически, практически — новые исторические реалии, использованы новые возможности, которых раньше не существовало.

К сожалению, всемирно-историческое целое, лежавшее в основе материалистического понимания истории и общества у Маркса и Энгельса, стало ускользать из поля зрения марксистов как раз в то самое время, когда оно, вследствие процессов интернационализации производства и общественной жизни в масштабах планеты, начало определять национальные и региональные формы социального прогресса и когда будущее человечества оказалось поставленным под вопрос из-за накопления нерешенных глобальных проблем. Жизнь привнесла в проблему всемирности много неожиданного, оригинального, крайне противоречивого и сложного. Изменился (во всяком случае, меняется) сам тип многообразия во всемирной истории. Раньше, говоря об особенном в историческом развитии, можно было ограничиваться изначальными, локальными отличиями, обусловленными преобладанием стихийных, географических и естественноисторических факторов, взаимным обсуждением этнических групп и культур. Такой тип многообразия, характерный для ранних эпох человеческой истории, воспроизводится в модифицированном виде и ныне. Однако ему на смену

приходит уже другой тип. Он связан с интернационализацией производительных сил и общения, с формированием международного разделения труда, в результате чего каждая страна, группа стран выступят в качестве национально особой и вместе с тем интегральной части всемирно-исторического процесса [1].

Как никогда раньше, сегодня важно понять, что материальные условия современной цивилизации в существенной и все более нарастающей мере являются по своему характеру всемирными, глобальными. Всемирное (в смысле использования новейших достижений в организации производства, науки и техники) входит сегодня в материальные предпосылки развития и социализма, и капитализма, и освободившихся стран. Отсюда и трудная задача, предпосылки решения которой лежат вне данной страны, в мировой экономике и международных отношениях,— превращение возможностей, создаваемых поступательным развитием науки и техники, интернациональных по своему существу, в органику национального, регионального развития. Для успешного решения этой задачи важно все: и международная обстановка, и состояние мирохозяйственных связей, и отношения между социалистическими и капиталистическими странами, и решение драматических проблем «третьего мира».

Через общие проблемы человечества и глобальные опасности, через экономические и культурные связи, интернациональный характер общения любое общество, к какой бы социально-политической системе оно ни принадлежало, вводится в единый, хотя и противоречивый, социум международных отношений, в связи с чем у каждого общества появляются дополнительные возможности и стимулы развития, которых не было в «разделенном», сегментированном мире, возможности, связанные с взаимодействием разных цивилизаций и культур. Разумеется, эти возможности не реализуются сами по себе, в соответствии с нуждами развития самого общества и его внутренними условиями — их превращение в действительность происходит в напряженной социальной и политической борьбе, само становится фактором выбора пути, определяя разные варианты и типы поступательного движения.

---

[1] См.: *Гефтер М. Я.* Проблемы единства и многообразия всемирной истории.— Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968, кн. 1, с. 14.

Но тем самым социализм и капитализм оказываются включенными в систему координат совокупного исторического движения человечества. Когда речь идет о способности каждой из общественных систем решать глобальные проблемы современного развития, недостаточно оценивать социализм и капитализм только в общесоциологическом плане — как высшую и низшую ступени цивилизации. Недостаточно, потому что движение через разные исторические фазы, которые человечество проходит в своем поступательном развитии, может осуществляться каждым народом с разной интенсивностью, и, следовательно, только формационная принадлежность не может характеризовать различную динамику перехода от одного этапа к другому. У исторического движения, прогресса как бы появляется новое «измерение» — динамичность. Она тяготеет к культуре общества, народа и, можно сказать, является способом обнаружения культуры в истории.

Хотим мы этого или не хотим, мы вынуждены рассматривать противоположные системы в качестве своеобразных фокусов движения всемирной истории на данном ее этапе, состояние, траекторию которой они отражают в форме, обусловленной их природой. Единство всемирной истории сегодня состоит не в том, что каждое общество обладает примерно тем же «планом» строения и проходит те же стадии развития, но в том прежде всего, что существует механизм функционирования и изменения, охватывающий человечество в целом, всю совокупность народов и государств.

Короче говоря, куда ни кинь, везде проблемы выживания и развития человечества сегодня упираются в необходимость преодоления фрагментированного, «расколотого» мира. Другого пути, который позволил бы народам выжить и развиваться дальше, на современном этапе истории не существует. В этом смысле ни с чем не сравнимое значение имеет новое политическое мышление и связанные с ним внешнеполитические инициативы стран социализма. Оно ориентирует на усвоение такого содержания политического опыта второй половины XX в., которое не представлено в знании закономерностей борьбы противоположных классов, поскольку это содержание связано с глобальными проблемами развития.

Конечно, категория «человечество», которую современная международная практика выдвинула на первое

место, выражает древнейшее отношение, имеющее силу и для прошлых общественных форм. Но практически истинной она становится только как категория современного этапа исторического развития. Как подчеркивал К. Маркс, «даже самые абстрактные категории, несмотря на то, что они — именно благодаря своей абстрактности — имеют силу для всех эпох, в самой определенности этой абстракции представляют собой в такой же мере и продукт исторических условий и обладают полной значимостью только для этих условий и в их пределах»[1]. Когда дело касается самого существования цивилизации, масштабных связей между сменяющими друг друга поколениями людей, категория «человечество» перестает быть продуктом «дублирующего» понимания. Она начинает воспроизводить смысл новой проблемы — продолжения человеческой истории, сверх того, она несет новые смыслы, возникающие в результате столкновения нескольких проблем.

Новое политическое мышление, поставив во главу угла проблему выживания человечества, по-видимому, приведет в дальнейшем к изменению некоторых важных посылок социальной теории. В каком направлении будут совершаться перемены, сказать сейчас об этом трудно. Ясно одно: масштаб перемен, совершающихся сегодня в мире, таков, что он ставит вопрос об обновлении теории социализма и представлений о его генезисе. Ориентация нового политического мышления на выживание человеческого рода — не просто реализм, трезвый учет сложившейся ситуации, это еще и новое представление (во всяком случае, подход к нему) о путях социального прогресса, признание поступательного развития на основе взаимодействия разных форм и цивилизаций. Не одно-единственное универсальное решение для всего земного шара, а поиск модели интегрального развития человечества, модели, которая была бы ориентирована на различия, на разные подходы, на специфические условия, несовпадающие традиции и обстоятельства, различия в формировании цивилизаций, не говоря уже о местных особенностях в отношении к труду, к собственности.

В проблеме «единства многообразия» в истории акцент в наше время явственно перемещается на вторую часть формулы — на многообразие развития. Жизнь стимулировала работу мысли именно в том направлении,

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 46, ч. 1, с. 42.

в котором повел историю Октябрь, хотя смысл того, о чем задумывался Ленин в последние годы, осознается нами вполне только сегодня [1]. Раздвижение проблемы Октября до пределов мировой истории не просто теоретическая необходимость. Речь идет о большем: принимаем ли мы осуществившуюся форму социализма за абсолют, за нечто такое, что не подлежит изменению, пересмотру, или вслед за Лениным будем обновлять теорию социализма, превращая ее из догмы в руководство к действию. Думается, что, подобно тому как октябрьский перелом вобрал в себя и экономические, и социальные, и политические аспекты своей эпохи, подобно этому и перестройка — продолжение дела Октября — станет ответом на проблемы нынешнего переломного этапа всемирной истории.

* * *

Октябрьская социалистическая революция продемонстрировала воочию, что шансы победить в XX в. имеет лишь такое движение, которое способно стать общенациональной, т. е. опирающейся на разные классы и социальные группы, силой. Это касается как развивающихся, так — в еще большей мере — и развитых капиталистических стран. В трудности объединения в современных условиях разных классов и слоев вокруг общих задач социального прогресса, быть может, и заключается одна из главных причин оборонительного характера борьбы рабочего класса на современном этапе.

Социалистические идеи и борьба рабочего класса оказали глубокое воздействие на весь механизм капиталистического общества, на экономическую политику и организацию буржуазных государств. В этих странах трудность сегодня заключается уже не только и не столько в том, чтобы «начать» социалистические преобразования, но прежде всего в определении для новых условий стратегии антикапиталистической альтернативы. Цели, из-за которых возникло освободительное движение рабочего класса, остаются актуальными и в современном мире. Существо дела заключается, однако, в том, чтобы по-новому, с учетом современных условий определить ценности социализма и «включить» их в сознание классов и народных масс. Проблемы современного индустриально-

---

[1] См.: *Гефтер М. Я.* «Сталин умер вчера...».— Рабочий класс и современный мир, 1988, № 1.

го общества на Западе могут быть решены только средствами, адекватными характеру его трансформации в XX в. В противном случае социалистическая политика не станет действенной, буржуазное общество просто-напросто «переварит» реформы, обратит их себе же на благо. Не случайно, например, борьба за повышение заработной платы сегодня в странах Запада, по-видимому, уже перестает быть «стартовой площадкой» для альтернативной капитализму активности народных масс.

Вообще, одной борьбой за «чисто рабочие», цеховые интересы втянуть пролетарские и народные массы стран Запада в политическое действие — революционное по объему задач, по содержанию,— по-видимому, уже невозможно. Об этом с гениальной прозорливостью предупреждал в самом начале века В. И. Ленин, когда выступал против предрассудка, будто «рабочий народ может и должен одними своими силами, одной своей «частной инициативой» вести рабочее дело, не стремясь слить его с социализмом, не стремясь превратить рабочее дело в передовое и насущное дело всего человечества»[1]. Об этом же свидетельствует и опыт Великого Октября: в 1917 г. рабочий класс, руководимый большевиками, воплотил в «своей» революции чаяния и стремления подавляющего большинства населения России.

Определить фокус, в котором совпадали бы стратегические интересы борьбы рабочего класса данной страны с насущными интересами всего общественного прогресса, интересами всего народа — его демократических элементов, в современных условиях нелегко, тем более что коммунисты, социалисты, социал-демократы, все левые силы на Западе поставлены перед необходимостью предложить собственные решения по ряду принципиально новых проблем (громадная концентрация экономической власти, которая приобрела наднациональные черты, неэффективность кейнсианского государственного воздействия на социально-экономические процессы, распространение отношений господства и подчинения на новые сферы общественной и личной жизни и т. п.). Вполне естественно, что решение их достигается трудным путем, с противоречиями, отступлениями назад, проверкой и перепроверкой найденного.

Как никогда в прошлом, в наши дни для партий рабочего класса, всех левых сил приобретает первостепенное

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 272.

значение выработка такой демократической и антикапиталистической перспективы, которая бы создавала условия и возможности для реализации социального творчества, социальной самодеятельности самых широких и, главное, самых разных слоев трудящихся, народа. Рабочий класс сегодня на Западе стал большинством населения. Вместе с тем развитие капитализма в последние десятилетия не только не привело к нивелировке отдельных слоев рабочего класса и вообще трудящихся, как это можно было бы ожидать, основываясь на опыте XIX — начала XX в., но, скорее, наоборот, диапазон социально-экономических, политических, культурных, национальных, психологических различий еще более расширился. Это создает благоприятные условия для существования в среде рабочего класса серьезных идеологических и партийно-политических разногласий. А ведь классовая граница пролетариата сдвигается все далее в глубь слоев работников умственного труда, служащих, работников сферы услуг и т. д. Вот почему в эпоху НТР, пожалуй, впервые наполняется реальным историческим содержанием мысль В. И. Ленина о том, что «инженер придет к признанию коммунизма *не так,* как пришел подпольщик-пропагандист, литератор, *а через данные своей науки,* что *по-своему* придет к признанию коммунизма агроном, по-своему лесовод и т. д.»[1]. При этом первые шаги «к признанию коммунизма» интеллигенции, новым слоям рабочего класса, старым и новым средним слоям и др. в странах Запада в отличие, скажем, от России придется делать еще в условиях господства капитализма.

Опыт освободительного движения разных стран показывает, что великие социальные и политические идеалы, во имя которых поднимаются на борьбу народные массы, вырабатываются долгим и трудным историческим путем. На этом пути возникают разные этапы. Сегодня в странах Запада развитие событий поставило рабочий класс перед необходимостью дать самому себе демократическое воспитание. Потребность в нем обусловливается не только необходимостью расширения собственно политического горизонта трудящихся масс, но прежде всего возникновением интересов, которые выходят за пределы изолированных ячеек общества, таких, как индивидуум, семья, корпорация, социальный слой, только «своя» стра-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 42, с. 346.

на. Ибо корни «устойчивости» современного капитализма неизмеримо глубже, чем просто экономическое (или политическое) принуждение. Капитализм сегодня «держится», помимо прочего, и благодаря системе удовлетворения потребностей, которая замыкает устремления человека на материальном достатке, количестве потребляемых товаров, личном престиже и т. п. Кризисные явления в современном буржуазном обществе и связанная с ними неопределенность социальных перспектив действуют в этом же направлении: не думая о будущем, которое вызывает у них страх и неуверенность, люди стараются жить сегодняшним днем.

Вместе с тем пробивает себе дорогу и другая тенденция. В эпоху НТР противоречия капитализма выходят за рамки основного антагонизма между рабочим классом и буржуазией. Освободительные тенденции включают в наше время и новые источники, которые лежат вне рамок трудового процесса. Сегодня, в век НТР, господство монополистической олигархии порождает разрыв между научно-техническим развитием и прогрессом большинства общества, вызывая к жизни многообразные разнородные социальные конфликты. Угроза всеобщей ядерной катастрофы, опасность неотвратимых экономических сдвигов, совершающихся в глобальных масштабах, асимметричный и несправедливый характер экономических связей, навязываемых капитализмом развивающимся странам, дискриминация по признаку пола, расы, национальности, неустранимая при капитализме неэффективность политических институтов в решении насущных вопросов экономического и социального развития и т. д. и т. п.— вот круг проблем, которые обусловили появление так называемых новых социальных движений, прежде всего антивоенного, и которые обеспечивают им все расширяющуюся поддержку в разных слоях общества. Проблемы эти не носят «традиционного» увриеристского характера и непосредственно не связаны с отношениями труда и капитала, с задачами, которые решает, скажем, традиционное профсоюзное и рабочее движение. Поэтому дело не может ограничиться включением их в традиционный блок требований рабочих. Они являются общими для народных масс, для подавляющего большинства населения, поскольку связаны с прогрессом всего общества, более того, человечества. Но связь их с противоречиями современной фазы развития государственно-монополистического капитализма, на наш взгляд,

не подлежит сомнению. Современный капитализм с господством крупнейших монополий и их погоней за прибылью, с законами безжалостной конкуренции и соперничества, с антагонистическим характером противоречий является той питательной средой, которая обостряет проблемы и противоречия всех уровней, придает им конфликтный, катастрофический характер.

При всей важности комплекса глобальных проблем особое, ключевое для судеб прогресса значение в наше время имеет борьба рабочего класса, трудящихся и всех демократических сил против угрозы термоядерной войны.

Спектр сил, выступающих за предотвращение ядерной катастрофы, сегодня необычайно широк: он охватывает коммунистов, социал-демократов, пацифистов, «новые социальные движения», определенные круги церковников, массу верующих и даже часть монополистической буржуазии. Со всеми ними коммунистам, социал-демократам предстоит найти общий язык в борьбе за сохранение мира, за обуздание наиболее воинствующих кругов империализма. А это проблема непростая, требующая новых решений, диалектического подхода.

Смешно, например, закрывать глаза на отсталые утопические представления о путях решения назревших проблем, наличествующие в ряде «альтернативных» движений. Но для коммунистов, верных марксистско-ленинской традиции, оценка массового движения не может быть тождественна сравнению доктрин и идеологий. Неизмеримо более важным для них является вопрос: каково на деле поведение тех слоев населения, которые солидарны с пацифизмом, защитой личности от натиска репрессивных сил, нейтрализмом или близкими им идеями. Даже установив буржуазное содержание большинства фракций антивоенного движения, элементы анархизма и «левачества», недоверие ко всякой организации, в том числе организациям рабочего движения, коммунисты не ставят здесь точку. Они учитывают, что борьба против милитаризма, против гонки вооружений развивается от одного этапа к другому, благодаря чему старые формулы способны наполниться новым содержанием. Во всяком случае, марксист изменил бы методу исторического рассмотрения задач данного этапа борьбы за социализм в странах зрелого капитализма, если бы забыл, что подход к социализму и переход к нему невозможен вне и помимо развития и политизации разнородных массовых

антимонополистических движений — рабочего класса, средних слоев, интеллигенции, мелкой буржуазии города и деревни и т. п. Каждый из этих слоев по-своему, своим путем будет подходить к осознанию необходимости разрыва с партиями крупного капитала и признанию возможности, желательности совместной борьбы с авангардом рабочего класса. Гадать относительно возможных перипетий политической эволюции этих разнородных движений было бы, наверное, делом праздным. Ясно только одно: при определенных условиях они могут стать источником нового, более высокого размежевания политических сил.

* * *

Общим знаменателем изменений в конце XX в. является фактор глобализации социальной, экономической и политической жизни народов, а с ним вместе — глобализации опасностей, грозящих человеческому роду. Речь идет прежде всего о возможности всеобщего уничтожения мировой цивилизации в результате ядерной катастрофы, а также о принципиальном изменении отношения между человеком, его производительными силами и предпосылками его существования, естественными и общественными. Человечество в целом втягивается сегодня в совершенно новую стадию экономического и социального прогресса, когда гигантский рост производительных сил, тенденция к интернационализации экономики, общению народов и государств, порожденная в сугубо противоречивой форме капиталистической эпохой, развившись, подвела вплотную к необходимости координации ряда существенных сторон развития мирового сообщества, народов и государств, его составляющих.

Мы знали раньше, что простор для своего естественного (хотя и не лишенного трудностей и изломов) развития тенденция к интернационализации производства и общественной жизни может получить лишь с революционным превращением эксплуататорского общества в социализм. Опыт стран социалистического содружества — наглядное тому подтверждение. Поскольку история не опровергла, а подтвердила правоту марксизма. Но, подтвердив предвидение, она вместе с тем не оставила проблемы в прежнем виде. Вопрос сегодня стоит так: целостный мир должен быть создан на базе данного исторического развития еще до того, как исчезнут социально-экономические и политические противоречия меж-

ду странами социалистической системы, с одной стороны, и капиталистической — с другой. Задача эта кажется на первый взгляд неразрешимой, особенно в свете политики правящих кругов ведущих капиталистических стран. Она и в самом деле является насквозь противоречивой. Но ход истории все настоятельнее требует разрешения этих противоречий, не только требует, но создает для этого необходимые предпосылки — политические, социальные, материальные.

Еще в начале века, говоря о наступлении социалистической эры, можно было выносить за скобки экологические условия функционирования производства, предполагая их естественно возобновляющимися или, по крайней мере, неизменными. Равным образом и существование человеческого рода (даже с учетом гибели в прошлом отдельных цивилизаций) выступало в любом рассуждении об обществе как само собой разумеющаяся предпосылка. В наше время точка отсчета при оценке перспектив всемирно-исторического процесса кардинально изменилась. Сегодня, в эпоху НТР, сами эти первичные условия существования человеческой цивилизации оказались под вопросом, превратились в проблемы, решение которых во многом зависит от выбора отдельными странами и мировым сообществом в целом стратегии развития.

Взгляд, согласно которому будто бы идеями и представлениями людей создаются условия их жизни, а не наоборот, марксисты всегда относили к эпохе полного коммунизма. Однако в эпоху радикальных перемен и глобальных выборов этот взгляд впервые, еще до победы коммунизма, становится соответствующим действительности. Народы (партии, классы, государства), зная последствия, вызванные изменением их деятельности, поставлены перед необходимостью заранее выбирать, какое действие предпринять, в каком направлении двигаться, какие альтернативы предпочесть. «Цена» выбора при этом неизмеримо повышается: на карту ставится судьба народов, цивилизации, человеческого рода, как такового. То, что будет навязано людям в эпоху НТР стихийным ходом дел, помимо их сознания и воли, может в наше время иметь непоправимые, катастрофические последствия. Освоиться в этом принципиально новом историческом пространстве народам и государствам нелегко: кроме естественного отсутствия опыта движения по новым дорогам, власти экономических интересов,

предрассудков в международных делах, огромную роль играет то, что мир расколот на противоположные социально-экономические и политические системы — социализм и капитализм. Противоречие между ними настолько глубоко, существенно, что оно входит в самую сердцевину навязываемых миру перемен, у истоков которых человечество сейчас находится.

Действительно, раскол мира по социально-политическому признаку обусловил борьбу противоположных подходов к перспективам мирового развития. Две системы разделяет очень многое, и разделяет глубоко. Вместе с тем развитие противоборства, особенно в области современного вооружения, ясно обозначило и допустимые пределы соперничества, перейти которые означало бы сделать шаг к всемирной катастрофе. «Когда в мире накоплены огромные ядерные боезапасы и специалисты спорят лишь о том, сколько раз или десятков раз можно уничтожить человечество, самая пора начинать практический отход от балансирования на грани войны, от равновесия страха к нормальным цивилизованным формам взаимоотношений государств двух систем»[1]. Но этого мало. Ход истории, общественного прогресса настоятельно требует сообща и в интересах всего мирового сообщества решать и другие общечеловеческие проблемы, налаживать конструктивное взаимодействие государств и народов в масштабах всей планеты. Речь идет отнюдь не о примирении в каком-то внеисторическом разуме противоположных политических ценностей и социальных идеалов. Суть дела в другом. В конце XX в. не существует иного способа сохранения плодов цивилизации и приобретения новых, нежели сотрудничество всех стран, даже относящихся к противоположным социальным системам,— во имя сохранения мира и разрешения в интересах человечества глобальных проблем.

Мир гигантски изменился со времени Октября. Сегодня всемирное, как уже говорилось выше, входит не только в материальные предпосылки социализма, его развития, но и в условия решения самой неотложной задачи — сохранения жизни на нашей планете. В этом отношении по-новому, более конкретно, вырисовывается миссия социализма — не только уничтожить угнетение, эксплуатацию человека человеком, одних стран другими, но и обеспечить на международной арене примат общих,

[1] Материалы XXVII съезда КПСС, с. 12.

совокупных интересов человечества над эгоистическими интересами классов и стран, которые в качестве особых (и часто антагонистических) противостоят всемирному развитию. Человечество достигло черты, когда его жизнеспособность проверяется тем, способно ли оно к новому типу эволюции. Интересы всемирно-исторического прогресса — высшего критерия человеческой деятельности — настоятельно требуют ориентации не на ограниченные, локальные, подчас сиюминутные интересы, а на потребности и нужды долговременного порядка. Более того, само будущее человечества зависит от того, удастся ли изменить ход дел в пользу совокупных интересов человеческого рода, мирного сосуществования и сотрудничества. В этом смысле Октябрь дал человечеству возможность с надеждой смотреть в будущее.

2. СТРУКТУРНЫЙ КРИЗИС В ЗОНЕ РАЗВИТОГО КАПИТАЛИЗМА: ПЕРЕХОД НА НОВУЮ МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ

Совокупность новых явлений в экономике промышленно развитых капиталистических стран выделяет 70—80-е годы из общего периода послевоенного развития. Прежде всего это общее замедление темпов экономического роста: они сократились с 5,0% в 1961—1970 гг. до 3,2% в 1971—1980 гг. Резко упали темпы роста инвестиций: с 6,3 до 2,4%. Происходило существенное замедление темпа роста производительности труда во всех главных промышленно развитых капиталистических странах при одновременном снижении фондоотдачи. Темп прироста физического объема мировой торговли упал почти вдвое на общем фоне углубления торговых противоречий между развитыми капиталистическими странами и увеличения внешней задолженности развивающихся стран. Массовый и застойный характер приобрела безработица: на начало 80-х гг. на развитые капиталистические страны приходилось 25—30 млн человек безработных[1]. Произошли углубление и синхронизация промышленного цикла, развернулась инфляция в условиях недогрузки производственных мощностей — так называемая стагфляция. Экономическая эффективность научно-технического прогресса на сложившихся направлениях понизилась, замедлилась реализация его достижений. Упала норма прибыли. В полосу серьезного кризиса вступила система государственно-монополистического регулирования развитых капиталистических стран. В целом 70—80-е годы можно охарактеризовать как период общего ухудшения основных условий воспроизводственного процесса[2].

---

[1] Подробный анализ причин и характера современной безработицы см.: О массовой безработице в странах капитала.— Рабочий класс и современный мир, 1984, № 6.

[2] См.: *Шапиро А. И.* Современные проблемы и перспективы мирового капиталистического хозяйства. М., 1984, с. 106.

В сложившейся ситуации в промышленно развитых капиталистических странах началась глубокая структурная перестройка. И в советской, и в зарубежной экономической литературе при анализе происходящих процессов стало употребляться понятие структурного кризиса в отличие от кризисов циклических. Особо следует выделить вклад, сделанный в исследование проблемы А. А. Галкиным, С. М. Меньшиковым, А. И. Бельчуком и Ю. В. Шишковым. Однако до настоящего времени смысл, вкладываемый разными авторами в понятие структурного кризиса в советской литературе, остается различным. Это объясняется главным образом сложностью происходящих процессов, их незавершенностью, неразработанностью методики статистического разделения явлений обычного промышленного цикла от явлений структурного кризиса, развивающегося, взаимно усиливая друг друга, на фоне общего кризиса капитализма.

В те же самые годы, в 70-е — начале 80-х, наблюдается снижение темпов роста и накопление целого ряда негативных явлений и в экономике социалистических стран, прежде всего Советского Союза. В материалах XXVII съезда КПСС эти годы характеризуются как «период застоя».

До недавнего времени на основании принципиальных различий двух социально-экономических систем полностью отрицалась возможность аналогий между развивающимися в их экономиках процессами. По нашему мнению, в современных условиях углубления НТР и возрастающей целостности мира стоит рассмотреть гипотезу, согласно которой процессы, происходившие в 70—80-е гг. во всех промышленно развитых странах, имели под собой некоторую общую основу глобального характера. «Диалектико-материалистическое ви́дение современной эпохи не приемлет как отрицания коренной противоположности двух существующих ныне формаций, способов производства, так и игнорирования сущностного единства современного человечества, его общих интересов и ценностей» [1].

В качестве такой общей основы представляется радикальное, по сути дела, революционное изменение характера экономических процессов на нашей планете в

---

[1] *Яковлев А.* Достижение качественно нового состояния советского общества и общественные науки.— Коммунист, 1987, № 8, с. 17.

целом, открывающее новую эру в развитии материальной культуры и общественной организации человечества.

70—80-е годы можно охарактеризовать как конец эпохи экстенсивного экономического развития. Исчерпание в общем и целом ресурсов экстенсивного развития сопровождалось накоплением научно-технических достижений, обеспечивающих переход к интенсивным формам развития экономики. В наибольшей степени это относится к промышленно развитым странам, как капиталистическим, так и социалистическим, хотя и развивающиеся страны, имеющие еще ресурсы для экстенсивного развития, быстро втягиваются в этот процесс, в силу возрастающей взаимозависимости стран в рамках современной системы мировой экономики.

Сравнительно спокойное и благополучное течение экономических процессов 50—60-х гг. привело к формированию в промышленно развитой зоне социально-экономических структур и механизмов управления (принципиально различных по принципам функционирования в капиталистических и социалистических странах), достаточно успешно справлявшихся с задачами экстенсивного развития, но оказавшихся и там и тут тормозом в условиях перехода к интенсивным методам ведения хозяйства. В мире капитала обнаружила несоответствие новой реальности модель государственного регулирования, основанная на кейнсианских принципах поддержания спроса,— модель так называемого «государства всеобщего благосостояния». В нашей стране оказалась неадекватной новым условиям модель централизованного управления, жестко регламентирующая экономику и превратившаяся в своеобразный «механизм торможения» развития.

Значительную роль в вызревании описанных процессов сыграло глобальное военно-политическое противостояние двух систем. Начатая империалистическими странами в ходе этого соперничества массированная гонка вооружений легла тяжелым бременем на экономику обоих противостоящих лагерей. Она ускоряла исчерпание ресурсов и в то же время сдвигала научно-технический прогресс на путь милитаризации, уводила его от проблем, связанных непосредственно с переходом на мирное интенсивное развитие экономики.

Нефтяной кризис, явившийся сигналом того, что кончается «эра дешевого сырья», спровоцировал структурный кризис в зоне развитого капитализма. Он наиболее

резко ударил по развитым капиталистическим странам и послужил поводом для начала структурной перестройки. В силу ряда особенностей своей экономики Япония начала ощущать потребность в структурной перестройке даже несколько раньше — с начала 70-х гг.

Богатые сырьевые ресурсы нашей страны и общая высокая социально-экономическая стабильность социализма, а также целый ряд других условий, в том числе связанных с особенностями механизма управления, а отчасти и субъективных, привели к тому, что потребность в перестройке в нашей стране была осознана с определенным запозданием.

Наряду с необходимостью наверстать упущенное это дает нам и определенные преимущества — у нас перед глазами уже более чем десятилетний опыт структурной перестройки в зоне развитого капитализма, все более отчетливо обнаруживающий ее последствия в областях отраслевой структуры экономики, занятости, профессиональной структуры, социальной сферы и социальной инфраструктуры.

Разумеется, отличие целей и принципов функционирования социалистической экономики от капиталистической настолько глубоко, что не может быть и речи о непосредственном заимствовании «западного опыта». Однако в случае сложных общественных систем, к которым относятся и социально-экономические, когда возможность воспроизведения эксперимента весьма ограничена, важное значение для исследователей и в первую очередь для лиц, принимающих решения, приобретает метод аналогий. Сходство коренных причин происходящих процессов позволяет надеяться, что опыт промышленно развитых капиталистических стран в области структурной перестройки может дать много ценного.

Более того, глобальный характер проблем, лежащих в основе структурной перестройки, требует глобальных решений, т. е. решений в рамках всего мирового хозяйства в целом. Следовательно, одним из условий успешного осуществления перехода на новые условия развития становится мирное сосуществование и многостороннее сотрудничество государств с различными социально-экономическими системами.

Потенциально социализм имеет неизмеримо большие возможности для решения задач структурной перестройки. Это обусловлено прежде всего принципиально иным при социализме отношением к человеку. Полное исполь-

зование достижений научно-технического прогресса возможно лишь при условии, что человек ощущает себя подлинным хозяином своей судьбы, полностью реализует свои творческие возможности. Но именно социалистическое общество делает человека основной целью и центром социально-экономического развития. И второй момент: более высокая по сравнению с капитализмом управляемость социалистического общества, позволяющая сочетать широкую инициативу на нижних уровнях управления с централизованным планированием и управлением в общенациональном масштабе при решении крупных и долгосрочных проблем, связанных с широкомасштабным маневром ресурсами, тогда как капитализм вынужден в основном опираться на частнопредпринимательскую практику. Осмысление и правильное использование зарубежного опыта в этих условиях может и должно дать высокий экономический эффект. Возникает задача создания теоретической концепции в качестве базы этого осмысления.

Автор делает попытку подойти к пониманию проблем структурного кризиса в зоне промышленно развитого капитализма и последовавшей за ним структурной перестройки с позиций и при использовании понятийного аппарата теории систем.

С методологической точки зрения представляется целесообразным отделить периоды сравнительно плавного инерционного развития системы от периодов резких качественных изменений, через которые происходит переход от одного периода инерционного развития к другому, характеризующемуся уже иной спецификой. Для этого предлагается использовать заимствованное из теории систем понятие структуры, определяющее ее как совокупность устойчивых связей между основными частями объекта, которые обеспечивают его целостность и тождественность самому себе, т. е. сохранение им основных свойств в рамках широкого класса внешних и внутренних изменений.

Структура социально-экономической системы состоит из ее технико-экономических, социальных, организационно-институциональных, научно-технических и политических составляющих, а также структуры подсистемы ценностных ориентаций. В периоды плавного, инерционного развития системы оно происходит на сравнительно устойчивой структурной основе, может быть, с некоторыми незначительными ее модификациями. Возникающие

в ходе развития колебательные движения и случайные возмущения компенсируются обратными связями, заложенными в самой структуре системы, за счет ее «лабильной части». Примером таких колебательных движений может служить промышленный цикл, движение которого через фазу кризиса уже содержит в себе предпосылки фазы подъема, и наоборот. Периоды главного развития чередуются со «структурными скачками», во время которых ломается и перестраивается значительная часть структуры и компенсирующее воздействие «встроенных» в нее обратных связей оказывается недостаточным для преодоления связанных со структурной перестройкой проблем. Такие фазы развития можно назвать фазами «разрыва структурной непрерывности».

Каковы же условия возникновения подобной ситуации? На наш взгляд, важную роль в возникновении структурных скачков играют внешние ограничения, препятствующие экстенсивному развитию системы на прежней структурной основе. Сам же структурный скачок развертывается как взаимодействие внешних ограничений, внутренних движущих сил системы и факторов, обеспечивающих переход в новую область возможностей, где старые ограничения теряют свою силу.

Если рассматривать структурный скачок в терминах «задачи на оптимум», то получается, что условия, представлявшие ранее «свободный ресурс», в новой задаче, в момент достижения системой «потолка», превращаются в определяющие ограничения, причем заданные так, что в каждый следующий период существенное увеличение критерия по сравнению с прошлым периодом становится затруднительным или невозможным. Поэтому дальнейшее развитие требует либо такой перестройки структуры системы (в простейшем случае «набора технологий»), при которой изменится характер ограничений, либо изменения самой структуры критерия для приведения его в соответствие с изменившейся структурой ограничений. В этом и заключается, в формальных терминах, переход в новую область развития.

С нашей точки зрения, именно воздействие внешних ограничений обусловило необходимость нынешнего структурного скачка. Достижения научно-технической революции являются главным фактором, определяющим возможность перехода в область новых возможностей, между тем как имманентные свойства капитализма придают структурной перестройке в промышленно развитых

капиталистических странах характер кризиса. В то же время именно этот структурный кризис является толчком к бурному внедрению результатов научно-технического прогресса в современном капиталистическом мире.

Мы характеризуем здесь ограничения развития как «внешние условия воспроизводства», но это имеет лишь относительный смысл. Этим мы хотим подчеркнуть, что существуют ограничения на экономическое развитие, трудно, медленно или с большим запозданием поддающиеся воздействию изнутри системы [1]. Ввиду их особой важности с точки зрения общих условий воспроизводства назовем их стратегическими. В периоды инерционного развития системы оно происходит сравнительно далеко от пределов, задаваемых ограничениями. Однако с приближением к одному или нескольким из главных ограничений общие условия воспроизводства начинают существенно ухудшаться. Вместе с тем система еще сохраняет определенный потенциал роста, который определяется наиболее динамичным фактором развития или наименее дефицитным ресурсом. Такая ситуация порождает диспропорции, которые в условиях капиталистической экономики находят свое выражение в стагфляционном росте цен, а в условиях жестко централизованного социалистического планового хозяйства ведут к «экономике неустранимых дефицитов».

Следует подчеркнуть, что достижение ограничений не носит в социально-экономической системе характера внезапной катастрофической остановки развития. Наступающий при столкновении с ограничениями перерыв в развитии системы не означает его прекращения. Однако между старой и новой областями развития лежит разрыв структурной непрерывности системы. Для того чтобы представить себе характер этого разрыва применительно к конкретному случаю системы современного промышленного капитализма, надо иметь в виду, что экономическое развитие ограничивается не только природой и технологией, но и социальными институтами.

---

[1] Строго говоря, любое разделение на структуру и внешние ограничения системы носит условный характер и зависит от того, каков временной диапазон рассмотрения: с его возрастанием приходится учитывать все большее число обратных связей и переводить все большее число факторов, характеризующих «внешние» ограничения, во внутренние структурные факторы развития. С другой стороны, «внешние» ограничения не являются взаимно независимыми и образуют более обширную систему взаимодействия.

* * *

Структурную перестройку, происходящую в рамках капиталистической формации в настоящее время, можно охарактеризовать как смену *модели развития.* Под последней мы будем иметь в виду характер использования природных, материальных и трудовых ресурсов наряду с парадигмой научно-технического развития, на которую это использование опирается [1]. Экономическая история знает несколько моделей развития, сменившихся в рамках капитализма — мелкотоварное ремесленное производство, мануфактурное и крупное машинное производство — и соответствовавших основным стадиям развития его производительных сил.

Утвердившуюся в период после второй мировой войны в промышленно развитых капиталистических странах модель развития можно было бы назвать моделью массового производства — массового потребления. Стоит выделить и напомнить читателю основные ее черты, с тем чтобы прояснить характер ограничений, с которыми это развитие столкнулось, и высветить намечающуюся в ходе структурной перестройки новую модель развития.

Существующая модель экономического и научно-технического развития сформировалась в условиях дешевой энергии, почти неограниченного снабжения сырьем, больших территориальных пространств и огромных емкостей внутреннего рынка, характерных для США.

Ориентация модели на возрастающий масштаб производства и потребления была поддержана бурным раз-

---

[1] Понятие «модель развития» близко к понятию организационно-технологического способа производства (ОТСП), выдвинутому С. А. Ершовым в качестве организационно-технологической категории, определяемой развитием и спецификой производства, прежде всего его технологической стороной. С. А. Ершов различает в развитии индустриальной базы капиталистического хозяйства три основных типа ОТСП: простого машинного производства, поточного конвейера и прогрессирующей автоматизации всех без исключения звеньев производственного процесса (*Ершов С. А.* Усиление эксплуатации рабочей силы в условиях современного капитализма.— Рабочий класс и современный мир, 1936, № 2). В отличие от ОТСП понятие «модель развития» охватывает общие условия воспроизводства, парадигму научно-технического прогресса, модель потребления и систему трудовой мотивации. Автоматизация производства, по мнению автора, является не просто результатом научно-технического прогресса, а средством адаптации экономики к изменившимся общим условиям воспроизводства, требующим перехода от сложившейся модели «массовое производство — массовое потребление» к принципиально иной модели, основанной, прежде всего, на гибкости, многообразии и диверсификации.

витием международной торговли в послевоенный период. «Американская модель» распространилась на Западную Европу и Японию. Она опиралась на дешевое и массовое производство материалов: черных и цветных металлов, пластмасс, химического волокна. В отраслях, производящих продукцию конечного спроса, символом «американской модели» был конвейер, рассчитанный на крупносерийное производство. В области сельского хозяйства она характеризовалась прежде всего повсеместным внедрением химии и применением все более мощной сельскохозяйственной техники[1]. Широко используя эффект экономии от масштаба (economy of scale), предприниматели стремились к укрупнению производства.

Общие условия воспроизводства в нашей стране в этот период были близки к «американской модели»: обилие дешевой энергии, в том числе богатейшие запасы нефти; огромные территориальные пространства; казавшиеся неисчерпаемыми трудовые ресурсы и внутренний рынок неограниченной емкости. Отсюда (хотя и не только отсюда[2]) и наша склонность к гигантским проектам — крайним ее выражением явились проекты переустройства водных ресурсов.

---

[1] В США, например, получили распространение комбайны мощностью 30 л. с. Это потребовало больших вложений капитала, расхода энергии и огромных открытых пространств земли, вынуждало распахивать пастбища и луга. В результате возникшей эрозии около 40% американских полей стали терять плодородный слой земли быстрее, чем он восстанавливался.

[2] Другим истоком нашей гигантомании явилось нарастающее развитие бюрократического аппарата жестко централизованной иерархической системы управления экономикой (см.: *Шубкин В.* Бюрократия.— Знамя, 1987, № 4). Бюрократия питает особую склонность к гигантским проектам: сущность таких проектов хорошо сочетается с анонимным характером принятия решений и безответственностью за конечный результат. Обоснованность проекта и результаты его претворения в жизнь обнаруживаются в более или менее отдаленном будущем, зато возможность расширения ведомства появляется незамедлительно. Размах обеспечивает надежность финансирования, поскольку, если даже затраты в конечном счете оказываются в несколько раз выше первоначально утвержденных, редко решаются остановить проект, в который уже вложены миллиарды. Иное дело производство, например, обуви — здесь о полезном эффекте судит потребитель, т. е. каждый. Ошибка и нерадивость здесь очевидны. Гигантомания, таким образом, проистекает из деградации горизонтальных связей в экономике, при которых полезный эффект оценивается потребителем продукции, и замены их ведомственными, где результат оценивается по агрегированным показателям «сверху». Гигантомания прекрасно сочетается с затратным характером экономического управления.

В силу исторических особенностей развития нашей страны — доставшегося в наследство от царской России экономического отставания и разрушительных последствий второй мировой войны, нанесшей чудовищный урон нашему народному хозяйству,— модель «массовое производство — массовое потребление» превратилась у нас в однобокую модель массового производства, да и переход к массовому производству был осуществлен далеко не полностью. Тем не менее эффект экономии от масштаба в наших условиях был чрезвычайно велик — переход к крупному производству, несмотря на его расточительный характер, позволил на этапе экстенсивного развития добиться внушительных экономических результатов. Выигрыш от масштаба производства был настолько значителен, что перекрывал расточительное использование ресурсов, особенно при наличии возможности непрерывного вовлечения в оборот новых. Именно в этих условиях сложился с течением времени «затратный механизм», утвердился принцип «любой ценой». Проекты оценивались в терминах выпуска в натуральном выражении, считалось, что масштабность сама по себе гарантирует его успех.

Модели массового производства соответствовал и тип научно-технического развития, направленный на увеличение объемов, скоростей, мощностей, грузопотоков. Вот некоторые примеры научно-технических прогнозов того времени на 80—90-е гг.: автотранспорт возьмет на себя 95% всех пассажирских и 90% грузовых перевозок; появятся поезда, перевозящие несколько тысяч пассажиров, самолеты, вмещающие до двух тысяч пассажиров и летающие со скоростью, в 10 раз превосходящей звуковую; суда грузоподъемностью свыше 1 млн т и т. п.[1] В энергетике делалась ставка на все более крупные агрегаты для производства все больших количеств энергии. Получила распространение (особенно в США) модель рассредоточенного расселения, связанная с большими затратами жидкого топлива. Все это, разумеется, было возможно только на основе обильного поступления дешевой нефти. В области черной металлургии ставка делалась на укрупнение размеров доменного производства.

В то же время функционировала и модель массового потребления. Массовое потребление предполагало насы-

---

[1] См.: *Рувинский И.* 2000 год глазами шестидесятых и восьмидесятых.— Знание — сила, 1984, № 12, с. 17.

щение рынка автомобилями, радиоприемниками, телевизорами, различной бытовой электроаппаратурой, постоянную смену мод и поколений техники. Сенсационной рекламой поддерживался расточительный тип потребления, при котором смена производственных моделей обусловливалась не износом и даже не моральной амортизацией, а поворотом моды. Все возрастающую роль играло престижное потребление, потребление в кредит. То, что получило название «массового потребления», далеко не всегда соответствовало реальному улучшению жизненных условий широких масс, зачастую действуя даже в обратном направлении. При безудержном росте производства товаров, вносящих незначительный или даже отрицательный вклад в благосостояние широких слоев населения, даже в самых крупных капиталистических странах заметно отставало общественное потребление, в развитии которого не был заинтересован монополистический капитал: охрана природной среды, социальная инфраструктура, в частности общественный транспорт и городское хозяйство (особенно в больших городах США). Расточительному типу производства и научно-технического прогресса соответствовал столь же расточительный тип потребления. Экологические последствия этого расточительства были катастрофичны. Если уж модель массового производства способствовала расточительству ресурсов, имеющих экономические оценки, то что и говорить об экологических ресурсах, как правило таковых не имеющих. Производилась не только масса продуктов с коротким жизненным циклом, но и огромное количество вреднейших отходов, которые сбрасывались в экосистему, как в помойку. Более того, исследования показали, что с концентрацией энергетических ресурсов и других опасных веществ в очагах крупного производства возрастает опасность аварий, равно как и масштабы их последствий [1].

Массовому производству и массовому потреблению благоприятствовала инфляционная инерция [2], которая действовала в направлении расширения спроса, преодоления временных его заминок, смягчения циклических кризисов. Теоретическое оправдание она получила в кейнсианских догмах, а практическое подкрепление —

[1] См.: *Легасов В.* Проблемы безопасного развития техносферы.— Коммунист, 1987, № 8, с. 92—101.

[2] Подробнее о проблеме инфляционной инерции см.: *Меньшиков С. М.* Инфляция и кризис регулирования экономики. М., 1979.

в политике восполнения государством недостающего платежеспособного спроса. В основе взаимодействия модели «массовое производство — массовое потребление» и инфляционной инерции лежала зависимость массового производства от снижения издержек производства с ростом его масштаба.

При выпуске продукции основное внимание обращалось на количество, внешнее оформление, рекламу — проблема качества и надежности отодвигалась на второй план.

В модель массового производства органически вписывались конвейер и система Тейлора — Форда, основанная на доведении до автоматизма простейших однообразных трудовых операций, совершаемых рабочим по нескольку тысяч в день. Тейлоризм принес с собой значительные экономические выгоды для капиталиста: уплотнение режима труда, стандартизацию продукции и процесса обучения рабочих, снижение издержек производства. Вместе с тем тейлоризм доводил до крайних пределов хищническую эксплуатацию труда, углублял процесс отчуждения рабочего, лишал труд всякого творческого элемента. Однако концентрация рабочих на крупных предприятиях, общность условий, в которых они находились, нарастающее чувство протеста против интенсификации труда создавали благоприятную среду для профсоюзного движения.

Развитие модели массового производства сопровождалось активной классовой борьбой пролетариата за свои интересы. Забастовка стала чрезвычайно эффективным орудием борьбы — остановка производства приносила предпринимателям ощутимые убытки. Под давлением борьбы рабочего класса и в поисках стабилизации социальных отношений капиталисты шли на определенные материальные уступки. Возможность постоянного увеличения массы прибыли, заложенная в модели массового производства, давала в их распоряжение соответствующие ресурсы. В большинстве промышленно развитых капиталистических стран огромный размах приняла борьба за условия заключения коллективных договоров [1].

Борьба трудящихся за свои права дала результаты и в общенациональных масштабах. В капиталистических

---

[1] См.: *Машезерская Л. Я.* Забастовки и коллективные договоры в США. М., 1981.

странах получает развитие система социальной амортизации, известная как «государство всеобщего благосостояния». Быстрый экономический рост обеспечивал буржуазное государство ресурсами, с помощью которых можно было «откупиться» от социального недовольства. Получили распространение различные системы страхования: по болезни, по безработице, пенсионного обеспечения. Расходы государства на социальные нужды быстро возрастали. Этому способствовала и инфляционная инерция — очередные завоевания трудящихся периодически сводились на нет инфляцией, начинался новый этап борьбы. Шел процесс, известный под названием «инфляционная спираль». Однако развитие государственных форм социальной амортизации делало рабочих более независимыми от предпринимателей, расширяло их возможности в борьбе за свои интересы на уровне предприятий [1].

Модель массового производства — массового потребления в основном исчерпала возможности развития в результате приближения к стратегическим ограничениям.

* * *

Попытаемся теперь определить главные, на наш взгляд, ограничения как ресурсного, так и институционального характера, приближение к которым вызвало кризисную ситуацию в системе промышленно развитых капиталистических стран.

В настоящее время крупнейшим фактором внешней нагрузки на экономику промышленно развитых капиталистических стран стала развязанная США и их союзниками гонка вооружений, которая имеет тенденцию к усилению. Эта нагрузка уже выходит за тот порог, выше которого она не совместима с нормальным экономическим развитием. Гонка вооружений ведет к отвлечению экономических и научно-технических ресурсов, к непомерному разбуханию государственных расходов. Дефицит государственного бюджета США уже превысил 200 млрд дол. Продолжение и форсирование гонки вооружений означает дальнейшее инфляционное давление на экономику со стороны спроса, уменьшает возможность

---

[1] Социальные программы «поддержания дохода» усиливали принцип трудящихся в борьбе за свои требования и несколько ограничивали капиталистические прибыли (*Вебер А. Б.* Классовая борьба и капитализм. М., 1986, с. 251).

мобилизации инвестиционных ресурсов для нужд структурной перестройки. Негативное воздействие военных расходов усугубляется их приоритетностью [1]. Гонка вооружений не просто ограничивает возможности экономического развития, но и усиливает воздействие всех остальных ограничений. Поэтому ее следует особо выделить из ряда ограничений, рассматриваемых ниже.

I. *Энергетическо-сырьевое ограничение.* Хотя алармистские взгляды на близкое истощение энергетических и ряда сырьевых ресурсов сильно преувеличивали остроту ситуации, за нефтяным кризисом 70-х гг., несомненно, стояло противоречие между стремительно возрастающим потреблением нефти и ограниченностью ее запасов. Повлияли также различные институциональные и политические факторы [2], однако общим итогом явился внезапный конец эры дешевого топлива: за 70-е гг. уровень цен на топливо по отношению к ценам на готовые изделия вырос в 5 раз [3]. Суммарное положительное сальдо стран — экспортеров нефти, входящих в ОПЕК, составило 450 млрд дол. Таким образом, приближение экономической системы к одному из важнейших ограничений проявилось через движение экономических показателей — изменение структуры цен и структуры накоплений. Это не могло не повлиять в свою очередь на структуру издержек и движение инвестиционных фондов в капиталистическом мире, несмотря на то что значительная часть накоплений стран ОПЕК была рециклирована в промышленно развитые капиталистические страны [4].

---

[1] При сохранении нынешнего темпа до конца века гонка вооружений несоциалистических стран поглотит около 9 трлн дол. В то же время в случае принятия советских предложений отказ от новых программ ракетно-ядерного и химического оружия дал бы только западноевропейским государствам экономию в 300 млрд дол. (см.: Правда, 1986, 23 апреля).

[2] О роли международных энергетических монополий в нефтяном кризисе см.: *Куманин Г.* Структурные кризисы в экономике капитализма: некоторые спорные вопросы.— Мировая экономика и международные отношения, 1982, № 9.

[3] См.: *Шмелев Н.* Глобальные проблемы и развивающийся мир.— Коммунист, 1983, № 14.

[4] Хотя нашей страны не коснулись прямые удары нефтяного кризиса, в ней также происходит значительное увеличение издержек, связанное с перемещением добычи нефти в труднодоступные районы.

II. *Экологическое ограничение.* К началу 70-х гг. во всем мире начали накапливаться признаки опасного нарушения равновесия среды обитания [1]. Загрязнение воды и воздуха промышленными отходами, продуктами работы двигателей внутреннего сгорания, химическими удобрениями и ядохимикатами достигло таких размеров, что вызвало тревогу и активный протест общественности. В больших городах промышленно развитых капиталистических стран загрязнение воздуха стало создавать прямую опасность здоровью жителей. Загрязнение внутренних водоемов поставило под угрозу снабжение промышленности чистой пресной водой, которая является важнейшим сырьем для большинства технологических процессов в области производства материалов, в особенности в металлургической, химической и целлюлозно-бумажной промышленности. Кислотные дожди, выпадающие в результате загрязнения атмосферы промышленными отходами, начали активно разрушать флору и фауну суши и водоемов. Распространяясь воздушными течениями, они зачастую выпадают на территории других стран, далеко от непосредственных источников загрязнения. Это стало придавать экологическим проблемам международный характер [2]. До опасных пределов возросло загрязнение Мирового океана.

Под давлением движений протеста, а зачастую и в силу чисто утилитарных соображений во всех промышленно развитых капиталистических странах государство стало вводить жесткие стандарты по допустимому загрязнению для промышленных и сельскохозяйственных предприятий, коммунального хозяйства и автотранспорта. Расходы на охрану среды обитания резко возросли. Повышенные требования к очистке воды и воздуха ощутимо увеличили производственные издержки. Жесткие стандарты на автомобильные двигатели увеличили себестоимость автомашин и наряду с ростом цен на горючее увеличили эксплуатационные издержки автотранспорта.

---

[1] См.: *Соколов В. И.* Кислотные дожди над Канадой.— США: экономика, политика, идеология, 1985, № 1.

[2] Экологическая обстановка в нашей стране оценивается в постановлении ЦК КПСС «Об экологической обстановке в ряде районов и промышленных центров страны» (Правда, 1987, 15 июля). Подробные данные приводятся в статье Кондратьева К., Зуева В., Соловьева Л. «Гроза над биосферой» (Правда, 1987, 11 июля). Авария в Чернобыле показала, что социализм сам по себе не может дать гарантий от трагического стечения обстоятельств и человеческих ошибок, чреватых опаснейшими экологическими последствиями.

С воспроизводственной точки зрения необходимость затратить 3,4% ВВП на охрану окружающей среды, как это было в Японии, равносильна соответствующему замедлению темпов экономического роста и накопления.

III. *Ограничение трудовых ресурсов.* В 60-е гг. почти во всех главных капиталистических странах, в особенности в Западной Европе, под влиянием ряда факторов сложилась напряженная ситуация с трудовыми ресурсами. В области предложения труда сказывались снижение рождаемости в довоенные и военные годы, военные потери трудоспособного населения. Возможности привлечения трудовых ресурсов из деревни были исчерпаны в основном. Продолжалось снижение коэффициента трудовой активности. На стороне спроса действовал высокий потенциал экономического роста. Когорты населения, появившиеся на свет в ходе послевоенного «бума рождаемости», вышли на рынок труда несколько позже — в начале 70-х гг.

Несоответствие между спросом и предложением на рынке труда имело целый ряд социально-экономических последствий. Прежде всего оно благоприятствовало борьбе рабочего класса за повышение заработной платы. Борьба имела успех, и зарплата в этот период значительно выросла. Рост ее продолжался и в первой половине 70-х гг. В результате выросли и удельные расходы предпринимателей на оплату труда. Уровень безработицы к началу 70-х гг. в главных капиталистических странах был сравнительно низок. Привлекались дополнительные контингенты трудовых ресурсов: иностранные рабочие (Западная Европа), нелегальные иммигранты (США), женщины (во всех промышленно развитых капиталистических странах).

В дальнейшем демографическая ситуация изменилась, и к началу 70-х гг. почти во всех промышленно развитых капиталистических странах наметилась тенденция к быстрому старению населения. В разных странах эта тенденция проявляется по-разному. Иногда одновременно происходит и рост численности молодежи, ищущей работу (последствие «бума рождаемости»), и увеличение численности пенсионеров. Нарастает структурное несоответствие спроса и предложения рабочей силы, связанное с моральной амортизацией знаний, навыков и профессий. Рост числа пенсионеров создает возрастающую внешнюю нагрузку на экономику со стороны системы социального обеспечения.

Таким образом, демографические процессы в условиях высокого потенциала роста способствовали повышению издержек производства, а затем, в период структурной перестройки и падения темпов роста, явились одним из факторов увеличения внешней нагрузки на экономику.

Демографический фактор сам по себе не может объяснить явление массовой безработицы в промышленно развитых капиталистических странах. Ее основные причины коренятся в специфически присущих капитализму особенностях внедрения достижений НТР, направленных прежде всего на выталкивание из производства живого труда. Демографическое развитие, получившее название «седой революции», связано с возникновением трудноразрешимого противоречия: с одной стороны, автоматизация непрерывно сокращает число рабочих мест в сфере промышленного производства и увеличивает армию безработных; с другой стороны, в условиях снижающейся численности каждого последующего поколения единственным источником обеспечения престарелого нетрудоспособного населения становится рост производительности труда, зависящий от научно-технического прогресса. По данным некоторых прогнозов, к концу века в Западной Европе, например, вновь ожидается острый дефицит трудовых ресурсов [1].

IV. *Ограничение, связанное с изменением ценностных ориентаций и трудовой мотивации.* К началу 70-х гг. система ценностей общества массового производства и массового потребления подверглась серьезному размыванию. Сказывалось растущее отчуждение индивидуума в буржуазном обществе — потеря чувства причастности к целям общества, предприятия, политических организаций. Росло понимание того, что массовое потребление не только не равнозначно, но зачастую прямо противоречит повышению «качества жизни». Усиливалась озабоченность гонкой вооружений, состоянием окружающей среды, ростом бюрократических институтов. К началу 70-х гг. вместо лозунгов быстрого экономического роста на первый план стали выдвигаться социальные цели. В период 70—80-х гг. темпы роста замедлились, развилась массовая безработица, упали реальные доходы трудящихся. Тем не менее в 80-е гг. начали вырисовываться контуры новой модели потребления, в которой

---

[1] Ожидается, что в Советском Союзе к началу XXI в. доля лиц старше 60 лет составит 18% населения.

рациональность и стремление к качеству начинают преобладать над престижностью, модой и рекламой.

Меняется социальная психология потребителя — на смену потребителю массовой продукции приходит так называемый «экзистент», выбирающий определенный стиль жизни и пытающийся максимизировать удовлетворение от его осуществления [1]. Структура потребления под влиянием демографических процессов приходит в противоречие со структурой массового производства. Последнее стремится выпускать быстро меняющиеся модели автомобилей, бытовой радиоэлектронной техники, одежды и обуви, рассчитанные в основном на молодежь, в то время как люди старшего возраста нуждаются в медицинском обслуживании, помощи по дому, удобном жилище и различного рода услугах. Происходит переход от психологии обладания к психологии пользования, от психологии приобретения к психологии аренды и проката.

Одновременно обнаруживала все более расширяющиеся трещины основанная на принципах тейлоризма система трудовой мотивации, производственной дисциплины и организации менеджмента. Узкая специализация и жесткая заданность труда в этой системе в условиях НТР вступили в противоречие с тенденциями к расширению диапазона и утверждению приоритета качества перед количественными показателями продукции, следовательно, к росту квалификации работника, к оптимальному использованию его инициативной и творческой отдачи. Началось снижение трудовой мотивации, снижение темпов роста, а то и прямое падение производительности труда, возрастал процент брака, угрожающие размеры приобрели текучесть рабочей силы и неявка на работу во всех капиталистических странах (кроме Япо-

---

[1] Характерным примером в этом отношении является эволюция спроса на автомобиль (в особенности в США). В 50—60-е гг. господствовал идеал престижной модели потребления, свойства которой оценивались по числу лошадиных сил под капотом, длине салона, скорости. В годы энергетического кризиса его сменяет идеал компактной экономичной модели. Спрос на автомобиль становится дифференцированным: потребитель стремится выбрать оптимальную модель для своих индивидуальных условий эксплуатации — с учетом размеров семьи, характера поездок (город, дальние деловые поездки, путешествие в отпуск с семьей и т. п.), обращая при этом главное внимание на удобство управления, экономичность, минимальность технического обслуживания, комфорт, безопасность. Машина до предела насыщается электроникой, облегчающей управление и обеспечивающей оптимизацию функционирования ее систем.

нии). Текучесть кадров и прогулы заставляли предпринимателей нести значительные расходы по содержанию резервных рабочих рук [1].

V. *Ограничение, связанное с усложнением экономической взаимозависимости в масштабах мирового капиталистического хозяйства.* В послевоенный период быстрый рост обмена промышленными товарами и технологией между развитыми капиталистическими странами привел к усилению зависимости производства в отдельной стране от импорта иностранной технологии и комплектующих деталей. Одновременно возрастала зависимость поставщиков от соответствующих рынков сбыта. Связи между отдельными национальными экономиками крепли и усложнялись.

Параллельно шел процесс становления и укрепления транснациональных монополий, которые трансформировали экономические связи между национальными экономиками в связи между филиалами корпораций с центром (обычно за рубежом, главным образом в США). Усилилось переплетение финансового капитала, усложнились валютно-финансовые отношения. Установились сложные системы обратных экономических связей, выходящие за государственные границы и вторгающиеся в национальную экономику.

VI. *Ограничения, связанные с крушением старого мирового экономического порядка, основанного на бреттонвудских соглашениях.*

Старый экономический порядок опирался на фиксированные курсы валют, на использование в качестве резервной валюты американского доллара, на разменность доллара на золото для иностранных центральных банков. Эта система достаточно успешно функционировала до тех пор, пока колебания платежных балансов носили конъюнктурный характер. По мере того как страны Западной Европы и Япония на протяжении 60-х гг. наращивали свою экономическую мощь, а США сдавали свои позиции на мировых рынках, к конъюнктурным колебаниям платежного баланса добавилась компонента, связанная с относительными изменениями производительности труда в национальных экономиках. Прекращение в августе 1971 г. обмена доллара на золото, за которым последовало введение «плавающих» валютных курсов,

---

[1] Во Франции, например, в 70-е гг. потери рабочего времени вследствие абсентеизма составили 387 млн человеко-дней в год, что в 100 раз превысило потери от стачек и локаутов (*Вебер А. Б.* Указ. соч., с. 106).

было «началом конца» старого экономического порядка. Дальнейшее развитие характеризовалось нарастанием неравновесия платежных балансов под влиянием нефтяных кризисов, появлением «евродолларов», «нефтедолларов», хаотическим перемещением так называемых «горячих денег». Новым важным фактором дезорганизации платежных балансов стал разрыв в росте производительности труда и темпах осуществления структурной перестройки между Японией и остальными странами ОЭСР. Сыграли свою роль и протекционистские тенденции, которые сменили заложенный в систему старого экономического порядка курс на взаимную либерализацию внешней торговли между промышленно развитыми капиталистическими странами. Сильнейшее дезорганизующее воздействие на мировой капиталистический рынок оказало продолжавшееся четыре года подряд повышение курса американского доллара, что привело к перекачке капиталов из других промышленно развитых капиталистических стран в США, а также к относительному удорожанию импорта для Западной Европы. Свой вклад в дальнейшую дезорганизацию валютных рынков внесло понижение цен на нефть на мировых рынках — в 1983 г. доходы стран ОПЕК от продажи нефти были на $^1/_3$ ниже по сравнению с 1981 г. Положительное сальдо платежного баланса этих стран сменилось отрицательным. Это не может не сказаться на всей системе кредитных отношений, связанных с рециклированием «нефтедолларов». Не меньшие валютно-финансовые потрясения вызвала и обратная тенденция к понижению курса американского доллара, поскольку она создала на мировом рынке преимущества для американской промышленности, успевшей уже в значительной мере провести техническую и структурную перестройку. В 1987 г. началось новое постепенное повышение цен на нефть. Таким образом, маятник снова качнулся в обратную сторону, создавая трудности в дальнейшем, хотя цена на нефть вновь стабилизировалась для Западной Европы и Японии. Новое ухудшение торгового баланса США и падение курса доллара в октябре — декабре 1987 г. еще раз показало, что мировому капиталистическому рынку крайне необходим новый экономический порядок, как механизм, способный в какой-то мере компенсировать резкие изменения платежных балансов и колебания валютных курсов. Без него трудно представить себе устойчивое возобновление роста объема мировой торговли.

VII. *Ограничение, связанное с осложнением отношений между промышленно развитыми и развивающимися странами.* Мы затронем только некоторые аспекты этой проблемы, непосредственно влияющие на структурный кризис в промышленно развитых капиталистических странах.

Одним из важных итогов развития последних десятилетий является то, что развивающиеся страны перестали быть для промышленно развитых капиталистических стран надежным источником сырья и рынком сбыта, как это было в период колониального господства. Более того, гигантский внешний долг развивающихся стран (к 1985 г. он превысил 1000 млрд дол.) явился важным фактором дестабилизации валютно-финансовой системы капитализма. Крупнейшие должники из числа развивающихся стран (Мексика, Бразилия, Аргентина) один за другим оказываются на грани неплатежеспособности, что не только подрывает кредитно-финансовые системы стран-кредиторов, но и снижает возможности экспорта в развивающиеся страны. Оказавшись перед лицом банкротства, многие развивающиеся страны, в том числе Мексика, Чили, Аргентина, Бразилия, сократили свой импорт.

В основе этого лежит возрастающий разрыв в уровнях научно-технического и экономического развития между промышленно развитыми капиталистическими и развивающимися странами. Немалое разрушительное воздействие оказал на платежные балансы развивающихся стран нефтяной кризис. В середине 70-х гг. (в условиях инвестиционной вялости в промышленно развитых капиталистических странах) рециклирование «нефтедолларов» привело к избытку ссудного капитала. Рост задолженности развивающихся стран явился суммарным результатом повышения спроса на долгосрочные кредиты с их стороны и стремления банков промышленно развитых стран разместить избытки финансовых средств — со стороны предложения.

В то же время некоторые из развивающихся стран (так называемые новые индустриальные) вступили в серьезную конкуренцию с развитыми капиталистическими странами по ряду промышленных товаров на мировом и даже на их внутренних рынках. Развитые капиталистические государства отвечают на это дискриминационными протекционистскими мероприятиями, что усиливает затруднения развивающихся стран. Некоторые

из новых индустриальных стран уже очутились в рядах крупнейших должников и потенциальных банкротов.

Все это не могло не обострить (и продолжает обострять) ситуацию на мировом рынке. Очевидно, что это — проявление долговременной тенденции перехода от стремительного расширения мирового рынка к его замедленному развитию.

VIII. *Ограничение, связанное с уменьшением возможностей государственно-монополистического регулирования.* К середине 70-х гг. возможности государственно-монополистического регулирования сократились в силу ряда причин. Среди них нужно в первую очередь указать следующие:

1. Углубление экономической взаимозависимости промышленно развитых капиталистических стран как фактор затруднения регулирования на национальном уровне.

2. Крушение старого бреттон-вудского мирового экономического порядка и связанные с этим валютные неурядицы в промышленно развитых капиталистических странах как фактор дополнительных ограничений возможности регулирования на национальном уровне.

3. Вступление на арену государственно-монополистического регулирования ТНК — новой мощной силы, слабо связанной с интересами национальной экономики и способной на крупномасштабные действия, идущие вразрез с мероприятиями экономической политики на национальном уровне [1].

4. Общее снижение эффективности функционирования бюрократического аппарата буржуазного государства, связанное с его разрастанием в процессе усиления роли государственно-монополистического регулирования в экономической жизни промышленно развитых капиталистических стран, последовательное падение целенаправленной отдачи по мере увеличения издержек регулирования.

5. Быстрое нарастание хронических дефицитов государственного бюджета и усиление инфляционной роли государственных расходов, поставившие (в условиях нежелания правящих кругов главных капиталистических

---

[1] «...По своим целям транснациональный финансовый капитал в принципе несовместим с национальными интересами *любой* капиталистической страны... Именно в силу своего транснационального характера он действует... особенно разрушительно» (Коммунист, 1984, № 8, с. 11).

стран идти на сокращение военных расходов) прежнюю модель государственно-монополистического регулирования под угрозу банкротства: для дальнейшего ее осуществления просто-напросто не хватало финансовых средств.

6. Кризис кейнсианской доктрины государственно-монополистического регулирования, обнаруживший ее теоретическую и практическую несостоятельность в новых условиях воспроизводства.

К началу 70-х гг. промышленно развитые капиталистические страны вошли в критическую зону опасной близости к рассмотренным выше ограничениям. Тенденция к снижению издержек с ростом масштабов производства сменилась противоположной тенденцией их возрастания. Одновременно в этой критической зоне усиливалась конкуренция, и предприниматели не могли уже компенсировать рост издержек ни повышением цен, ни увеличением массы прибыли. Норма прибыли стала падать. В условиях роста издержек производства обнаружилось явление «недоамортизации» — амортизационные отчисления, рассчитанные по ценам приобретения, оказались недостаточными, чтобы обеспечить возмещение, и это стало одним из факторов снижения инвестиционной активности и общего роста цен. Рост издержек шел неравномерно, что вело к возникновению «узких мест» в экономике. В этих условиях попытки преодоления циклических кризисов 1974—1975 и 1980—1982 гг. кейнсианскими методами привели к стагфляции.

Крушение старой модели государственно-монополистического регулирования собрало в узел все противоречия сложившейся ситуации и в свою очередь способствовало углублению кризисных явлений. В основе этой модели лежали методы гашения колебаний, основанные на маневре лабильными составляющими системы. В новых условиях этого оказалось недостаточно — для адаптации системы потребовались серьезные изменения ее структурной составляющей, иными словами, изменение значительной части ее устойчивых связей.

* * *

Экономический и научно-технический потенциалы современного капитализма в принципе позволяют ему осуществить структурную перестройку, обеспечивающую переход на новую модель развития.

Основные требования к этой модели обусловливаются характером стратегических ограничений. Рост издержек производства и падение нормы прибыли, сокращение возможностей увеличения массы прибыли диктуют необходимость экономии всех видов ресурсов: энергетических, сырьевых, материальных, трудовых. Возможность перехода к энерго-, сырье- и трудосберегающей модели дает НТР.

Уже достигнуты значительные успехи в области экономии энергии (в первую очередь нефти) и сырья. Эти успехи в значительной мере опираются на достижения микроэлектроники. Микроэлектроника открывает пути к комплексной автоматизации и роботизации производства, обеспечивающим в условиях капитализма широкомасштабное вытеснение живого труда в целях снижения удельных затрат на заработную плату. Биотехнология позволяет в значительной мере преодолеть экологические ограничения, препятствующие дальнейшей интенсификации сельского хозяйства [1].

Достигнуты большие успехи в разработке альтернативных технологий получения энергии. Разработаны технологии, позволяющие получать принципиально новые вещества без использования высоких температур и давлений. Разработка заменителей привела к созданию материалов с широким диапазоном заранее заданных свойств, с меньшим весом, меньшей затратой дефицитных ресурсов (например, волоконно-оптические кабели вместо медного; композиты и керамика вместо стали, алюминия и традиционных пластмасс; монокристаллические сплавы со сверхбыстрой кристаллизацией жидкой фазы металла вместо легированных сталей с дефицитным кобальтом и хромом и т. п.). В связи с недавним открытием сверхпроводимости в композитных материалах при сравнительно высоких температурах важнейшее значение приобретает криогенная технология, предвидятся революционные изменения в энергетике. В области черных металлов широкое распространение

[1] В США и Японии в последние годы наблюдается тенденция к отказу от химических средств поддержания высоких урожаев — удобрений и стимуляторов; использование семенного материала, приспособленного к конкретным условиям; восстановление естественных свойств растений; обработка почвы по «заказу» (т. е. с учетом конкретных особенностей роста растений, свойств почвы, климатических условий), которая стимулирует применение менее мощной сельскохозяйственной техники. Повышение интенсивности животноводства позволяет снижать поголовье скота.

получает так называемая мини-металлургия: сеть сравнительно небольших предприятий (до 100 тыс. т в год), максимально приближенных к заказчикам и выпускающих специализированную продукцию небольшими партиями.

Важнейшей чертой современной перестройки является переход от энерго- и сырьеемкой модели массового производства — массового потребления к новой модели — наукоемкой, энерго-, сырье- и трудосберегающей, модели мелкосерийного, индивидуализированного и дифференцированного производства, отдающего приоритет качеству продукции. Технические средства этого перехода обеспечивают микроэлектроника, составляющая основу автоматизации и роботизации; внедрение гибких производственных систем, тонкой и чувствительной контрольно-измерительной аппаратуры; развитие информатики в качестве особой отрасли производства.

В сфере личного потребления новая модель характеризуется большей его индивидуализацией, большей рационализацией, увеличением удельного веса сферы услуг. В этой сфере новая модель также отличается повышенным вниманием к качеству товара. Внимание к качеству как в сфере производства, так и в сфере потребления является результатом воздействия стратегических ограничений и отражает, во-первых, стремление к экономичности изделий в самом широком смысле слова в противовес господствовавшей ранее тенденции к расточительству, а во-вторых, усиление конкуренции в области качества в связи с возрастанием роли наукоемкой продукции и ограниченностью возможностей в области количественной конкуренции. Новая модель развития характеризуется сервисизацией экономики и софтизацией производства, причем под последней имеется в виду возрастание доли невещественных компонентов в составе издержек производства и готовой продукции.

Новая модель производства — потребления существует пока в виде отдельных, возникающих то тут, то там островков — предприятий, отраслей, групп потребителей. Она сосуществует со старой моделью, постепенно распространяясь вширь и проникая в глубь экономики.

Любая модель связана со своим специфическим, только ей присущим типом экономической эффективности. Старой модели развития был присущ тип экономической

эффективности, в котором сочетались экстенсивное использование природных ресурсов, дешевого и полуквалифицированного труда, эффект постоянного укрупнения производства и наращивания капиталовложений в материальные факторы производства, расточительное потребление большого количества недолговечных и постоянно сменяемых материальных благ, инфляционное разбухание текущих прибылей, практически бесплатный сброс отходов в окружающую среду.

Тип эффективности зависит от оценки невоспроизводимых ресурсов, приоритетов в области непроизводственного потребления и оценок будущего.

Все это сильно меняется в новой модели развития. В новой модели эффективность связывается с экономичностью использования материальных ресурсов и высококвалифицированного труда, с отдачей от многообразия (economy of cope), т. е. от производства на некоторой единой базе возможно более широкого и постоянно сменяемого ассортимента продукции с высоким качеством и оптимизацией использования произведенного продукта, гибкостью и адаптируемостью производства, быстротой освоения новой продукции и выхода с ней на рынок, с нарастающими вложениями в НИОКР и накоплением научно-технических знаний, с экономным использованием окружающей среды и — в идеале — с безотходным производством.

В развитых капиталистических странах идет непрерывный поиск новых показателей эффективности и путей их достижения. Характерным является ход мыслей, при котором различается эффективность производства, т. е. производство единицы продукции с минимальными издержками (efficiency), и полезность использования, т. е. отдача от единицы продукции в процессе потребления (effectiveness). Первое необязательно предполагает второе и наоборот. Намечаются, следовательно, два пути повышения эффективности экономики. Вышеизложенное ставит под сомнение прежние критерии эффективности, такие, как производительность труда, капиталоотдача, совокупная факторная эффективность и даже текущая прибыль.

Преодоление стратегических ограничений в новой модели развития идет не только по линии научно-технической революции, но и по линии перестройки международного разделения труда. Используя неравноправный характер международных экономических отношений,

опираясь на помощь ТНК, современный капитализм стремится вынести загрязняющие и трудоемкие производства в развивающиеся страны, добавляя тем самым к эксплуатации трудовых и природных ресурсов разграбление экологических ресурсов этих стран, ставя под прямую угрозу здоровье их населения[1].

* * *

Рассмотрим те материальные и организационные возможности, которыми должно обладать общество для осуществления структурного скачка,— потенциал структурной перестройки.

Экономический и научно-технический потенциалы образуют технико-экономическую составляющую потенциала общества. Не менее важную роль играет и социальный потенциал — система социальных амортизаторов, поддерживающая относительную стабильность общества, основанного на антагонистических противоречиях, культурный фонд общества, квалификационный и образовательный уровень рабочей силы, система ценностных ориентаций, в том числе трудовой мотивации, организационная структура. Технико-экономический потенциал главных промышленно развитых капиталистических стран, по-видимому, достаточен для осуществления структурной перестройки. С социальным потенциалом дело обстоит гораздо хуже.

Далее. Возникает проблема издержек структурной перестройки. Переход от старой модели развития к новой осуществляется не «бесплатно», а со значительными материальными (и не только материальными) затратами для общества. Это прежде всего потери, связанные со снижением темпов экономического роста, моральной амортизацией значительной части основных фондов; затраты на развитие новых отраслей (которые не всегда сразу становятся рентабельными); расходы, связанные с прикладными и фундаментальными исследованиями, обеспечивающими научно-технический задел, необходимый для создания новой производственной структуры; расходы на переквалификацию и передислокацию

---

[1] Ярким примером последствий этой политики является трагедия, разыгравшаяся в декабре 1984 г. на химическом предприятии американского концерна в Бхопале (Индия), стоившая жизни почти 2,5 тыс. индийцев и причинившая серьезные травмы более чем 50 тыс. человек.

рабочей силы, социальные издержки, связанные с дисквалификацией, деморализацией и маргинализацией многомиллионных слоев трудящихся, охваченных структурной безработицей.

Наконец, встает вопрос о мобилизации ресурсов для осуществления перестройки и концентрации их на основных направлениях, перспективных с точки зрения выхода за пределы существующих стратегических ограничений.

Возникающие здесь проблемы носят уже не технико-экономический, а социальный характер. Прежде всего, за чей счет будут осуществлены издержки структурной перестройки. Это вопрос, относящийся к области основных стратегических решений, определяющих направление преодоления стратегических ограничений развития.

В момент структурной ломки общая траектория развития системы утрачивает однозначность и определенность, присущую ей в ходе инерционного движения. Поэтому возможно появление существенно отличающихся друг от друга вариантов при сравнительно малых воздействиях на систему. Капитализм не в состоянии обеспечить столь высокого уровня управления, который требуется для принятия оптимальных стратегических решений и проведения их в жизнь, поскольку стратегические решения структурной перестройки в условиях капитализма носят классовый характер и отражают прежде всего интересы капиталистов. С различных классовых позиций может быть по-разному решена важнейшая в условиях современного капитализма проблема структурной перестройки — проблема роли государства. Кому окажется предоставленным осуществление структурной перестройки — стихийным силам рыночного механизма или механизму государственно-монополистического регулирования? С этой проблемой связан и вопрос о покрытии издержек перестройки.

Оптимальный с классовых позиций буржуазии вариант решений структурной перестройки — переложение основных ее издержек на трудящихся. В отношении роли рыночного механизма дело обстоит сложнее. Лозунгом неоконсерваторов в области экономики является ее *приватизация* и *дерегулирование*. Объективно, с точки зрения экономической рациональности, предоставление большей свободы рыночному механизму, несомненно, означает определенное повышение мобильности ресур-

сов, что в какой-то мере способствует структурной перестройке. Но здесь таится серьезное противоречие. Даже в экономической области рыночный механизм способен обеспечить оптимальность использования ресурсов в лучшем случае на очень коротком отрезке времени и плохо приспособлен для учета долговременной перспективы. Между тем структурная перестройка — долговременный процесс. Возникающая новая модель развития требует своей экономической инфраструктуры, без которой она так же неосуществима, как развитие автомобильного транспорта без автострад. Такая инфраструктура вряд ли может быть создана в результате свободной игры рыночных сил. Более того, НТР связана не только с созданием машин и агрегатов, она связана с созданием взаимодействующих больших систем. Следовательно, остро встает вопрос о выборе основных направлений научно-технического прогресса, об обеспечении совместимости отдельных блоков и периферийных компонентов этих систем.

Решение этих проблем относится к области государственно-монополистического регулирования. Но старые формы регулирования, возникшие в основном в связи с проблемами платежеспособного спроса, в данном случае бессильны. Поэтому, когда говорится о дерегулировании, имеется в виду прежде всего *демонтаж старой системы регулирования,* а не отказ от регулирования вообще. Речь идет о создании новой системы государственно-монополистического регулирования с новым распределением ролей между государством и частными монополиями, с новой областью задач и новыми инструментами. Однако пока такая система не создана. Это является серьезным препятствием на пути успешного завершения перестройки.

К этой проблеме примыкает и вопрос о соотношении процессов концентрации производства и капитала в ходе структурной перестройки. Смена модели развития в ряде стран (особенно в США) сопровождается ростом числа мелких и средних предприятий. В самом характере новой модели заложены некоторые черты, способствующие деконцентрации производства. В первую очередь это гибкие системы производства, при которых смягчается лимитирующая роль размера заказа в вопросах организации и управления производством. Большую роль приобретает близость предприятия к потребителю и смежникам. Среди средних по размерам предприятий значи-

тельное место занимают так называемые венчурные предприятия, основанные на использовании их создателями — первоклассными специалистами в своей области — разработанных ими специальных технологий[1]. Некоторые из этих предприятий выбились за последние годы в ряды ведущих в своей области. Однако вывод об общей тенденции к деконцентрации был бы преждевременным. Во-первых, во многих отраслях, например автомобилестроении, концентрация производства сохраняет свое значение. Во-вторых, деконцентрация производства может сопровождаться концентрацией капитала — многие формально считающиеся средними предприятия являются совместными компаниями крупнейших индустриальных гигантов. В-третьих, ужесточаются и закрепляются субподрядные связи, подчиняющие массу мелких поставщиков комплектующих деталей головным сборочным компаниям. В-четвертых, индустриальные гиганты оставляют за собой выбор основных направлений технического развития. Остальные фирмы вынуждены в целях обеспечения совместимости привязывать свою продукцию к этим направлениям. В результате они служат испытательным полигоном для гигантов, которые отбирают наиболее выгодную продукцию и нововведения и затем душат ценовой конкуренцией аутсайдеров. Примером в этом отношении может служить компания ИБМ 80-х гг.

Стратегией ГМК при мобилизации средств для структурной перестройки является *изменение отраслевой структуры* в сторону повышения удельного веса наукоемких, энерго- и сырьесберегающих отраслей. В результате в экономике промышленно развитых стран появляются свертывающиеся (структурно-депрессивные) и развивающиеся (структурно-прогрессирующие) отрасли. Упадок депрессивных отраслей связан не с изменениями конъюнктуры или их технической отсталостью, а в первую очередь со сменой модели развития. В число депрес-

---

[1] Венчурное предприятие (venture enterprise) — новый вид капиталистического предпринимательства, получивший широкое распространение в последнее десятилетие. Его создает группа специалистов, как правило, авторов изобретения, с целью внедрения нововведения в промышленное производство и на рынок. Фирма работает формально независимо от крупных предприятий своей отрасли, но финансируется крупным капиталом, специализирующимся на извлечении прибыли из этой формы внедрения нововведений (venture business).

сивных попали такие передовые и технически оснащенные отрасли, как черная и цветная металлургия, нефтепереработка и нефтехимия, производство синтетического волокна, автомобилестроение (США), судостроение (Япония). Эти отрасли являлись главными носителями технического прогресса в период расцвета модели массового производства — массового потребления [1].

Переход передовых отраслей с массовой занятостью на положение депрессивных явился важнейшей причиной появления *структурной безработицы* [2].

Ее углублению способствует то, что структурно-прогрессирующие отрасли промышленности являются, как правило, трудосберегающими. Число рабочих мест в них увеличивается медленно. Из депрессивных отраслей увольняются, как правило, высококвалифицированные и высокооплачиваемые рабочие. Между тем найти себе применение эти люди могут в лучшем случае в сфере услуг, на полуквалифицированных рабочих местах, с гораздо более низкой заработной платой. В то же время развивающаяся автоматизация сферы услуг ставит под удар и эту возможность. Возрождение депрессивных отраслей если и происходит, то, как это показывает пример американского автомобилестроения, оно происходит на основе новой модели развития и сопровождается

---

[1] Хотя на поверхности структурная перестройка проявляется в сдвигах отраслевой структуры, она не сводится к ним, как и к нарушениям соответствия спроса и предложения по отдельным отраслям. Более того, современная классификация отраслей плохо отражает процессы структурной перестройки, в связи с чем в некоторых странах ставится вопрос о ее пересмотре. Глубинные процессы перестройки относятся к происходящим в ходе смены моделей развития изменениям всего комплекса устойчивых связей в экономике.

[2] Структурная безработица заключается в долговременном несоответствии половозрастной, отраслевой, территориальной, квалификационной и образовательной структуры спроса и предложения рабочей силы. В основе ее лежит присущее капитализму антагонистическое противоречие между требованием экономической рациональности, выражающемся в стремлении к получению максимума прибыли, и объективным требованием социального развития, из которого следует необходимость повышения образовательного уровня, переквалификации и передислокации рабочей силы в соответствии со сдвигами в производстве. Если стихийные силы рыночного механизма в какой-то мере обеспечивают экономическую рациональность капиталистического производства, то обеспечить требования социального развития они могут лишь через диспропорции и огромные лишения масс трудящегося населения. Условием появления структурной безработицы являются глубокие структурные сдвиги в экономике.

прежде всего вытеснением из производства больших масс живого труда [1]. В отличие от циклической *структурная безработица не рассасывается в ходе смены фаз промышленного цикла*. В некоторых странах (Англия, ФРГ) уже наметилась тенденция к переходу части структурной безработицы в застойную технологическую безработицу, которая проявляется в абсолютном сокращении занятости во всей экономике в целом. В США в период 1980—1984 гг. минимальный среднемесячный уровень безработицы на протяжении 70 и 80-х гг. непрерывно возрастал и составил 7,1% по сравнению с 3,4% в середине 60-х гг.

Смягчение последствий процесса свертывания и развертывания отраслей, организация переквалификации и передислокации рабочей силы являются важными направлениями государственно-монополистического регулирования. Они образуют в настоящее время основной компонент так называемой структурной промышленной политики. Однако в большинстве главных промышленно развитых капиталистических стран (за исключением Японии) эти мероприятия сводятся в основном к протекционизму во внешней торговле. Более того, правительства по этим вопросам скорее стоят на позициях подталкивания депрессивных отраслей к свертыванию, чем на позициях выработки мероприятий по смягчению социальных последствий структурной перестройки.

Именно в период структурного кризиса объектом серьезных атак со стороны ГМК сделалась система социальных амортизаторов, которые отчасти компенсируют ущерб, наносимый социальному развитию рыночным механизмом экономической рационализации. Предлогом для этого наступления явилась объективная необходимость выравнивания бюджетных дефицитов капиталистических стран. Торможению и сжатию подверглись расходы на здравоохранение, образование, пенсионное обеспечение и страхование по безработице. Их доля в валовом внутреннем продукте сокращается. Особенно ярко эта политика выражена в США («рейганомика»)

---

[1] Так, в 1984 г. при заключении коллективного договора «Дженерал моторс» потребовала от профсоюза согласия на ликвидацию 100 тыс. рабочих мест.

Другим фактором сокращения занятости в американской автомобильной промышленности является перенос предпринимателями производства в Юго-Восточную Азию (Южная Корея, Тайвань) в целях использования дешевой местной рабочей силы для борьбы с японской конкуренцией (Fortune, 10.XII 1984).

и в Англии («тэтчеризм»), где имело место и абсолютное сокращение многих социальных программ.

Между тем стремительный рост военных расходов ведет к тому, что экономия от этих сокращений исчезает. О выравнивании бюджетов в этих условиях не может быть и речи. Тем не менее классовая ограниченность буржуазии, жесткость институциональной системы, эгоистические интересы монополий препятствуют перераспределению ресурсов в пользу нужд социального развития.

Как политика в отношении занятости, так и демонтаж системы социальных амортизаторов, дополняя друг друга, входят в состав более широкой политики «социального реванша», осуществляемой буржуазией в условиях структурного кризиса. Безработица создает условия, заставляющие работающих держаться за свое рабочее место [1], и затрудняет забастовочную борьбу. Ослабление системы государственного социального обеспечения также ставит трудящегося во все большую зависимость от предпринимателя. Создаются благоприятные условия для того, чтобы лишить трудящихся их завоеваний как в общенациональном масштабе, так и на уровне реальной заработной платы. В годы очередного циклического кризиса в промышленно развитых капиталистических странах понизился темп роста номинальной заработной платы, при этом в некоторых случаях реальная зарплата снижалась. В США получили распространение «договоры отдачи», когда при пересмотре коллективных договоров профсоюзы соглашались на прямое понижение заработной платы, у профсоюзов вырывали согласие на «реорганизацию» предприятий с ликвидацией большого числа рабочих мест.

Однако было бы слишком односторонним говорить лишь о политике демонтажа социальных амортизаторов. На практике она сочетается со стремлением придать этой системе большую гибкость и адаптируемость, причем акцент переносится в область приватизации социальных услуг. На уровне частных фирм государственно-монополистическая политика «социального реванша» дополняется насаждением неокорпоративистской системы

---

[1] «Боязнь потерять достигнутое социальное положение стала одним из доминирующих в рабочем сознании факторов...». (*Васильцов С. И.* Итальянское общество 80-х годов: социальные «издержки» НТР и изменения в политическом климате.— Рабочий класс и современный мир, 1984, № 6, с. 66).

трудовых отношений, которая призвана заменить устаревшую модель «тейлоризма — фордизма». Монополии пытаются решить двоякую задачу: с одной стороны, вырвать у трудящихся их завоевания и переложить на них основные экономические тяготы структурной перестройки, с другой — создать квалифицированные, образованные, инициативные и преданные фирме кадры, способные привести в движение новую модель развития,— кадры, которые не будут противодействовать внедрению автоматизации и роботизации. Для этого заимствуется (особенно широко в США) японский образец деления армии труда на постоянно и временно занятых. В этих целях активно используется женский труд, частичная занятость, аренда работников у специализированных фирм. Корпорации стремятся сломить существующее профсоюзное движение и создать «беспрофсоюзную» среду или систему пофирменных профсоюзов (опять же по японскому образцу) в качестве звена общей системы неокорпоративизма.

В конечном счете новая модель трудовых отношений направлена на усиление капиталистической эксплуатации. Некоторые льготы (в частности, гарантия занятости), предоставляемые в рамках неокорпоративной стратегии определенным категориям трудящихся, с лихвой перекрываются общим наступлением капитала. В ряде случаев льготы носят временный характер и связаны с необходимостью внедрения новой техники, повышением качества продукции, сокращением рабочих мест. Капиталистические отношения собственности и эксплуатации не только сохраняются, но и усиливаются в новой модели развития. Речь идет об изменении трудовых отношений на уровне *конкретной организации производства* — об изменении организационных структур на предприятиях, организационных связей людей между собой и людей с машинами, причем об изменениях, направленных в первую очередь на повышение нормы прибыли.

К середине 80-х гг. промышленно развитые капиталистические страны вышли из очередного циклического кризиса. Сначала США и Япония, затем Западная Европа. Идет перестройка производства, увеличиваются темпы роста производительности труда, растут инвестиции, растет норма прибыли. Можно ли считать, что низшая точка структурного кризиса уже пройдена?

Темпы экономического роста главных капиталистических стран по-прежнему остаются низкими. Многие

западные экономисты считают, что назревает очередной циклический кризис. Во всяком случае бюджетные дефициты главных капиталистических стран ставят под сомнение дальнейшее развитие циклического подъема. Процесс подъема развивается крайне неравномерно и от страны к стране, и от отрасли к отрасли. Проблема депрессивных отраслей еще весьма далека от своего решения. Не существует еще ни новой модели государственно-монополистического регулирования, ни нового международного экономического порядка. Задолженность развивающихся стран продолжает нарастать. Ряд развивающихся стран во главе с Бразилией уже ограничили выплаты по иностранной задолженности, другие готовятся последовать их примеру. Крупнейшие банки западных стран показывают в балансах убытки, создавая резервы на покрытие ненадежных ссуд. Гонка вооружений отвлекает от перестройки все большие средства. Политика «социального реванша» противоречива. Структурный кризис привел к резкому обострению всех болезней капитализма. Не рассасывается структурная безработица — увеличивается численность маргинальных слоев. Среди занятых растет неуверенность в будущем и тревога за свои рабочие места. Как следствие всего этого создается социальная напряженность. В этих условиях буржуазии, как никогда, требуются средства для сдерживания антикапиталистической борьбы рабочего класса. Между тем демонтаж социальных амортизаторов является важнейшей составляющей политики «социального реванша». Наступление на жизненный уровень трудящихся подрывает платежеспособный спрос, что не может не оказать негативного влияния на экономику капитализма. Важным симптомом сохраняющегося неблагополучия в экономике промышленно развитых капиталистических стран явилась лихорадка, охватившая начиная с октября 1987 г. фондовые биржи мира.

Есть опасность, что при осуществлении структурной перестройки капитализм, ориентируясь на достижение максимума прибыли, пойдет по пути усиления гонки вооружений и развертывания технико-экономической и торговой войны между главными капиталистическими странами за передел рынков сбыта, когда буржуазия каждой страны будет добиваться жертв от «своего» пролетариата во имя успехов этой борьбы за счет пренебрежения важнейшими потребностями общества.

В то же время подписание 8 декабря 1987 г. советско-американского Договора о ликвидации двух классов ядерного оружия — ракет средней и меньшей дальности наглядно свидетельствует в пользу реальности другой альтернативы, ведущей к прекращению гонки вооружений, разоружению, безъядерному миру и направлению высвободившихся средств на решение глобальных проблем и нужды структурно-технологической перестройки. На этом пути возможно придание мирной направленности структурной перестройке в зоне развитого капитализма и существенное смягчение возникающих в ее ходе социальных проблем.

* * *

Уроки структурного кризиса и структурной перестройки в промышленно развитых капиталистических странах нуждаются, разумеется, в более детальном изучении. Перестройка в зоне развитого капитализма — процесс длительный и, по крайней мере в начальной фазе, связан с замедлением темпов экономического роста. Однако, видимо, уже сейчас можно сказать, что суть перестройки — в смене моделей развития, которая является в значительной мере общей проблемой как для капиталистических, так и для социалистических стран, по крайней мере в ее технико-экономических аспектах (чего нельзя сказать об аспектах социальных). По мере развития структурной перестройки в странах развитого капитализма все более отчетливо проступают черты новой модели — процесс, за которым надо внимательно следить. В переходный период исключительно важное значение приобретает принцип экономической рациональности. Именно он позволяет осуществлять отбор наилучших вариантов технологий из огромного многообразия, предоставляемого НТР. Однако, учитывая изменения характера эффективности в новой модели развития, сведение его требований к извлечению максимума прибыли надо признать недальновидным.

Кроме того, как уже говорилось, неограниченное применение в чистом виде критерия экономической рациональности может оказать разрушительное воздействие на социальную сферу. Примером могут послужить социальные последствия политики консерваторов. Между тем именно социальная сфера в широком смысле слова является хранительницей потенциального многообразия общества, столь необходимого для адаптации к неопре-

деленностям, которыми наполнено будущее в связи со стремительным наступательным движением науки и техники.

Среда обитания также нуждается в особой защите, когда на первый план выдвигаются соображения экономической рациональности.

Говоря языком оптимального программирования, если задача ускорения экономического развития записывается как максимизация экономического критерия, то проблемы защиты социальной и экологической среды должны быть записаны как жесткие ограничения в этой задаче, категорический императив.

Социалистическое общество, в отличие от капитализма, не может допустить и не допустит, чтобы структурная перестройка осуществлялась за счет трудящихся. Только социализм способен осуществить такую перестройку, в центре внимания которой стоит человек, его потребности и творческие возможности.

Перестройка в нашей стране идет в направлении сочетания гибкости и адаптируемости развития горизонтальных связей в низовых звеньях с централизованным планированием при принятии стратегических решений. На это направлены процессы демократизации, развития гласности во всех сферах советского общества.

В долгосрочной перспективе, видимо, надо учитывать, что смена моделей развития определяет новые социально-экономические, а в конечном счете и политические реалии конца XX — начала XXI в.

3. МАРКСИЗМ-ЛЕНИНИЗМ И ПРОБЛЕМЫ ВОЙНЫ И МИРА

Вопросы войны и мира с давних пор играли немалую роль во всемирной истории, влияя существенным образом на судьбы народов и государств, различных культур и цивилизаций. Из 5,5 тыс. лет, если считать от нашего столетия в глубь веков, лишь 292 года были мирными. 14,5 тыс. войн унесли свыше 3,6 млрд жизней; под их ударами прекратили свое существование десятки, если не сотни локальных центров цивилизации, государственных образований, исчезли с лица земли целые племена и народы. XX век принес с собой резкое увеличение числа войн и вооруженных конфликтов, расширение их масштабов. Более того, войны из социального бедствия для отдельных стран и народов стали превращаться в угрозу самой человеческой цивилизации.

Уже первая мировая война 1914—1918 гг., возникнув на основе порожденной империализмом системы международных отношений, унесла до 10 млн человеческих жизней, искалечила около 20 млн человек, уничтожила материальных ценностей примерно на 338 млрд дол. Она «привела все человечество *на край пропасти*, гибели всей культуры» [1], глубоко потрясла все устои общества. Еще более разрушительные формы и гибельные последствия имела вторая мировая война, навязанная человечеству фашизмом, этой ударной силой империалистической реакции. Около 55 млн убитых, уничтоженных в фашистских «лагерях смерти», почти столько же искалеченных, раненых, умерших от голода и эпидемий, ужасы «нового порядка» в Европе и Азии, материальный ущерб, составивший около 4 трлн дол.,— такова страшная цена, которой поплатилось человечество за неумение извлечь уроки из прошлого. Именно вторая мировая война форсировала вступление человечества в ядерную

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 182.

эру. Вся вторая половина XX столетия прошла под знаком развязанной по вине империализма гонки ядерных и иных вооружений и все более напряженного противоборства сил мира и войны.

«...XX век завершается в мировой политике под знаком вопроса: сможет ли человечество уйти от ядерной опасности, или же верх возьмет политика конфронтации, ведущая к повышению вероятности ядерного конфликта» [1].

Всемирно-исторический вклад марксизма-ленинизма как революционного учения в дело мира заключается в том, что он впервые в истории создал научную систему воззрений на проблему войны и мира, сформулировал задачу борьбы за мир между народами с позиций материалистического понимания истории, программу всеобщего мира в качестве реально достижимого социального идеала. Органически увязав дело мира с борьбой за преодоление классового, социального и национального гнета, он указал пути практического решения задачи формирования материальных факторов мира в противовес материальным факторам войны. За почти полтора века своего существования марксистская концепция мира претерпела серьезную эволюцию, отразив в сконцентрированном и «подытоженном» — теоретическом — виде опыт многолетних битв рабочего класса и широких народных масс за социальный прогресс и мир, а также новые процессы в мировом развитии и эволюцию таких общественных феноменов, как милитаризм и война. В свою очередь усложняющаяся диалектика классовой и антивоенной, антимилитаристской борьбы и эволюция милитаризма в XX столетии повлекли за собой необходимость серьезных корректив революционной теории и политики и обогащения марксистской концепции общественного прогресса. Рассмотрению некоторых теоретических и политических аспектов взаимодействия борьбы за мир и социальный прогресс в современную эпоху и посвящена данная глава.

* * *

Драматические коллизии XX в.— крайняя неравномерность общественного прогресса, опасные «разрывы» в темпах его в отдельных странах и целых регионах, острейшие противоречия и катаклизмы новейшего време-

---

[1] Материалы XXVII съезда КПСС, с. 4.

ни — могут быть поняты лишь в общем контексте социальных, национальных и международных проблем, порожденных длительным господством на мировой арене капитализма и империализма с учетом переходного характера исторической эпохи, начатой Великим Октябрем.

Капитализм унаследовал от предыдущих общественно-экономических формаций и еще более усугубил эксплуататорские, антигуманные методы решения общественных проблем, заставив «целые народы идти тяжким путем крови и грязи, нищеты и унижений» [1]. На всех стадиях своего развития — в эпоху «свободного» капитализма, господства монополий, а тем более в условиях начавшихся со времен первой мировой войны процессов — капитализм как общественно-политическая система продемонстрировал неспособность решения международных проблем и прежде всего вопросов безопасности, войны и мира, сообразуясь с интересами всех стран и народов и коренными потребностями общественного развития.

Обещанный на заре капитализма идеологами буржуазии «вечный мир превратился в бесконечную вереницу завоевательных войн» [2]: колониальных, имперских, войн, призванных «заткнуть кратер революции» [3], а в XX в.— и мировых. Процессы интернационализации общественной жизни и становления подлинно всемирной истории человечества — объективная и прогрессивная тенденция общественного развития — обернулись созданием в конце XIX — начале XX в. всемирной системы «колониального угнетения и финансового удушения горстью «передовых» стран гигантского большинства населения земли», дележом мира «между 2—3 всемирно могущественными, вооруженными с ног до головы хищниками», втягивавшими «в *свою* войну из-за дележа *своей* добычи всю землю» [4]. Именно с империалистической системой связано появление развитых форм милитаризма и применение в небывалых до этого масштабах технических успехов и достижений науки «к массовому истреблению миллионов человеческих жизней» [5].

Марксистская концепция мира создавалась основоположниками научного коммунизма в XIX в., когда

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 9, с. 228.
[2] Там же, т. 20, с. 267.
[3] Там же, т. 13, с. 407.
[4] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 305.
[5] Там же, т. 36, с. 396.

можно было лишь предугадывать возможные последствия господства капитализма на мировой арене и метаморфозы милитаризма. Тем не менее, исходя из анализа всемирно-исторического процесса в целом, капиталистической стадии его развития в особенности, К. Маркс и Ф. Энгельс при разработке проблем перехода от капиталистической формации к коммунистической указывали на необходимость привести в соответствие форму и содержание общественного прогресса, сделать плоды цивилизации достоянием всего человечества, гуманизировать общественный прогресс как таковой.

Социалистический, марксистский идеал свободного от классового угнетения общества предполагает необходимость «устроить мир истинно по-человечески», согласно требованиям человеческой природы[1], добиться «гармонического интернационального сотрудничества народов», «обеспечить международный мир»[2]. Устранение различных форм классового и национального угнетения и утверждение мирных взаимоотношений между народами рассматривались К. Марксом, Ф. Энгельсом, а затем В. И. Лениным как две взаимосвязанных, равновеликих цели освободительного, революционного движения и особенно рабочего класса — главной революционной силы. К. Маркс и Ф. Энгельс обосновали неразрывное единство социализма и дела мира. Социалистическое общество, предсказывали они, это общество, в котором «не существует ни войн, ни завоеваний, ни национальной розни», общество, «международным принципом которого будет — *мир,* ибо у каждого народа будет один и тот же властелин — *труд*!»[3].

Что же касается вопроса о соподчинении и порядке решения этих задач, равно как об определении средств борьбы за социальный прогресс и утверждение мира между народами, то основоположники научного коммунизма призывали решать эту задачу конкретно-исторически, исходя из реальных условий борьбы. Предпочтение, отдаваемое революционным методам решения насущных общественных проблем, обусловленное самой природой марксизма-ленинизма, органически сочеталось с требованием к революционным партиям учитывать, в каких условиях и в каких сферах революционные способы действия возможны и необходимы, а в каких случаях

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 1, с. 593.
[2] Там же, т. 21, с. 421—422.
[3] Там же, т. 18, с. 171—172; т. 17, с. 5.

их необходимо дополнять и даже заменять действиями «по-реформистски», принимать во внимание видоизменение с течением времени самих форм и возможностей революционного действия. Верность программным и ценностным установкам и приверженность социалистическим и коммунистическим идеалам, как неоднократно подчеркивали теоретики научного коммунизма, не только не исключают, но предполагают соизмерение коммунистами этих целей и идеалов с насущными задачами каждой новой исторической эпохи, с реальными социальными предпочтениями масс, их способность принимать во внимание всю сложность социального обновления мира, все объективные трудности и компромиссы, порождаемые ходом исторического развития [1].

Теоретики научного коммунизма в полной мере отдавали отчет в чрезвычайной сложности задачи гуманизации международных отношений, утверждения законов нравственности и справедливости в отношениях между народами, формирования у них общих интересов. Главное их внимание было направлено на создание реальных условий действительного мира, устранение капиталистического строя как источника войн и международных конфликтов. Обоснованная ими программа борьбы с войнами носила ярко выраженный антикапиталистический и антиимпериалистический характер, поскольку, как подчеркивали Маркс, Энгельс, Ленин, преодоление всех конфликтов, порождающих вражду между народами, возможно на путях кардинальной перестройки социальных отношений [2]. Главным, решающим средством борьбы против военной опасности и империалистических войн провозглашалась социальная революция. «Лучшая война с войной: революция» [3],— заметит В. И. Ленин в годы первой мировой войны.

Это отнюдь не предполагало отказа от многообразия тактических и политических решений в быстро менявшейся международной обстановке в зависимости от высоты антивоенного потенциала освободительного движения, от реального соотношения социальных и антивоенных аспектов в классовой борьбе. Характерно, что марксизм незамедлительно отреагировал на стремительный рост милитаризма, военщины и колониализма в конце XIX — начале XX в., поставив принципиально важные

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 18, с. 515.
[2] См. там же, т. 4, с. 371.
[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 450.

вопросы о возможностях противодействия милитаризму и войнам уже в условиях капитализма и о выборе форм революционной борьбы против «вооруженной буржуазии».

В 70—90-е гг. XIX в., в обстановке «вооруженного мира» в Европе, Ф. Энгельс обратил внимание на пагубное воздействие милитаризма и опасность «непрерывного революционизирования технической основы ведения войны», принимающих вследствие этого «совершенно иной характер и иной ход, которые абсолютно невозможно заранее предвидеть»[1]. «Милитаризм,— отмечал Ф. Энгельс,— господствует над Европой и пожирает ее», «система постоянных армий во всей Европе доведена до такой крайности, что либо народы будут ею экономически разорены, не выдержав бремени военных расходов, либо она неизбежно приведет к всеобщей истребительной войне...»[2] Эта грозная опасность принималась в расчет Ф. Энгельсом при определении стратегических и тактических принципов деятельности социал-демократии, а перспективы борьбы за социальный прогресс уже тогда увязывались им с задачей сохранения мира. Именно Энгельсу принадлежит обоснование первой в истории крупномасштабной программы разоружения, отвечавшей интересам народов Европы. Борьба против опасности мировой войны, увеличения военных расходов, наращивания армий и шовинистического курса внешней политики правящих классов становится альфой и омегой революционной социал-демократии. Антимилитаристская деятельность, отметит позднее В. И. Ленин, «не только специально необходима, но и практически целесообразна и плодотворна»[3]. Она должна сообразовываться с объективным развитием капиталистического милитаризма[4]. Наряду с этим Энгельс, а затем Ленин фиксировали внимание на глубинном противоречии, заложенном в самой сущности милитаризма и войн: рост их разрушительных последствий может привести к подрыву «самих условий существования человеческого общества»[5]. Милитаризм, подчеркивал Энгельс, «гибнет от последствий своего собственного развития»[6].

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 22, с. 394.
[2] Там же, т. 20, с. 175; т. 22, с. 385.
[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 17, с. 193—194.
[4] См. там же, т. 30, с. 135.
[5] Там же, т. 36, с. 396.
[6] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 178.

Не менее важен анализ теоретиками научного коммунизма сложного взаимодействия, с одной стороны, войн и милитаризма, форм, динамики и перспектив классовой борьбы и революционного движения — с другой. Исходя из условий «мирной эпохи» и серьезных успехов социал-демократии на легальном поприще, Энгельс характеризовал мировую войну как прямую помеху социалистическому движению, перспективам его развития в «цивилизованных» странах. В. И. Ленин — современник империалистического раздела мира, колониального разбоя, наконец, первой мировой войны — фиксирует иной аспект: необходимость упорной, длительной, нередко вооруженной борьбы с империализмом со стороны угнетенных классов и народов, историческую неизбежность «целой эры самых разнообразных войн» — империалистских, гражданских, национально-освободительных и иных[1]. Вместе с тем он констатировал возрастание антивоенной функции революции, как таковой, в условиях империализма. Революция, писал он в связи с первой мировой войной, «становится тем насущнее, чем больше ложатся тяжести войны на плечи пролетариата, чем активнее должна будет стать его роль при воссоздании Европы, после ужасов современного «патриотического» варварства в обстановке гигантских технических успехов крупного капитализма»[2].

Опыт и уроки первой мировой войны и первых послевоенных лет дадут основания В. И. Ленину всесторонне исследовать глубоко противоречивые последствия развязанной империализмом кровавой бойни: в значительной степени обусловленный ею революционный подъем в Европе, Америке, в ряде колониальных и зависимых стран и первый в истории прорыв капиталистической системы в России, а наряду с этим — использование войны господствующими классами для сдерживания классовой борьбы, порожденный войной мощный взрыв военщины, милитаризма, шовинизма и — как следствие — кризис международного социализма, подавленность или придавленность человеческого мышления[3]. Все это гигантски затруднило трудящимся Европы и Америки революционный выход из войны и революционное решение самого больного, самого жгучего вопроса современности — вопроса о мире. «...Революция,— отметил Ленин,— следующая за

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 48.
[2] Там же, т. 26, с. 22.
[3] См. там же, т. 30, с. 68—69.

войной, связанная с войной (а еще больше... вспыхнувшая во время... окружающей ее всемирной войны)... такая революция есть *особенно тяжелый* случай родов»[1]. Но решать поставленную эпохой империализма дилемму народам придется: «человечеству предстоит либо перейти к социализму, либо годами и даже десятилетиями переживать вооруженную борьбу «великих» держав за искусственное сохранение капитализма посредством колоний, монополий, привилегий и национальных угнетений всяческого рода»[2]. Переходный характер современной эпохи, начатой 1917 г., выразился в совпадении этих двух глубоко противоположных по своей направленности процессов. Межформационное противоречие капитализма и социализма стало стержнем мировой политики и экономики, придавая исключительную напряженность и особую конфликтность всемирно-историческому развитию, наполняя вопросы войны и мира новым социальным содержанием.

* * *

Социальный опыт XX столетия подтвердил в главном важнейшие положения марксизма о неразрывной взаимосвязи борьбы за мир и социальный прогресс, о важности революционных преобразований для формирования реальных факторов мира. Победа Великой Октябрьской социалистической революции в России не только открыла эпоху перехода от капитализма к социализму. Она означала «первую победу дела уничтожения войн»[3]. Впервые в истории в результате ликвидации эксплуататорских классов и частной собственности на средства производства, а также возникновения государства нового типа было создано общество, ориентированное на мир, на мирное сожительство с народами[4], порвавшее «с варварской политикой буржуазной цивилизации, строившей благосостояние эксплуататоров в немногих избранных нациях на порабощении сотен миллионов трудящегося населения в Азии, в колониях вообще и в малых странах»[5]. Молодое Советское государство вошло в мировую политику с программой отказа от войн, агрессии, выразив готовность сотрудничать во имя мира как с правительствами, так и с народами.

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 476.
[2] Там же, т. 26, с. 314.
[3] Там же, т. 44, с. 149.
[4] См. там же, т. 40, с. 145.
[5] Там же, т. 35, с. 222.

Решающий вклад Советского Союза в разгром фашизма, его активная роль в борьбе за демократический, справедливый мир по окончании второй мировой войны, солидарность с антиимпериалистическими силами и движениями против колониализма и неоколониализма, противодействие плана подготовки и развязывания ядерной войны во второй половине XX столетия — таковы наиболее важные, существенные результаты в мировой политике действия «могучего фактора борьбы против империалистической политики угнетения, агрессии и войны, за мир, демократию и социальный прогресс»[1] — первой страны социализма.

Возникновение в 40-х гг. мировой социалистической системы вызвало к жизни новый тип международных отношений, складывающихся на основе равноправия, независимости и строгого соблюдения суверенитета всех государств социалистического содружества, классовой солидарности, сотрудничества и взаимопомощи в решении задач созидания цивилизации нового типа, совместной защиты социалистических завоеваний и вместе с тем борьбы за упрочение мира. Логическим продолжением и развитием этого курса является выдвинутая КПСС в напряженной международной обстановке 80-х гг. широкомасштабная программа борьбы за ликвидацию ядерного оружия, за создание всеобъемлющей системы всеобщей и равной безопасности и устранение угрозы мировой термоядерной катастрофы.

В характерном для переходной эпохи соревновании двух систем именно социализм представляет силу, объективно и субъективно способствующую утверждению в практике международных отношений принципов мирного сосуществования, сотрудничества стран с различным общественно-политическим строем в целях совместного решения глобальных, общечеловеческих проблем. Отсутствие в социалистических странах реакционных классовых сил и социально-экономических предпосылок для развития милитаризма дополняется созданием идеологических, политических и законодательных преград пропаганде войны, воспитанию ненависти к другим народам, культу насилия и жестокости — всему тому, что составляет существенную часть идейно-политической ситуации в несоциалистической части мира, осложняя международную обстановку.

---

[1] Материалы XXVII съезда КПСС, с. 122.

Важной составной частью революционных перемен второй половины XX в. стало мощное национально-освободительное и антиимпериалистическое движение против колониализма и неоколониализма, против расистских и диктаторских режимов, против всей системы неравноправных политических и экономических отношений. Процесс крушения колониальной системы затянулся на ряд десятилетий и принял гигантские масштабы, втянув в свою орбиту Азию, Африку, Латинскую Америку, Океанию. Он сопровождался напряженными политическими битвами, зачастую весьма длительными и кровопролитными национально-освободительными войнами и вооруженной борьбой молодых независимых государств против империалистических держав, пытавшихся вернуть былые привилегии. В результате краха колониальной системы на арену мировой политики вышли около ста независимых государств. «Превращение бывших колоний и полуколоний в активного субъекта международных отношений выразилось в том, что освободившиеся страны, во-первых, начали играть самостоятельную роль на мировой арене, и, во-вторых, их позиция в возрастающей степени стала учитываться при выработке всех решений глобального характера» [1].

Благодаря крушению колониализма оказалось возможным возникновение и развитие такого важного феномена международной жизни, как Движение неприсоединения. Объединяя почти сто государств Европы, Азии, Африки, Океании и, отчасти, Латинской Америки, оно играет заметную роль в утверждении принципов мирного сосуществования, в борьбе за разоружение, за устранение ядерной угрозы. Наряду с ним сформировались и действуют и другие организации развивающихся стран, отражающие процессы их межгосударственной консолидации, такие, как Организация африканского единства, Лига арабских стран, АСЕАН, Организация американских государств, Латиноамериканская экономическая система, Южно-Тихоокеанский форум и другие. Отражая калейдоскоп противоречивых интересов, потребностей, запросов, идеологий, претензий и предрассудков, эти организации, как и сами развивающиеся страны, составляют целый мир, который ищет организационные формы своего действенного, равноправного участия в решении

---

[1] *Примаков Е.* Освободившиеся страны в международных отношениях.— Мировая экономика и международные отношения, 1982, № 5, с. 14.

вопросов всего человечества. А это не может не вести к нарастанию его воздействия на мировую политику и экономику, на мировое развитие в целом.

Социальные перемены в мире и собственный опыт борьбы с фашизмом, реакцией трудящихся капиталистических стран облегчили укоренение в общественном сознании значительной части населения Запада демократических представлений о нормах международной жизни — праве наций на самоопределение, на самостоятельный выбор пути развития, неприятие военно-силовых методов, шовинизма, идей реванша, ксенофобии, расизма. Это привело к расширению социальной базы антивоенного движения в странах Запада. Отсюда обоснованный КПСС и международным коммунистическим движением уже в 50-х гг. вывод о возможности предотвращения войны в современную эпоху и необходимости при наличии ядерного оружия в ядерную эру утверждения в международных отношениях принципов мирного сосуществования.

Рост влияния в мировой политике стран социализма и освободившихся народов, а также обеспеченный усилиями стран социалистического содружества военно-стратегический паритет позволили ввести в действие принципиально иные механизмы обеспечения мира — не только и не столько средствами классового противоборства, сколько на путях формирования «цивилизованных», достойных грядущего XXI столетия взаимоотношений между государствами. Речь идет о своего рода «институализации» борьбы за мир и разоружение как следствии признания принципов мирного сосуществования и недопустимости ядерной войны все большим кругом стран, международных правительственных и неправительственных организаций. Осуждение войны и агрессии, ядерной войны в особенности, признание принципов мирного сосуществования зафиксированы к настоящему времени в сотнях официальных документов — в Уставе и решениях ООН, в решениях трех специальных сессий ООН по разоружению, в документах Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора, в хельсинкском Заключительном акте 1975 г., в решениях VII и VIII конференций глав государств и правительств стран — участниц Движения неприсоединения, в многочисленных двусторонних и многосторонних межгосударственных соглашениях. На наших глазах формируются и утверждаются новые международно-пра-

вовые нормы и принципы, осуждающие силовые, военные методы разрешения межгосударственных разногласий и международных конфликтов. Такому способу решения международных проблем принадлежит будущее.

Эти позитивные тенденции в международной жизни имеют тем большее значение, что в противовес им на всем протяжении XX столетия наблюдалось резкое усиление роли военного фактора в общественном развитии. Революционным движениям и странам, вступившим на путь социальных преобразований, пришлось иметь дело с мощью ведущих империалистических держав, обладающих серьезными экономическими, политическими, научно-техническими, военными и иными ресурсами. Противоборство сил прогресса и реакции крайне осложнилось пароксизмами общего кризиса капитализма, нежеланием правящих кругов стран Запада смириться с социальными переменами. Опасно возросла роль милитаризма и военно-силовых методов в социальной и внешнеполитической стратегии правящих кругов Запада. Помимо прежних функций милитаризма, о которых говорил В. И. Ленин,— военной силы, употребляемой капиталистическими государствами при их внешних столкновениях, и оружия в руках господствующих классов для подавления всякого рода (экономических и политических) движений пролетариата [1] — в наше время он выступает прежде всего как орудие социального реванша, средство противоборства с миром социализма и сдерживания его созидательных потенций. Милитаризм стал также существенной частью стратегии «неоколониализма» и сохранения системы эксплуатации и порабощения народов Азии, Африки, Латинской Америки и Океании; он является важным инструментом империалистического соперничества и имперских притязаний ведущих держав Запада, в особенности США. Стратегия социального реванша в сочетании с нестабильностью мирового развития стала опаснейшим источником международной напряженности, кризисных ситуаций и войн.

Неизбежным следствием эскалации милитаризма явилось вынужденное использование революционными силами военных методов противодействия агрессии и реакции, историческая необходимость для народов, вставших на путь национального и социального освобождения, вновь и вновь с оружием в руках отстаивать свой выбор. XX сто-

---

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 17, с. 187.

летие дало исключительное многообразие типов войн — революционных и контрреволюционных, фашистских и антифашистских, локальных и мировых, «необъявленных», «тайных» и открытой интервенции и вооруженного им отпора, имперских и национально-освободительных и многих других. Трудности переходной эпохи, порожденные сосуществованием и взаимодействием социалистической и капиталистической систем, многократно осложнились мучительным процессом вовлечения в движение всемирной истории — мировую политику и экономику, социальные, культурные и научно-технические связи — народов, находившихся еще в начале века на докапиталистической стадии развития. На протяжении XX в. они прошли через колониальное порабощение и насильственное приобщение к участию в мировых войнах, испытали ужасы фашистской агрессии и господства милитаризма, а также современных «неоколониалистских» войн, в которых жестокость и зверства в духе колониальных времен совмещаются с применением новейших средств истребления. Способность к защите революции и революционных завоеваний в условиях исходящей от империализма угрозы народам, вставшим на путь социального и национального освобождения, по-прежнему остается непременным условием революционной стратегии и тактики.

В равной мере выбор прогрессивных путей развития все новыми народами и странами значительно укрепляет позиции сил мира на международной арене.

Вместе с тем дальнейшее сращивание капитализма с милитаризмом и формирование на базе этого сращивания могущественных сил военно-промышленного комплекса поставило на исходе XX столетия во весь рост перед мировым сообществом непростой теоретический и политический вопрос: возможно ли уже в нынешней фазе мирового развития, на новом уровне взаимозависимости и целостности мира такое воздействие на природу империализма, которое блокировало бы наиболее опасные ее проявления, ограничило бы диапазон разрушительного действия эгоцентрических, узкоклассовых закономерностей капиталистической системы, и прежде всего таких, как милитаризм и неоколониализм. «Иными словами, речь идет о том, сможет ли капитализм адаптироваться к условиям безъядерного и разоруженного мира, условиям нового, справедливого экономического порядка, условиям честного сопоставления духовных ценностей двух

миров?»[1] Соответственно перед всеми прогрессивными, революционными силами современности настоятельно встает беспрецедентная по своей значимости задача поиска адекватного ответа на вызов времени, максимального учета новых ракурсов и критериев борьбы за мир и социальный прогресс на современном, критическом этапе мирового развития и выбора наиболее эффективных форм этой борьбы. Речь идет о целом комплексе проблем: о социальных приоритетах и иерархии ценностей — классовых и общечеловеческих, национальных, интернациональных и глобальных, о критериях революционности и революционной идеологии, политики, этики на рубеже XX—XXI столетий, о соотношении мирных и вооруженных форм борьбы и роли революционного насилия в условиях ракетно-ядерного века, о специфике и закономерностях борьбы за мир по сравнению с классовой борьбой, о роли и удельном весе внутриполитических и внешнеполитических проблем в деятельности революционных партий и движений и многих других. 80-е гг. внесли немало нового в революционную теорию и практику борьбы за мир и социальный прогресс.

* * *

В сложном комплексе проблем, которые во весь рост встали перед мировым сообществом в преддверии XXI столетия, задача предотвращения ядерной угрозы и преодоления опасного тупика, в котором рискуют оказаться все страны и народы в случае продолжения гонки вооружений, по своей значимости и масштабности, по благотворным последствиям без преувеличения может быть названа главной, центральной.

Вопрос об опасности ядерной войны, строго говоря, не нов. Свыше сорока лет народы мира живут под гнетом сознания возможности ядерной катастрофы. Более половины ныне живущих людей планеты родились и выросли в условиях ракетно-ядерного противостояния двух миров — капитализма и социализма, нагнетания, в несоциалистической части мира, военного психоза, милитаризации общественного и политического мышления. За послевоенный период человечество несколько раз оказывалось на грани возникновения ядерной войны. В высших эшелонах власти США, по признанию ответственных

---

[1] *Горбачев М. С.* Октябрь и перестройка: революция продолжается. М., 1987, с. 48.

государственных деятелей, более 30 раз практически ставился вопрос о применении ядерного оружия. Лишь благодаря усилиям Советского Союза и социалистического содружества и наличию военно-стратегического паритета удалось на протяжении сорока с лишним лет сохранить мир.

В 80-е гг. мир подошел к критической черте: возникла экстремальная ситуация, когда война перестала быть средством политики, а выбор между войной и миром стал синонимом выбора между выживанием и самоуничтожением. Вопросы войны и мира, обуздания гонки вооружений, не утрачивая своей социально-классовой природы, обрели общечеловеческое, цивилизационное, глобальное значение.

Экстремальность мировой ситуации в конце XX столетия обусловлена, как подчеркнуто в материалах XXVII съезда КПСС, совокупностью многих факторов: военно-технических, социально-экономических, политических и иных, а также противоречиями и тенденциями современной переходной эпохи, особенностями критического и во многих отношениях переломного этапа развития мировой цивилизации. Отметим некоторые из них. Первый и главный фактор, который все больше воздействует на расстановку сил в мире и определяет остроту военно-стратегической и политической ситуации, заключается в том, что в результате насыщения планеты современным оружием массового уничтожения впервые в истории возникла военно-техническая, физическая возможность уничтожения человечества и самой жизни на земле. Ученые, представляющие различные отрасли науки — медицину и биологию, физику, геофизику, математику и другие, на основе современных методов математического моделирования убедительно доказали, что применение даже небольшой части накопленных ядерных боеприпасов положит конец человеческой истории. К этому же выводу приходят и специалисты в области военного дела.

Во-вторых, опасный для судеб мира рост военной угрозы и международной напряженности в 80-е гг. обусловлен политическим курсом влиятельных кругов Запада, выражающих интересы милитаристских фракций монополистической буржуазии и военно-промышленного комплекса. С конца 70-х гг. они усилили материальную подготовку ракетно-ядерной войны, вывели на еще более опасные рубежи гонку вооружений, втягивая в ее орбиту новые страны и регионы и угрожая милитаризацией

космоса. Поборники военного превосходства и «мира с позиций силы» навязывают мировому сообществу крайне опасный метод решения насущных международных проблем, в частности, исторического спора между капитализмом и социализмом, а также всего комплекса вопросов, касающихся развивающихся стран. Все это ведет к дестабилизации международной обстановки, крайне затрудняя реализацию диалога и договоренностей на равной основе по вопросам безопасности в интересах всех стран и народов.

В-третьих, новый тур гонки вооружений совпадает с новой фазой научно-технической революции, а это чревато огромными опасностями. Широкое применение новых технологий в военно-технических целях неизбежно ведет к дальнейшему увеличению разрушительной силы ядерного и обычного оружия, к созданию новых его видов, контроль за производством и применением которых либо затруднен, либо практически невозможен. Сосредоточение производства качественно новых видов оружия в наиболее развитых в научно-техническом отношении капиталистических странах и резкое удорожание вооружений чревато расширением возможностей их военно-политического диктата по отношению к развивающимся странам, дальнейшей милитаризацией науки и техники, резким сокращением возможностей использования НТР в созидательных целях.

В-четвертых, в последнее десятилетие выявилась органическая связь между гонкой вооружений и обострением многих глобальных проблем. Многочисленными исследованиями советских и зарубежных ученых, правительственных и неправительственных научных центров многих стран убедительно показано, что гонка вооружений, помимо прямых гигантских материальных расходов (в последние годы на военные нужды расходуется свыше 1 трлн дол. в год), все более негативно влияет на мирохозяйственную деятельность, на состояние биосферы, создавая угрозу жизни на нашей планете.

Превращение задачи сохранения мира в проблему выживания человечества придает ей, наряду с несомненной социальной и классовой природой таких общественных феноменов, как война и мир, новые черты, вводя в сферу мировой политики, международных отношений, классовой борьбы в качестве существенного их компонента категорию общечеловеческих интересов. С небывалой силой подтверждается высказанная уже в XIX в. К. Марксом и

Ф. Энгельсом мысль о необходимости в процессе общественной деятельности учитывать интересы и взаимную зависимость всего человечества [1], диалектику общественного развития и потребности будущего. Ныне борьба за мир и мирное сосуществование выступает как условие обеспечения «первейшего права каждого человека — права на жизнь» [2] и одновременно самого существования человечества.

Общечеловеческая значимость предотвращения мировой термоядерной катастрофы усугубляется обострением к концу XX столетия противоречий цивилизационного характера, всей совокупности глобальных проблем, пренебрежение которыми или отсрочка их решения могут опасным образом повлиять на судьбы человечества уже в ближайшем будущем. Логика ядерной эпохи, потребности обеспечения нормальных условий жизнедеятельности человечества в переломный и во многих отношениях критический период мирового развития обусловили рост взаимозависимости стран мирового сообщества, необходимость соотнесения государственной, национальной, социальной и общественно-политической деятельности всех его членов с общечеловеческими, глобальными интересами.

Но это значит, что над всеми социальными и классовыми противоречиями, над главным противоречием современной эпохи — противоборством двух систем — надстроился жизненной важности вопрос выбора между выживанием либо самоуничтожением. Из отдаленной исторической перспективы, каковой она представлялась во времена Маркса и Энгельса, задача утверждения принципов мира в международных отношениях превратилась на наших глазах в настоятельную и неотложную политическую потребность. Возможность предотвращения войны, признанная марксистами-ленинцами в 50-х гг., превращается в насущную задачу сил прогресса и мира, в императив истории.

Выдвижение общечеловеческих проблем в центр мировой политики предполагает пересмотр многих традиционных представлений, ориентиров и стереотипов деятельности, сформировавшихся в доядерную эпоху, при ином уровне интернационализации общественной жизни, иных масштабах и накале глобальных проблем, иной «це-

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 2, с. 236—237; т. 9, с. 230.
[2] Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 5.

не» выбора между миром и войной. Прежде всего речь идет о военно-стратегических концепциях, нормах и практике межгосударственных отношений, но не ограничивается ими. Критическая ситуация, сложившаяся в итоге сорока лет развития мирового сообщества в ядерную эпоху, как подчеркнуто на XXVII съезде КПСС, заставляет по-новому взглянуть на реалии современного мира, на возможности и перспективы разрешения присущих ему противоречий, пути и формы обеспечения общественного прогресса. Вопросы войны и мира в их чрезвычайной, «катастрофической» форме выбора между выживанием и самоуничтожением как бы высветлили и обнажили во всей их очевидности масштабы и беспрецедентность стоящих перед человечеством на пороге XXI столетия проблем, далеко зашедшую интернационализацию и глобализацию общественных процессов, взаимозависимость стран и народов. Реальная угроза катастрофы планетарного масштаба (если не удастся переломить опасное развитие событий) заставляет по-новому подходить к проблемам взаимоотношений между народами, к критериям прогресса, к принципам взаимоотношений противоположных общественно-политических систем, ко многим аспектам общественной жизни. На первый план выходит задача овладения искусством совместного сосуществования на одной планете государств с различным общественно-политическим строем.

Новая ситуация ставит серьезные проблемы перед всеми участниками современного диалога по вопросам войны и мира — правительствами, народами, политическими и общественными силами. Сохранение мира требует прежде всего пересмотра нынешних военно-стратегических, политических и идейных установок правящих кругов Запада, обусловленных их враждебностью социализму и коммунизму, стремлением к одностороннему решению вопросов мировой политики в интересах «западной цивилизации», ставкой на вооруженный способ разрешения исторического спора между капитализмом и социализмом. Сложные зигзаги международных отношений — «холодная война», разрядка 70-х гг., второе издание «холодной войны», «дух Женевы», «послеженевский синдром», трудное развитие советско-американского диалога — от Женевы и Рейкьявика до встречи в верхах в Вашингтоне и Москве — свидетельствуют о том, как мучительно, противоречиво происходит процесс постижения новых мировых реалий господствующими кругами Запада,

как велико влияние милитаристских сил, не желающих поступиться ни прибылями военного бизнеса, ни имперскими претензиями на монопольное руководство миром.

Принципиальная ориентация на мир советской внешней политики существенно облегчила освоение новых реалий ракетно-ядерной эры Советским Союзом и другими странами социалистического содружества, хотя нельзя не признать, что на этом пути были и трудности, и просчеты. «Огромный моральный авторитет, с которым вышел из войны Советский Союз,— отмечалось в докладе «Октябрь и перестройка: революция продолжается» на юбилейных торжествах в связи с 70-летием Великой Октябрьской социалистической революции,— мы не смогли реализовать, чтобы консолидировать миролюбивые, демократические силы и остановить организаторов «холодной войны». Не всегда адекватной была наша реакция на провокационные действия империализма»[1]. Курс на перестройку, демократизацию и гласность, взятый с апрельского (1985 г.) Пленума Центрального Комитета КПСС, стал серьезным импульсом для корректировки внешнеполитического курса Советского Союза и разработки нового политического мышления как сплава философии мира и реальной политики в интересах обуздания гонки вооружений, устранения угрозы ядерного всеуничтожения, движения человечества к безъядерному, ненасильственному миру, утверждения принципов мирного сосуществования в межгосударственных отношениях. Важными программными документами в духе нового политического мышления стали Заявление Советского правительства от 15 января 1986 г., советско-индийская Делийская декларация о принципах свободного от ядерного оружия и ненасильственного мира, конструктивные инициативы государств — участников Варшавского Договора в ООН в интересах создания системы всеобщей и равной безопасности и коренной демократизации международных экономических и политических отношений.

Учитывая характер и масштабы глобальных проблем, вставших перед человечеством на современном этапе, Советский Союз, все социалистическое содружество отстаивают значительно обогащенный принцип мирного сосуществования. Исходя из признания чрезвычайности соз-

---

[1] *Горбачев М. С.* Октябрь и перестройка: революция продолжается, с. 44.

давшейся ситуации и являя пример нового мышления во имя будущего, Советское государство и КПСС в последние годы выдвинули и всесторонне обосновали конструктивную программу оздоровления международной обстановки на путях отказа от силовых, военных методов в межгосударственных отношениях, а в особенности — в процессе разрешения исторического спора между капитализмом и социализмом. Как подчеркивалось на XXVII съезде КПСС, «современный мир стал слишком маленьким и хрупким для войн и силовой политики. Спасти и сохранить его нельзя, если не порвать — решительно и бесповоротно — с образом мыслей и действий, которые веками строились на приемлемости, допустимости войн и вооруженных конфликтов» [1].

Перспективность такой постановки вопроса по достоинству оценена прогрессивными и миролюбивыми силами планеты. Программа безъядерного мира открывает широкие возможности сотрудничества в интересах безопасного будущего всех стран и народов, нацеливает на создание подлинно всемирной коалиции разума, способной сохранить нашу планету и обуздать силы войны и милитаризма. Не менее знаменательна и другая сторона отстаиваемой Советским Союзом и другими странами социалистического содружества концепции мирного сосуществования — готовность к диалогу и сотрудничеству по вопросам безопасности и другим общезначимым проблемам со странами с иным общественно-политическим строем, стремление к поиску взаимоприемлемых решений, признание того, что в политике, дипломатии существует немало возможностей для компромиссов. Взгляду на мир через призму ядерного устрашения и интересов «западной цивилизации», сплошь и рядом сводимых к своекорыстным интересам военного бизнеса и военно-промышленного комплекса, Советский Союз, социалистическое содружество противопоставляют способность видеть мировое сообщество во всей его совокупности, готовность противопоставить логике конфронтации политику конструктивного, созидательного взаимодействия государств и народов в масштабах всей планеты. Не случайно программа безъядерного мира и всеобщей безопасности уделяет такое большое внимание перестройке политического и общественного сознания, формированию — в противовес традиционным, по преимуществу военным методам —

---

[1] Материалы XXVII съезда КПСС, с. 65.

качественно новых основ всеобъемлющей безопасности — политических, экономических, правовых, гуманитарных и морально-нравственных. Такой подход отвечает чаяниям всех народов, соответствует позиции ООН — самого представительного международного органа, в рамках которого вырабатываются рекомендации 159 государств мира.

Фактически мировому сообществу в преддверии XXI в. предложены два различных варианта развития: один — милитаристских кругов Запада, поборников конфронтации и политики с позиций силы, связанный с продолжением в погоне за военным превосходством гонки вооружений, милитаризации космоса, с попытками блокировать влияние социализма на мировой арене, с навязыванием миру политики «неоглобализма» — путь, чреватый новыми потрясениями и сползанием человечества в ядерную пропасть; и другой — предложенный СССР, социалистическим содружеством в интересах мира, созидания, дальнейшего упрочения отношений солидарности и взаимопомощи, приведения в действие сил самосохранения человечества.

Именно в способности каждой из двух социально-политических систем дать ответ на вызов времени, соотнести собственные интересы и цели с потребностями всего человечества, содействовать сохранению и приумножению плодов человеческой цивилизации выявляется в преддверии XXI столетия мера жизненности и «современности» социализма и капитализма.

Подписание в Вашингтоне в декабре 1987 г. договора о ликвидации двух классов ядерных вооружений (РСД и РМД) и ряд советско-американских соглашений дали мощный импульс процессу разоружения и оздоровлению международных отношений, приведению в действие мощных сил самосохранения человечества и утверждению гуманистических начал в мировой политике. Принципиальное значение имеет подтверждение в совместном документе решимости обеих сторон не допускать возникновения ядерной войны ввиду ее разрушительных последствий.

* * *

Борьба за мир на современном этапе происходит в контексте сложной и противоречивой действительности, при наличии острейших социальных и классовых противоречий и гигантского объема нерешенных социальных

проблем в несоциалистической части мира. Отсюда усложнение взаимодействия социально-классовой борьбы и борьбы за мир и вместе с тем рост удельного веса и значения антивоенной, антимилитаристской деятельности народных масс и антивоенных организаций и движений.

Важной реальностью общественно-политической жизни в 80-е гг. стало беспрецедентное по своим масштабам и размаху антиракетное, антиядерное движение, которое приобрело черты общегуманистического движения во имя спасения жизни на Земле. В несоциалистической части мира наряду с традиционным общественным водоразделом между силами прогресса и его противниками возникает, пересекая страны, партии и общественные организации, новый водораздел между силами мира и войны.

О самом движении, его сложном социальном составе, своеобразной организационной структуре, особенностях идеологии различных его компонентов — молодежного, женского, экологического движений, религиозных пацифистских организаций и др., сложных взаимоотношениях с левыми, демократическими партиями и организациями, наличии в его рамках подчас весьма острых идейных и политических расхождений написано немало. Вместе с тем распространение движения на новые страны и континенты, поиск его участниками новых решений в усложнившейся международной обстановке, расширяющийся на почве борьбы за разоружение и разрядку диалог общественности Запада и Востока, Севера и Юга по-прежнему делают его изучение весьма актуальным. В данном случае важно отметить, что принципиально нового дало это движение — при всех его достоинствах и слабостях, завоеваниях и неудачах — для решения главной, насущной задачи современности — устранения опасности мировой термоядерной катастрофы, какие новые тенденции и явления в общественно-политической жизни отразили эти разномасштабные — локальные, национальные, международные — выступления людей разного возраста и национальности, политических и религиозных убеждений, которые все эти годы шли в колоннах «маршей мира», несли нелегкую вахту в «лагерях мира», собирали подписи под воззваниями в пользу мира, диалога, разоружения.

Главной, неоспоримой заслугой антиракетного, антиядерного движения явилось то, что его участники, вопреки ветрам «холодной войны» и антисоветской, антикоммунистической истерии поборников «ядерного устраше-

ния», *отвергли самую возможность ядерной войны во имя каких бы то ни было политических и идеологических целей*. То, что в 40—50-е гг. и даже позднее, во времена разрядки, казалось на Западе достоянием лишь левых сил, а точнее коммунистов, в 80-е гг. стало убеждением большинства населения Западной Европы, обрело права гражданства в Западном полушарии, стало все больше осознаваться населением всех стран и континентов. В массовых выступлениях 80-х гг. выразилась глубокая обеспокоенность широких масс «ядерным миром» — «миром» под страхом взаимного уничтожения, в условиях непрекращающейся гонки вооружений, втягивающей в свою орбиту все новые страны. Наряду с требованиями «заморозить» арсеналы ядерного оружия, отказаться от ядерных испытаний и милитаризации космоса, возобновить диалог великих держав по вопросам сокращения вооружений участники антивоенных акций ратуют за диалог и поиск политических решений острейших проблем современности. Они придают большое значение движению за «культуру мира», за «демилитаризацию» человечества, призывая действовать по принципу: «если хочешь мира, готовься к миру». Именно в недрах антиракетного, антиядерного движения — и стихийно, и осознанно — было сформулировано миллионами его участников право на жизнь как важнейшее из прав человека.

Движение, отразив решимость его участников, нередко прежде аполитичных и равнодушных к общественным проблемам (как известно, немалую роль в нем играют молодежь, домохозяйки, пенсионеры и другие категории неработающей части населения), сказать свое слово в пользу мира, вынудило многие партии и общественные организации стран Запада, в особенности проатлантистски настроенные, пересмотреть свои позиции по вопросам безопасности, разоружения, привлекло их внимание к самой болезненной и труднорешаемой проблеме — военной разрядке. Особенно заметен этот поворот в международных позициях социал-демократии и профцентров различной ориентации.

Начинаясь сплошь и рядом как движение локальных инициатив — объявление безъядерными отдельных муниципалитетов, коммун, городов, антиракетное, антиядерное движение стимулировало постановку вопроса о создании безъядерных зон на региональном и континентальном уровнях — на Севере Европы и на Балканах, в Средиземном море и Африке, в юго-западной части Тихого

океана и других районах. Борьба против ядерной угрозы переплетается с требованием и мирного урегулирования острейших международных конфликтов. Во многих странах она органически связана с защитой национального суверенитета против империалистического диктата и агрессии.

Важной особенностью современного антиракетного, антиядерного движения является его идейный и политический плюрализм. В рамках его сосуществуют и взаимодействуют различные политические, общественные партии, организации, течения, представлены весьма различные концепции мира — марксистские и немарксистские, религиозные, этические, научные и иные. Различные компоненты движения находятся между собой в сложных взаимоотношениях — идейной конфронтации и плодотворного диалога. Можно сказать, что в нем воспроизводится глобальная ситуация — необходимость найти оптимальные формы сотрудничества различных общественных и политических сил.

Общечеловеческое, глобальное соизмерение вопросов войны и мира и особенности современного антивоенного движения придают особую актуальность сотрудничеству марксистов и пацифистов, революционных и нереволюционных партий, движений, идейных течений. Как известно, отношение марксизма к пацифизму, равно как и к мелкобуржуазным и реформистским концепциям борьбы против военной опасности и милитаризма, весьма длительное время было в целом весьма негативным. Немалую роль в этом играла несостоятельность пацифистских методов борьбы в условиях господства капитализма и империализма, враждебность пацифистских течений рабочему движению, стремление их отвлечь трудящихся от борьбы против социального угнетения. Положение стало меняться в связи с первой мировой войной, стимулировавшей развитие антивоенных настроений в широких слоях населения и формирование пацифистских течений в рамках господствующего класса. У Ленина, при его принципиальном неприятии идеологии пацифизма, можно найти интереснейшую постановку вопроса о важности для революционных партий учитывать сдвиги в общественном сознании трудящихся по вопросам войны и мира, равно как принимать во внимание расхождения по вопросам внешней политики между милитаристскими и пацифистскими фракциями буржуазии. Сама ленинская концепция мирного сосуществования в немалой степени строилась

на учете возможностей использования пацифизма для блокирования курса реакционных сил, а также военных партий в странах капитала.

Правда, диалектический подход Ленина к идеологии и политике пацифизма в 20 — начале 30-х гг. уступил место в международном коммунистическом движении более жестким и прямолинейным суждениям. Но уже VII конгресс Коминтерна в 1935 г. призвал коммунистов покончить с недооценкой борьбы за мир, связывая ее с борьбой в защиту демократии против фашизма. Он поставил задачу сплочения на основе борьбы за мир рабочего класса, прогрессивной интеллигенции, средних слоев, пацифистских движений и демократических организаций, активизации борьбы народов колониального Востока против агрессии. Особое внимание было обращено на необходимость активно поддерживать «добросовестных пацифистов» в их справедливом и гуманном стремлении к миру, не пытаться придавать организации пацифистских масс характер коммунистической организации, но и не отказываться от пропаганды ленинских взглядов на антивоенную борьбу [1].

Борьба коммунистов против опасности мировой термоядерной катастрофы, за жизнь на земле и сохранение цивилизации является прямым продолжением их многогранной антивоенной, антимилитаристской, антиимпериалистической деятельности. Она обусловлена их приверженностью делу мира и социального прогресса. В отличие от влиятельных пацифистских течений, считающих возможным вести борьбу за мир, не вступая в противоборство с силами империализма, особенно с его милитаристскими кругами и влиятельными «военными партиями», революционные силы возлагают историческую ответственность за материальную, политическую и идейную подготовку ракетно-ядерной войны, «звездных войн», за гонку вооружений и дестабилизацию международной ситуации на империализм. Поскольку правящие круги Запада всемерно форсируют военные приготовления и с немалым предубеждением относятся к процессу ядерного разоружения, значение активного противодействия сил прогресса опасным для дела мира действиям милитаристских фракций крупного монополистического капитала возрастает.

---

[1] См.: VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны (Сб. док.). М., 1975, с. 276—277.

Вместе с тем необходимость в интересах сохранения мира достижения договоренностей между Западом и Востоком по широкому кругу вопросов, в особенности по вопросам взаимной безопасности и обуздания гонки вооружений, *ломает традиционные для революционных сил представления о роли и значении мира в общей системе приоритетных целей и задач, о механизмах обеспечения мира, о соотношении борьбы за мир с борьбой за социальный прогресс*. Прежде всего, в связи с гигантским расширением социальной базы антивоенного движения и распространением его на новые страны и континенты возникает настоятельная необходимость координации на почве борьбы за мир действий революционных, реформистских и пацифистских организаций, марксистов и немарксистов, верующих и атеистов. Опыт антиракетного, антиядерного движения 80-х гг., совместных выступлений против гонки ядерных вооружений лиц различных политических, идеологических, религиозных убеждений и стран с различным строем свидетельствует о возросших возможностях диалога и сотрудничества во имя мира и прогресса неизмеримо более широкого круга сил, чем это представлялось еще десятилетие тому назад; существенно расширяются возможности конструктивного диалога марксистов и немарксистов при сохранении каждой из сторон своего собственного идейного и политического облика.

Непременным условием такого диалога является признание в качестве его первоосновы важнейших, основополагающих идей нового политического мышления, готовность к его совместному развитию и обогащению, а также к реализации его принципов в практике межгосударственных отношений. В их числе: признание приоритета общечеловеческих интересов и потребностей общественного развития, интересов будущего; трезвый учет всего многообразия различных государственных интересов в современном, социально неоднородном мире и поиск путей их координации, не поступаясь при этом интересами социального прогресса и правом народов на самостоятельный выбор путей общественного развития, но и не игнорируя потребностей всего мирового сообщества в целом; реалистический анализ всей совокупности процессов, тенденций, противоречий мирового развития и возможно более полный охват интересов всех противоборствующих или взаимодействующих стран; предпочтение политических средств урегулирования конфликтов

и снижение военного противостояния до уровня разумной достаточности; способность, несмотря на существенные различия социально-экономических, политических, военных и иных интересов и идеологические разногласия, признать необходимость совместных действий всех государств во имя обуздания гонки вооружений, решения глобальных проблем, устранения вопиющих социальных бедствий, угрожающих непредсказуемыми осложнениями в будущем.

Естественно, что процесс усвоения нового политического мышления и отрешения от изживших себя прежних стереотипов, догм, представлений сопряжен с немалыми трудностями идеологического и политического свойства и потребует немалых усилий со стороны социалистических стран, демократических и антивоенных организаций и движений на Западе, в развивающихся странах, международного коммунистического и рабочего движения, антиимпериалистических сил. Вместе с тем множатся зримые приметы успешного укоренения его ростков в общественном сознании и в политической практике сил прогресса. Свидетельством этого явилась московская Встреча 178 делегаций из 120 стран, представлявших коммунистические, социалистические и социал-демократические, революционно-демократические и национально-освободительные партии, международные организации, массовые движения. Обсуждение путей разрешения огромного комплекса существующих в современном мире противоречий — общецивилизационных, социальных, национальных и иных — показало понимание участниками встречи опасности конфронтационных и полуконфронтационных форм их разрешения, чреватых эскалацией милитаризма, нагнетанием международной напряженности. С пониманием встречены левыми силами практические шаги ряда стран, призванные способствовать политическому урегулированию острейших региональных конфликтов.

Крупным успехом нового политического мышления явилось подписание в Женеве в апреле 1988 г. соглашений об урегулировании международной ситуации вокруг Афганистана. Тем самым создан важный прецедент политического урегулирования региональных конфликтов, осложняющих международную обстановку. Важные шаги в этом направлении предприняты правительствами Кампучии, Никарагуа; развертывается борьба за созыв международной конференции по Ближнему Востоку; да-

ют первые плоды усилия антиимпериалистических и демократических сил по оздоровлению ситуации на Юге Африки, а также по мирному урегулированию ирано-иракского конфликта.

Опыт и уроки противоборства сил прогресса и реакции в последнее десятилетие свидетельствуют о том, что в условиях ракетно-ядерного противостояния, интернационализации и глобализации общественной жизни, обострения целого комплекса глобальных проблем главным направлением борьбы за социальный прогресс в современных условиях становится «создание достойных, подлинно человеческих материальных и духовных условий жизни для всех народов, обеспечение обитаемости нашей планеты, рачительное отношение к ее богатствам. И прежде всего к главному богатству — самому человеку, его возможностям»[1]. Соответственно борьба за разрядку международной напряженности и обуздание гонки вооружений превращается в *главное, ключевое звено борьбы за социальный прогресс,* а сама эта борьба развертывается не только на национальном и региональном, но и на глобальном уровнях, в особенности в сфере мировой политики и экономики, в научно-технической и гуманитарной областях, в экологической сфере.

Движение к более безопасному и ненасильственному миру позволяет придать мощный импульс решению насущных социальных проблем — борьбе с голодом, нищетой, болезнями, использованию в интересах человечества плодов научно-технической революции и предотвращению расточительства материальных ресурсов на вооружения, оздоровлению духовной и политической атмосферы. Социалистические страны в случае прекращения гонки вооружений получат возможность сосредоточить все ресурсы на решении мирных, созидательных задач. В развитых капиталистических странах уменьшение военных расходов и реконверсия промышленности откроют путь к ограничению всевластия сил военно-промышленного комплекса и стоящих за ним реакционных, милитаристских фракций крупного монополистического капитала, к решению проблем занятости, охраны окружающей среды, демократизации общественной жизни. Но особенно велика роль разоружения и демилитаризации современного мира для решения проблем развития значительной части человечества — народов Латинской Америки, Азии, Африки, Азиатско-Тихоокеанского региона.

---

[1] Материалы XXVII съезда КПСС, с. 21.

Затянувшаяся на десятилетия в процессе борьбы с колониализмом и неоколониализмом ситуация войн, насилия, агрессии в болевых точках планеты — в Центральной Америке и прифронтовых государствах Южной Африки, на Ближнем и Среднем Востоке и в Юго-Восточной Азии — весьма пагубна для стран с архаичными социальными отношениями, сложным этнонациональным составом, множеством унаследованных от доколониальных и колониальных времен острейших общественных проблем. Она создает благоприятную среду для культивирования терроризма, междоусобных войн по религиозным мотивам либо из-за взаимных территориальных притязаний, таит постоянную опасность возникновения локальных войн и конфликтов. В общей сложности за последние сорок лет в различных районах планеты было развязано свыше ста региональных конфликтов, жертвами которых стали около 20 млн человек. «Эти конфликты, несмотря на свой локальный или региональный масштаб, несли и несут в себе тем не менее большую угрозу миру во всем мире, серьезно дестабилизируя межгосударственные отношения»,— заявил на Встрече представителей партий и движений в ноябре 1987 года в Москве Генеральный секретарь Партии прогресса и социализма Марокко А. Ята [1]. О неразрывной взаимосвязи проблем разоружения и развития в современных условиях шла речь и на состоявшейся осенью 1987 г. международной конференции при ООН по этим болевым вопросам.

Вместе с тем упрочение мира и мирного сосуществования на исходе XX столетия позволит решить отнюдь не маловажную для революционных сил проблему борьбы *за наиболее гуманные и рациональные формы общественного прогресса*. Исторический опыт свидетельствует о том, что переход человечества на путь социалистического развития не может быть осуществлен в короткие сроки. По мере перехода к социализму все новых стран выявляется крайняя сложность этого процесса, следовательно, возрастает и опасность форсирования его без учета степени объективной и субъективной готовности к этому отдельных стран и народов. В этих условиях особенно злободневно звучит тезис К. Маркса о принципиальной возможности создать «рациональную обстановку», в которой классовая борьба будет «проходить через свои различные фазы наиболее рациональным и гуманным

---

[1] Правда, 1987, 10 ноября.

путем»[1]. В современных условиях задача выбора наиболее гуманных путей социального прогресса может быть решена прежде всего утверждением в практике международных отношений принципов мирного сосуществования, формированием нового международного порядка на широкой, демократической основе.

Усложнилось взаимодействие борьбы за мир и социальный прогресс. Таким образом, с одной стороны, борьба за мир и разоружение, как уже подчеркивалось выше, выступает в конце XX века как магистральное направление борьбы за социальный прогресс. Она превращается в важнейшую социальную задачу современности, не решив которой нельзя обеспечить ни само будущее, ни необходимые условия и предпосылки общественного прогресса в новом, XXI столетии. А это означает, что эпицентр противоборства сил прогресса и реакции перемещается сегодня в сферу мировой политики, международных отношений, военно-стратегических вопросов. С другой стороны, становится очевидным, что борьба за предотвращение мировой термоядерной катастрофы, за ядерное разоружение и кардинальное оздоровление международной ситуации превращается в относительно самостоятельную сферу социальной деятельности, подчиняющуюся иным закономерностям, иной логике, нежели логика традиционной классовой борьбы, поскольку главным ее вопросом является *сотрудничество во имя мира* людей, народов, государств с разным общественным строем и разной идеологией — «дело вполне возможное, а сегодня... и весьма необходимое»[2].

В ядерную эпоху претерпевает серьезные изменения традиционная для марксистов, теоретически обоснованная основоположниками научного коммунизма и апробированная всем опытом классовой борьбы XIX — XX столетий формула: «к миру через социальный прогресс». По мере возрастания реальной угрозы, нависшей над человечеством, на наших глазах рождается как бы «опрокинутая» вариация прежней формулы: «мир как условие и предпосылка социального прогресса, будущего человечества».

Долгое время коммунисты были сторонниками ускорения общественного развития, поскольку полагали, что на пути освободительной борьбы человечество быстрее

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 17, с. 553.

[2] *Горбачев М. С.* Избранные речи и статьи. М., 1987, т. 3, с. 111.

преодолеет сковывающие его путы и обретет возможность перейти от предыстории к подлинной истории. К настоящему времени выявилась опасность обрыва человеческой истории, и с этим обстоятельством нельзя не считаться. Приоритетной сферой деятельности сил прогресса является теперь противостояние негативным последствиям имперских устремлений и тенденций в мировой политике и предупреждение опасности появления «тупиковых», гибельных для человечества ситуаций.

Обретенный опыт утверждения позиций социализма на мировой арене свидетельствует о необычайной сложности процесса становления коммунистической формации, неравномерности вызревания объективных и субъективных предпосылок перехода от капитализма к социализму в различных странах и регионах.

Сложившаяся ситуация вводит новое измерение в этот процесс, требуя соотношения революционных целей и идеалов с императивом современного этапа мирового развития — обеспечить выживание человечества, гарантировать право на жизнь. В свое время в полемике с Дюрингом Ф. Энгельс отметил, что мыслить «от имени человечества... уже само по себе было бы немаловажным делом» [1]. В преддверии XXI столетия этот принцип становится настоятельной необходимостью.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 35.

4. НОВОЕ МЫШЛЕНИЕ И ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО ОБНОВЛЕНИЯ МИРА

Применение марксистского учения к анализу мировых реалий ставит сегодня перед теоретической мыслью новые проблемы. Стало труднее увязывать воедино опыт разных стран и регионов — сказывается гигантское многообразие общественной практики различных революционных отрядов. Труднее стало и сохранять преемственность в опыте разных поколений — жизнь ушла далеко вперед по сравнению с временами Маркса и Энгельса, даже Ленина; выявились важнейшие, качественно новые моменты.

Громадный рост сил прогресса обозначился в фазе невиданного усложнения условий их борьбы. Сегодняшнее противоборство сил мира, демократии, социализма и сил войны, реакции, империализма происходит при непрерывном накоплении чудовищных средств разрушения, оружия массового уничтожения, грозящего превратить землю в безжизненную пустыню. «И сейчас вопрос уже стоит не только о сохранении мира, но и о выживании человечества». В ядерно-космическую эру оказалось, что «наша планета слишком мала и хрупка для войн и силовой политики», возникла острейшая необходимость «проникнуться новым политическим мышлением», требующим, чтобы философия выживания и одинаковой безопасности для всех была подкреплена смелыми и решительными действиями. В этом и состояла, как подчеркивал М. С. Горбачев, суть определенных XXVII съездом КПСС политических установок [1].

* * *

Как известно, в своей первоначальной постановке (прежде всего манифест Б. Рассела — А. Эйнштейна) [2] основной принцип нового мышления гласил: в ядерный

---

[1] См.: *Горбачев М. С.* Избранные речи и статьи, т. 3, с. 300, 304.

[2] Он был обнародован в 1955 г., в советской литературе впервые воспроизведен и прокомментирован в известной статье акад. М. А. Маркова «Научились ли мы мыслить по-новому?» (Вопросы философии, 1977, № 8).

век не должно быть межгосударственных столкновений, политические разногласия блоков и государств, расхождения разных мировоззрений не должны решаться силой — это грозит ныне фатальными последствиями для всего человеческого рода, приведет к его исчезновению с лица земли. Данное положение предельно важно, и с этого отправного пункта надо было начинать. Но надо, на наш взгляд, идти и дальше. Новое мышление должно сегодня направлять все главные сферы человеческой деятельности, социальной практики в том числе, ибо сама эта деятельность, сама эта практика поднялись на качественно новый уровень. Специально придумывать «новое мышление» при этом не приходится, оно естественно вырастает из объективных потребностей эпохи, из поиска мировой прогрессивной мысли, из завоеваний марксистской мысли последних десятилетий.

Если говорить о поиске прогрессивной мировой мысли, то его трудно охватить, трудно даже вообразить себе, какой поток литературы посвящен абсолютно новым проблемам, ныне возникшим перед человечеством — это тысячи и тысячи книг и статей. Здесь и официальные документы Организации Объединенных Наций, и обращения различных ассоциаций ученых, и заявления писателей, и раздумья публицистов, здесь и исследования политологов, и итоговые выводы бывших военных. Весь этот поиск концентрируется, как в фокусе, в «кризисе человеческой цивилизации». Это понятие было выдвинуто в трудах Римского клуба, ставящего целью «осознать мировую проблематику». К новому глобальному понятию надо присмотреться и марксистам.

В известной книге ныне покойного президента Римского клуба Аурелио Печчеи «Человеческие качества» новое состояние планеты характеризовалось как «особый, всеобъемлющий, эпохальный кризис, пронизывающий буквально все стороны жизни человечества». Чтобы не допустить самоуничтожения людей, А. Печчеи предложил создать подлинно «глобальную цивилизацию», взглянуть «дальше интересов сегодняшних поколений», позаботиться о *«выживании всего рода человеческого»*, приступить к *«совместным, коллективным, координированным действиям»* различных организаций и государств [1]. В том же направлении движется и мысль современной социал-

---

[1] См.: *Печчеи А.* Человеческие качества. М., 1980, с. 91, 76, 137—138.

демократии (В. Брандт и др.), констатируя «чрезвычайное обострение кризисной ситуации, в результате которого выживание всего человечества оказалось под угрозой»[1]. Это мнение разделяют и многие реалистически мыслящие буржуазные политики (Э. Кеннеди и др.), понимающие предельную опасность ядерной эквилибристики; человечество стоит на таком перепутье, когда «вместе мы либо продолжим книгу истории, либо закроем ее»[2]. Реалистическое понимание нынешней кризисной ситуации не чуждо и религиозным деятелям, взгляды которых отнюдь не однозначны. Выступая в Хиросиме в феврале 1981 г., папа Иоанн Павел II говорил: «В прошлом было возможно разрушить деревню, город, область, даже страну. Ныне уже вся планета оказалась под угрозой. Этот факт настоятельно требует от каждого обратиться лицом к основному моральному принципу: отныне только здравый выбор и взвешенная политика могут спасти человечество. Моральный и политический выбор, который открывается перед нами, мобилизует все силы ума, науки и культуры на службу миру и построению нового общества»[3].

Под именем «всеобщего», «эпохального» кризиса человечества в трудах Римского клуба имеются в виду главным образом следующие взаимосвязанные глобальные проблемы: загрязнение среды и разрушение биосферы; глубокий разрыв между сверхразвитыми и слаборазвитыми странами; безудержная гонка вооружений и отсутствие безопасности; кризис человека как *корень* глобального кризиса (глубокое несоответствие между мышлением и поведением человека, с одной стороны, и изменяющимся реальным миром — с другой, отсутствие новой — высшей — «этики выживания» всего людского рода). Правда, в литературе раздавались голоса о том, что некоторые пессимистические прогнозы Римского клуба — о близкой «экокатастрофе», региональных и глобальных социальных катастрофах — не подтвердились. Но, во-первых, угроза нарастает. Экологическая ситуация в мире ухудшается, некоторые неотложные меры, принимаемые в разных странах, далеко не устраняют опасностей. Растет и разрыв между развитыми и развивающимися

[1] Рабочий класс и современный мир, 1984, № 5, с. 111.

[2] Из выступления Эдварда Кеннеди по московскому телевидению 7 февраля 1986 г.

[3] *Catudal H. M.* Nuclear Deterrence. Does it Deter? Berlin, 1985, p. 49.

странами в производстве ВНП на душу населения, в 80-е гг. он определялся соотношением 11 : 1. Долг развивающихся стран развитым странам капитала достиг гигантской суммы в 1 трлн дол. Но самое главное — за последние десятилетия резко возросла милитаризация мира. Милитаризм и съедает те гигантские средства, которые могли бы пойти — при рациональном, действительно «новом» решении глобальных проблем — на защиту окружающей среды и ликвидацию крайнего обнищания развивающихся стран. Каждый день в мире на вооружение тратится более 2 млрд дол., в то время когда 2 млрд человек живут в нищете, антисанитарных условиях, сотни миллионов голодают и десятки миллионов умирают от голода. Более того, милитаризм с его безудержным накоплением ядерного оружия уже поставил мир перед ежеминутной, ежечасной опасностью взаимного ядерного побоища, грозящего в считанные дни уничтожить цивилизацию.

Совершенно правы швейцарские ученые Д. Фрей и Хр. Катрина, когда они связывают глобальный риск ядерного самоубийства прежде всего со стратегической нестабильностью, побуждениями нанести — особенно в кризисных ситуациях — упреждающий удар как дающий решающее превосходство. Но вряд ли можно принять их заключительный вывод о том, что опасность случайного ядерного удара дает лишь «незначительный повод для беспокойства» [1].

Академик М. А. Марков еще в 1977 г. справедливо писал об *увеличении* «возможности случайного, несанкционированного возникновения мировой войны». Он связывал такую опасность с процессом автоматизации пусковых механизмов, что «делает возможным за секунды полное развитие мировой трагедии», с безответственностью государственных деятелей, со злым умыслом гангстерских групп и лиц (производство ядерного оружия сейчас упростилось), наконец, просто психическим расстройством тех, кто стоит у «пульта». «Людей, стоящих у «пульта», становится все больше и больше, так как автономные системы ядерного оружия расположены на соответствующих базах, практически распределенных по всей планете. Ничего подобного не было в первые годы возникновения этого оружия» [2].

---

[1] D. Frei with the colloboration of Chr. Catrina. Risks of Unintensional Nuclear War. Geneva, 1982.

[2] Вопросы философии, 1977, № 8, с. 33.

Американский публицист Дж. Шелл, имея в виду накопление на земле поистине адского арсенала в 50 тыс. ядерных боеголовок, писал в 1982 г.: «Машина разрушения создана, спусковой курок готов сорваться, ожидая лишь того момента, когда введенный в заблуждение человек или маньяк нажмет «кнопку» или когда какая-нибудь дефектная деталь компьютера даст команду на огонь. Столь много зависит от сущей малости, плоды четырех с половиной миллиардов лет развития могут быть перечеркнуты по неосторожности — таков факт, против которого восстает воображение. Но грозит и другая, куда более ужасная потеря, ибо в исторической перспективе мы видим миллиарды лет жизни на Земле, жизни не только отдельных людей, но и человеческой цивилизации... И тем не менее, мы грозимся все это перечеркнуть во имя наших преходящих целей и ошибочных убеждений... Если мы хотим быть честными перед собой, мы должны признать — если мы не избавимся от наших ядерных арсеналов, побоище не только *может* разразиться, но *обязательно* разразится — если не сегодня, то завтра, если не в этом году, то в следующем. Мы живем как бы взаймы у времени: каждый год продолжающейся жизни на Земле, каждый день — взяты взаймы у времени». Те же мысли развивал Дж. Шелл и в 1984 г.: «Поскольку не будет огромных арсеналов, не будет, разумеется, и опасности, что мир взлетит на воздух в одно мгновение» [1].

С тех пор прошло совсем немного лет, и развязываемая администрацией США гонка вооружений в космосе грозит сделать человечество беззащитным заложником еще более трудно контролируемой автоматической космической техники. А насколько велика мера существующей и грозящей человечеству в будущем опасности, наглядно показали две трагедии, связанные с техникой ядерно-космического века,— катастрофа «Челленджера» и авария в Чернобыле.

М. С. Горбачев указывал, что «человечество переживает критический момент в своей истории», массы ищут путей «выхода из кризисного положения» [2]. Отсюда ясно вытекает необходимость в самом серьезном отношении к

---

[1] *Schell J.* The Fate of the Earth. N. Y., 1982, p. 182, 183—184. *Он же.* Abolition. N. Y., 1984, p. 161—162. Реферативное изложение книги Дж. Шелла опубликовано в журнале «США: экономика, политика, идеология» (1982, № 8; 1985, № 5, 6, 7, 8).

[2] *Горбачев М. С.* Избранные речи и статьи, т. 4, с. 83.

понятию «кризис человеческой цивилизации». В этом понятии нельзя видеть один пессимизм и фатализм, оно *отражает суровейшие реалии ядерной эры.*

Кризис общественного организма — в данном случае это весь мир — означает такой рубеж, когда в нем доминируют крайне болезненные процессы, когда над ним нависла самая непосредственная угроза гибели, когда он должен напрячь все силы без остатка, чтобы избежать смерти. Времени для принятия ответственных решений остается все меньше, предельно важно: не опоздать!

* * *

В середине 80-х гг. Г. Х. Шахназаровым был поставлен вопрос о пересмотре понятийного аппарата, логики политического и военного мышления в мире, над которым нависла беспрецедентная угроза уничтожения[1]. Пересмотр должен затронуть, на наш взгляд, не только проблемы войны и мира, но и проблемы социального обновления планеты. Здесь также требуются поправки, которые далеко выходят за рамки одной только расстановки новых акцентов, поправки, которые касаются *основ* понятийного аппарата этого важнейшего раздела марксистского теоретического знания.

Думаем, необходимо обогатить наш арсенал понятием «кризис человеческой цивилизации». Разумеется, такое обогащение — не простое заимствование, а осмысление нового понятия с позиций теории классовой борьбы. Отметим узость как буржуазно-либеральной, так и социал-демократической постановки вопроса: не выявлена связь надвинувшегося кризиса человеческой цивилизации с общим кризисом капитализма, не показана главная причина его возникновения — отставание процессов социально-политической революции от процессов революции научно-технической, злоупотребление достижениями НТР со стороны сил империализма. Но с этими необходимыми уточнениями понятие «кризис человеческой цивилизации» надо, на наш взгляд, принять и усвоить как дающее реальные представления о размерах грозящей человечеству опасности. Понятие «кризис человеческой цивилизации» имеет и огромное практически-политическое значение. Исходя из этой констатации можно и должно создать *союз антикризисных сил,* несравненно более широкий, чем антифашистские союзы 30—40-х гг., можно и должно

---

[1] См.: Вопрос всех вопросов. М., 1985, с. 198—215.

изолировать безрассудные империалистические круги, ставящие на карту судьбы всего человечества.

Нам уже приходилось говорить, что «новое мышление в ядерный век» требует и новой проработки марксистами проблемы соотношения насилия и гуманизма. Формула: насилие — «повивальная бабка всякого старого общества, когда оно беременно новым» [1] — была конкретно отнесена автором «Капитала» к эпохе рождения капиталистической формации. Маркс всегда говорил о предпочтительности гуманных форм борьбы, но ненасильственные формы прогресса отодвигал в грядущие времена: «Лишь после того как великая социальная революция овладеет достижениями буржуазной эпохи, мировым рынком и современными производительными силами и подчинит их общему контролю наиболее передовых народов,— писал он в середине XIX столетия,— лишь тогда человеческий прогресс перестанет уподобляться тому отвратительному языческому идолу, который не желал пить нектар иначе, как из черепов убитых» [2].

«Великая социальная революция» пошла иным путем, чем это виделось Марксу. Она началась, как подчеркнул Ленин, не с передовых капиталистических стран, а с России, «стоящей на границе стран цивилизованных» и впервые «втягиваемых в цивилизацию» [3]. Но этот более сложный, «кружной» путь социальной революции, начавшейся в России, захватившей затем по преимуществу «окраины» цивилизованного мира, не отменяет всемирно-исторического значения ее достижений. В наши дни успехи социализма, демократии таковы, что позволяют поставить вопрос об изгнании насилия с арены истории как *непосредственную задачу революционных сил* (хотя пока существует реакционное насилие, будет существовать и ответное революционное насилие).

«...В нашем идеале нет места насилию над людьми» [4],— говорил В. И. Ленин о высшей цели политики пролетариата — класса, призванного самой историей гуманизировать исторический прогресс. Марксистский идеал, исключая насилие из общественной практики, выражает коренные интересы человечества. Необходимость скорейшей реализации этого идеала продиктована и условиями нынешней фазы мирового развития. Появление

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 761.
[2] Там же, т. 9, с. 230.
[3] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 379.
[4] Там же, т. 30, с. 122.

чудовищных средств разрушения, возможность их применения грозят обратить насилие из «повивальной бабки» в «могильщика» истории, социальные роды нового общества могут обернуться социальной смертью. Поэтому переход на ненасильственные пути прогресса, отодвигаемый Марксом (да и Лениным) в отдаленные времена, отныне стал задачей дня. Социалистические, многие развивающиеся и некоторые капиталистические государства уже сегодня ставят вопрос об исключении насилия из сферы межгосударственных отношений (хотя говорить, что к этому пришли уже все государства, пока еще рано). Ненасилие должно быть основой жизни человеческого общества, провозглашается в подписанной М. С. Горбачевым и Р. Ганди «Делийской декларации о принципах свободного от ядерного оружия и ненасильственного мира». Все человечество приглашается присоединиться к этим принципам [1].

И в сфере внутригосударственных отношений коммунистические партии стремятся свести насилие к минимуму, прибегая к более гуманным, мирным средствам борьбы там, где открывается такая возможность. Они стремятся к созиданию новых социальных порядков «более человеческим» (Ленин.— *Ред.*) путем [2] вопреки сопротивлению реакционных сил. Иными словами, на повестку дня ставится вопрос о цивилизованных формах взаимоотношений между народами, цивилизованных формах классовой борьбы.

* * *

В начале главы мы подчеркнули огромное значение манифеста Б. Рассела — А. Эйнштейна, выдвинувших принципы нового мышления. Отметим, однако, что манифест не лишен абстрактно-морализующего начала. Люди не могут помнить только о реалиях ядерного века, о своей принадлежности «к роду человеческому» и забыть «обо всем остальном» — классовых противоречиях, борьбе против остатков колониализма, диктаторских режимов, о борьбе за социально-политическое обновление тех или иных стран. Но и наоборот, вступив в эту борьбу, развивая теорию классовой борьбы, людям нельзя забыть ни о реалиях ядерного века, ни о своей принадлежности «к роду человеческому», ни об ответственности за его

---

[1] См.: Правда, 1986, 28 ноября.
[2] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 262.

судьбу. Вопросы новой «родовой» этики касаются и этики революционного действия.

Ф. Энгельс в конце жизни, будучи свидетелем громадного роста милитаризма, выдвинул положение: «Если изменились условия для войны между народами, то не меньше изменились они и для классовой борьбы» [1]. В конце XX в. это положение обрело чрезвычайное значение и смысл. В ядерную эпоху, в обстановке перенасыщения мира ракетно-ядерным и иным оружием массового уничтожения, опутанности многих государств военными союзами и блоками, преимущественное использование революционными силами цивилизованных форм и средств борьбы объективно обусловлено и неизбежно. На принципах мирного сосуществования строит свои отношения с противостоящим миром капитала социализм. Осуществляют принципиальный поворот к мирным формам борьбы коммунистические партии (некоторые возникающие при этом сложности и дилеммы мы разберем ниже).

В 70-е гг. коллективная марксистская мысль привела к важному выводу: проблема выбора правильных форм борьбы перерастает в проблему самого существования человечества [2]. Думаем, что это положение выходит далеко за рамки вопросов тактики, оно затрагивает *основы теории* классовой борьбы. Борьба противоположных классовых сил продолжается и в ядерную эпоху. Но сама эта эпоха учит революционный пролетариат избегать военных конфронтаций, вырабатывать и широко практиковать компромиссные формы борьбы. Никакой «измены» революционному марксизму в этом нет — марксизм всегда предусматривал (вспомним работы Ф. Энгельса 1895 г., работы Ленина 1917 г.) смену форм борьбы при смене исторических условий. В наши времена как раз и произошло громадное, качественное изменение обстановки революционной борьбы. «Надо сохранить цивилизацию — при всех ее трудностях и противоречиях — для жизни, для человека,— подчеркивал М. С. Горбачев на встрече с участниками «Иссык-Кульского форума» главную задачу дня.— А если человечество будет жить, с противоречиями оно как-нибудь разберется» [3].

«Разбираться» с общечеловеческими противоречиями придется, безусловно учитывая мозаичность мира, разно-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 22, с. 544.

[2] См., например: Международная разрядка и революционный процесс. Прага, 1977.

[3] *Горбачев М. С.* Избранные речи и статьи, т. 4, с. 164.

родность региональных задач и вытекающее отсюда различие форм и методов борьбы. В частности, с поворотом к мирным формам борьбы резко запаздывали революционные силы в «третьем мире», они во многом жили концепциями и представлениями «доядерной» эры и действовали в относительной автономии от общих ее условий. При этом нельзя не признать, что именно применение вооруженной борьбы во многом определило успехи антиимпериалистического движения угнетенных народов в последние десятилетия. Сохранение в ряде стран фашистских, диктаторских режимов, явно усилившийся экспорт контрреволюции не позволяют и в наши дни снять вооруженные формы борьбы с повестки дня в этих регионах[1]. И все же определенная «исключенность» некоторых стран из общих условий ядерной эры, как и возможность повторения ныне образцов эры «неядерной», носит временный, относительный характер: в революционные процессы в «третьем мире» активно вмешиваются империалистические ядерные державы; наиболее реакционные режимы в «третьем мире» — ЮАР, Израиль, Пакистан — обладают или близки к обладанию ядерным оружием[2]; любой местный конфликт легко может перерасти в региональный, а возможно и мировой. Все это требует от революционных сил современности особого чувства ответственности при переходе к вооруженным способам действий, борьбы с левацким терроризмом, сознательной установки на максимальное использование мирных форм борьбы (при понимании необходимости решительного отпора реакции и контрреволюции там, где она пытается силой ликвидировать демократические и социалистические завоевания народа, повернуть вспять исторический прогресс).

Удастся ли удержать в рамках мирных, цивилизованных форм классовое в своей основе противоборство систем социализма и капитализма, противоборство пролетариата и буржуазии в развитых капиталистических странах? Удастся ли перевести в русло цивилизованных форм борьбы отстающий в своем развитии «третий мир»,

---

[1] См., например: *Корвалан Л.* Единство против диктатуры: пути и формы борьбы.— Проблемы мира и социализма, 1986, № 1.

[2] Пьер Вио насчитал только в Африке 11 государств, прежде всего ЮАР и Нигерию, потенциально способных к созданию ядерного оружия (*Viaud P.* L'Afrique et la guerre nucléaire. Alençon (Orne), 1984).

мир, полный «горючего материала»? [1] Удастся ли параллельно с этим сдвинуть с мертвой точки острейшую проблему обуздания вакханалии современного милитаризма, обуздания левацкого и правого, а также нередко практикуемого государственного терроризма? Покажет будущее. Но надо ясно осознавать критичность ситуации: у человечества, вступившего в ядерную эру, просто не окажется будущего, если ему не удастся этого сделать.

Говорят, что всякое сравнение хромает. Вместе с тем иное сравнение позволяет наглядно и рельефно выразить смысл сложнейших теоретических и политических альтернатив. Речь идет о сопоставлении, которое сделал Г. Х. Шахназаров, уподобив современный мир человеку, попавшему в трясину. «С одной стороны, каждое резкое движение может оказаться для него роковым. С другой — ему грозит гибель, разве что с небольшой отсрочкой, если он не попытается выбраться на твердую землю. У него нет иного выбора, как продвигаться вперед, сохраняя предельную осторожность» [2]. Формы, способы, приемы такого осторожнейшего движения вперед может и должна выработать современная марксистская теория классовой борьбы в ее приложении как к межгосударственным, так и внутригосударственным отношениям.

* * *

Направление, в котором будут развиваться в дальнейшем отношения мира социализма и мира капитализма, продолжение, а главное, закрепление в практических делах диалога, начатого в Женеве в ноябре 1985 г. руководством СССР и руководством США, будут иметь решающее значение для судеб мировой цивилизации. Принцип «абсолютного невмешательства» [3] в дела других государств, принцип мирного сосуществования дополнен ныне категорическим императивом установления цивилизованных отношений между государствами, между капитализмом и социализмом. Но пути практического продвижения в этом направлении нуждаются, по-видимому, в дальнейшей конкретизации. Главный подход здесь предельно

---

[1] Эта задача отчасти облегчается тем, что эра борьбы угнетенных стран за национально-политическое освобождение практически завершилась. Наступившая эра борьбы за социально-экономическое освобождение, хотя и чревата глубочайшими антагонизмами, предполагает их преимущественно политическое, а не военное разрешение.

[2] Вопрос всех вопросов, с. 206.

[3] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 209.

ясен: стремление к спасительному в ядерную эпоху максимальному сотрудничеству двух систем в экономической и политической областях, радикальная демилитаризация мира. При этом надо помнить указание Ленина о различиях в подходе к пацифистской и агрессивной буржуазии [1], не исключая и возможности воздействия на последнюю, ибо ее представители нередко оказываются у рычагов власти, да и в этой части буржуазии наблюдается известная дифференциация.

Опыт последних десятилетий показывает: к одному только противоборству социализма и капитализма на международной арене дело не сводится: социализм имеет общую с капитализмом обширную сферу экономических отношений, достигнуты важнейшие политические соглашения, такие, как подписанный в 1975 г. исторический документ — Заключительный акт совещания в Хельсинки. В последние годы ослабли негативные тенденции к конфронтации, но осталась склонность ведущих капиталистических государств использовать хельсинкские договоренности для вмешательства во внутренние дела стран социализма, против которых империализмом ведется настоящая психологическая война. Эти страны не раз заявляли: свободная деятельность антисоциалистических сил, чего добивается империализм, нанесет несомненный вред строительству социализма, социализм самым решительным образом отвергает вмешательство в его дела. Принципиальных позиций они сдавать не собираются. Но страны социализма отнюдь не забывают, что историческое соревнование двух систем идет не только в научно-технической, но и в политической области.

В. И. Ленин не раз писал, что невозможен победоносный социализм, не осуществляющий полной демократии. Социализм в миллионы раз увеличит «дифференцирование» человечества «в смысле богатства и разнообразия духовной жизни и идейных течений, стремлений, оттенков» [2]. История показала, что все эти характеристики не могли быть развернуты в СССР сразу, на первых фазах строительства социализма, в сложной внутренней и внешней обстановке, когда «отсутствие должного уровня демократизации советского общества сделало возможными и культ личности, и нарушения законности,

---

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 407—408.

[2] Там же, т. 26, с. 281.

произвол и репрессии 30-х годов»[1]. К целенаправленному совершенствованию советской политической системы партия приступила после XX съезда и особенно интенсивно продолжает этот процесс на основе решений XXVII съезда и последующих партийных решений, максимально расширяя социалистическую демократию на всех ее уровнях: в общественном самоуправлении, в сферах производства и реального удовлетворения основных жизненных потребностей, в борьбе с разного рода бюрократическими тенденциями в управленческом аппарате, в деле развития гласности, обеспечения прав трудящихся и интеллектуальных свобод.

В сущности только всестороннее развитие социалистической демократии — этого мощнейшего двигателя новой общественной системы — может сделать и сделает реальностью ту долгосрочную перспективу, о которой еще только мечтал Ленин в 1923 г.: «...с громадной быстротой развить производительные силы... доказать всякому и каждому наглядно, воочию, что социализм таит в себе гигантские силы и что человечество перешло теперь к новой, несущей необыкновенно блестящие возможности стадии развития»[2]. Соревнование в мирной, созидательной, а не военной, разрушительной сфере жизни — вот что предлагает мир социализма миру капитализма, вот где он ищет выход из ядерного тупика.

Говоря о долгосрочных перспективах мирового развития, нельзя полностью игнорировать и небольшой шанс на «мирную эволюцию капитализма к новому строю», который увидел Ленин еще в самом начале 20-х гг. Он говорил: этому мы, «как коммунисты, не очень верим, но помочь испытать согласны и считаем своим долгом, как представители одной державы, перед лицом враждебного ей большинства других»[3]. Шанс на эволюционную трансформацию капитализма в случае его реализации (с помощью демократий «типа II Интернационала» или «типа Кейнса»), по мысли Ленина, был бы спасительным в критической ситуации ядерной эры. Оценка степени реальности этого шанса (здесь особенно интересен опыт таких государств, как Швеция, Финляндия,

---

[1] *Горбачев М. С.* Октябрь и перестройка: революция продолжается, с. 21.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 402.

[3] Там же, т. 44, с. 407.

Норвегия, Австрия) должна безусловно войти в сферу марксистского научного анализа, даже если мы по-прежнему «не очень верим» в этот шанс.

Марксу объединение человечества представлялось возможным лишь на коммунистической основе. Ныне наличие требующих безотлагательного решения глобальных проблем выдвигает новую, куда более сложную задачу — создание единства человечества в условиях социально-разнородного мира. И здесь нужны максимальное расширение фронта поиска, проверка, испытание самых разнообразных приемов и средств продвижения вперед.

* * *

Мы отнюдь не исключаем перспективу дальнейшего мирного эволюционирования капитализма. Но что можно сказать о перспективе его революционного преобразования? В чем суть современного поиска компартиями мирных путей социалистической революции?

Важнейшим моментом в сегодняшних исканиях является учет практики классовой борьбы последних 10—15 лет. Мирная социалистическая революция требует соблюдения ряда непреложных условий: создания широкого и устойчивого классового и политического союза совершающих ее сил под руководством пролетарского авангарда; превращения существующих представительных органов государственной власти в органы революционных преобразований; максимальной гибкости возглавляющих революцию партий; постепенного, поэтапного (без резких забеганий вперед) хода преобразований. Мирная революция немыслима и без благожелательного нейтралитета (или даже поддержки) партий центра и особенно армии, без обуздания как правого, так и левого экстремизма, без подавления откровенной контрреволюции. Опыт Чили, отчасти Португалии 70-х гг. показал, что соблюсти эти условия пока не удалось.

В Чили 1970—1973 гг. оказался непрочным союз пролетариата с крестьянством и городскими, так называемыми средними, слоями; не всегда выдерживалась и успешно проводилась выработанная компартией программа создания трехсекторной экономики. В обстановке нарастания экономических и политических трудностей согласие партий Народного единства с христианскими демократами сменилось их конфронтацией. Конгресс превратился в орган контрреволюции, противостоящий пре-

зиденту С. Альенде и революционной исполнительной власти, армия из силы лояльной стала враждебной правительству. Дестабилизации революционного режима способствовало «революционное нетерпение» значительной части Социалистической партии Чили и зараженность «экономизмом» широких слоев рабочего класса. Крайне отрицательную роль сыграли действия не только террористических правых, но и ультралевых элементов, подыгрывавших внутренней и внешней реакции, отталкивавших своими акциями обывателя от революции. К развязанной контрреволюцией гражданской войне партии Народного единства не были готовы. После вооруженного переворота в стране воцарилась фашистская диктатура Пиночета [1].

В Португалии «Движение капитанов» покончило 25 апреля 1974 г. с омертвелой фашистской диктатурой, открыло путь процессу деколонизации, позволило приступить к демократизации страны и прогрессивным социально-экономическим преобразованиям. В руках левых сил оказалось большинство средств массовой информации. Однако быстро сказались верхушечный характер переворота, политическая отсталость крестьянства (особенно на севере страны), разногласия коммунистов и социалистов (не получился конструктивным диалог А. Куньял — М. Соареш). Блок революционной военной интеллигенции с передовой частью трудового народа, реальная власть, оказавшаяся в руках этого блока после срыва попытки контрреволюционного переворота генерала А. де Спинолы в конце сентября 1974 г. и вооруженного путча спинолистов в марте 1975 г., создали для революции возможность продвинуться весной и летом 1975 г. далеко вперед, обеспечить переход в руки государства банковской системы, начать решительную ликвидацию монополий и латифундий, приступить к введению рабочего контроля на предприятиях. Но против курса на быстрое углубление революции, за программу «малых шагов» выступало возглавляемое М. Соарешем реформистское руководство Португальской социалистической партии (ПСП), усилилась откровенная оппозиция курсу обновления страны со стороны сдвинувшихся вправо по мере углубления революции средних слоев и наиболее отсталых масс населения. Одним из первых переломных моментов в развитии революции стали выборы

---

[1] См. подробнее: Уроки Чили. М., 1977.

в Учредительное собрание 25 апреля 1975 г. Оно оказалось в руках реформистской ПСП и центристской народно-демократической партии (НДП), не желавших «тоталитарного», «диктаторского» правления. Летом и осенью 1975 г. стране стал угрожать антикоммунистический террор. Воспользовавшись расколом в рядах Движения вооруженных сил (ДВС), левацким путчем конца ноября 1975 г., силы, препятствующие углублению революции, постепенно овладели основными рычагами власти, повернули во многом вспять развитие революционных процессов [1].

В 70 — начале 80-х гг. выявились и трудности подведения к мирной революции широких масс и демократических сил в некоторых более развитых, чем Чили или Португалия, европейских капиталистических странах. Если первым было, по известному ленинскому выражению, «неизмеримо легче начать», но «труднее продолжать... революцию» [2], то вторым неизмеримо трудно оказалось начать революционный процесс. Принимая в ряде случаев демократическую альтернативу капитализму, массы в своем большинстве не были готовы принять альтернативу социалистическую, сказывались реформистские традиции, увеличение в классовой структуре общества доли средних слоев, далеких от радикализма. К тому же союз компартий с соцпартиями (там, где последние, как, например, во Франции, шли на такой союз) заключался при главенстве социалистов, и завоевание союзниками парламентского большинства мало что меняло: даже проводя крупные реформы, социалисты (особенно правое их крыло) считали своей главной задачей обеспечение «нормального» функционирования буржуазного организма, хотя разговор о его социалистической перестройке и вели [3].

Обнаружился и такой неблагоприятный для деятельности компартий Запада факт, как известная «несостыкованность» текущих социально-политических установок, с которыми эти партии выступают в условиях тех или иных конкретных ситуаций (очередные парламентские выборы, парламентские кризисы буржуазной вла-

---

[1] См. подробнее: *Цоппи В. А.* Португальская революция: пути и проблемы. М., 1979.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 10.

[3] См. об этом: Размежевания и сдвиги в социал-реформизме. Критический анализ левых течений в западноевропейской социал-демократии. М., 1983.

сти и т. д.), и программных документов, нацеленных на долгосрочную перспективу. Впрочем, определенная «несостыкованность» такого рода характерна вообще для деятельности любой компартии, увязывающей тактику со стратегией, но в условиях перманентного отсутствия революционной ситуации в странах развитого капитализма она приобретает затяжной, болезненный характер.

Таким образом, практика современной классовой борьбы пока не дала в капиталистических странах образца решения таких проблем мирной социалистической революции, как движущие силы, мера и темп осуществляемых ею преобразований и др. Однако отсюда не следует ее принципиальная невозможность. Реализация тех или иных вариантов исторического развития — это подтверждает и прошлый революционный опыт — не всегда наступает с первого раза, ощутимый исторический результат могут дать и зачастую дают только повторные попытки. С учетом такой возможности западные компартии не отказываются от перспективы мирного развития социалистической революции.

Разработка концепции мирного пути социалистической революции продолжалась и в советской литературе, определенные итоги были подведены в начале 80-х гг.[1] Суть сформулированных выводов сводится к следующему.

Немирная социалистическая революция в отличие от мирной разрушает созданные буржуазией политические институты; мирная их использует, действует через них, в связи с чем меняются сами формы борьбы противостоящих друг другу сил, масштабы вторжения новой власти в существующие отношения. Но революция — это всегда принуждение, здесь не должно быть недоговоренностей, она *немыслима без определенных форм диктата*. Мирная революция — не отказ от классовой борьбы, а ее развитие в особых формах. Мирная революция не может отграничиваться стенами парламента, действия «сверху» должны подкрепляться действиями «снизу», без этого достигнутая силами единства победа будет неизбежно сведена к нулю. «Независимость» парламента в буржуазных странах весьма относительна, к тому же кроме парламента существует еще целая система отнюдь не независимых органов насилия (армия, разведка, юстиция), органов управления, средств информации.

---

[1] См.: Ленин как политический мыслитель. М., 1981, с. 145—162.

Без их коренного реформирования, демократизации никакая мирная революция невозможна. Абсолютно «чистой» мирная революция, по-видимому, быть не может, ее всегда будут сопровождать эксцессы «справа» и «слева». У мирной революции тем больше шансов остаться мирной, чем более широкие массы она завоевывает на свою сторону, чем больше она готовится к «немирным» формам борьбы. «Чисто» социалистической мирная революция тоже быть не может — она предполагает гораздо большую готовность пролетариата на союзы и компромиссы с непролетарскими силами (мы их отличаем от сил антипролетарских), более постепенный, длительный (с возможными откатами назад) ход преобразований.

Принципиальная грань между немирной и мирной революциями, несомненно, существует. Вряд ли для мирной революции действительны характеристики, данные Ф. Энгельсом в 1851 г. «всем революциям»: кратковременность единения разных классов, одерживающих победу (предполагается их длительное единение); бурное развитие классового антагонизма, ведущее к быстрой смене становящихся партий у власти (развитие антагонизмов сменяется практикой компромиссов), краткосрочность революционного взрыва (революция становится куда более «продолжительной») и т. д.[1] И все же грань не абсолютна, подвижна, ибо кое-что от мирной революции присутствует и в немирной и наоборот. Это и позволяет использовать опыт прошлых революционных битв в битвах современности. Наиболее содержательный с этой точки зрения принцип В. И. Ленин сформулировал еще в 1919 г.: *«...контрреволюцию отсекать, культурно-буржуазный аппарат использовать»*[2]. Этот принцип Ленин выдвинул после взятия власти Советами немирным путем, но, думаем, он имеет и более общее значение, он применим для революций того и другого типа, его следует учитывать и в нынешнем поиске.

Таким образом, последние разработки показывают, что и в мирной революции будет присутствовать кое-что от немирной. Но те же разработки компартий ясно показывают, что в мирной революции будет присутствовать кое-что — и весьма существенное — от реформы. Мирная революция остается *революцией* — она призвана ликви-

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 8, с. 38.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 168.

дировать сначала политическое, затем экономическое господство капитала. Крупные реформы, проводимые левыми силами, несомненно, сужают сферу господства крупного капитала, они готовят почву для его свержения. Но сами *методы, способы преобразований* в случае перерастания радикальных реформ в мирные революции во многом останутся реформистскими.

Конец XX столетия с новой силой подтверждает вариативность общественных процессов, подвижность граней между различными по своему содержанию реформами, между реформой и революцией, между революциями разного типа. Мера взаимоперехода, его форма в каждом конкретном случае определяются конкретно-исторической обстановкой, творчеством революционных и прогрессивных сил.

* * *

Мы наметили ряд проблем, которые выдвигаются перед марксистской мыслью ядерной эрой. Но осталась незатронутой ключевая проблема самого общего порядка.

Теория социалистической революции Маркса, Энгельса, Ленина разрабатывалась на определенной мировоззренческой основе — на основе открытых Марксом законов развития человеческого общества. Марксисты всегда признавали факт многообразия и сложности в реализации общих закономерностей, но они же всегда подчеркивали и другое: неодолимость законов исторического развития, ведущего человечество к коммунизму. Именно эти установки и легли в основу принятой XXVII съездом КПСС новой редакции Программы.

Ныне — если говорить о мировоззренческой основе марксистско-ленинской теории пролетарской революции — положение существенно усложнилось. Наличие оружия массового уничтожения, возможность его широкого применения могут привести к тому, что на Земле вообще не окажется людей, в деятельности которых осуществляются «неодолимые» законы истории. Следовательно, необходимо учесть и эти реалии в теоретической разработке основ мировоззрения пролетариата. Факт продолжающегося закономерного обновления мира возникшие обстоятельства не отменяют, в этом факте коммунисты будут по-прежнему черпать уверенность в своей победе. Но обнаружилась и возможность обрыва человеческой истории, что заставляет мировое коммунистическое движение переместить центр тяжести своих

усилий: прежде всего выживание человечества, обеспечение мира, а в условиях мира — все остальное.

В программном положении коммунистов о переходе мира от капитализма к коммунизму есть и практически-политические аспекты, главные из которых мы попытаемся рассмотреть. Современная ситуация такова: на планете сосуществуют, находятся в сложном взаимодействии капитализм и социализм, намечается также тип запоздалого развития («третий мир»), отличающегося как от «классического» капитализма, так и от «классического» социализма. Несомненно, что современный империализм в громадной мере тормозит и осложняет общественный прогресс. Он заставляет народы расточать гигантские средства на гонку вооружений, подталкивает мир к ядерной катастрофе, задерживает полнокровное развитие всего человечества. Но капитализм как система подчиняется законам общественного прогресса. Он обнаружил за свою историю достаточную живучесть и приспособляемость, дал примеры быстрого эволюционирования, усвоения, ассимиляции тех элементов нового качества, которые вызревают в его недрах.

Это свойство капитализма отмечено основоположниками марксизма. Энгельс в «Развитии социализма от утопии к науке» обратил внимание на способность класса капиталистов учитывать общественную природу мощно возрастающих производительных сил, способность «все чаще и чаще обращаться с ними... как с общественными производительными силами» [1]. Именно эта способность подготовила развитие в рамках капитализма различных форм, в том числе государственной монополии. «...Монополия, вырастающая на почве свободной конкуренции... — подчеркивал Ленин в работе «Империализм, как высшая стадия капитализма»,— есть переход от капиталистического к более высокому общественно-экономическому укладу» [2]. Ленин отметил и факты «головокружительного технического прогресса» в условиях монополистического капитализма, подчеркнул, что свойственное монополистическому капитализму стремление к господству, а не к свободе, подавление зависимых народов не отменяют возможности «полнейшей демократии» внутри нации господствующей, «богатейшей» [3].

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 19, с. 221.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 385, 420—421.
[3] См. там же, с. 359; т. 30, с. 386.

И все же основоположники марксизма считали, что капитализм — несмотря на новейшие модификации (или благодаря им) — должен вскоре «рухнуть», империализм — еще до образования «ультраимпериалистического» всемирного объединения — должен неизбежно «лопнуть», превратиться «в свою противоположность» [1].

В мировом масштабе развитие пошло куда более сложным путем. Октябрь 1917 г. потряс всю империалистическую систему, резко сузил сферу ее господства. Но эта система все же не превратилась «в свою противоположность», устояла даже в кризисной ситуации первой мировой войны. Она, несомненно, являет ныне ряд «ультраимпериалистических» черт. Более того, дальнейшее развитие обозначенных выше стабилизирующих процессов в недрах новейшего капитализма, их устойчивый характер (тема, еще слабо исследуемая в нашей науке) [2] привели к тому, что становящаяся коммунистическая формация оказалась в фазе длительного сосуществования, параллельного эволюционирования со старой и вместе с тем во многом видоизмененной формацией — капитализмом. Появились своеобразные формы, системы, структуры и в «третьем мире». Все эти формационные образования в самых разных отношениях взаимодействуют, влияют друг на друга, формируя единое мировое сообщество. «В сочетании соревнования, исторического противоборства двух систем и нарастающей тенденции к взаимозависимости государств мирового сообщества — реальная диалектика современного мирового развития,— указывалось в резолюции XXVII съезда КПСС.— Через борьбу противоположностей складывается противоречивый, но взаимозависимый, во многом целостный мир» [3].

Анализируя перспективы перехода мира от капитализма к коммунизму, надо учитывать и такие факторы, как последствия раскола рабочего движения, ведущего свое начало со времен первой мировой войны, последствия

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 19, с. 221; *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 98.

[2] В числе немногих исключений отметим книгу А. И. Шапиро «Современные проблемы и перспективы мирового капиталистического хозяйства. Критический анализ буржуазных концепций» (М., 1984). Есть, правда, в книге и немало идеологических штампов: последний эксплуататорский строй находится в полосе «заката и гибели», исход противоборства двух систем «исторически предрешен» и т. д. (см. там же, с. 44 и др.).

[3] Материалы XXVII съезда КПСС, с. 100.

маоистского откола КНР от коммунистического движения в 50—60-е гг. Ныне наметились обнадеживающие тенденции к сближению разных отрядов рабочего класса, но говорить о коренных сдвигах пока не приходится. На перспективе перехода от капитализма к коммунизму сказывается и «относительная изоляция» коммунистических партий в наиболее развитых капиталистических странах — в 60-е гг. О ней говорил в известной Памятной записке П. Тольятти [1]. С тех пор положение не улучшилось, хотя оно далеко не однозначно, скажем, в США и Италии, ФРГ и Франции, Великобритании и Португалии и т. д.

В сущности, вопрос об отдаленности перспектив победы коммунизма в мировом масштабе ставил В. Гомулка в конце 60-х гг.: «Современный мир уже полвека разбит на две системы, и никто не может предвидеть, сколько еще потребуется времени, чтобы социализм одержал окончательную победу, и каковы будут этапы борьбы за свержение капитализма в отдельных частях мира и в последующие периоды истории» [2]. Последующее развитие мира не устранило этой неопределенности, но сделало еще более жгучей потребность в оздоровлении международной обстановки. «Еще сравнительно недавно коммунисты считали, что XX век будет веком всемирного торжества социализма,— отмечалось и на проведенной в Праге встрече-дискуссии представителей братских партий.— Но теперь ясно: как бы ни было велико естественное для революционеров желание приблизить час победы, цель эта отодвигается в более отдаленное будущее. Правда состоит в том, что мы недооценили способность капитализма приспосабливаться к новым условиям общего кризиса, его живучесть и в то же самое время завысили в своих ожиданиях скорость, с которой может распространяться влияние социализма» [3].

Опираясь на реальные факты, можно констатировать: в Октябре 1917 г. на Земле родился и стал утверждаться социализм. Он вступил с капитализмом в соревнование, обусловил коренное преобразование зависимой и колониальной периферии капитализма, ему

---

[1] Правда, 1964, 10 сентября.

[2] Международное совещание коммунистических и рабочих партий. Москва, 1969. Прага, 1969, с. 119.

[3] Единство в условиях многообразия. Коммунистическое движение: новые реальности, новые возможности.— Проблемы мира и социализма, 1986, № 10, с. 46.

принадлежит инициатива в постановке острейших общечеловеческих задач, он определяет магистральное направление исторического прогресса. Что же касается общего вывода о неизбежности победы коммунизма в мировом масштабе, никто сегодня не может предсказать ни длительности этого процесса, ни его форм, ни даже его исхода, если иметь в виду наличие ядерного оружия и возможность развязывания силами империализма новой мировой войны.

Мы не ошибемся, если скажем: в общем и целом — коль скоро мы говорим об адекватном и конструктивном отражении марксизмом особенностей современного исторического периода — возникает необходимость в создании *теоретической модели длительного, многовариантного, разноформационного и по возможности гармоничного развития.*

Думаем, в русле такого поиска идет ныне работа международной марксистской мысли. В этом же русле шла работа XXVII съезда КПСС.

* * *

Пытаться предвосхитить будущее во всем многообразии его конкретных проявлений, подчеркивалось на XXVII съезде КПСС, тщетное занятие[1]. И все же в последнее время достаточно ясно обозначились конкретные задачи, решаемые мировым коммунистическим движением. Это — качественное совершенствование всех сторон социализма, восхождение к вершинам научно-технического прогресса, полнокровное развитие демократии в странах, совершивших глубинные социальные революции и заложивших тем самым коренные предпосылки победы социализма в мирном соревновании с капитализмом. Это — борьба за расширение массовой базы и политических союзов коммунистического движения в капиталистических странах, задержавшихся с глубинными социальными революциями. Это — линия коммунистов на обеспечение единства в рядах рабочего движения. Это — укрепление союза сил социализма и национального освобождения. А самую главную из задач, стоящих перед коммунистическим движением (да и не только перед ним), последние документы и решения КПСС определяют как борьбу за выживание человечества, за мир, за освобождение Земли от ядерного оружия, за использование гигантских материальных

---

[1] См.: Материалы XXVII съезда КПСС, с. 6.

и духовных сил и средств не на подготовку истребления человечества, а на нужды общечеловеческого развития. Ныне эта задача конкретизирована во всеобъемлющих реальных предложениях, вызвавших огромный резонанс в мире, и первых соглашениях по ядерному разоружению.

Ядерная эра выявила и нечто принципиально важное для судеб самого марксизма-ленинизма. Мы знаем, что в марксистской мысли есть элемент относительности, само движение пролетариата по новым путям истории — на эту сторону дела обращал внимание Ленин — совершается методом проб и ошибок, ценой поражений и побед. Ныне эта относительность должна быть сведена к минимуму, а методу проб и ошибок — по крайней мере на международной арене — приходит конец. Здесь *надо действовать безошибочно,* последствия ошибок могут оказаться непоправимыми.

Точность и обоснованность в постановке проблем ядерной эры является предпосылкой их решения. Но не менее важна безбоязненность, открытость в постановке новых острых проблем. Пример здесь дал XXVII съезд КПСС — ему следуют советские ученые, их усилия надо продолжать, умножать. Надо до конца развеять буржуазный миф о марксизме как некой «замкнутой», «химерической», «сношенной» идеологии [1]. Дело здесь, разумеется, не только в потребностях идеологической борьбы. В современных условиях любая задержка или заторможенность в развитии марксистской теоретической мысли, любая подчиненность общественной науки устаревшим идеологическим штампам может иметь фатальные последствия. На коллективную марксистскую мысль легла огромная ответственность: она должна найти политические средства выживания человечества, нащупать оптимальные пути его социального обновления в невиданно сложной исторической обстановке.

Буржуазные идеологи постоянно твердят о «кризисе марксизма». В прошлом в развитии марксизма возникали кризисные ситуации. Существенные расхождения в рядах компартий наблюдаются и ныне. Но, признавая факт этих расхождений, мы должны дать ему не буржу-

---

[1] В создании этого мифа упражнялись в последние десятилетия самые видные антикоммунисты. См., например: *Meyer A. G.* Communism. N. Y., 1964; *Aron R.* Marxism imaginaire. D'une sainte famille â l'autre. Paris, 1970; *Dahm H.* Die verschlissene Ideologie. Marx — was ist nach hundert Jahren von seiner Lehre noch übrig. Köln, 1983 etc.

азное, а марксистское объяснение. Ныне коренным образом разнообразились условия революционной практики пролетариата, выявились «непредусмотренные» теорией сложности, альтернативы, опасности, тупики исторического движения, весьма затруднилось его прогнозирование. В развитии марксизма возник «перерыв постепенности», марксизм стоит перед качественным скачком в своем развитии. Например, к концу XX столетия изменились некоторые существеннейшие характеристики, данные Лениным мировой ситуации в начале века. Поскольку существует капитализм, сохраняются «неравномерность», «скачкообразность», «порывистость» его развития (новейший пример — Япония). Но ядерная эра резко модифицировала противоречия мирового развития, она заставляет человечество бросить все силы на преодоление его «катастрофичности».

Решение этой кардинальной задачи предполагает в то же время и максимальное использование богатейшего теоретического наследия марксистско-ленинской науки — это не так давно подтвердили слова М. С. Горбачева. «В. И. Ленин,— отметил он,— в свое время высказал мысль колоссальной глубины — о приоритетности интересов общественного развития, общечеловеческих ценностей над интересами того или иного класса. Сегодня, в ракетно-ядерный век, значимость этой мысли ощущается особенно остро. И очень хотелось бы, чтобы в другой части мира тоже поняли и приняли тезис о приоритете общечеловеческой ценности мира над всеми другими, к которым привержены те или иные люди» [1].

Не задержаться с постановкой новых проблем, поставить их в полном объеме и одновременно, не утерять уже накопленных теоретических ценностей, суметь использовать, интегрировать их на новом этапе развития марксистского знания, постараться охватить рамками общей теории гигантское разнообразие исторической практики человечества — такова неотложная задача, стоящая перед авангардами передовых классов в области теории. Решить ее можно только совместными усилиями, в конструктивной полемике, максимально используя, усваивая, перерабатывая лучшие достижения немарксистской мысли, убедительным примером потенций которой является выдвижение ею самой проблемы «нового мышления», глобальных проблем.

---

[1] *Горбачев М. С.* Избранные речи и статьи, т. 4, с. 164.

* * *

«История вообще, история революций в частности,— подчеркивал В. И. Ленин,— всегда богаче содержанием, разнообразнее, разностороннее, живее, «хитрее», чем воображают самые лучшие партии, самые сознательные авангарды наиболее передовых классов» [1]. Это совсем не отменяет, а, напротив, предполагает необходимость поиска лучших, а теперь и единственно возможных решений. Определяющим признаком научного революционного сознания и основанной на нем практики было и остается стремление к выявлению истинного положения дел в окружающем мире, самокритичность и реализм, чуткость к возникающим новым проблемам и задачам, продуманность и смелость в решениях и действиях. Эти черты продемонстрировала КПСС на подходе к своему XXVII съезду и в ходе его работы, эти черты она демонстрирует и после съезда.

Нити от прошлого тянутся к настоящему. И надо сделать все возможное — и даже невозможное,— чтобы они не оборвались в грядущем.

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 80.

5. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВЫ ОБНОВЛЕНИЯ МИРА

Если бы в мире не происходило никаких иных революционных преобразований помимо тех, которые совершаются в Советском Союзе и получили название перестройка, то и тогда следовало бы выдвинуть на обсуждение проблему социокультурных предпосылок, основ и целей современного революционного процесса, ибо то, что происходит ныне в СССР, спустя 70 лет после Великого Октября, невозможно объяснить, пользуясь привычным понятийным аппаратом наших общественных наук. Еще совсем недавно о революции в России говорили в прошедшем времени, как о том всемирно-историческом событии, которое «уже совершилось» и которое, хотя и продолжает определять наше сегодняшнее движение, осталось «позади». Теперь обнаружилось, что оно совершается «здесь и теперь», революция — это наше настоящее и ближайшее будущее, «революция продолжается». Революционная перестройка всей общественной жизни, начатая в апреле 1985 г., уже обнаружила свои далеко идущие последствия не только для нашей страны; она постепенно втягивает в орбиту своего воздействия и другие страны социалистического содружества, оказывает влияние на страны «третьего мира». Через «призму» перестройки становится возможным сегодня разглядеть и понять процессы, происходящие в странах развитого капитализма, понять, что научно-технические, социальные и социокультурные преобразования, которые там происходят, оставляя нетронутыми политические структуры власти, должны быть включены как интегральная часть в понятие мирового революционного процесса.

В течение всего прошедшего после Октября семидесятилетия и особенно в период после второй мировой войны в различных частях мира происходили и происходят со-

бытия, которые настоятельно требуют при рассмотрении революционных движений не ограничиваться анализом и оценками только их политического и экономического содержания. Дело в том, что революционный процесс в XX в. охватил страны и континенты, отличающиеся друг от друга не только по уровню производства, социально-экономической организации, классовой структуре, политическим формам правления, идеологии, отдельным аспектам культурной жизни (все эти отличия возможны в пределах одной и той же общественно-экономической формации), но также и по исторически сложившемуся и устойчивому в своих основах типу культуры общества, или, иначе говоря, по своим *социокультурным характеристикам.*

Разумеется, между типом культуры общества и общественно-экономической формацией существуют внутренние зависимости, но в наши дни строгая корреляция между ними ослабла, ибо исторический прогресс стал глобальным, исчезло деление народов на исполнителей «главных ролей» и «хор».

Революции, которые происходили в странах второго и третьего «эшелонов» развития капитализма, ориентировались, как правило, на советский опыт. Вместе с достижениями страны, первой вставшей на путь социализма, перенимались ее ошибки, связанные с недооценкой собственной социокультурной специфики и взаимосвязи с мировым сообществом в целом, а не только с однотипными социальными системами. Оценка этого положения, принципиально важная для теории мирового революционного процесса, содержится в сообщении о встрече М. С. Горбачева с Генеральным секретарем ЦК Йеменской социалистической партии А. С. аль-Бейдом. «Речь шла об опыте революционной борьбы — как негативном, так и позитивном, об общих принципах революции и главным образом о том, что правильная политика — это такая политика, которая тщательно учитывает реальности, экономические возможности страны, уровень исторического развития общества, политического сознания и культуры народа, его традиции, особенности и, конечно, международное положение государства.

Никакая революция не застрахована от стремлений авангарда перескочить через неизбежные этапы. Предотвратить это можно лишь, если, определив конечную цель, проводить реалистическую политику. Корень бед всех революций в том, что выдвигались неосуществимые

на данном этапе задачи, что неизбежно приводило в практической работе к забеганию вперед, к разрыву между словом и делом»[1].

Реальности, которые перечислены здесь, охватываются единым понятием «социокультурные», ибо, помимо культуры как явления надстроечного, здесь учитываются все сферы общественных отношений — внутренних и внешних,— определяемые историей, традицией. Речь идет не о субкультурах тех или иных классов, сословий, слоев общества, не о культуре определенных видов деятельности (культуре труда, культуре земледелия, политической культуре и т. д.) и не о культуре как характеристике сознания и поведения индивида, а о тех коренных, устойчивых ценностях и нормах, которые являются единым для всех членов данного общества, пронизывают все проявления жизнедеятельности этого общества и позволяют рассматривать его как нечто цельное, какие бы внутренние противоречия ни были ему присущи.

Несмотря на то что общество как социокультурная целостность есть нечто отличное от культуры того или иного отдельно взятого индивида (особенно в обществах крупномасштабных, с многосторонней внутренней дифференциацией), оно существенно определяется специфическим, только для данного типа общества характерным, исторически сложившимся «местом», которое занимает в нем индивид, «высоким» или «низким» его положением в иерархии коренных ценностей социума. Далеко не всякое социокультурное состояние общества является благоприятным для социалистической революции. Это обстоятельство до сих пор не учитывалось должным образом; понятия «социокультурные основы и предпосылки», «социокультурные цели» социалистической революции не разрабатывались нашей общественной наукой, и это одно из тех упущений теоретической мысли, которые негативным образом сказались на практике революционных преобразований.

Рассматривая социокультурный аспект революции, казалось бы, следует ограничиться какой-то одной страной или группой однотипных стран. Мир многообразен, и нельзя ко всем его регионам подходить с одними и теми же критериями. Все это так. Мир действительно многообразен и сложен, но он вместе с тем и един: все составляющие его страны и регионы при всех их различиях

---

[1] Правда, 1987, 11 февраля.

находятся в тесной взаимозависимости, какой не существовало прежде. Вот почему в теоретическом рассмотрении мирового революционного процесса мысль исследователя должна двигаться одновременно в двух противоположных направлениях — от частей к целому и от целого к части. То же самое следует сказать и о способе рассмотрения его содержательных моментов: от экономических и политических противоречий и взаимодействий надобно двигаться к социокультурным (на страновом, региональном и глобальном уровнях) и от социокультурных противоречий и взаимодействий, как от целого, к его составляющим — экономическим, политическим и иным.

В современной отечественной литературе о мировом революционном процессе его социокультурный аспект не получил еще надлежащего освещения. Нельзя сказать, что он вообще не рассматривался. Однако в его рассмотрении сказалась чрезмерная специализация обществоведов. С одной стороны, в многочисленных работах по вопросам теории культуры современный мировой революционный процесс не стал предметом специального изучения, хотя высокий идейный и научно-исследовательский уровень этих работ не вызывает сомнения[1]. С другой стороны, в книгах, специально посвященных анализу мирового революционного процесса, не уделяется достаточного внимания его социокультурным основам и факторам. В них, как правило, рассматриваются только его политические и социально-экономические аспекты[2].

Это вело к однобокости, перекосам, искажениям реальности, ибо к актуальным, действующим факторам мирового революционного процесса были отнесены только совершающиеся под лозунгами антиколониализма, антиимпериализма, демократии, социализма политические перевороты и проводимые вновь установив-

---

[1] См.: *Межуев В. М.* Культура и история. М., 1977; Проблемы философии культуры. Опыт историко-материалистического анализа. М., 1984.

[2] Перечислить все работы такого плана не представляется возможным — их слишком много. Укажем лишь те, которые, подпадая под наше определение, вместе с тем во многих других отношениях представляют значительную ценность. Это прежде всего многочисленные работы Ю. А. Красина, в том числе: Диалектика революционного процесса. М., 1972; Революцией устрашенные. М., 1975; Революционный процесс современности. М., 1981; *Красин Ю. А., Лейбзон Б. М.* Революционная теория и революционная политика. М., 1979; *Красин Ю. А., Лейбзон Б. М.* Международное рабочее движение. М., 1982; *Коваль Б. И.* Революция продолжается. М., 1984.

шимися режимами соответствующие экономические мероприятия. В результате вместо того, чтобы рассмотреть и понять революционный процесс как воистину *мировой,* происходящий в тех или иных срезах общественных отношений в *любой точке планеты,* он *локализовался* в отдельных странах, преимущественно «третьего мира». Неудивительно, что в попытках целостного описания мирового революционного процесса не находилось места для социалистических стран, для Советского Союза, тогда как и в этих странах необходимость революционных изменений, углубляющих, расширяющих и очищающих от всяческой скверны русло для полноводного потока социалистической жизни, не исчезла.

Таким образом, состояние теории, а также потребности практики революционного движения в различных регионах планеты, в том числе в Советском Союзе, вызывают потребность исследования до сих пор игнорировавшейся социокультурной основы социалистической революции. Тут предстоит значительная и кропотливая работа, предполагающая и свежее прочтение «зачитанных» или «забытых», «пропущенных» или искаженных (бывало и так) исходных теоретических положений Маркса и Энгельса, и сопоставление теории с практикой революции в различных регионах планеты, и, разумеется, оценку современного социокультурного состояния мира. В данной работе мы ограничимся лишь постановкой проблемы.

* * *

Социокультурные основы и предпосылки социалистической революции, согласно воззрениям Маркса и Энгельса, неотделимы от ее социально-экономических и политических основ и предпосылок, хотя не только имеют свою специфику (не допускающую их растворения в экономике и политике), но и в известном смысле являются *более фундаментальными,* ибо они и *предваряют* капиталистическую общественно-экономическую формацию, и *пронизывают* все ее проявления, и оказываются *последними* из предпосылок, преобразуемых в ходе разрешения противоречий капиталистического общества.

Завоевание политической власти основоположники марксизма определили как «великую обязанность рабочего класса», подчеркнув при этом, что диктатура пролетариата является лишь *средством* для социально-экономических преобразований: «...экономическое освобож-

дение рабочего класса есть... великая цель, которой всякое политическое движение должно быть подчинено как средство»[1]. Вместе с тем и экономическое освобождение пролетариата Маркс и Энгельс рассматривали, в свою очередь, лишь как средство по отношению к еще более великой и *конечной цели* социалистической революции — полной эмансипации человека, формированию свободной, универсально развитой личности.

У социалистической революции, таким образом, как бы «трехблочный фундамент»; политический, экономический и социокультурный.

Противоречие между политическим господством буржуазии (которое может быть завуалировано при незрелых формах современной буржуазной демократии или выступать открыто в диктаторских буржуазных режимах, осуществляющих антирабочее законодательство) и политическим бесправием трудящихся — это *политическая* основа социалистической революции.

Противоречие между общественным характером труда и капиталистическим способом присвоения — это *экономическая* основа социалистической революции.

Противоречие между сознанием индивидами своей свободно-творческой сущности, потребностью в универсальном развитии и реальностью односторонней, исполнительской, управляемой деятельности — это *социокультурная* основа социалистической революции.

Остановимся более подробно на этом моменте.

Прежде всего следует ответить на вопрос, «откуда» у трудящихся «берется» сознание своей свободно-творческой сущности, как оно формируется, на каком основании Маркс и Энгельс рассматривают его не только как *отдаленный результат* разрешения противоречий капиталистического способа производства, но и как его *исходный пункт,* как подвергаемую отрицанию противоположность, которая конденсирует в себе потенциал для последующего «отрицания отрицания». Предпосылкой формирования свободной индивидуальности производителя явилась мелкая частная собственность. В ясной, не «смазанной» владельческими отношениями форме она утвердилась впервые в античности, приведя к формированию античного способа производства, из преобразований которого произошли все последующие классово-антагонистические формации Западной Европы. В них на-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 16, с. 12.

ряду с крупным производством, основанном на отношениях господства и подчинения, всегда сохранялось свободное мелкое производство непосредственных производителей.

Сколь важное значение придавали Маркс и Энгельс мелкой частной собственности как условию развития свободной индивидуальности, можно заключить из того, что эта мысль пронизывает все их сочинения от первых до последних работ, от «Манифеста» до «Капитала». Классики не были примитивными уравнителями. Они не считали возникновение частной собственности после тысячелетий господства общинной «всемирно-историческим заблуждением». В «Манифесте» они писали, что лично приобретенная, добытая своим трудом, собственность образует основу личной свободы, деятельности и самостоятельности[1]. Ту же мысль в более развернутой и доказательной форме Маркс проводит через всю структуру «Капитала». Вот одно из многочисленных разъяснений этой идеи: «Частная собственность работника на средства его производительной деятельности является неизбежным следствием мелкого производства, земледельческого или промышленного, и оно образует питомник общественного производства, школу, где вырабатывается физическая сноровка, изобретательность и свободная индивидуальность работника. Правда, этот способ производства встречается и в условиях рабства, крепостничества и других форм зависимости. Однако он достигает расцвета, проявляет всю свою энергию, обретает цельную и классическую форму лишь там, где работник является свободным собственником условий труда, которые он сам применяет: крестьянин — земли, которую он обрабатывает, ремесленник — инструментов, которыми он владеет как виртуоз»[2].

Цельной и классической формы частная собственность работника на средства его производительной деятельности достигает в Западной Европе в эпоху позднего средневековья и Возрождения, нижним порогом которой, по мнению одних историков, является XII—XIII, по мнению других — XIV в., а верхним порогом, соответственно, XVI или XVII в. Стало быть, период, когда в Западной Европе наряду с феодальным способом производства процветала «цельная и классическая форма»

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 438.
[2] Там же, т. 49, с. 227; см. также т. 23, с. 771.

индивидуального труда, продолжался 400—600 лет — время, более продолжительное, чем время существования капиталистического способа производства, и вполне достаточное для того, чтобы свободная индивидуальность работника получила выражение в весьма широкой и многообразной совокупности культурных ценностей, идеалов, целей и т. д.

Индивидуальный труд, основанный на мелкой частной собственности работника, сохраняя свое значение производственно-технического и экономического факторов производства, стал социокультурным феноменом. Именно в индивидуальном труде, в котором искусство еще не отделилось от ремесла, и проявилась свободно-творческая сущность субъекта труда, как ее описал Маркс в «Капитале». «В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, т. е. идеально. Человек не только изменяет форму того, что дано природой; в том, что дано природой, он осуществляет вместе с тем и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинять свою волю» [1].

Таким образом, мы видим, что данная Марксом характеристика труда как способа свободной человеческой жизнедеятельности *не есть абстракция от множества производственных процессов* (в коих реальный индивид может не формировать в своем воображении сознательную цель как идеальный прообраз материально производимой им вещи). Нет, напротив. В своем обобщении Маркс опирается на многовековой опыт свободного античного и особенно возрожденческого ремесла, живые остатки которого (и притом весьма многочисленные) он мог еще наблюдать в своем родном Трире, в других городах Германии и Западной Европы, тем более, что членами Союза коммунистов, по поручению которого он вместе с Энгельсом составил «Манифест», были не наемные рабочие, а ремесленники.

Правда, если более тщательно проанализировать Марксово понятие труда как выражения свободно-деятельной сущности человека, то придется признать, что далеко не ко всякому ремеслу оно приложимо. Более того (как ни парадоксально это на первый взгляд), оно лишь с большими оговорками приложимо к труду в соб-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 189.

ственно материальном производстве. В самом деле, труд ремесленника, производящего предметы обиходного потребления, мог подниматься до «полуискусства», поскольку он вносил нечто и от себя в их изготовление, но весьма немногое, ибо цеховые уставы строго следили за соответствием изделия принятому стандарту. Ремесленник руководствовался в своем труде «сознательной целью», но далеко не всегда сам ее формировал или хотя бы частично видоизменял: он работал по прототипам.

Иначе обстояло дело с ремесленником, от которого заказчик требовал уникального предмета. Такие составляли меньшинство. Лишь в материальной сфере, переходящей непосредственно в собственно духовную,— в архитектуре, особенно в новой архитектуре Ренессанса, внутри которой сложилось самостоятельное искусство *проекта,* ремесленник мог вполне проявить свою человеческую свободно-деятельную сущность. Не случайно Маркс в своей характеристике неотчужденного труда приводит в качестве примера труд зодчего (как задолго до него это делал и Аристотель). С исторической точки зрения это обстоятельство является решающим для понимания того социокультурного конфликта, который возник с появлением капитализма.

Вспомним, что прологом капиталистического способа производства была массовая насильственная экспроприация непосредственных производителей — крестьян и ремесленников. Капиталистическая частная собственность возникла как *отрицание* «индивидуальной частной собственности, основанной на собственном труде»[1]. Маркс и Энгельс даже считали возможным в своей теоретической двуклассовой модели развития капиталистического общества в «Манифесте» (а пользовались они для близкого к эмпирии описания и многоклассовыми моделями) исходить из допущения, что капитализм уже уничтожил индивидуальную частную собственность и что, следовательно, требование коммунистов может быть кратко резюмировано в словах «уничтожить частную собственность», что для Маркса и Энгельса в данном способе рассмотрения означало уничтожение буржуазной частной собственности. Это было «упрощением» реального процесса, необходимым в теоретическом модельном построении, когда ставится задача определить его основные тенденции. На самом деле индивидуальная частная

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 773.

собственность продолжала существовать — Маркс и Энгельс прекрасно об этом знали и, разумеется, никоим образом не помышляли об ее экспроприации.

Лишение труженика собственности, нажитой его личным трудом, подрывало не только экономические, но и социокультурные предпосылки его свободной индивидуальности. Капитал не только лишил труженика собственности и (соблюдая «честность» юридической сделки купли-продажи рабочей силы) стал присваивать себе неоплаченный труд рабочего, т. е. подвергать его капиталистической эксплуатации,— капитал нанес более чувствительный удар культурным основам личности рабочего. Сознание, предусмотрительность, воля, которые необходимы были рабочему в целостном процессе индивидуального труда, теперь оказались для него бесполезными изменениями. Внутримануфактурное разделение труда поразило индивидуальную рабочую силу в самом ее корне, подавило мир производственных наклонностей и дарований рабочего; сам индивидуум был разделен, превратившись в автоматическое орудие данной частичной работы [1].

Вместе с новым способом производства, нацеленным на безграничное возрастание стоимости и коммерциализацию всех человеческих отношений — труда и досуга, призвания и служения, обязанностей и долга, веры и знания, любви и привязанностей, вместе с новым техническим строем производства с тенденцией вытеснения человека машиной, вместе с укрупнением и обобществлением производства, которое остается собственностью немногих, капитализм привнес в многовековую культуру Западной Европы (антропоцентристскую, либертистскую и гуманистическую по своей преобладающей акцентуации) чуждые ей «истинно буржуазные» ценности, представляющие как бы «изнанку» этой культуры.

Сила и одновременно уязвимость западноевропейского капитализма состоит в том, что он никогда не возник бы без тех индивидуальных свобод, которые утвердились на Европейском континенте, и одновременно он враждебен им. Он плоть от плоти западноевропейской культурной истории — и в то же время он поставил под вопрос ее существование. Стихийная и сознательная борьба за сохранение уникальной цивилизации, основы которой были заложены античностью, цивилизации, ставшей ли-

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 374.

дером общечеловеческой истории, ведет к такой ассимиляции плодов капиталистического прогресса, которая обеспечивает ревитализацию и универсализацию на новом, более надежном техническом фундаменте свободноличностных ценностей культуры. И поскольку индивидуальные свободы по-прежнему остаются условием существования капитализма, можно говорить, что с *социокультурной точки зрения* (не только с точки зрения экономической) он в себе самом несет семена самоотрицания.

Одна из первых классических формулировок этой глубинной *социокультурной основы социалистической революции* подчеркивает, что борьба рабочего класса есть возмущение против отверженности, «которое в этом классе необходимо вызывается противоречием между его человеческой *природой* и его жизненным положением, являющимся откровенным, решительным и всеобъемлющим отрицанием этой самой природы» [1].

Но тут-то и возникает вопрос: если развитие капитализма (как это следует из вульгаризаторского понимания учения Маркса и Энгельса) ведет к *полному* уничтожению мелкой частной собственности, а социалистическая революция, «экспроприируя экспроприаторов», превращает уже обобществленные капиталом производительные силы в общественную собственность, то каким же образом может быть удовлетворена потребность индивида в цельности, самостоятельности, свободе внутри материального производства? Ведь индивид все равно остается лишь частичным работником в системной сложности общественного производственного процесса.

Только выходя из него, только возвышаясь над ним, индивид в качестве совладельца общественной собственности может — в идеале — принимать продиктованное свободной волей участие в коллективном обсуждении того, какие технические и экономические параметры должны быть заданы производству. Ни о какой другой свободе для индивида здесь не может быть и речи. Не следует ли из этого, что переход от буржуазной собственности к общественной сам по себе не разрешает противоречия между стремлением индивида к свободной деятельности и социальной, а также чисто технической невозможностью ее осуществить в обобществленном — и, следовательно, внутренне разделенном и специализиро-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 2, с. 39.

ванном — производственном процессе? А коль скоро это так, то не значит ли, что индивидуальный труд, уступая крупному машинному производству в масштабах, эффективности технологии и многих других общественно ценных чертах и свойствах, имеет перед ним неустранимые преимущества с точки зрения возможности сохранения в труде цельности индивида, проявления самостоятельного почина, личного своеобразия? И не вытекает ли из этого, что стремление разрешить указанное социокультурное противоречие должно ориентировать на возврат к свободному ремеслу, к индивидуальному труду или, по крайней мере, к сохранению индивидуального труда наряду с крупным обобществленным производством?

Уклониться от ответов на эти вопросы недопустимо, а осветить исчерпывающе — невозможно.

Остановимся на наиболее «болезненных».

Дело в том, что индивидуальный труд в промышленности и в земледелии, как и мелкое хозяйство, помимо указанных преимуществ перед крупным производством, имеет и немалые недостатки. Маркс вполне разделял оценку ремесла, данную Аристотелем, не признававшим за ним права называться свободной деятельностью, даже если ею занимался свободнорожденный, ибо эта деятельность не самоцельна. Подобно Аристотелю, Маркс считал, что свобода для человека достижима лишь за пределами материально-трудовой деятельности: «Царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства» [1].

Как ни высоко ценил Маркс ремесло, получившее в эпоху Возрождения высочайшее общественное признание в качестве деятельности, достойной свободного гражданина, еще выше он ценил универсальную творческую деятельность свободного самоосуществления человека по другую сторону материального производства. Для него идеалом человеческой свободы был не индивидуальный труд, а «высокий досуг» классической античности.

Но как сделать, чтобы «высокий досуг» стал достоянием всех? В античности он обеспечивался трудом рабов и ремесленников и земледельческим трудом свободных частных собственников, который, по словам Маркса, также

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 25, ч. 2, с. 386.

нес на себе клеймо рабства и рассматривался как пьедестал для праздного гражданина [1]. Можно ли обойтись без рабов и без того, чтобы вообще кто-либо занимался рутинным материально-производительным трудом?

Сторонник рабства Аристотель задумывался над этим вопросом. «Если бы каждое орудие могло выполнять свойственную ему работу само,— писал он в «Политике»,— по данному ему приказанию или даже его предвосхищая, и уподоблялось бы статуям Дедала или треножникам Гефеста, о которых поэт говорит, что они «сами собой (aytomatoys) входили в собрание богов»; если бы ткацкие челноки сами ткали, а плектры сами играли на кифаре, тогда и зодчие не нуждались бы в работниках, а господам не нужны были бы рабы» [2].

Собственно, для Стагерита это рассуждение было чем-то вроде «доказательства от противного»: если бы могли... но так как не могут... и «никогда не смогут», так как предположение об автоматически действующих орудиях «абсурдно» и так как, с другой стороны, без «высокого досуга», без деятельности души, согласованной с суждением, человек не может выполнить своего назначения, то действительными «людьми», атрибутом которых является свобода, разумно-нравственная деятельность души, могут быть лишь немногие при условии поглощенности большинства материально-производительным трудом в качестве рабов, а также и свободных мелких собственников.

Сам того не ведая, Аристотель сформулировал величайшую социально-историческую «теорему» свободы каждого.

То, что Аристотелю казалось недостижимым, отчасти стало осуществляться в последующие века: более высокая производительность труда позволила заменить рабство крепостничеством, а, соответственно, самостоятельный индивидуальный труд перестал трактоваться как рабский, хотя и сохранил черты, ограничивающие свободу. И все-таки ремесленный труд или промыслы, как его еще называли в XIX в., не мог по степени свободы идти ни в какое сравнение с тем не *особенным,* а непосредственно *всеобщим* индивидуальным трудом (трудом-творчеством), каким был труд писателя или ученого.

«Писатель... должен зарабатывать, чтобы иметь возможность существовать и писать, но он ни в коем случае

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 26, ч. 1, с. 297.
[2] *Аристотель.* Сочинения: В 4 т. М., 1983, т. 4, с. 381.

не должен существовать и писать для того, чтобы зарабатывать... Писатель отнюдь не смотрит на свою работу как на *средство*. Она — *самоцель;* она в такой мере не является средством ни для него, ни для других, что писатель приносит в жертву *ее* существованию, когда это нужно, *свое* личное существование»[1].

Поэтому, если бы даже возможно было путем уничтожения буржуазной собственности сделать основой общественного производства свободную ремесленно-промысловую деятельность, то это было бы равносильно культивированию всеобщей посредственности[2]. Свобода индивида остается вожделенной целью. Но теперь, после того как общество прошло через «чистилище» капитализма, оно, как полагал Маркс, сможет стать почвой не для ограниченной свободы ремесла, но универсальной свободы «высокого досуга» всех и каждого.

Поэтому переход к коммунизму мыслился Марксом как *двуединый* процесс: с одной стороны, как завершение экспроприации буржуазной частной собственности (прямой ее экспроприации; путем победы в конкуренции с ней общественно-государственного и кооперативного производства; путем выкупа буржуазной собственности), с другой — как достижение такого уровня производительности труда и такой технической структуры производства (Маркс, естественно, не употреблял понятий «компьютеризация» и «роботизация», хотя, по существу, имел в виду нечто подобное), когда человек, отдавая лишь минимальное время производству, будет осуществлять свой свободно-творческий жизненный процесс вне его. Только тогда будет достижимо не номинальное и частичное, а фактическое и полное общественное владение общественными средствами производства. Но общественная собственность даже и тогда не станет единственной. Наряду с ней и на ее базе возникнет индивидуальная собственность, необходимая как гарантия индивидуальной свободы и самодеятельности — своеобразной и многообразной.

Для свободы индивида важно наличие именно этих двух форм собственности — общественной и индивидуальной: «...капиталистическое производство порождает с необходимостью естественного процесса свое собственное отрицание. Это — отрицание отрицания. Оно восстанавливает не частную собственность, а индивидуальную собст-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 1, с. 76.
[2] См. там же, т. 23, с. 771.

венность на основе достижений капиталистической эры: на основе кооперации и общего владения землей и произведенными самим трудом средствами производства»[1].

Надо заметить, что сочетание общественной и индивидуальной собственности было для Маркса вообще показателем жизненности общественно-экономического уклада. И по этому вопросу он вполне разделял взгляды своего любимого античного мыслителя.

Таким образом, согласно Марксу и Энгельсу, для разрешения социокультурного противоречия (которое, наряду с экономическим и политическим, образует глубинный пласт в основании социалистической революции) недостаточно уничтожения капитала и утверждения общественной собственности на орудия и средства производства. Сама по себе победоносная классовая борьба не может до конца разрешить это противоречие. Без нее не обойтись, но и ее недостаточно. Необходим такой высокий уровень производительных сил — более высокий, чем достигнут даже сейчас в развитых капиталистических странах,— такое преобразование технической структуры производства и вообще всей материальной деятельности, которые позволили бы рабочему выйти из непосредственного процесса производства не в качестве выброшенного из него в «никуда» безработного, а в качестве жаждущего всестороннего развития индивида, которому ограниченная свобода исполнителя творческой воли другого даже в исследовательском или проектном процессе представляется не соответствующей его человеческой сущности.

Выяснив, в чем состоят социокультурные основы социалистической революции (рассмотренной здесь в аспекте ее конечных целей), мы можем теперь констатировать, что все группы противоречий — политических, экономических, социокультурных,— обладая относительной самостоятельностью, не только взаимодействуют между собой, но и образуют структурное единство — любое из них предполагает наличие остальных в органически сложившемся капиталистическом обществе. Без группы противоречий, образующих социокультурную основу социалистической революции, не возникли бы противоречия в экономической сфере или они приняли бы совершенно иной характер. Вместе с тем сравнительно продолжительное существование капиталистического способа производства в Западной Европе привело к тому, что он стал воспри-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 773.

ниматься как *«естественный»,* а не исторически возникший и преходящий. «Третья» группа противоречий на долгий срок как бы опустилась «на дно» общественной жизни, в глубины сознания, тогда как «вторая» стала ведущей, причем в массовом пролетарском сознании она получила превращенную форму: как показывает история забастовочного движения рабочего класса Западной Европы XIX и XX столетий, пролетариат вплоть до 80-х гг. вел борьбу не за *отмену* капиталистической частной собственности, а за *справедливость* в области распределения материальных благ, за достойное вознаграждение труда. Что касается «первой» группы противоречий, то и здесь рабочие — за редкими исключениями (хотя бы и столь яркими, как Парижская коммуна или Ноябрьская революция в Германии 1918 г.) — выступали не против капиталистических основ государственной власти, а за *последовательное осуществление политических принципов буржуазной демократии,* которая в условиях капитализма наиболее благоприятна для самоорганизации пролетариата.

Наиболее болезненно трудящиеся переживают политический гнет, если в их сознании сохраняется некогда пережитый, хотя бы частичный, опыт политической свободы. Не менее сильно реагируют рабочие на ухудшение своего материального положения, если у них сохраняется память об относительном материальном «благополучии». Значительно слабее наемный рабочий до последней четверти XX столетия ощущал свое отчуждение в процессе производства, привыкнув относиться к нему как к технологической неизбежности. Так складывалась своеобразная иерархия, субординация и координация всех трех групп противоречий, действующих как побуждающие мотивы и стимулы пролетарской классовой борьбы. Исторические условия обнажения и обострения третьей группы противоречий сложились на Западе только в последнее десятилетие. «Научно-техническая революция, завоевания рабочего и демократического движения, нарастающий объем социальной информации и знаний, доступных массам, сдвиги в структуре потребления — все это ведет к развитию творчески-созидательных потенций трудящихся, их интеллектуальной самостоятельности, повышает их требования к содержанию собственной деятельности, к положению личности в обществе. Буржуазная система ценностей, ориентирующая на гонку за деньгами и статусами, на потребительство и гедонизм, все менее способна в этих

условиях придавать смысл жизни человека в обществе. Отсюда лихорадочные поиски «новой системы ценностей», которыми ознаменовалось минувшее десятилетие»[1]. Эта тенденция в поведении рабочих и других слоев трудящихся проявляется в нарастающей борьбе за самоосуществление.

Как утверждает известный американский социолог Д. Янкелевич (весьма далекий от социализма), эта борьба — «ведущее звено подлинной «культурной революции», которая продвигает... индустриальную цивилизацию к новой фазе человеческого опыта»[2].

Сторонники и участники «культурной революции», о которой пишет американский социолог, ориентируются на творческий стиль жизни, на жизнь как «эксперимент». Ориентация на культивирование рабочим собственной личности противоположна нарциссизму — этой истинно буржуазной форме самоосуществления. Она, напротив, сочетается со стремлением к общению и единению с другими людьми, ибо самое существенное в «революции ценностей» — это не тенденция к отказу от труда, хотя она и имеет место, не «кризис труда», а новое отношение к труду, который стал рассматриваться теперь квалифицированными рабочими не только как средство для жизни, но и как ее средоточие, основная сфера самореализации индивида. Этому содействует переход от старой индустриальной техники к технике, основанной на компьютеризации и роботизации.

На основе стихийных «контркультурных» движений последних 10—15 лет, переориентации части трудящихся на «постматериальные» ценности, под «прессом» глобальных проблем современности на Западе сложились различные, так называемые альтернативные, движения, выдвигающие программы, близкие по содержанию к новым, но имеющим глубокие исторические корни культурным ориентациям рабочего класса. В этих программах содержатся призывы к освобождению от капиталистических искажений гуманистических ценностей западной культуры и отречению от насильственных способов разрешения существующих на Западе социальных противоречий.

Среди альтернативных движений активную поддержку в широких слоях западноевропейской интеллигенции

---

[1] *Дилигенский Г. Г.* Марксизм и проблемы массового сознания.— Вопросы философии, 1983, № 11, с. 15.

[2] *Yankelevich D.* New Rules: Searching for self Fulfillment in a World Turned Upside down. N. Y., 1981, p. XX.

получило основанное в 80-х гг. норвежцем Э. Дамманом. Надвигающаяся новая «культурная революция», по мысли Э. Даммана, должна привести к созданию общества, ориентированного на ценности, противоположные буржуазным,— сотрудничество, дружбу, равную ответственность, развитие личности, человеческую близость, мир, свободу и стабильность. В своей критике капитализма Э. Дамман опирается и на Маркса, хотя ошибочно полагает, что Маркс уклонялся от изучения противоречий моральных систем. «То, что кипит в современном обществе,— полагает Э. Дамман,— это революция снизу, мятеж подавляющего большинства против тех, кто лишил это большинство права на ответственность, за легитимизацию здравого смысла и за ценность простого человека, которую многие теоретики давно потеряли из виду» [1].

Если в развивающихся странах «третьего мира» далеко еще не исчерпаны экономические потенции старого ремесла, основанного на ручном труде, то в странах развитого капитализма, охваченных промышленным бумом микроэлектроники, сложились условия для «нового ремесла», использующего малогабаритные ЭВМ и робототехнику для эффективного, приспособленного к индивидуальным запросам потребителей «домашнего» производства. Техническое оснащение новых технологий, разработка которых не могла быть делом старого ремесла, изготавливается ныне крупной промышленностью для нужд индивидуального труда. Это совершенно новое соотношение общественной и индивидуальной собственности, которое предвидел Маркс, но которое оказалось отчасти реализованным в рамках капиталистического производства, удерживающего общественную собственность в руках буржуазии и сообщающего индивидуальному труду частнособственнический характер.

Технологическая модернизация промышленности, сельского хозяйства, «третичного сектора», транспорта и связи, образования и досуга, с одной стороны, расширила внутри этих сфер диапазон проявления осмысленной деятельности индивида, с другой — увеличила время обеспеченного досуга для большинства самодеятельного населения, который одними переживается как бремя, другими прожигается в бездумном потребительстве, третьими используется для самовоспитания и попыток творческой самореализации, сопровождающихся производством новых

---

[1] *Damman E.* Revolution in the Affluent Society. L., 1984, p. 12.

форм общения. Образовательная неподготовленность к самостоятельному разумному и творческому использованию свободного времени и стремление центров большого бизнеса и власти управлять в собственных интересах также и досуговым поведением членов общества при еще более обострившейся жажде самореализации тех слоев, которые не обращаются к «новому ремеслу», усугубляют остроту основной социокультурной коллизии капитализма. Вместе с тем процессы демассификации производства и демократического участия в крупных компаниях, диверсификации деятельности и приватизации общественной жизни на всех демографических уровнях свидетельствуют о некотором продвижении вперед в разрешении и этого социокультурного противоречия, хотя именно оно переживается как полностью неразрешимое и наиболее трагичное.

Любопытно, что известный американский социолог О. Тоффлер преподносит как «опровергающее» Марксово учение о разделении и отчуждении труда свое заключение о том, что в результате «информационной революции» происходит как бы спиральный возврат к доиндустриальному производству. Тоффлер, видимо, и не подозревает, что именно Маркс, предвидя автоматизацию, предсказывал *неизбежность «Возрождения Возрождения»,* что к своему новому состоянию общество движется через прогнозированное Марксом снятие капиталистического отчуждения, которое хотя и происходит в формах, не совпадающих пока с предполагавшимися, все-таки еще весьма далеко от своего завершения.

Психологические стрессы, которые вызывает происходящая благодаря автоматизации переориентация жизни с труда на досуг, не могут помешать тому, что уже сейчас не рабочее, а *свободное время* («пространство для развития способностей») становится для все большего числа трудящихся мерилом личного и общественного богатства — в полном соответствии с прогнозом Маркса.

Сегодня нельзя поэтому отрицать того, что Запад, хотя он и не пережил политической пролетарской революции, продвинулся за последние 70 лет по пути общественных преобразований, которые предсказывали Маркс, Энгельс и Ленин. Не только и не столько по самосознанию трудящихся, выражающемуся подчас в негативном отношении к дискредитированным ошибочной практикой научно-идеологическим терминам и положениям, следует судить

о реальном состоянии западно-капиталистического общества.

Стоит преодолеть гипноз слов и взглянуть на мир без идеологических шор, как многое становится на «свои места». В истории не раз уже происходила девальвация «высоких слов», а жизнь шла своим чередом и под другими именами утверждала то, что предполагал первоначальный смысл великих заповедей.

Сказанное не дает, разумеется, оснований для вывода, будто на Западе уже нет никакой надобности в социалистическом преобразовании буржуазной политической организации и капиталистической собственности. Отнюдь. Надо лишь отдать себе отчет в том, что подобно тому как прежде политические и экономические противоречия «затеняли» социокультурные, так и теперь последние «вуалируют» наличие первых.

Установка на преодоление капиталистического общественного строя на основе происходящей в широких слоях трудящихся «революции ценностей», какими бы недостатками она ни обладала, лежит на магистрали всемирно-исторического развития. Она фактически подтверждает мысль Маркса и Энгельса о наличии глубинных социокультурных противоречий капитализма и путях и формах их разрешения.

Еще далеко не решены задачи политической борьбы против ГМК (против милитаристского курса капиталистических государств, политики неоколониализма, расизма и национализма, поддержки реакционных режимов, против антирабочей социальной политики, поддерживающей на высоком уровне массовую безработицу, против попыток ограничения прав профсоюзов), еще далеко до удовлетворения социально-экономических требований рабочего класса (связанных с заработной платой, рабочим временем, условиями труда, гарантиями от безработицы и т. д.), а уже заявили о себе, как наиболее настоятельные, требования, определяемые социокультурными характеристиками рабочего класса, хотя носителями этих требований выступают по преимуществу средние слои.

Сложившуюся ныне, в 80-х гг. XX в. ситуацию в рабочем движении развитых капиталистических стран можно определить следующим образом: цели революционного переустройства общества, обозначенные в свое время Марксом и Энгельсом как «ближайшие» (участие в политической власти, организация социалистического производства) и *«конечные»* цели социалистической революции

(свободное всестороннее развитие личности каждого), *сомкнулись,* точнее, смыкаются.

Это следует понимать в том смысле, что политическая оболочка буржуазного общества будет отброшена, если, приспосабливаясь к новым условиям, она окажется несовместимой с задачей разрешения «третьей» группы противоречий.

* * *

Рассмотрим теперь, как действовали и как действуют эти три группы противоречий в других, не западноевропейских странах.

Первоначально и органично капитализм возник в Западной Европе, а в наиболее чистом виде он получил развитие в Северной Америке, в США, куда были трансплантированы из Западной Европы все непосредственно предшествующие капитализму общественные, культурные и человеческие предпосылки. Между тем в течение XVII, XVIII и особенно XIX столетий капитализм распространился по всему миру. Его распространение происходило в двоякой форме: путем *заимствования* производственно-технических, экономических, отчасти юридических и правовых, идеологических, буржуазно-культурных «блоков» и встраивания их в структуру обществ, которые (если брать их в целом) ни в политическом, ни в социальном, ни в культурном отношении не соответствовали природе капитализма[1], либо путем *экспансии* в страны, где господствовал докапиталистический способ производства. В результате происходило «сращивание» существовавшей в этих отличных от западноевропейского типа странах докапиталистической (как правило, деспотической) политической надстройки с элементами буржуазной политической структуры, при подчинении последних первой. Одновременно обнаруживалось резкое противоречие между искусственно «встроенными» в докапиталистический уклад капиталистическими производственными отношениями и традиционной докапиталистической экономикой и еще более резкие противоречия между элементами буржуазно-капиталистической культуры (в основном западноевропейскими по своему происхождению) и традиционными, часто еще даже трайбалистскими, культурами колони-

[1] Такого рода заимствования осуществлялись и в пределах Западной Европы, например Францией, Германией, Италией у Англии, но культурно-историческая однотипность этих стран обеспечивала органичность развития в них капитализма.

альных и полуколониальных стран. Национальные традиционные культуры подвергались эрозии. Так, внутренние классово-антагонистические, или родоплеменные, противоречия осложнялись противоречиями внешними. Социокультурные аспекты этих противоречий были совсем иного рода, чем те, которые родились с возникновением капитализма в странах Западной Европы. Там это были противоречия между потребностью личностного самоосуществления трудящихся, сформированной всей предшествующей историей западноевропейской культуры, и подавлением этой потребности капитализмом, тогда как в незападноевропейских странах раннекапиталистической или докапиталистической формаций это были противоречия традиционной национальной и западноевропейской культур.

Основная масса индивидов этих обществ была лишена личностной потребности самореализации, а те индивиды, которые приобретали эту потребность и страдали от невозможности самоосуществления, рассматривались как «отщепенцы», приравнивались к «чужакам». Эта особая форма социокультурных противоречий с самого начала принимала политическую окраску, сливаясь прежде всего с первой группой противоречий, а частично и со второй.

Благодаря развитию капитализма в России и поддержке его со стороны царизма, благодаря прямому вмешательству самодержавия на стороне капиталистов и помещиков в разрешение экономических конфликтов между буржуа и пролетариями, помещиками и крестьянами острота первых двух совместившихся групп противоречий (в которых подспудно присутствовало и неприятие буржуазно-культурных западноевропейских ценностей) достигла такого накала, что стали возможны — в условиях империализма — свержение не только царизма, но и буржуазной политической надстройки, победа социалистической революции, положившей начало новой эпохе всемирной истории. Однако Ленин, подобно своим учителям Марксу и Энгельсу, считал, что для успешного построения социалистического общества даже в его основах и особенно для достижения конечных целей социалистической революции необходимы не только политические и экономические, но и социокультурные предпосылки, которых в России не было. Коль скоро не было, их следовало создать.

Ленин совершенно по-новому поставил вопрос о соотношении трех важнейших предпосылок (и моментов)

социалистической революции: «Если для создания социализма,— писал он,— требуется определенный уровень культуры... то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а *потом* уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы»[1]. Ленин, таким образом, вслед за Марксом и Энгельсом, никоим образом не отрицал необходимости для успешного развития и завершения социалистической революции не только политических и экономических, но и социокультурных предпосылок, он лишь подчеркивал своеобразную диалектику истории, которая изменила «порядок их следования».

История показала, что в странах докапиталистических формаций с деспотическими режимами правления, куда проникает капитализм, первая группа противоречий, являющихся политическими предпосылками социалистической революции, в силу их предельной остроты и напряженности, непереносимости для масс трудящихся (чего нельзя сказать о странах буржуазно-демократических) может быть разрешена при относительно слабом развитии противоречий второй группы и при отсутствии или почти полном отсутствии третьей группы противоречий.

Страны, осуществившие такой прорыв, оказываются в чрезвычайно затруднительном положении. Мы, говорил Ленин о Советской России в 1921 г., «*впереди* любой Англии и любой Германии по нашему политическому строю, по силе политической власти рабочих и вместе с тем *позади* самого отсталого из западноевропейских государств... по высоте культуры, по степени подготовки к материально-производственному «введению» социализма»[2]. Именно поэтому одновременно с введением нэпа Ленин выдвинул программу такого изменения культуры общества, которое должно было стать не результатом, а непременным ингредиентом его политического и экономического переустройства.

И сколь злободневно звучат, как перекликаются с решениями XXVII съезда КПСС следующие слова вождя Октября: «С безграмотностью бороться должно,— говорил Владимир Ильич,— но одна грамотность также недостаточна, а нужна та культура, которая учит бороться с волокитой и взятками. Это — такая болячка, которую

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 381.
[2] Там же, т. 43, с. 216.

никакими военными победами и никакими политическими преобразованиями нельзя вылечить... а можно вылечить только одним подъемом культуры» [1].

Противоречие между чертами, свойствами, особенностями вновь установившейся социалистической общественно-экономической формации и предшествующим типом культуры возникло в послереволюционной России и стало одним из определяющих в становлении социализма. Таким оказалось своеобразное проявление той исторической закономерности, которая была описана Марксом,— обломки и элементы старого общества продолжают влачить существование в недрах нового. Вместе с тем это совершенно новая и не предвиденная ни Марксом, ни Энгельсом историческая закономерность зигзагообразного развития социалистической революции. Установив эту закономерность, Ленин предсказал (а история XX столетия подтвердила), что она проявит себя с еще большей силой, когда революция распространится на афро-азиатские страны.

История XX столетия показала, что *«границы культурных ареалов и формаций не совпадают во времени и пространстве:* в пределах одной формации можно наблюдать множество разных культур, вместе с тем существенные черты культуры данной социальной общности не исчезают при переходах на следующую ступень общественного развития» [2]. Это положение является теперь общепринятым в советской философской литературе. В процессе исторического развития человечество проходит не только ряд последовательных общественно-экономических формаций, одновременно оно представляет собой систему различных типов культур, вступающих в сложное взаимодействие между собой и сохраняющихся в своих нуклеарных основах при переходе от одной формации к другой.

Если говорить о мировом революционном процессе в целом, то генеральное направление культурных преобразований в ходе революционного обновления мира совпадает *для всех стран,* как принадлежащих к несходным типам культур, так и находящихся на различных уровнях социально-экономического развития. В одном случае (как на Западе) их осуществление означает *ревитализацию* (возрождение на новом уровне) некоторых принципов ренессансного типа культуры, подорванных капитализмом,

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 172.

[2] Проблемы философии культуры. М., 1984, с. 205 (курсив авт.— *К. К.*).

их обновление и развитие, отвечающее современным условиям, возможностям и требованиям социально-исторического прогресса. В другом случае (как, например, в некоторых афро-азиатских странах) их осуществление означает необходимость глубокого *преобразования* архаических типов культур, не исключающего, однако, сохранения всех тех их неповторимых ценностей (важных для всего мирового сообщества), которые не вступают в противоречие с ориентацией общества на социализм.

Не боясь преувеличения, можно сказать, что «узловым пунктом» дальнейшего развития мирового революционного процесса во всех его потоках стала проблема гуманистических по своей направленности культурных проблем, как бы ни были различны предпосылки, наличные возможности и средства их осуществления в разных регионах и странах планеты.

* * *

Новый этап истории, в который вступил Советский Союз,— это этап преодоления застоя, исправления допущенных ошибок, преодоления эволюционного, ставшего экстенсивным, движения, не затрагивающего «однажды и навсегда» обретенных форм собственности, производственных отношений, производительных сил, политической системы, социально-культурной сферы, форм управления, этап качественных, а не количественных изменений.

О перестройке сказано, что она *«революционная»*, она — *«продолжение революции»*, *«новый этап нашей революции»* и, наконец, что она *«революция»*: «...это настоящая революция во всей системе отношений в обществе, в умах и сердцах людей, психологии и понимании современного периода, и прежде всего задач, порожденных бурным научно-техническим прогрессом» [1].

Все эти определения дополняют друг друга, проясняют с разных сторон замысел намеченных преобразований. *«Революционная»* — поскольку речь идет о качественном изменении состояния нашего общества; *«продолжение революции»* — поскольку, при всей значительности задуманных и уже вступивших в стадию осуществления перемен, они возможны лишь благодаря основам, заложенным Великим Октябрем и ленинской программой социалистического строительства, сформулированной им в 20-е гг.; «продолжением революции» еще и потому, что программа

---

[1] *Горбачев М. С.* Избранные речи и статьи, т. 4, с. 37.

перестройки примыкает непосредственно к этой ленинской программе, является восстановлением ряда ее принципиальных позиций, либо преданных «забвению» в 30-е гг. как якобы «утративших» свою актуальность, либо искаженных или представленных уже воплощенными в жизнь в полном объеме; *«новый этап нашей революции»* — потому, что программа перестройки не только восстанавливает ленинские идеи, но и развивает их дальше, сохраняя их «душу живу» применительно к новой исторической реальности, в которой действуют силы и факторы, еще не известные Ленину; *«революция»* — поскольку перестройка, будучи «новым этапом нашей революции», если рассматривать ее по отношению к ленинскому этапу, выступает как действительная революция по отношению к тому состоянию нашего общества — застойному, консервативному, тупиковому,— какое в полной мере выявилось на рубеже 60—80-х гг., а сложилось в своих основах еще в 30—40-е гг., получив уже тогда идеологическую санкцию в виде совокупности теоретических взглядов на революцию как на нечто в принципе завершенное, взглядов, которым было придано значение непререкаемой догмы и с тех пор почти не изменявшихся.

В Октябре 1917 г. стоял вопрос о сломе старой помещичье-буржуазной государственной машины. Ныне речь также идет о сломе, но уже не государства, а «механизма торможения», сложившегося в нем в результате накопившихся бюрократических извращений сущности Советской власти. И тем не менее следует подчеркнуть, что речь идет не о постепенном разборе по частям, а именно о *сломе* этого чужеродного образования. «...Механизм торможения, создававшийся годами, должен быть сломан без колебаний. Механизм этот сложен, многолик и многообразен, особенно цепок он в психологии, выступая мощным барьером на пути овладения новым мышлением» [1].

Корни этого механизма, как отмечал М. С. Горбачев,— в серьезных недостатках функционирования институтов социалистической демократии. Стало быть, механизм торможения может быть сломан лишь при *всесторонней демократизации* всех сфер жизни советского общества. Демократизация — это и *средство* и *цель* перестройки, это вопрос жизни или смерти социализма и социалистических идеалов в нашей стране и во всем мире.

---

[1] *Яковлев А. Н.* Выступление в ЦК КПСС на совещании руководителей средств массовой информации.— Правда, 1987, 1 апреля.

В конечном счете ныне все упирается в социокультурную структуру общества, т. е. в исторически сложившийся тип его культуры, который содействовал постоянному воспроизводству догматического сознания, отрицающего развитие. Догматизм — отличительная черта традиционалистского, антиличностного типа культуры. Следовательно, для того чтобы преодолеть догматизм, революционная перестройка должна охватить самый тип культуры, стать поистине всеохватной, глубинной, т. е. *социокультурной*. Слова Маркса «традиции всех мертвых поколений как кошмар тяготеют над умами живых» — не просто метафора, это констатация реальных закономерностей культурного развития.

Вместе с тем при всей устойчивости культуры, неподатливости к изменениям основных ее типологических черт, было бы ошибкой фетишизировать эту устойчивость. Как бы медленно и трудно ни совершались культурные перемены, переход от традиционалистского типа культуры к динамическому, интенсивно развивающемуся, ориентирующемуся на новаторство, возможен, а для социализма еще и необходим. «Перестройка,— разъяснял А. Н. Яковлев,— не отрицание прошлого. Но отрицание того в прошлом, что мы не можем, не имеем права брать с собой в будущее. И не в силу каких-то субъективных предпочтений или антипатий, а потому, что те или иные завалы могут тормозить наше движение вперед, тащить вспять, а то и просто не пускать в завтра» [1].

Если для капитализма важнейшее значение имело достижение *политической* эмансипации общества, то для социализма важнейшее значение наряду с политической приобретает *человеческая* эмансипация. Своеобразие перестройки как новой социальной революции, осуществляемой в условиях социалистического строя, состоит в том, что в силу рассмотренных выше исторических обстоятельств задачи политической эмансипации и человеческой эмансипации она вынуждена решать не последовательно, одну за другой, а одновременно, подчиняя при этом первую задачу второй как задаче *специфически социалистической*. Следовательно, говорить о *социокультурных основах* (содержании, противоречиях, целях и средствах) социалистической революции — это и значит говорить именно о ней, а не о некоторых ее второстепенных моментах или ее исторических субститутах.

---

[1] Правда, 1987, 10 апреля.

Соответствующая социализму социокультурная структура не складывается сама собой, автоматически, как следствие политических и социально-экономических преобразований. Она должна стать предметом целенаправленной *социокультурной политики.* «...Вопрос стоит так: если мы не сможем поднять на новый, несравненно более высокий уровень соревнование производственное, экономическое, состязательность в области науки, художественного творчества, мы не сумеем решить и задач ускорения социально-экономического прогресса страны. Развитие социалистического образа жизни означает создание максимума возможностей для утверждения коллективизма, сплоченности общества, роста активности личности»[1].

Вопрос о свободном развитии каждого как условии свободного развития всех из плоскости идеала и цели поставлен также и в плоскость практическую.

* * *

Тип культуры, который сложился на Западе, питаясь соками различных афро-азиатских культур, стал носителем того самого принципа, который, действуя в урезанных, ограниченных формах, привел западное общество к Возрождению, затем к капитализму как противоположности Ренессанса, развил науку, машинную технику, вызвал к жизни борьбу рабочего класса и капитала, обусловил возникновение теории научного коммунизма, открывшего законы перехода от капитализма к социализму и коммунизму, являющемуся, по мысли Маркса, «отрицанием отрицания» капитализма[2], т. е. как бы «возвратом» на новом витке исторической спирали к Ренессансу, универсальная личность которого служила Марксу и Энгельсу образцом для проектирования идеала коммунистической личности.

Капитализм вырос из западноевропейского типа культуры, но стал враждебен ему. В силу этого социалистическая революция на Западе не может ограничиться только сферой политики и социально-экономических отношений, она должна, по мысли Маркса и Энгельса, высказанной еще в «Немецкой идеологии», революционизировать также и сферу культуры. Тем более это справедливо по отношению к неевропейским типам культур. Трудность этой задачи представлялась Марксу, Энгельсу и Ленину громадной. Расщепить «ядра» культур оказалось на деле задачей более сложной, чем расщепление ядра атома.

---

[1] Материалы XXVII съезда КПСС, с. 51.
[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 773.

Однако современная ситуация в мире обязывает революционные силы, марксистско-ленинскую теоретическую мысль думать о расщеплении этих «ядер» как задаче практической.

Как справедливо пишут Н. Н. Моисеев и И. Т. Фролов, «проблема человека в полном ее объеме лишь начинает ставиться в повестку дня... Вступая в эпоху ноосферы, т. е. в тот период эволюции Земли, когда ее дальнейший прогресс определяется человеческим интеллектом, надо ясно отдавать себе отчет в том, что наряду со всем позитивным, что возникает в связи с этим, человечество вступает в полосу новых и непредсказуемых трудностей. И для их преодоления ему необходимы все потенциальные возможности личности. Не только все богатство генофонда, не только вся существующая палитра культур и опыта, не только новая технология — людям в будущем в возрастающей степени потребуется индивидуальная творческая активность и предприимчивость каждой отдельной личности» [1].

Но как быть, если в существующей «палитре культур» есть такие, которые исключают индивидуальную творческую активность и предприимчивость каждой отдельной личности? Не означает ли это, что революция должна, не ограничиваясь политической и социально-экономической сферой в обществах с подобным типом антиличностных культур опуститься в самые «недра» их социокультурных основ? Не означает ли это, что наступило время ставить вопрос о революции не только как о политическом и социально-экономическом, но также и как о социокультурном феномене?

Можно надеяться, что после XXVII съезда КПСС в кругах марксистских обществоведов не останется сторонников догмы, будто революционный процесс целиком и полностью исчерпывается проблемами политической и социально-экономической перестройки общества, не понимающих, что социалистическая революция — это не только политический и социально-экономический, но и социально-культурный феномен.

В заключение хотелось бы отметить, что существуют четыре группы обстоятельств, сложившихся в современном мире, которые делают в высшей степени актуальной тему соотношения революции, культуры и личности.

---

[1] *Моисеев Н. Н., Фролов И. Т.* Высокое соприкосновение.— Вопросы философии, 1984, № 9, с. 41.

1) Переход развитых капиталистических стран (особенно США) в стадию информационной и робототехнологии, вызывающую децентрализацию производства, инфраструктуры, образование наряду с крупным и средним производством сотен тысяч мелких, основанных на новой технологии, эффективных производств; переориентация масс трудящихся на постиндустриальные ценности — свободную самодеятельность, творческую самореализацию,— означающая начало разрешения коренного социокультурного противоречия капитализма; возникновение на этой платформе радикальных концепций культурной революции (как эгалитарных, так и антиэгалитарных), в которых на первый план выдвигается проблема свободы личности.

2) Попытка перехода ряда афро-азиатских стран, где произошли национально-освободительные революции, к созидательной работе и обнаружившиеся в связи с этим трудности и препятствия, связанные с тем, что традиционная культура данных обществ исключает активную самодеятельность личности. Появление прогрессивных концепций культурной революции, нацеленных на сочетание уникальных ценностей национальных культур с ценностями тех культур, где придается решающее значение незапрограммированной активности человеческой личности.

3) Перестройка в СССР, происходящая под знаком беспрецедентного критического пересмотра прошлого, реабилитации невинных жертв массовых политических беззаконий и репрессий, осуждение практики «казарменного коммунизма», демократизация, гласность и плюрализм общественной жизни; курс КПСС на создание правового государства, на информатизацию общества, на развивающуюся многовариантную экономику и духовную культуру; признание приоритета общечеловеческих ценностей, совпадающих с универсальной свободно-деятельной сущностью человека; выдвижение миротворческой международной политики, которая опирается на новое политическое мышление, признающее единство мира в его исторически обусловленном многообразии. Новая консолидация на «перестроечной» основе стран социализма.

4) Обострение глобальных проблем современности и прежде всего проблемы предотвращения угрозы термоядерной катастрофы, что требует формирования нового мышления.

II.
СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОГРЕСС: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

6 Заказ 3891

1. ПЕРЕСТРОЙКА В СВЕТЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА СОЦИАЛЬНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ

Великая Октябрьская социалистическая революция, 70-летний юбилей которой мы недавно отмечали, продолжается в свершениях сегодняшних дней. Будучи самым выдающимся событием XX в., возвестившим начало новой эры в жизни человечества, она впервые в истории открыла путь к осуществлению социализма на практике, к утверждению новых основ социального бытия. Как подчеркивается в Обращении ЦК КПСС «К советскому народу», в революционных преобразованиях Великого Октября — «начало начал, неисчерпаемый источник жизненных сил социалистического строя» [1]. Продолжением дела Октября сегодня стала развернувшаяся в стране перестройка, которая характеризуется как «настоящая революция во всей системе отношений в обществе, в умах и сердцах людей, психологии и понимании современного периода» [2].

Постановка партией вопроса о перестройке как «революции во всей системе отношений в обществе» предъявляет высокие требования к общественным наукам, прежде всего к философии и социологии, призванным выработать глубокую и всестороннюю теоретико-методологическую интерпретацию этого нового явления. Одной из важных задач, связанных с постижением социально-политической сути перестройки, является ее характеристика с точки зрения общей марксистско-ленинской теории революции, точное и строгое определение ее сущности в рамках соответствующего категориального аппарата [3].

Решение такой большой, важной и, главное, ответственной задачи возможно, разумеется, только совместны-

---

[1] Правда, 1987, 14 марта.

[2] *Горбачев М. С.* Избранные речи и статьи, т. 4, с. 37.

[3] В данном случае мы абстрагируемся от социокультурных предпосылок и основ перестройки, относительно подробно рассмотренных в разделе I, глава 5.

ми усилиями специалистов в разных областях общественных наук и только через сопоставление различных точек зрения, дискуссии и обсуждения. Учитывая сказанное, автор ставил своей целью выдвинуть некоторые предварительные соображения и наметить отдельные методологические подходы, позволяющие, во-первых, подойти к осмыслению сущности перестройки в свете марксистско-ленинской теории революции и, во-вторых, внести определенную ясность в пока еще спорные вопросы указанной теории. Взаимосвязь этих двух целевых установок главы определяется тем, что именно наличие спорных вопросов является немаловажным фактором, усугубляющим трудности постижения сути перестройки с точки зрения теории революции.

* * *

Недостаточная разработанность некоторых частных, а подчас и принципиальных проблем теории революции — одно из проявлений того отставания теоретического уровня общественных наук от практических потребностей современной жизни, о котором в последнее время неоднократно говорилось на различных форумах. Парадоксальность сложившегося положения состоит в том, что, чем больше появляется работ по общим проблемам социальной революции, тем шире становится диапазон расхождений во взглядах на тот или иной дискутируемый вопрос. Объясняется это, на наш взгляд, не только историческим многообразием революционных процессов, затрудняющим выработку адекватных теоретических моделей и дефиниций, но подчас и стереотипной, методологически не обоснованной интерпретацией основополагающих высказываний классиков марксизма-ленинизма, нежеланием вникнуть в суть конкретных революционных феноменов. Нередко именно это и вызывает дискуссии, подменяющие позитивную разработку спорных, а точнее, непроработанных, проблем.

Определенным показателем степени разработанности теории революции могут служить учебники, учебные пособия и популярные работы по историческому материализму, которые «написаны с позиций состояния философской науки двадцатилетней давности и не претерпели сколько-нибудь существенных изменений»[1]. Не менее показательны конкретно-страноведческие исследования: из работы в работу кочуют формулы типа «политическая

---

[1] Проблемы перестройки и задачи философии на современном этапе.— Вопросы философии, 1987, № 1, с. 12.

революция не переросла в революцию социальную» и др. Подобные оценки порой можно встретить и в программных документах коммунистических партий развивающихся стран, хотя В. И. Ленин прямо указывал, что *«всякий* (курсив авт.— *С. А.*) политический переворот, если это не смена клик, есть социальная революция...»[1]

Проблема соотношения тех явлений, которые принято обозначать терминами «политическая революция» и «социальная революция», равно как и содержание понятия «эпоха социальной революции», кстати говоря, относится к числу наиболее часто дискутируемых. Ограничимся несколькими примерами.

В начале 70-х гг. в результате предшествующих научных поисков[2] в философской литературе утвердилась трактовка Марксова понятия «эпоха социальной революции» как переворота во всей структуре общественно-экономической формации, и прежде всего в трех ее основных структурных элементах: производительных силах, экономическом строе и надстройке. Завершение этой эпохи связывалось с достижением производительными силами в рамках нового экономического строя такого уровня, который невозможен в условиях старого строя. В границах эпохи социальной революции отмечались конкретные общественные движения и перевороты, ставящие своей целью ниспровержение старого строя и установление нового путем завоевания политической власти; именно применительно к ним в марксизме и употребляется иногда термин «политическая революция». Но поскольку завоевание политической власти открывает дорогу радикальным преобразованиям в социально-экономическом строе, поскольку перевороты в обеих этих областях неразрывно связаны друг с другом, то такие революции, по мнению М. А. Селезнева, «точнее было бы называть социально-политическими революциями»[3]. Те из них, которые происходят в рамках одной формации, он называет «внутриформационными» (в отличие от революций межформационного типа)[4].

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 32, с. 120.

[2] См., например, материалы обсуждения доклада Я. С. Драбкина «Нерешенные проблемы изучения социальных революций» в кн.: Историческая наука и некоторые проблемы современности. М., 1969.

[3] *Селезнев М. А.* Социальная революция (методологические проблемы). М., 1971, с. 233, 235—236, 239—240, 259.

[4] Проблематика революций внутриформационного типа и их отличия от революций межформационных уже давно привлекает и вни-

При этом многие вопросы оставались спорными. Но основные трудности возникали там, где предпринимались попытки приложить общую марксистско-ленинскую теорию социальной революции к конкретным историческим условиям, регионам и странам. Стремление преодолеть такого рода трудности побудило востоковеда Н. А. Симонию выступить за четкое разграничение понятий «социальная революция» и «политическая революция», предложив интерпретацию первого из этих понятий как «эпохи общественного переворота», а второго — как ее «частного», «единичного момента»[1]. В ходе состоявшегося в 1976 г. широкого обсуждения книги Н. А. Симония некоторые ученые резко выступили против возведения «китайской стены» между социальной и политической революциями, однако позитивная суть этих выступлений была несколько искажена тем, что отдельные участники обсуждения фактически настаивали на узкой интерпретации понятия «эпоха социальной революции», предлагая элиминировать из его содержания закономерные этапы эволюционного развития[2].

Состояние дел в середине 80-х гг. можно проиллюстрировать на примере одной из наиболее интересных популярных публикаций — «Философия. Основные идеи и принципы» (М., 1985). В основу различий между отдельными видами революций в этом издании положен фактически единственный принцип — масштабность изменений. Переворотом, затрагивающим все общество, считается *социальная революция;* к революциям, происходящим «в какой-то одной сфере общественной жизни», отнесены политическая революция, промышленная революция, революция в физике и, наконец, современная научно-техническая революция. Однако соотношение между отдельными видами революций почти не раскрывается. Правда, некоторые тезисы, выдвинутые в связи с анализом вопроса о власти, дают основание полагать, что политическая революция рассматривается в книге как «условие победы» и составная часть социальной революции. Понятие же «эпоха социальной революции» применяется в ограниченных временны́х рамках и, судя по приводи-

---

мание историков (см.: *Утченко С. Л.* Древний Рим. События. Люди. Идеи. М., 1969. Введение; *Он же.* Цицерон и его время. М., 1986. Введение).

[1] См.: *Симония Н. А.* Страны Востока: пути развития. М., 1975, с. 14—20, 37, 91.

[2] См.: Народы Азии и Африки, 1977, № 3, с. 58—59, 65.

мым историческим примерам и формулировке основной задачи «любой социальной революции», сводится, по существу, к периоду возникновения и завершения одной конкретной победоносной революции, знаменующей переход к новой общественно-экономической формации [1].

Наиболее неблагоприятное положение сложилось в тех областях общественных наук, в которых исследуются пути развития социалистической революции, особенно после завоевания пролетариатом политической власти и построения основ социализма. Дело большей частью ограничивалось констатацией некоторых лежащих на поверхности различий между социалистической и буржуазной революциями, из чего обычно следовал общий вывод об их принципиальной противоположности, и только. «В наших публикациях,— признает Л. Ф. Ильичев,— подчас сквозило поверхностно-облегченное и даже приглаженное изображение реальной диалектики нового общества. Совершенствование социализма нередко трактовалось как некий плавный, эволюционный процесс, исключающий какие-либо «крутые повороты», «глубокие социальные преобразования», «радикальные реформы» и тому подобное...» [2]

В этих условиях выдвижение ЦК КПСС положения о перестройке как «революции во всей системе отношений в обществе» явилось чрезвычайно смелым шагом. Сформулированные на партийных форумах политические установки во многом обогнали уровень сложившихся ранее представлений. Не случайно первые попытки всестороннего теоретического осмысления революционной сути перестройки вылились в поиски общеметодологических подходов к решению этой большой и важной задачи. Так, в одной из первых статей на рассматриваемую тему, опубликованной на страницах газеты «Правда», К. Варламов писал: «...беда наша порой состоит в том, что перестройку при всей важности ее практического назначения мы нередко упрощаем, невольно превращаем в то, что называется узким практицизмом и конъюнктурщиной, отрываем от теории, научного осмысления. Но ведь хорошо известно, что без революционной теории перестройки не может быть ее столь же революционной практики» [3].

---

[1] См.: Философия. Основные идеи и принципы: Популярный очерк. М., 1985, с. 257—269.

[2] *Ильичев Л. Ф.* Материалистическая диалектика и социальная практика.— Вопросы философии, 1986, № 8, с. 6.

[3] Правда, 1986, 23 сентября.

Излагая свои представления о содержательной сути перестройки в рамках означенной «революционной теории», К. Варламов упоминает о коллективизации сельского хозяйства, «которую в партийной научной литературе расценивают как социальную революцию», и о проведенной в рамках социалистического строительства культурной революции. Революционный характер перестройки он видит в том, что она охватывает и сферу производительных сил, и область производственных отношений, направлена на разрешение возникших между ними противоречий. Определив перестройку как революцию, которую нужно проводить и «сверху», и «снизу», автор анализирует далее совокупность вызвавших ее необходимость объективных условий и проблемы зрелости субъективного фактора, взаимодействие которых трактует с позиций ленинской концепции... революционной ситуации [1], как если бы речь шла об известном ранее типе революции.

Для других публикаций на рассматриваемую тему, в том числе и на страницах «Правды», характерно четкое отграничение перестройки от тех социально-политических революций, которые сочетают разрушительные по отношению к старому строю задачи с целями созидания нового общества и тем самым знаменуют переход от одной общественно-экономической формации к другой. Революционная суть перестройки усматривается в этих публикациях в открываемых ею возможностях скачка из одного качественного состояния социализма в другое, более высокое. В данной связи говорится не только о сходстве перестройки с коллективизацией и культурной революцией, но и о различиях между ними. Это можно рассматривать как довод в пользу оценки каждого из отмеченных явлений в качестве этапов единого революционного процесса, начавшегося со времени Великого Октября. Отсюда вытекает возможность квалифицировать перестройку и как способ разрешения неантагонистических противоречий в рамках единой, коммунистической общественно-экономической формации [2].

Обращает на себя внимание и такой важный — с точки зрения последующего изложения — момент: характерный для большинства публикаций подход к вопросу

---

[1] Правда, 1986, 23 сентября.

[2] По этим и другим вопросам, связанным с обоснованием революционного характера перестройки, подробно см.: *Смирнов Г. Л.* Революционная суть перестройки. М., 1988.

о революционной сути перестройки с широких социально-философских позиций не выводит рассматриваемую проблему за рамки историко-социологического исследования. Более того, подобным подходом создается вполне определенная методологическая основа для прямой постановки этого вопроса в рамках категориального аппарата марксистско-ленинской теории революции.

Попытку такого рода предпринял в специальной статье В. Вьюницкий, который исходит из того, что общесоциологическое значение понятия «революция» в массовом сознании отождествляется с революцией межформационного типа или, как он пишет, трансформируется в «представления о революции только как социально-политическом преобразовании общества, а точнее — взятии власти тем или иным классом, политическом перевороте. Потому-то и перестройка подчас понимается как один из видов или этапов социального и политического переустройства и т. п.». Объявив такое понимание перестройки «заблуждением», автор подчеркивает, что, изменяя все важнейшие стороны жизни общества, она не затрагивает сущности общественного строя, а «стало быть, привычные для нас социально-политические толкования понятий «революция», «революционность» и т. п. здесь уже «не срабатывают», оказываются неадекватными новому содержанию переживаемых нашим обществом перемен... Поэтому для разъяснения революционного характера перестройки, ее сути продуктивным будет использование в категориальном аппарате общественной теории наряду со специфическим для нее и общеметодологического значения понятия «революция». Оно, по мнению В. Вьюницкого, «раскрывается теорией диалектического материализма и характеризует любое качественное изменение развивающихся систем». «Таким образом,— заключает автор,— перестройка предстает как *внутриформационная полоса революционного развития*» [1].

Возникает закономерный вопрос: каким практическим целям служит предложение использовать для характеристики перестройки наряду с «общесоциологическим» и «общеметодологического» значения понятия «революция», тем более что формулировка *«внутриформационная полоса революционного развития»* никак не выходит

---

[1] *Вьюницкий В.* Революционная суть перестройки.— Политическое самообразование, 1987, № 4, с. 34—39.

за рамки «общественной теории» и потому не требует непосредственного обращения к категориям «диалектического материализма», о которых пишет автор. Ведь интерпретация самим В. Вьюницким обоих значений понятия «революция» (с учетом ее внутриформационной разновидности) предстает как наглядное подтверждение того, что исторический материализм и есть «последовательное продолжение, распространение материализма (диалектического.— *С. А.*) на область общественных явлений»[1]. Судя по всему, выдвинутое автором предложение преследует единственную практическую цель — доказать, что «речь сегодня идет о революционных преобразованиях нового, неизвестного ранее типа». Но в какой мере может быть достигнута эта цель, если в конечном итоге во всех авторских рассуждениях о перестройке понятие «революция», как таковое, подменяется терминами «революционное преобразование», «революционное развитие» и т. п.? Более того, выявив некоторые существенные отличия современной перестройки «от всех известных ранее типов внутриформационных качественных преобразований», в частности в условиях капитализма, В. Вьюницкий, на наш взгляд, фактически разграничивает понятия «социальная революция» (в том числе в ее внутриформационной разновидности) и «перестройка», объявляя их формами проявления более общей категории — «обновления».

Бесспорно, современные процессы в советском обществе представляют собой новый, неизвестный ранее тип общественных сдвигов. Однако обосновать новизну перестройки как «революции во всей системе отношений в обществе», думается, можно и нужно не посредством «раздвижки» категориального аппарата марксистско-ленинской теории социальной революции за счет понятий диалектического материализма, а путем *углубления наших представлений о самой этой теории, путем ее творческого применения к новым реалиям сегодняшних дней* и конечно же путем усовершенствования ее собственного понятийного и терминологического инструментария, с тем чтобы он мог быть применен к общему и особенному в их диалектической взаимосвязи. Очевидно, что на таких путях теоретическая мысль может избежать повторных случаев отставания при новых поворотах общественно-политической практики.

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 57.

* * *

Состояние дел в области изучения теории революции, как представляется, убедительно свидетельствует о том, что решение спорных проблем этой теории может стать одним из наиболее реальных путей дальнейшего теоретического осмысления сегодняшних процессов в нашей стране. Ибо «кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя «натыкаться» на эти общие вопросы» [1].

Главной из общих, принципиальных проблем, требующих «предварительного решения», в данном случае является интерпретация выработанного К. Марксом понятия «эпоха социальной революции» [2]. Широкое понимание содержания этого понятия предполагает распространение его на весь период перехода от одной общественно-экономической формации к другой, признание того обстоятельства, что такой переход охватывает длительную полосу качественных изменений во всей структуре общества (т. е. включает в себя закономерную последовательность как базисных, так и надстроечных сдвигов) и осуществляется не в результате однократного акта, а в итоге целого ряда социальных и политических перемен, между которыми располагаются этапы относительно мирного эволюционного развития. Заметим кстати, что, поскольку разработка К. Марксом общей теории революции велась в условиях ограниченности исторической практики пролетариата, поскольку данные им недифференцированные характеристики революций «вообще» были сняты в основном с модели «классической» Великой французской буржуазной революции конца XVIII в. [3], некоторые сторонники широкой интерпретации понятия «эпоха социальной революции» склонны видеть в нем отражение закона циклического развития именно и только буржуазной революции.

Г. Г. Водолазов, исследовавший проблему всемирности революционного процесса как противоречивого единства многообразного, проследил вероятный ход творческой мысли К. Маркса, позволивший выработать понятие «эпоха социальной революции». Исходным пунктом

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 15, с. 368.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 13, с. 7.

[3] См.: *Плимак Е.* Классическое, живое, неделимое... О творческом характере марксистско-ленинского учения о революции.— Политическое самообразование, 1987, № 3, с. 66.

теоретического поиска К. Маркса послужила революция 1848 г. во Франции, в которой вроде бы отсутствовали такие выкристаллизовавшиеся к тому времени коренные признаки всякой революции, как захват власти революционным классом и смена производственных отношений. Ключом к разрешению возникшей теоретической коллизии явилось осмысление того обстоятельства, что революция — не единовременный акт, а процесс, развертывающийся в пространстве и времени, чем и обусловливается его сложность, противоречивость, многоступенчатость. История той же Франции показала, что путь к полному господству буржуазного класса и окончательному установлению буржуазных производственных отношений лежит через цепь революций, каждая из которых может быть до конца понята не сама по себе, а лишь как момент развития буржуазной революции, предстающий как единство этих «отдельных моментов» [1].

Обоснованность широкой интерпретации понятия «эпоха социальной революции» вытекает и из ленинской трактовки переворота во всей системе общественных отношений *как завершенного цикла революций,* цепи революционных «волн». Он отмечал, что под завершением буржуазной революции «в широком смысле» разумеют «решение объективных исторических задач буржуазной революции, «завершение» ее, т. е. устранение самой почвы, способной родить буржуазную революцию, завершение *всего цикла* буржуазных революций. В этом смысле, например, во Франции буржуазно-демократическая революция *завершена* была лишь 1871 годом (а начата в 1789 г.). Если же употребляют слово в узком смысле, то имеют в виду революцию отдельную, одну из буржуазных революций, одну из «волн», если хотите, которая бьет старый режим, но не добивает его, не устраняет почвы для следующих буржуазных революций... Революция 1789 года во Франции была «завершена», скажем, в 1794 году, нисколько не устранив этим почвы для революций 1830, 1848 годов» [2].

Это ленинское высказывание Г. Г. Водолазов рассматривает как наиболее строгую и наиболее полную формулу механизма развития буржуазной революции, соотношения революции в целом (революции «в широком смысле») и отдельных ее фаз (революций «в узком

---

[1] См.: *Водолазов Г. Г.* Диалектика и революция (методологические проблемы социальной революции). М., 1975, с. 47—49, 52.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 19, с. 246—247.

смысле»). Дата рождения этой формулы, пишет он,— 1910 г., но дата ее зарождения — начало 1850-х гг., когда К. Маркс выдвинул понятие «эпоха социальной революции»[1]. Данный вывод снимает сомнения относительно правомерности широкого понимания рассматриваемого понятия.

Проанализированный В. И. Лениным пример Франции, пережившей «классический» революционный цикл, разумеется, не исчерпывает всего многообразия форм и способов решения объективных исторических задач буржуазной революции «в широком смысле». Например, в Англии, где начало эпохе буржуазных социальных преобразований было положено революцией середины XVII в., в дальнейшем, вплоть до 30 — 40-х гг. XIX в., решение объективных исторических задач буржуазного общественного переворота происходило путем социально-экономических и политических реформ, проведение которых конечно же не обошлось без ожесточенной классовой борьбы и столкновений различных фракций буржуазии. Истории известны и другие формы и способы решения внутриформационных задач буржуазной социальной революции («революции сверху» и др.). Признание многообразия путей и средств общественных переворотов подводит к выводу, что крупные преобразования в рамках эпохи социальной революции, сопровождающиеся политическими движениями, выступают как этапы, стадии, ступени общественного переворота, как социальные революции «в узком смысле», для которых характерно решение промежуточных задач в границах данной формации, что не лишает их значения качественного скачка в развитии общества.

Перейдем к проблеме соотношения социальной и политической революций, которую К. Маркс поставил в столь же общем виде, в каком были сформулированы им одновременно коренные признаки всякой революции. «Каждая революция,— отмечал он,— разрушает *старое общество,* и постольку она *социальна.* Каждая революция низвергает *старую власть,* и постольку она имеет *политический* характер... *Революция* вообще — *ниспровержение* существующей власти и *разрушение* старых отношений — есть *политический акт*»[2]. Комментируя это положение, Р. Н. Блюм пишет, что Маркс впервые фор-

---

[1] См.: *Водолазов Г. Г.* Указ. соч., с. 53.
[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 1, с. 448.

мулирует здесь основополагающий тезис о диалектическом единстве политической и социальной революции (причем первая рассматривается им как необходимый составной элемент второй, поскольку она играет роль разрушителя старой власти и старых отношений, тогда как социальная революция выполняет функции созидания, творчества и организации). Отметив эти два различных аспекта революционного процесса, Маркс подчеркивает в дальнейшем их единство [1].

Применительно к внутриформационным революциям — «волнам» революционного процесса — приведенное выше общее положение К. Маркса следует, очевидно, понимать в том смысле, что каждая такая «частичная» революция имеет политический характер, поскольку связана со сдвигами в политической надстройке, и одновременно ей присущ социальный аспект, поскольку вновь утвердившаяся власть вынуждена если не изменять, то хотя бы приспосабливать производственные отношения к интересам представляемых ею фракций буржуазии. Иначе говоря, всякая внутриформационная политическая революция (иногда — политическое движение) имеет социальные последствия, даже если новая власть и не проводит кардинальных общественных преобразований, точно так же как всякая социальная революция не может не стать в конечном итоге политической революцией (в классовом обществе это — закон) или, во всяком случае, не принять формы политического движения. Подобная конкретизация, думается, остро необходима, ибо, как отмечает Ю. А. Красин, «марксистская позиция состоит совсем не в том, чтобы игнорировать или принижать значение особенного, а в том, чтобы всегда увязывать это особенное с общими закономерностями развития. Только таким способом можно избежать абсолютизации особенного, национально-специфического, понять его смысл в качестве проявления, момента, этапа, стороны единого исторического процесса» [2].

В качестве одного из особенных, специфических проявлений социальной революции как формы общественного развития выступает социалистическая революция. В предисловии к книге «Проблемы теории социальной

---

[1] См.: *Блюм Р. Н.* Понятия политической и социальной революции в домарксистской и марксистской общественной мысли.— В кн.: Проблемы теории социальной революции. М., 1976, с. 27—28.

[2] Революционный процесс: общее и особенное. М., 1981, с. 29—30.

революции» справедливо отмечается, что фиксировать различия между буржуазной и социалистической революциями «крайне важно для понимания сущности революции каждой эпохи. Но для понимания сущности революции вообще, революции как общей формы социального развития необходимо понять эти различия революций разных эпох как разнообразие единого» [1]. Иными словами, не следует забывать, что учение о социалистической революции (при всей ее специфике) — неотъемлемая составная часть общей марксистско-ленинской теории социальной революции.

Между тем такое важнейшее понятие общей теории революции, как «эпоха социальной революции», весьма редко применяется к социалистической революции, в том числе в нашей стране, в его внутристрановом, а не всемирно-историческом аспекте. В тех случаях, когда это понятие все же используется, его верхние временные рамки, как правило, относятся примерно к середине 30-х гг.— к тому моменту, с которым связываются завершение переходного периода от капитализма к социализму и построение основ социалистического общества. В результате такого понимания содержания и границ эпохи социалистической революции в нее включают лишь коллективизацию и культурную революцию, затронувшие четко определенные сферы общественной жизни. Указанный подход понятен в смысле завершения процесса ликвидации частнособственнических производственных отношений и эксплуататорских классов, формирования социалистической в своей основе социально-классовой структуры. Но исчерпываются ли этим задачи социалистической революции, которую в литературе часто прямо характеризуют как способ перехода от капиталистической формации к коммунистической?

Думается, что отнесение верхних временных рамок эпохи социалистической революции к моменту построения в основном социалистического общества связано с представлением о том, что социальная революция с этой поры утрачивает политический характер, ибо отсутствуют антагонистические классы и противоречия. Подобное суждение, казалось бы, находит подтверждение в поло-

---

[1] Проблемы теории социальной революции, с. 5. Е. Г. Плимак, опираясь на указания В. И. Ленина, также доказывал правомерность сопоставления буржуазной и социалистической революций, несмотря на их коренные различия (*Плимак Е. Г.* Радищев и Робеспьер.— Новый мир, 1966, № 6, с. 186—187).

жении К. Маркса, высказанном им — опять-таки в самой общей форме — сразу же вслед за приведенными выше словами о соотношении социального и политического аспектов всякой революции: «...*социализм* не может быть осуществлен без *революции*. Он нуждается в этом *политическом* акте, поскольку он нуждается в *уничтожении* и *разрушении* старого. Но там, где начинается его *организующая деятельность*, где выступает вперед его *самоцель*, его *душа*,— там социализм отбрасывает *политическую* оболочку» [1]. Однако этот тезис К. Маркса в дальнейшем подвергся корректировке: за «политической оболочкой» (диктатурой пролетариата) он признал важнейшую роль в переходе к коммунистическому обществу [2]. Известно также, что и в переходный от капитализма к социализму период разрушительные функции диктатуры пролетариата сочетались с созидательными.

В этой связи возникает ряд вопросов. Какой характер приобретает с созданием основ социализма «его организующая деятельность»? Что является «его самоцелью, его душой»? Разве «политическая оболочка» социализма, претерпевая определенные изменения, не продолжает сохраняться в новом виде? Не может ли, следовательно, соответствующим образом измениться и характер политического движения, всегда являющегося социальным? Обратимся к другому положению К. Маркса, выдвинутому несколько позже тех, которые цитировались выше: «Не говорите, что социальное движение исключает политическое движение. Никогда не бывает политического движения, которое не было бы в то же время и социальным.

Только при таком порядке вещей, когда не будет больше классов и классового антагонизма, *социальные эволюции* перестанут быть *политическими революциями*» [3].

Речь явно идет уже о начале собственно коммунистической формации, точнее, ее высшей фазы, когда не будет не только классового антагонизма, но и самих классов. Хотя «преодоление различий между этими классами (рабочими и крестьянством.— *С. А.*), утверждение в нашей стране общества без классов произойдут в основном в исторических рамках первой, социалистической фазы

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 1, с. 448.

[2] См.: *Блюм Р. Н.* Указ. соч., с. 28; *Ойзерман Т. И.* Формирование философии марксизма. М., 1962, с. 235—236.

[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 185.

коммунистической формации...— отмечается в новой редакции Программы КПСС,— полное преодоление этих различий, формирование социально однородного общества завершатся на высшей фазе коммунизма» [1]. Не следует ли из вышесказанного, что на протяжении всей первой фазы коммунистической формации социализм сохраняет свою «политическую оболочку», пусть в новом, измененном виде? Ведь корректировка К. Марксом положения об «отбрасывании» социализмом этой «политической оболочки» должна иметь своим закономерным следствием и корректировку тезиса о том, что такое «отбрасывание» происходит с началом его «организующей деятельности».

Диалектический подход требует рассмотрения затронутых проблем не в статике, а в динамике. Так, если в условиях капитализма в ходе борьбы за новый общественный строй — социализм — марксисты видели свою главную задачу в осуществлении социалистической революции как политического акта, уничтожающего и разрушающего старое общество, а после решения этой задачи — в создании социалистического строя, то ныне, как отмечается в новой редакции Программы партии, «конечная цель КПСС — построение коммунизма в нашей стране» [2]. Движение к такой цели значительно «раздвигает» рамки «организующей деятельности» социализма и тем самым «расширяет» понимание «его самоцели, его души». Важным этапом этого движения является решение стоящих ныне перед нашей страной задач совершенствования социализма и постепенного перехода к коммунизму.

Содержание понятия «политическая оболочка» социализма также следует рассматривать с позиций диалектики, в развитии. В новой редакции Программы КПСС отмечается, что установленная в результате социалистической революции диктатура пролетариата, сыграв решающую роль в создании нового общества, в ходе этого процесса сама претерпевала изменения. Так, с ликвидацией эксплуататорских классов постепенно отпала функция подавления сопротивления свергнутых эксплуататоров и в полную силу развернулось осуществление ее

---

[1] Материалы XXVII съезда КПСС, с. 155—156.

[2] Там же, с. 138. Во многих высказываниях классиков марксизма-ленинизма именно это рассматривается в качестве конечной цели социалистической революции (см., например: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 17, с. 427).

главных, созидательных задач. Выполнив свою историческую миссию, диктатура пролетариата переросла в политическую власть всех трудящихся, а пролетарское государство — в общенародное, выступающее главным орудием совершенствования социализма в стране [1].

В этих словах мы находим подтверждение не только расширившегося содержания «самоцели» социализма, начавшего «в полную силу» осуществление своих «главных, созидательных задач», но и изменения сути «политической оболочки» социализма. Но независимо от изменений она остается «политической оболочкой», ибо только при коммунизме политическая власть превратится в «коммунистическое общественное самоуправление», государство — в «негосударство», а деятельность политических институтов приобретет «неполитический» характер. Пока не «отпадет потребность в государстве как особом политическом институте» [2], именно политическая власть всех трудящихся, именно общенародное государство остаются главным орудием совершенствования социализма. Следовательно, сохраняется и *политический характер любого социального изменения,* хотя и в иной, чем когда-либо прежде, форме.

Из всего сказанного, как представляется, напрашивается вывод, что эпоха социалистической революции имеет значительно бо́льшую протяженность, чем было принято думать раньше, и охватывает все стадии социалистического развития. Ведь создание социалистического общества, даже в его развитых формах,— не конечная цель, а лишь *этап* на пути достижения этой цели — построения коммунизма, и ни у кого не вызывает сомнений, что термин «эпоха социальной революции пролетариата» тождествен термину «эпоха коммунистической революции» [3]. Учитывая это, можно полагать, что и *переходный период от социализма к коммунизму должен быть включен в эпоху социалистической революции.* Не случайно в новой редакции Программы КПСС необходимыми предпосылками ускорения социально-экономического прогресса объявляются «постоянное совершенствование производственных отношений, поддержание их устойчивого соответствия динамично развивающимся

---

[1] См.: Материалы XXVII съезда КПСС, с. 157—158.

[2] См. там же, с. 138—139.

[3] См.: *Селезнев М. А.* Указ. соч., с. 272. Можно, конечно, дифференцировать эти термины, но вряд ли это продвинет решение вопроса.

производительным силам, своевременное выявление и разрешение возникающих между ними неантагонистических противоречий»[1]. В этой связи требует глубокого анализа тезис К. Маркса о том, что «между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе»[2]. И наконец, необходим прямой ответ на вопрос, в котором отражается основной показатель завершенности эпохи социальной революции: на какой стадии развития социализма в нашей стране производительные силы смогут достичь уровня, невозможного в условиях старого строя (не во внутристрановом, а общемировом контексте)?

Широкое понимание содержания понятия «эпоха социалистической революции», т. е. распространение его на всю первую фазу коммунистической общественно-экономической формации, дает основание квалифицировать современную перестройку в советском обществе *как один из закономерных этапов эпохи социалистической революции, как одну из внутриформационных революционных «волн» всего цикла социальных преобразований этой эпохи.* При таком подходе к определению перестройки параллели и различия между нею и предшествующими этапами социалистического строительства приобретают четкие очертания; главное состоит в выявлении характера перестройки как революции во всей системе отношений в обществе. А это требует хотя бы краткого анализа специфики соотношения социального и политического аспектов данного явления.

Бесспорна правильность характеристики перестройки как ответа на задачи, поставленные бурным научно-техническим прогрессом, как способа утверждения новых, прогрессивных форм общественных отношений, ставших возможными и необходимыми в условиях современной научно-технической революции. В самом деле, научно-техническая революция, будучи глубоким и всеохватывающим переворотом в производительных силах общества, влечет за собой изменения и в производственных

---

[1] Материалы XXVII съезда КПСС, с. 146.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 19, с. 27. Отвергая возможность «вписать» перестройку в этот период, В. Вьюницкий пишет, что «и Маркс, и вслед за ним Ленин проводили, как нам думается, верхнюю границу переходного периода не по высшей, а по началу первой фазы коммунистической формации» (*Вьюницкий В.* Указ. соч., с. 35).

отношениях, а вместе с ними — и во всех других областях общественной жизни [1]. Социальная же революция, согласно марксистскому понятию, должна включать в себя прогрессивный скачок в развитии не только производственных отношений и надстройки, но и производительных сил. Анализ проведенного основоположниками марксизма сопоставления промышленной революции в Англии с революцией 1789—1794 гг. во Франции дал М. А. Селезневу возможность рассматривать социальную революцию и как сторону промышленного, производственного, индустриального переворота. В последнем своем качестве социальная революция, по его мнению, продолжается в СССР и после победы социализма в основном [2].

Всестороннюю взаимосвязь современной научно-технической революции и перестройки еще предстоит изучить, но уже сейчас ясна необходимость такого совершенствования производственных отношений социализма, чтобы они могли открыть простор развитию всемирных достижений НТР, ибо современный мир — это противоречивый, но *взаимозависимый, во многом целостный мир.*

Решение проблем научно-технической революции, разумеется, не исчерпывает социального аспекта перестройки. Член Политбюро, секретарь ЦК КПСС А. Н. Яковлев отмечал: «Концепция ускорения — не только и не столько ответ на вопрос, как повысить темпы экономического роста. Это поиск действенных путей и средств, чтобы в обозримой перспективе дать достойный ответ вызову времени, чтобы социалистическое общество на деле стало воплощением всего передового и гуманного в мировом прогрессе, образцом социальной эффективности» [3].

Особенно ярко выступают качественно новые, неизвестные ранее черты революционной перестройки при рассмотрении политического аспекта этого явления. Если политический характер всех буржуазных революций

---

[1] См.: *Епископосов Г. Л.* Научно-техническая революция и структура общественного производства.— В кн.: Проблемы теории социальной революции, с. 161—162.

[2] См.: *Селезнев М. А.* Указ. соч., с. 236, 252, 266—267, 297—298.

[3] *Яковлев А.* Достижение качественно нового состояния советского общества и общественные науки.— Коммунист, 1987, № 8, с. 4. Показателен тезис В. Вьюницкого, согласно которому «в условиях первой фазы коммунистической формации противоречия между старым и новым, лишившись своей антагонистической формы, все же остаются социальными» (*Вьюницкий В.* Указ. соч., с. 39).

выражался в ниспровержении существующей власти, то при перестройке *сохраняется принципиальная социальная сущность* и — в этом смысле — преемственность политической власти, созданной после Великого Октября, происходит ее развитие и обновление. В ходе состоявшейся 3 марта 1987 г. в ЦК КПСС встречи с делегацией Коммунистической партии Аргентины во главе с ее Генеральным секретарем А. Фавой М. С. Горбачев дал следующую оценку перестройки: «Да, это революция, но речь идет не о власти, речь идет об эффективном использовании той же самой власти рабочих и крестьян для перехода социализма на новую ступень»[1].

Это, однако, не означает, что перестройка распространяется только на сферу базиса и не затрагивает области надстройки. «Нынешняя перестройка,— говорил М. С. Горбачев,— охватывает не только экономику, но и все другие стороны общественной жизни: социальные отношения, политическую систему, духовно-идеологическую сферу...»[2] XXVII съезд КПСС и январский (1987 г.) Пленум ЦК КПСС, конкретизируя положение об усовершенствовании политической системы, отметили необходимость обновления форм и методов работы политических институтов, углубления социалистической демократии и т. д.[3] Вопрос об охвате перестройкой не только базисных, но и надстроечных отношений широко освещается и в научных публикациях последнего времени.

Признание многонаправленного, всестороннего характера перестройки, думается, только подтверждает оценку ее как *особой социальной революции, имеющей целью дальнейшее совершенствование всей системы социализма.* Своеобразие ее политического аспекта отнюдь не является аргументом против характеристики перестройки в качестве революции, более того, отмеченное своеобразие можно рассматривать как показатель коренного, принципиального отличия эпохи социалистической революции от эпохи революции буржуазной, «революции большинства» от «революций меньшинства» всех типов.

Начатая по инициативе «сверху», перестройка для своего успешного осуществления требует широчайшей активности всего народа. В этой ситуации партийно-госу-

---

[1] Правда, 1987, 4 марта.

[2] *Горбачев М. С.* Избранные речи и статьи, т. 4, с. 37.

[3] См.: Материалы XXVII съезда КПСС, с. 21; Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 27—28 января 1987 года, с. 7, 10, 16.

дарственный аппарат и подавляющая часть трудящихся социалистического общества должны выступать в качестве и субъекта, и объекта всеобщего революционного обновления, сознательного самоизменения. Подобного органического слияния объективного и субъективного, стихийного и сознательного, необходимости и свободы, разрушения и творчества, сущего и должного, социального и политического не знала ни одна «революция меньшинства».

Существенное значение для всестороннего понимания качественно нового характера происходящих в нашей стране перемен имеет и уяснение вопроса о соотношении реформы и революции в ходе решения поставленных партией задач. Признание за перестройкой статуса революции отнюдь не диктует необходимости противопоставления указанных двух категорий, как это иногда делают некоторые авторы. Подобное противопоставление, возможно, имеет смысл в плане отграничения от мер, предпринимавшихся в предшествующие перестройке годы, когда слабые и непоследовательные попытки реформировать хозяйственный механизм не дали результатов. Поэтому, вероятно, отдельные авторы неизменно пользуются термином «преобразования» в качестве антипода термину «реформы». Но существует ли здесь какой-либо реальный резон, кроме ненужной уступки позиции тех, кто довольно часто отождествляет любое использование реформ с реформизмом?

В современных условиях возникает настоятельная потребность четкого разграничения в теоретическом плане реформы как *типа действия* (скажем, радикального или частичного, всеохватного или направленного на какой-то конкретный объект) и реформы как *метода действия* (путем законодательных или иных инициатив «сверху»).

В этом последнем смысле понятие «реформа», как представляется, вообще несопоставимо с понятием «преобразование», поскольку изменение, соответствующее второму понятию, в принципе может быть проведено и «снизу», явочным порядком. Значение предлагаемого разграничения особенно возрастает в связи с тем, что в публикациях последнего времени о перестройке понятие «реформа» используется почти исключительно и без всяких оговорок в первом из отмеченных качеств. В результате такого подхода очень часто незаметно для самих авторов публикаций происходит не только отождествление реформы как типа действия и реформы как метода действия, но и прямое противопоставление

реформы как метода действия и революции как скачка в общественных отношениях, хотя элементарное требование формальной логики состоит в сравнении понятий однопорядкового вида.

Но еще более важен диалектический подход к вопросу. Есть реформы и реформы. Одни из них тормозят дело революции, другие, напротив, двигают его вперед. Противоположность между реформой и революцией, отмечал В. И. Ленин, не абсолютна, а разделяющая их грань — «не мертвая, а живая, подвижная грань, которую надо уметь определить в каждом отдельном конкретном случае» [1]. Применяя это положение к условиям социалистической революции, он писал: «После победы пролетариата хотя бы в одной стране является нечто новое в отношении реформ к революции» [2]. Если даже в условиях переходного периода от капитализма к социализму введение новой экономической политики представляло собой революционный тип «реформистского действия» [3], то на этапе превращения советского общества в развитой социализм, не знающий классовых антагонизмов, всякая реформа, двигающая вперед дело коммунистического строительства, неизбежно приобретает в той или иной мере революционный характер [4].

В самом деле, каким иным способом можно решать вновь и вновь возникающие задачи *качественного преобразования общества* в условиях развернувшейся вширь и вглубь социалистической революции, в условиях существования народной политической власти? Может ли быть осуществлена перестройка иначе, кроме как посредством законодательных и иных инициатив «сверху», которые не только получают широкую и активную под-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 167. В социологической литературе уже высказывалось мнение, что даже в процессе развития классового общества реформы отнюдь не всегда тождественны количественным изменениям, что переход из одного качества в другое может происходить не только путем революционных взрывов, но и эволюционно, путем реформы (см.: *Ковальчук А. С.* Становление нового качества в развитии общества. М., 1968, с. 60, 86). Об этом свидетельствует, в частности, приводившийся выше пример Англии.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 228.

[3] См.: *Агаев С. Л.* В. И. Ленин о соотношении реформы и революции.— Рабочий класс и современный мир, 1974, № 1, с. 11—12.

[4] О соотношении перестройки и нэпа см.: *Рыжков Н. И.* Ленинизм — основа теории и политики перестройки. М., 1987, с. 22. Соответствующие положения можно рассматривать как довод в пользу тезиса о циклическом развитии эпохи социалистической революции.

держку «снизу», но нередко и прямо предлагаются рядовыми представителями трудящихся масс? В партийных документах радикальная реформа отнюдь не противопоставляется революционным преобразованиям, а без всяких оговорок приравнивается к ним. Учитывая все это, перестройку равным образом можно определить *и как революцию, осуществляемую посредством реформ, и как реформу, представляющую целостную и всеобъемлющую систему революционных мер.*

В этом проявляется новый характер перестройки — неизвестного ранее типа внутриформационного качественного преобразования социалистического общества. Если каждая внутриформационная буржуазная революция все больше и больше подготавливала капиталистическое общество к социально-политической революции более высокого порядка, то специфика перестройки отражает новый момент в циклическом развитии социалистической революции, который заключается в том, что «социальная и политическая революции сами себя преодолевают» [1]. В этом смысле современную перестройку в советском обществе можно, очевидно, рассматривать как *прообраз новой формы общественного развития, присущий всей коммунистической формации, особенно ее второй, высшей фазе,* когда, повторяя уже приводившиеся слова К. Маркса, *«социальные эволюции* перестанут быть *политическими революциями».* Но это — предмет особого, самостоятельного разговора.

И наконец, по поводу имеющих место попыток объяснять необходимость перестройки только субъективными факторами. Показ недостаточной обоснованности такого рода попыток органично связан с пониманием причин возникновения в нашем обществе механизма торможения социально-экономического развития. Утверждения о том, что элементы этого механизма не заложены с объективной необходимостью в социалистической системе хозяйства, невольно напоминают аналогичную мысль: культ личности не вытекает из объективных закономерностей развития социалистического общественного строя. В широком философско-историческом плане обе эти проблемы, очевидно, могут быть полностью решены в аспекте соотношения категорий «идеальное» и «действительное». В социалистическом идеале наверняка не может быть места подобным явлениям, но мы имеем дело

---

[1] *Блюм Р. Н.* Указ. соч., с. 28.

с реальной действительностью, в которой после культа личности на общестрановом уровне все же возникли «культы личности» на уровне местном. И если мы стремимся к тому, чтобы перестройка обеспечивала поворот к адекватному осуществлению социалистического идеала, то должны постоянно иметь в виду объективные основы появления культа личности и не обезоруживать себя объяснением его возникновения только причинами субъективного порядка.

То же можно сказать и относительно механизма торможения. Раскрывая условия его появления, нельзя не учитывать, что историческая закономерность в реальной истории проявляется как тенденция, как объективная возможность, а не как автоматическая, фатальная необходимость, и ее наличие не исключает при определенных условиях ни замедления общественного развития, ни застоя, ни даже поворота вспять, движения назад, регресса. Не менее хорошо известно, что формальная (абстрактная) возможность способна перейти в реальную (конкретную), а последняя — превратиться в действительность. Так что необходим всесторонний учет как субъективных, так и объективных факторов в их диалектической взаимосвязи.

Именно такой подход характерен для партийных документов и материалов, в которых раскрываются причины образования механизма торможения. То обстоятельство, что в некоторой их части основное внимание концентрируется на факторах субъективного порядка, можно объяснить тем, что XXIV, XXV и XXVI съезды при невыполнении поставленных задач ссылались прежде всего на «объективные» условия. Взаимосвязь тех и других факторов в общефилософском плане раскрывается и в ряде научных публикаций последнего времени.

Относительно необходимости перемен в советском обществе на современном этапе М. С. Горбачев в выступлении в Праге в апреле 1987 г. говорил: «Идея перестройки не возникла сама по себе, она была поставлена в повестку дня всем объективным ходом общественного развития, насущными потребностями страны... Уместно ли говорить о революционных переменах в стране, которая пережила самую глубокую в истории человечества социальную революцию, в которой построен социализм? Думаю, да, это правомерно, точно отражает суть происходящего... В рамках этого процесса (развития социализма.— *С. А.*) может возникать и возникает на практике

необходимость периодического обновления форм общественных отношений... приведения их в соответствие с уровнем развития производительных сил. Эта задача при социализме должна решаться в принципе постоянно, путем совершенствования тех или иных сторон общественных отношений. Но если назревшие преобразования не осуществляются, затягиваются, а проблемы накапливаются, приходится прибегать к более радикальным средствам, действовать революционными методами»[1].

Постановка в документах и материалах КПСС проблемы взаимосвязи объективных и субъективных факторов, выдвигавших необходимость перестройки, дает основание сделать вывод, что ее определение в качестве революции (или радикальной реформы) связано главным образом с объемом преобразований, совокупность которых охватывает все стороны жизни общества, требует относительно одновременного качественного изменения всего общественного строя нашей страны.

Возникает вопрос, является ли перестройка общезначимой чертой эпохи социалистической революции, всеобщей закономерностью социализма. «Идея нового качественного состояния социалистического общества,— отмечает А. Н. Яковлев,— побуждает к пониманию проблемы созидания как такого диалектически противоречивого процесса деятельности людей, в котором развивается не только форма, но и сама сущность социализма»[2]. Деформации в общественном развитии первой в мире социалистической страны, обусловленные особым сплетением объективных и субъективных факторов, сложившихся в ходе созидательной деятельности советских людей, *вовсе не обязательны* для народов, которые будут вступать на путь социалистической революции на новом витке всемирно-исторической эпохи перехода от капитализма к коммунизму. Своевременное периодическое обновление разных сторон общественных отношений по своим результатам может быть равнозначным тем единовременно проводимым всеобъемлющим преобразованиям, которые несет с собой перестройка. Но и подобный тип обновления будет иметь *революционный характер* и, следовательно, не может изменить протяженность эпохи социалистической революции по стадиям общественного развития.

---

[1] *Горбачев М. С.* Избранные речи и статьи, т. 4, с. 473, 475.
[2] *Яковлев А. Н.* Указ. соч., с. 11.

В данной («вертикальной») связи перестройка в нашей стране предстает как третье звено в рамках диалектического взаимодействия общего, особенного и единичного. Такой подход к этому вопросу вполне соответствует представлению о социализме как о единстве в многообразии — многообразии форм и путей его развития, составляющем творческую и созидательную силу нового общества.

Высказанные в главе соображения и общеметодологические подходы, разумеется, не могут решить всех теоретических проблем перестройки. Многие из них будут проясняться по мере ее претворения в жизнь. Но одно несомненно уже сейчас: нельзя рассматривать перестройку вне категорий марксистско-ленинской теории социальной революции, ибо понятие «революция» в применении к перестройке — не просто фигура речи, «не метафора, не желание эмоционально приподнять значение перемен» [1].

* * *

В заключение хотелось бы отметить, что всестороннее и глубокое осмысление сути происходящих ныне в нашей стране процессов актуально не только в плане дальнейшей разработки и конкретизации применительно к сегодняшнему дню общей теории революции (о чем уже говорилось выше), но и для решения ряда насущных практически-политических задач, в частности связанных с разоблачением оппортунистических, левоэкстремистских лжетеорий революции. Ведь подобные теорийки возникают не на пустом месте, а, как правило, именно там и именно тогда, где и когда отсутствует полная теоретическая и понятийно-терминологическая ясность. Здесь-то и возникает соблазн распространить добытую ранее истину, выражаясь словами В. И. Ленина, «за пределы ее действительной применимости» и тем самым «довести до абсурда, и она даже неизбежно, при указанных условиях, превращается в абсурд» [2].

На одну из таких опасностей обратил внимание Ю. А. Красин. «Диалектической концепции социальной революции,— пишет он,— противостоят примитивные левацкие представления о ней как о чисто разрушительном процессе. По этим представлениям формирование и со-

---

[1] *Лигачев Е. К.* О революционной сущности перестройки в СССР.— Проблемы мира и социализма, 1987, № 7, с. 3.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 46.

вершенствование экономики социализма означают якобы отход от революционных позиций, чуть ли не капитуляцию перед капитализмом» [1].

Другая крайность состоит в рецидивах и даже активизации левоэкстремистских лжетеорий «революции в революции» [2]. Хотя подобные «теории» уже неоднократно опровергались жизнью, революционной практикой, определение перестройки просто как революции, осуществляемой в обстановке советских послеоктябрьских реалий, а не как *закономерного этапа* эпохи социалистической социальной революции, имеющего свои специфические особенности, вызывает соблазн использовать такое определение как довод в пользу тезиса о «революции в революции», затрагивающей якобы самую сущность политической власти.

Дальнейшее научное исследование и всестороннее обоснование революционной сути перестройки — на предлагаемых здесь или каких-либо иных возможных направлениях,— несомненно, будут способствовать решению ключевых задач, поставленных нашей партией перед общественными науками.

---

[1] *Красин Ю. А.* XXVII съезд КПСС о диалектике мирового революционного процесса.— Вопросы философии, 1986, № 8, с. 24.

[2] См.: *Смирнов Г. Л.* За творческое обобщение опыта социалистического строительства.— Политическое самообразование, 1987, № 4, с. 56.

2. ЗОНА РАЗВИТОГО КАПИТАЛИЗМА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ БОРЬБЫ ЗА ДЕМОКРАТИЧЕСКУЮ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКУЮ АЛЬТЕРНАТИВУ

Революционный процесс XX столетия подтвердил жизненность и правоту марксистского учения о всемирно-исторической миссии рабочего класса, определяющего своим созидательным трудом и борьбой магистральные пути общественного прогресса, воплощающего «социальный разум и социальное сердце»[1]. Полтора века с момента вступления пролетариата на историческую арену в качестве самостоятельной политической силы отмечены ростом его рядов, организованности и сплоченности, повышением профессионального, общеобразовательного и политического уровня. В начале века в капиталистических странах армия пролетариев превышала 60 млн человек, ныне, в 80-е гг., рабочий класс объединяет в своих рядах до 660 млн человек, в том числе в социалистических странах — 202 млн, в зоне развитого капитализма — 241 млн и в развивающихся странах — 217 млн человек[2].

Гигантски расширились масштабы его социальной деятельности, воздействие на ход всемирной истории. Становление мировой социалистической системы и социалистической цивилизации, упорные битвы трудящихся индустриально развитых капиталистических стран за социальный прогресс, значительные успехи консолидации пролетарских масс и рабочих организаций в странах Латинской Америки, в Азии, Африке, Океании — таковы наиболее существенные приметы прогресса рабочего класса в новейшее время.

Опыт рабочего движения со времени возникновения научного коммунизма свидетельствует, однако, не только о серьезных успехах, но и о трудностях борьбы рабочего

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 1, с. 425.

[2] См.: Рабочий класс и современный мир, 1985, № 6, с. 145.

класса за социальное освобождение, о крайней неравномерности ее развития в отдельных странах и регионах, о возрастающем многообразии «движений к одной цели»[1]. Отдельные составные части всемирной армии труда — трудящиеся стран социализма, развитых капиталистических стран и стран развивающихся — серьезно разнятся между собой по своей роли и положению в обществе, по социальному и политическому облику. Различно восприятие ими собственного положения и проблем современного мира, не тождественны условия, возможности и опыт их социальной деятельности. Налицо «небывалое многообразие конкретных ситуаций, в которых находятся различные его (рабочего класса.— *Авт.*) отряды и группы, типов производства, труда, культуры, с которыми они связаны»; международный рабочий класс «представляет собой сегодня сложную, противоречивую, политически и мировоззренчески неоднородную силу»[2].

Всю сложность эпохи перехода от капитализма к социализму, а также динамики революционного процесса в новейшее время с его успехами, трудностями и частичными поражениями нельзя постичь, если не учитывать, какой гигантский диапазон условий борьбы рабочего класса и других революционных сил существует в несоциалистической части мира, как неоднозначно и неравномерно идет вызревание объективных и субъективных предпосылок перехода от капитализма к социализму, как обширен арсенал средств, используемых империализмом для противодействия социальному обновлению мира. Если в развивающихся странах рабочему классу приходится действовать и бороться в недостаточно зрелых (иногда и вовсе незрелых) для социалистических преобразований общественно-экономических условиях, и это не может не сказываться негативно на осуществлении им роли класса-гегемона по отношению к другим антиимпериалистическим силам, то в зоне развитого капитализма (к ней, как известно, принято относить свыше 20 государств Западной Европы, Северной Америки, Азии, Океании, являющихся членами

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 393.

[2] *Добрынин А. Ф.* Главная социальная сила современности.— Коммунист, 1986, № 16, с. 25; ценный материал о современном рабочем классе содержится в ряде исследований: Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории. М., 1981, 1985. Т. 6—8; Рабочий класс в мировом революционном процессе. М., 1983; Развитие рабочего класса в социалистическом обществе. М., 1982; и др.

Организации экономического сотрудничества и развития — ОЭСР) налицо принципиально иная ситуация.

Здесь практически уже с начала века, особенно в ведущих странах Западной Европы и в США, существуют зрелые и даже «перезрелые» предпосылки перехода к социализму (высокий уровень развития и фактического обобществления производительных сил, производительности труда, огромные материальные ресурсы, продвинутость научно-технического прогресса, наличие развитых — по меркам буржуазного общества — форм политической культуры, представительных учреждений и т. п.). Вместе с тем крайне замедленно, трудно, противоречиво, через подъемы и отливы рабочего движения, идет процесс формирования благоприятных объективных и субъективных условий для перевода в практическую плоскость борьбы трудящихся за социалистическую альтернативу капитализму.

В данной главе рассматриваются актуальные проблемы борьбы за социальный прогресс в развитых капиталистических странах с учетом ее многолетних традиций и особенностей, трудностей и новых условий, сложившихся в 80-е гг., идейно-теоретических дискуссий и опыта борьбы левых сил за демократическую и социалистическую альтернативу.

Как известно, со времени выхода на политическую арену рабочий класс ведущих капиталистических стран накопил богатейший опыт революционной борьбы и упорных «позиционных» битв с господством капитала и реакцией. Достаточно напомнить такие важнейшие вехи освободительного движения, как Парижская коммуна 1871 г., революция 1918—1919 гг. в Германии и рабочая революция 1918 г. в Финляндии, Народный фронт во Франции и Испании 30-х гг., движение Сопротивления в годы второй мировой войны, которое переросло затем в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в народно-демократические революции, а в ряде стран Западной Европы в борьбу трудящихся за радикальные прогрессивные преобразования. Во второй половине XX столетия в ходе упорных социальных и политических битв против засилья монополий и реакции в Италии, Франции и некоторых других странах вплотную вставал вопрос о непосредственном участии рабочего класса в руководстве обществом.

Однако до сих пор господствующим классам на каждом критическом для них этапе общественного развития

удавалось сохранять бразды правления, используя широкий спектр средств упрочения власти,— открытый террор, насилие и авторитарные методы правления, различные варианты реформаторства, структурную перестройку экономики и использование новых форм эксплуатации, мощные средства идеологического воздействия. Важным фактором разобщения левых сил являются согласованные действия правящих кругов и крупного капитала, направленные на подрыв единства рабочего класса и искусственное противопоставление пролетарских и непролетарских слоев населения. Нельзя не учитывать и того обстоятельства, что в главных цитаделях империализма рабочему, демократическому и коммунистическому движениям, обладающим богатыми традициями, немалым опытом борьбы и серьезными завоеваниями, противостоят весьма могущественные силы империалистической буржуазии, милитаризма и реакции, располагающие огромными производственными, научно-техническими, финансовыми и военно-стратегическими ресурсами. В зоне развитого капитализма дислоцируются центры военно-политических и экономических блоков и группировок, штабы международных корпораций, распростерших свои щупальца на все континенты. Сюда стекаются гигантские прибыли, полученные путем внедрения в производство новейших типов технологии и реализации наукоемкой продукции, за счет «неоколониальной» эксплуатации развивающихся стран, доходы от валютных операций и экспорта оружия. Все это, естественно, создает для господствующих классов дополнительные возможности консервации капиталистического строя, обеспечения своей гегемонии в обществе, обусловливает крайнюю сложность, замедленность, зигзагообразность процесса борьбы за преодоление капитализма. Подтверждается ленинское предвидение о том, что дорога к социализму только теоретически «представляется прямой», «в жизни она никогда прямой не будет, она будет невероятно сложной», что защитная «скорлупа империализма» сделана «из лучшей стали» и не разбивается от усилий «всякого цыпленка»[1]. Между тем исход борьбы сил прогресса и реакции в зоне развитого капитализма имеет, учитывая роль ведущих империалистических стран в мировой политике и экономике, подлинно всемирное значение.

---

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 47; т. 43, с. 211.

Немалые сложности для рабочего движения и левых сил порождает растянувшийся на многие десятилетия общий кризис капитализма. Он характеризуется, особенно на современном этапе, небывалым переплетением и взаимоусилением всех противоречий капиталистической экономики, политики, идеологии, мировой капиталистической системы в целом, а это, в свою очередь, расшатывает иммунные системы капитализма, питает активные формы социального протеста народных масс и способствует расширению массовой базы сопротивления господству капитала. Но нельзя упускать из виду и иные последствия затяжного характера этого кризиса, его протяженности во времени, а именно: распространение всевластия капитала на все новые сферы общественной жизни, укоренение стереотипов и ориентиров буржуазного образа жизни в различных слоях населения, не исключая и рабочего класса. Потенции рабочего класса как решающего фактора прогресса отнюдь не исключают распространения в его рядах идей социального партнерства, классового сотрудничества, а на определенных этапах — и некоторых форм правой идеологии. Негативное влияние на сознание и поведение трудящихся на фоне экономических потрясений оказывают различные проявления общественно-политического кризиса, кризисные процессы в сфере идеологии, морали, нравственности. Отсюда постоянная необходимость для коммунистических партий и других левых сил мобилизации масс на борьбу с различными проявлениями общего кризиса капитализма, грозящими утратой социально-экономических и политических завоеваний трудящихся, ослаблением их демократического и антикапиталистического потенциала, изменением в неблагоприятном для трудящихся масс смысле соотношения классовых сил.

Немало сложных нетрадиционных теоретических, политических и идейных проблем для марксистов и мирового коммунистического движения возникло в связи с серьезными изменениями, которые претерпели на протяжении XX в. и особенно в последние десятилетия капитализм и буржуазное общество, порождая соответственно новые интересы и социальные чаяния трудящихся масс, существенно обогащая и видоизменяя критерии социального прогресса, наполняя новым содержанием классовые битвы и вызывая настоятельную потребность в *обновлении стратегии.* Беспрестанные перевороты в производстве, непрерывное потрясение всех общественных

отношений, вечная неуверенность и движение[1] — все то, что долгое время марксисты принимали за отличительную черту эпохи восходящего развития капитализма, в XX в., несмотря на общий кризис, а скорее именно в силу порожденных им противоречий и проблем, стало неотъемлемой чертой общественной жизни зоны развитого капитализма. Эволюция современного капитализма обусловлена, с одной стороны, целенаправленными усилиями господствующих, эксплуататорских классов, стремящихся приспособиться к изменяющемуся миру и с помощью политики социального реванша противостоять успехам мирового революционного процесса во всех его проявлениях, будь то упрочение мировой социалистической системы, крах колониализма и кризис неоколониализма или социальные битвы трудящихся капиталистических стран; с другой стороны, действуют и иные, зачастую вырастающие стихийно в недрах капиталистического строя факторы, такие, как логика развития порожденных капитализмом мощных производительных сил, процессы индустриализации и урбанизации, набирающий темпы научно-технический прогресс, непрекращающаяся концентрация и централизация капитала, интернационализация производства и интеграционные процессы.

На протяжении XX столетия и особенно последних десятилетий существенно изменился социальный облик основных классов капиталистического общества — буржуазии и рабочего класса, а также промежуточных, средних слоев населения, усложнилась социальная структура общества в целом, рабочего класса в особенности. Вследствие крупномасштабных социальных перемен и потрясений к 80-м гг. сформировался либо формируется (коль скоро речь идет о среднеразвитых капиталистических странах) специфический тип высокоразвитого индустриального общества с абсолютным преобладанием городского населения, с «урбанистической» материальной и духовной культурой, стремительно возрастающей ролью «третичной» экономики (сферы обслуживания, досуга, информатики, инженерии и пр.) по сравнению с традиционными отраслями материального производства — промышленностью и сельским хозяйством, с высоким, особенно по отношению к развивающимся странам, уровнем национального дохода и потребления на душу населения.

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 427.

Соответственно в орбиту классовой борьбы втягиваются все новые сферы общественной жизни — вопросы экологии и обеспечения здоровых условий труда и быта, характер и использование достижений научно-технического прогресса, контроль за средствами информации и системой образования, борьба против принимающего катастрофические формы отчуждения и отстранения от активного участия в социальной жизни целых слоев населения и многое другое.

На ход борьбы и соотношение классовых сил в развитых капиталистических странах оказывает заметное влияние мировая обстановка: состояние международных отношений, развитие межимпериалистических противоречий и особенно гегемонистские устремления империализма США, экспансия транснациональных корпораций, борьба за лидерство в научно-технических гонках, взаимоотношения с развивающимися странами, последствия обострения глобальных проблем. В зоне развитого капитализма с особой силой дает себя знать милитаризм — это наиболее уродливое и опасное чудовище XX столетия[1], сложились развитые формы военно-промышленного комплекса, претендующего на контроль над политическими рычагами власти и трансформирующего все сферы общественной жизни — экономику, науку и технику, средства массовой информации, общественное сознание. Соответственно возрастает значение и удельный вес в борьбе прогрессивных, левых сил, в первую очередь рабочего класса, антимилитаристских, внешнеполитических, международных и глобальных вопросов, решение которых в интересах прогресса предполагает тесную координацию и активизацию национальных и интернациональных методов действий.

Сложный комплекс социально-экономических проблем порожден переходом капитализма в ведущих капиталистических странах от адекватной ему машинно-индустриальной основы экономики к превращению науки в непосредственную производительную силу, что по традиционным марксистским представлениям считалось принадлежностью коммунистической формации. Капиталистические методы применения достижений НТР и обусловленные этим общецивилизационные проблемы и противоречия существенно влияют на всю совокупность общественных отношений в ведущих капиталистических

---

[1] См.: Материалы XXVII съезда КПСС, с. 10.

странах, на мировую капиталистическую систему, а также на мировую политику и экономику. Под воздействием НТР видоизменяются формы и проявления главного противоречия капиталистического общества — между трудом и капиталом, усложняются условия борьбы против капиталистической эксплуатации и интенсификации труда, обостряется в связи с изменением роли труда и общества проблема занятости, по-новому — из-за массовой хронической безработицы, «новой бедности» и процесса маргинализации — встают проблемы единства рабочего класса и его сотрудничества с непролетарскими слоями в процессе противоборства с капиталом.

В марксистском теоретическом наследии имеется немало ценнейших в методологическом отношении соображений о взаимосвязи типа и форм революционности рабочего класса с эволюцией капиталистического общества и с присущими различным его национальным вариантам особенностями, с изменениями в социальной стратегии господствующих классов, с соотношением сил революционного и реформистского направлений в рабочем движении. Основоположники научного коммунизма обращали внимание деятелей рабочего движения на необходимость вырабатывать революционную стратегию с учетом всего комплекса реальных общественных явлений, сложного взаимодействия эволюционных и революционных процессов — революций «сверху» и «снизу», революций и реформ, а также попятных движений под натиском реакции. Для рабочего класса, коммунистических партий, всех левых сил, действующих в чрезвычайно сложной, противоречивой, динамичной обстановке в развитых капиталистических странах, особую значимость в современных условиях приобретает требование марксизма «брать вещи такими, каковы они есть, то есть отстаивать революционные интересы таким путем, который соответствует изменившимся обстоятельствам» [1], не игнорировать историческое развитие, а, наоборот, опираться на него [2], принимать в расчет «опровержения», продиктованные ходом исторического развития [3], извлекать уроки не только из успехов, но и неудач движения за социальный прогресс, учитывать все изломы и перемены в развитии классовой борьбы.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 31, с. 438.
[2] См. там же, т. 4, с. 480.
[3] См. там же, т. 7, с. 100.

Современный этап социального противоборства в зоне развитого капитализма характеризуется появлением многих новых, беспрецедентных, не получивших еще целостного марксистского обобщения процессов, тенденций, явлений. Характерно, что в ходе дискуссии, развернувшейся среди левых сил в 80-е гг., все чаще высказывается мысль о том, что завершается целая эпоха развития рабочего движения и соответственно встает проблема пересмотра многих привычных представлений о механизмах классовой борьбы, ее формах и целях. На XXVII съезде КПСС подчеркивалось, что в последние годы коммунистическое движение, столкнувшись с новыми реальностями, задачами, проблемами, вступило в качественно иной этап развития: «Как пойдет дальше развитие коренного противоречия между трудом и капиталом, какие выводы будут сделаны из сложившегося положения, покажет будущее, ход борьбы трудящихся за свои права, за социальный прогресс»[1]. В трудном диалоге и сопоставлении взглядов левых сил в зоне развитого капитализма, в том числе коммунистов, социалистов и социал-демократов, профсоюзных организаций различной ориентации, вырисовываются новые ориентиры борьбы за демократию, мир и социальный прогресс, определяются приоритетные цели с учетом новых условий, сложившихся на исходе XX столетия, настойчиво ставится вопрос о необходимости существенного обновления программных установок, приведения их в соответствие с потребностями времени и новой ситуацией, обусловленной активизацией в последние годы наиболее непримиримых реакционных группировок господствующих классов и массированным их наступлением на права трудящихся. Извлекая уроки из трудностей последних лет, коммунистические партии вновь и вновь обращаются к изучению и осмыслению таких актуальных проблем, как выявление реальных потенций капитализма, меры его способности справиться с существующими противоречиями и кризисными процессами в интересах господствующих классов и консервации капиталистического строя, определение перспектив, перехода от капитализма к социализму, соизмерение практических возможностей современного этапа с программными целями борьбы за социалистические преобразования. Вместе с тем в углублении и развитии антикризисной программы

---

[1] Материалы XXVII съезда КПСС, с. 14.

действий, выдвинутой в 70-х гг., коммунисты видят путь борьбы за претворение в жизнь демократической и социалистической альтернативы современному «неоконсервативному» курсу влиятельных империалистических кругов, который возобладал во многих странах Запада с конца 70-х гг.

* * *

Отличительными чертами общественно-политической ситуации в зоне развитого капитализма в последнее десятилетие являются широкое наступление правых сил и существенные перемены в стратегии правящих кругов и монополий, наиболее полно проявившиеся в феноменах «неоконсерватизма» и «неолиберализма». Речь идет о целом комплексе экономических, социальных, политических и идеологических мер, реализация которых заметно изменила общественно-политический климат в капиталистическом мире, а в силу прямой взаимосвязи «неоконсервативной» волны и политики социального реванша со стратегией «неоглобализма» и международной напряженности — и на мировой арене. В 70-х гг. капитализм столкнулся с небывалыми трудностями, обусловленными развитием как структурного, так и ряда циклических кризисов, серьезным сбоем в функционировании международной финансово-валютной системы, обострением отношений ведущих империалистических держав с развивающимися странами. В этих условиях выявилась несостоятельность как буржуазного, так и социал-демократического реформизма, чем не преминули воспользоваться правые, милитаристские, реакционные фракции крупного монополистического капитала и поддерживающие их общественно-политические силы. Они сумели оттеснить от власти либерально-буржуазные и социал-реформистские партии в США, Англии, Японии, ФРГ, Канаде, Бельгии, Нидерландах и ряде других стран. Серьезным успехом правых сил явилась их победа на парламентских выборах 1986 г. во Франции и приход к власти правого правительства Ширака. В результате парламентских выборов 1986—1987 гг. получили доступ в правительство после долгого пребывания в оппозиции правые партии в Финляндии и Австрии. В своеобразных формах развертывается наступление правых в Италии, Швеции, Греции, Испании — там, где стоят у власти социал-демократические, социалистические правительства или левоцентристские коалиции. Опасным источником правых тенденций являются США,

выступающие во второй половине XX в. в роли лидера мировой капиталистической системы. Усиление «неоконсерватизма» в экономике, политике, в сфере идеологии, в социальной жизни сопровождается активизацией праворадикальных движений и организаций, нагнетанием шовинизма, расизма, ксенофобии. Как подчеркивалось на XXVII съезде КПСС, в силу этого резко усложнились условия деятельности левых, прогрессивных сил. «Здесь прогрессивным тенденциям приходится пробиваться через систему монополистического тоталитаризма, испытывая постоянное давление организованной реакции, в том числе ее огромной пропагандистской машины, которая обрушивает на человека потоки одурманивающей дезинформации» [1].

Со стороны идеологов «неоконсерватизма», влияние которого распространилось на значительную часть интеллигенции, средних слоев и проникает в ряды рабочего класса, осуществляются целенаправленные атаки против идей социального прогресса, социальной справедливости, революции как таковой и всех форм левой идеологии, в первую очередь марксизма. Марксистское учение объявляется источником всех зол и бед современного мира, западной цивилизации в особенности. Рассуждения о «кризисе марксизма» и банкротстве «марксистской утопии», опровергнутых якобы ходом общественного развития в XX веке, о несостоятельности марксистской методологии с точки зрения новейших процессов, развертывающихся в зоне развитого капитализма, давно уже стали шаблоном западной немарксистской социологии и политологии. Но в условиях «крестового похода» социализма и коммунизма против правых сил курс на девальвацию и подрыв ценностных установок рабочего, социалистического и коммунистического движения чреват весьма опасными последствиями. Он призван разобщить левые силы, ослабить их сопротивление правой опасности, стратегии «социального реванша» и «неоглобализма», курсу международной напряженности и конфронтации со странами социализма.

Массированные идеологические атаки против рабочего движения, левых и демократических сил сочетаются с широким комплексом экономических, социальных и политических мер, направленных на усиление авторитарных тенденций. Таковы политика капиталистической

---

[1] Материалы XXVII съезда КПСС, с. 8.

«модернизации» и «жесткой экономии», наступление на профсоюзные свободы и прерогативы, стратегия социального демонтажа, сочетание методов государственно-монополистического регулирования с апелляцией к принципам частного предпринимательства, рыночных отношений и свободной конкуренции, проповедь индивидуализма, примата частного над общественным и иные проявления «неоконсервативного» курса.

При всем разнообразии национальных вариантов «неоконсерватизма» для него характерно сочетание традиционного консерватизма и правого радикализма, авторитаризма и «правого популизма». Он (и это опасным образом роднит его с фашистской идеологией) спекулирует на недовольстве масс существующим порядком вещей и жажде перемен, совмещая это, однако, с апелляцией к стабильности и традиционализму,— призыв, который не остается без внимания в нынешнем беспокойном, насыщенном бесчисленными опасностями и неизвестностями мире. Он искусно берет на вооружение лозунги научно-технического прогресса, эффективности экономики, снижения «непроизводительных расходов» (имея в виду под последними социальные программы — важное завоевание 50—70-х гг.), а также интернационализации. Под предлогом защиты «общественного порядка» и борьбы с терроризмом расширяются функции карательных органов, сужаются полномочия парламентских учреждений и местных органов власти. Значительно возросло влияние транснациональных корпораций и наднациональных институтов.

Наступление правых сил в сочетании с новой фазой научно-технической революции и развернувшейся в 70—80-х гг. структурной перестройкой экономики поставило рабочий класс и все левые силы перед необходимостью, с одной стороны, защитить социально-экономические и политические завоевания трудящихся, а с другой — дать отпор «неоконсервативной» стратегии выхода из кризиса и использования достижений НТР в интересах крупного монополистического капитала. Вместе с тем с новой силой встают проблемы борьбы за демократию в ее различных проявлениях — политическую, социальную, в сфере производства и в решении важнейших международных и военно-стратегических вопросов. Борьба против засилья монополий — традиционное направление рабочего движения в развитых капиталистических странах — на современном этапе обретает новую окраску, поскольку речь

идет об отпоре силам военно-промышленного комплекса, о противодействии проникновению в национальную экономику транснациональных корпораций, о поисках демократической альтернативы капиталистическим методам интеграции, означающим фактически применение государственно-монополистических методов регулирования на наднациональной основе.

В совокупности сложнейших социальных проблем, порожденных НТР и сдвигом вправо в политической жизни стран Запада, одной из важнейших является проблема занятости. Технологические нововведения, роботизация и компьютеризация, безусловно, приводят к увеличению удельного веса «новых отрядов» рабочего класса, связанных с новыми отраслями производства и обладающих высокой квалификацией. И хотя формирование классового сознания этих категорий трудящихся крайне усложнено, в дальнейшем именно с их активным включением в социально-экономическую и политическую борьбу за социальный прогресс, демократию и мир связана перспектива обретения рабочим классом ведущей роли в обществе. Пока же в массе своей они представляют ту часть электората, которая принимает «неоконсервативные» рецепты лечения пороков западного общества.

В гораздо более сложном положении оказались трудящиеся традиционных отраслей промышленности, в еще недавнем прошлом составлявшие костяк рабочих организаций и рабочего движения. Именно этот контингент рабочих весьма болезненно затронули массовые увольнения и свертывание производства, а также технологические нововведения в горнодобывающей, сталелитейной, автомобильной, химической, машиностроительной и других отраслях промышленности. В общей сложности в странах ОЭСР в середине 80-х гг. насчитывалось свыше 30 млн безработных, а согласно прогнозам деловых кругов и профсоюзов в ближайшие пять — семь лет к ним могут присоединиться еще 10—12 млн человек. Безработица поражает также конторских и иных служащих, дипломированных специалистов, а это чревато дальнейшим ухудшением положения с трудоустройством молодежи, женской части трудоспособного населения. В критическом положении оказываются иностранные рабочие, нередко становящиеся жертвами расистских выходок местного населения.

Из общего состава армии наемного труда лишь 50—60% лиц имеют постоянную работу и сравнительно высо-

кие (а по сравнению с развивающимися странами весьма высокие) заработки, но и они в силу общей ситуации далеко не уверены в завтрашнем дне. Остальная часть населения испытывает всю сложность отсутствия постоянной, гарантированной работы, необеспеченного существования. Все более широкое распространение получает «черный» или «подпольный» труд: без оформления трудовых соглашений, без социальных гарантий в случае потери трудоспособности, с заниженными против официального минимума ставками заработной платы, а также практика применения временного найма либо предоставления работы с неполным рабочим днем. Возрастает число лиц, находящихся на пороге бедности, не имеющих шансов обрести работу и фактически выброшенных за борт общества [1].

Последствия обострения проблемы занятости весьма многоплановы и чреваты опасными тенденциями как для общества в целом, так и для рабочего движения. Уже сейчас в результате структурной перестройки в ряде стран (США, Англия, ФРГ и др.) произошло заметное сокращение числа рабочих, организованных в профсоюзы,— тревожный симптом падения авторитета этих организаций и веры в их способность противостоять наступлению крупного капитала, особенно у безработных. Усиливаются сознательно подогреваемые предпринимателями настроения корпоративизма, попытки ограничиться защитой личных либо групповых привилегий и интересов. Как справедливо отмечают коммунисты Италии, Франции, Бельгии и других стран, наступление правых сил застигло рабочее движение в период существенного обновления его социальной базы, поиска новой стратегии борьбы с учетом усложнившейся социально-профессиональной структуры рабочего класса и серьезных трудностей, обусловленных переходом капитализма на новую модель развития. А это существенно облегчило реализацию политики социального демонтажа и наступление правящих кругов и капитала на прерогативы профсоюзов и профсоюзные свободы. В последние годы в рамках

[1] Об изменениях в структуре рабочего класса зоны развитого капитализма и его положении в связи с НТР и политикой «неоконсерватизма» см.: Технологические сдвиги, наемный труд и рабочее движение развитых капиталистических стран. Новые тенденции в сфере занятости. М., 1983; Материалы международной научной конференции «Рабочий класс и современность».— Рабочий класс и современный мир, 1987, № 1, 2.

профсоюзного движения, равно как в социалистических, социал-демократических и коммунистических партиях, идут острые дискуссии об определении их отношения к «модернизации» и «жесткой экономии», о выборе стратегии защиты права на труд [1].

Не менее сложные процессы происходят в сфере массового сознания трудящихся масс. За последние десятилетия советские исследователи проделали немалую работу по выявлению реальных механизмов формирования классового сознания рабочего класса и других социальных сил в зоне развитого капитализма, а также систем ценностей, потребностей и предпочтений. На большом конкретном материале раскрываются особенности социального облика и политического поведения рабочего класса в отдельных странах, выявляются серьезные трудности, с которыми сопряжена выработка трудящимися ряда стран, в особенности США, Японии и др., собственной системы ценностей, без чего рабочий класс не может выступить как самостоятельный субъект в рамках общества [2].

Как справедливо подчеркивает советский исследователь Г. Г. Дилигенский, в рабочем классе капиталистических стран в настоящее время представлены два «полярных» типа массового сознания: неприятие капиталистического строя, стремление к борьбе с эксплуатацией и социальным гнетом и склонность к примирению с капиталистическими отношениями зависимости, приспособление к ним. Каждому из них соответствует свое представление о целях и средствах борьбы, о ценностях и приоритетах, о самом обществе и прогрессе. Между этими типами имеется множество промежуточных вариантов; наиболее распространенным, особенно в переломные, кризисные моменты развития общества, является специфический тип противоречивого в своей основе сознания, отражающего

---

[1] См.: Профсоюзы и проблемы социально-экономической борьбы пролетариата. М., 1985; *Lojkin J.* La classe ouvriàre en mutations. P., 1986; Cahiers du communisme. P., 1985, N 10, p. 85—86.

[2] См.: *Вайнштейн Г. И.* Американские рабочие: сдвиги в общественном сознании. М., 1977; *Васильцов С. И.* Рабочий класс и общественное сознание. Коммунисты в социально-политической структуре Италии. М., 1983; *Дилигенский Г. Г.* Массовое общественно-политическое сознание рабочего класса капиталистических стран: проблемы типологии и динамики.— Рабочий класс и современный мир, 1984, № 1—2; *Михайлов С. В.* Социальный облик современного английского рабочего класса. М., 1981; и др.

реальные противоречия капиталистического общества и современного мира [1].

Значительно осложняет процесс становления самосознания рабочего класса в главных центрах капиталистической системы возможность приобщения определенных, а порою и весьма значительных его слоев к гигантским сверхприбылям, извлекаемым военным бизнесом, ТНК, «неоколониалистским» грабежом развивающихся стран. Еще В. И. Ленин отмечал, что «в капиталистическом обществе буржуазную политику может вести и рабочий класс, если он забывает о своих освободительных целях, мирится с наемным рабством и ограничивается заботами о союзах то с одной, то с другой буржуазной партией ради мнимых «улучшений» своего рабского положения» [2]. Отсюда популярность идей «социального партнерства» и «национального консенсуса», наличие недоверия и даже открытой враждебности к революции как таковой.

Ситуация одновременного существования и столкновения конформистских, реформистских и антикапиталистических позиций имеет место не только на уровне массового сознания, но и в рамках организованного рабочего движения в странах Запада. При немалой — по сравнению с развивающимися странами — степени организованности рабочего класса, особенно в Западной Европе (до 40—50% лиц наемного труда объединены в профсоюзы; имеются массовые, неоднократно приходившие к власти либо представленные и по сей день в правительствах социал-демократические и социалистические партии, не менее массовые католические организации с влиятельными левыми течениями; за левые силы, в частности за социалистов и коммунистов, голосует около одной трети или даже половины населения), в рабочем движении по-прежнему противоборствуют реформистское и революционное направления, существуют серьезные разногласия о потенциале капитализма, путях и средствах его преодоления.

Неудивительно, что неудовлетворенность трудящихся собственным положением, их сдвиг влево в кризисные переломные периоды используют массовые социал-демократические и социалистические партии, ратующие за метод реформ. Склонность же социал-демократии, особенно ее правых и центристских течений, в период

---

[1] См.: Рабочий класс и современный мир, 1984, № 1, с. 35, 45 и др.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 22, с. 232.

пребывания у власти к компромиссу с монополистическим капиталом и непоследовательность их внешней политики, их следование в фарватере «атлантизма» и администрации США оборачиваются впоследствии тяжелым разочарованием масс в социалистической и левой альтернативе как таковой, бросая их в объятия правых сил. Рост влияния «неоконсерватизма» в среде трудящихся в последнее десятилетие как раз и обусловлен реакцией масс на несостоятельность социал-демократических средств преодоления кризисных процессов, потрясших капиталистические страны в 70—80-х гг., их разочарованием в широковещательных обещаниях преобразований общества на социалистической основе.

Нельзя не учитывать и того, что к моменту наступления правых, «неоконсервативных» сил в рамках различных отрядов рабочего движения стран Запада развертывались напряженные дискуссии вокруг таких фундаментальных проблем, как отношение к реальному социализму, революциям и реформам, демократии и социализму, стратегии классовых союзов и перспективам обеспечения единства рабочего класса и левых сил. Разобщенность последних в огромной степени усилила дезориентацию масс и обусловила несколько характерных типов реакции на «неоконсервативную» стратегию. Первый из них — фактическая капитуляция перед идеологией и политическим курсом правых сил по разным мотивам: недоверие к буржуазно-демократическим институтам, крах технократических иллюзий, усталость от обстановки постоянной неуверенности и надежда обрести «сильное правительство» и т. п. В США, Англии и Японии немалую роль сыграли также шовинистические настроения и имперские амбиции. Второй — принимающий различные формы фактический отказ от участия в политической жизни, в том числе избирательный абсентеизм, аполитичность (чем умело пользуются, в частности, неофашисты и другие праворадикальные движения типа Национального фронта Ле Пенна во Франции), увлечение различными типами «контркультуры», «новой религией» и т. п. Вместе с тем откровенно циничные формы политики социального реванша милитаристских, реакционных фракций монополистической буржуазии и поддерживающих их общественно-политических сил, обнаружившаяся за истекший период порочность «неоконсервативных» путей преодоления кризиса капитализма неизбежно порождают встречную волну радикализации рабочего класса и

определенной части средних слоев. Она проявляется прежде всего в подъеме антивоенного движения, рост которого омрачает триумф «неоконсерватизма» и выявляет серьезные расхождения в западных странах по вопросам разоружения, войны, мира, безопасности, мирного сосуществования. Не прекращается движение в защиту социально-экономических прав трудящихся. Все больший размах приобретают выступившие на политическую арену еще в 70-х гг. так называемые «альтернативные» движения — молодежные, женские, «экологические», движение «гражданских инициатив» и др. «Расширяются масштабы, становятся разнообразнее формы и обогащается содержание этой борьбы... В борьбу против засилья монополий, реакционной политики правящих классов все активнее включаются интеллигенция, служащие, фермерство, представители городской мелкой буржуазии, национальных меньшинств, женские организации, молодежь и студенчество» [1].

Масштаб социального протеста характеризуют следующие данные: если за пятилетний период 1975—1979 гг. в зоне развитого капитализма в социальных конфликтах всякого рода принимали участие около 282 млн человек, то в следующем пятилетии (1980—1984 гг.) в них участвовало около 335 млн человек, в том числе в политических выступлениях — около 221 млн — 65% от общего числа участников выступлений. И это несмотря на то, что в ряде стран — Швейцарии, Австрии, Швеции и др.— действует сложный механизм урегулирования классовых конфликтов, который исключает возможность применения официальных, т. е. санкционированных профсоюзами и властями забастовок, а в ряде стран — в США, Англии, ФРГ, Японии — широко применяются антирабочие, антипрофсоюзные меры и санкции против участников антивоенных движений.

К числу крупнейших выступлений рабочего класса относятся героическая борьба английских шахтеров (март 1984 — март 1985 гг.), борьба за занятость и социальные права трудящихся в Японии, ФРГ, Франции, Италии, Испании, Дании, Португалии и других странах. В ходе этой борьбы наряду с требованием сохранения прежних завоеваний все чаще выдвигаются новые требования — сокращения рабочего дня, улучшения системы профессиональной подготовки и переподготовки, контро-

[1] Материалы XXVII съезда КПСС, с. 133, 134.

ля профсоюзов за политикой технологических нововведений, сохранения и расширения демократии на производстве. В стачечной борьбе принимают активное участие рабочие государственного сектора и частных предприятий, государственные служащие и работники муниципальных учреждений. Растет число забастовок трудящихся, занятых в сфере услуг. Вместе с тем — в этом мнения представителей различных течений рабочего движения совпадают — потенциал сопротивления рабочего класса наступлению капитала используется далеко не в полной мере, так что в ряде стран речь идет пока лишь о тяжелых оборонительных боях трудящихся и медленной перегруппировке сил рабочих организаций.

Наряду с социальными конфликтами, обусловленными непосредственными противоречиями между трудом и капиталом, за последние десятилетия на общественно-политической арене проявились социальные противоречия иного рода — следствие кризиса буржуазной западной цивилизации. Речь идет о конфликтных ситуациях, которые возникают в условиях буржуазного общества на почве межличностных отношений, взаимоотношений человека и техники, человека и окружающей среды и т. п. Сигнализаторами новых социальных и общегуманистических проблем высокоразвитого капиталистического общества являются так называемые «альтернативные» «новые социальные» движения. «Почти каждая грань общего кризиса капитализма,— отмечал член Политбюро ЦК Компартии Австрии Э. Виммер,— находит особое отражение в названных движениях. Созданная империализмом военная опасность — в движении за мир (оно не тождественно «новым социальным движениям», но последние составляют значительную часть его массовой базы). Разрушение окружающей среды, обусловленное погоней за прибылью,— в экологических течениях. Государственно-монополистическая централизация, бюрократизация и подавление демократии — в концепциях, проповедующих децентрализацию, самоуправление и «базисную демократию». Кризису в сфере образования противостоят призывы к «альтернативным методам обучения». Отчуждению труда — требование его духовного раскрепощения и «самоопределения». Преступному обращению буржуазных средств массовой информации с культурой — многообразные попытки создания «контркультуры». Ответом на контроль за повседневной жизнью людей, манипулирование, на принуждение в потреблении, а

также на его болезненные ограничения служит стремление к «альтернативному образу жизни». Реакцией на духовное очерствение и ожесточение выступают учения о «новой сенсуальности» и «свободном проявлении чувственности»[1].

Программным и идейным установкам этих движений, их особенностям как специфической формы социального протеста, взаимоотношениям «альтернативных» движений с рабочими партиями и организациями посвящен ряд исследований[2]. Не останавливаясь специально на анализе этих движений, отметим некоторые их характерные черты — прежде всего возникновение вне сферы производства и, так сказать, межклассовый характер. В них принимают участие лица различного социального статуса и происхождения, объединенные не по социально-классовым, а по иным признакам — возрасту и полу (молодежные, женские и т. п. организации), месту жительства, общности имущественных, финансовых и других интересов (квартиросъемщики, потребители, налогоплательщики и т. д.). Обращает на себя внимание их подчеркнуто неполитический, неидеологический характер, нередко враждебное отношение к политическим институтам и партиям, отсутствие четкой организационной структуры. Все это крайне затрудняет контакты с этими движениями рабочих партий и организаций. Большинству участников альтернативных движений присущи антитехницистские взгляды, склонность к утопии, стремление отмежеваться от традиционного деления на правых и левых, что делает их позиции весьма уязвимыми в условиях наступления «неоконсерватизма».

«Новые социальные движения» весьма аморфны и изменчивы, а роль их в различных странах далеко не одинакова. В странах, где затруднено действие левых сил и демократических движений, они пробивают ощутимую брешь в конформистских настроениях, способствуют выработке активных общественных позиций представителями средних слоев, новых отрядов рабочего класса и инженерно-технической интеллигенции, маргинальных слоев — молодежи, женщин, пенсионеров. Иную роль играют они в странах, где в качестве оппозиции капиталистическим порядкам выступают влиятельные левые партии.

---

[1] Проблемы мира и социализма, 1985, № 7, с. 28.

[2] См.: Не соперничество, а сотрудничество! Коммунисты и новое в социальных движениях. М., 1984; «Зеленые»: идеология и политика. М., 1985; Современный мир глазами «зеленых». М., 1987; и др.

В этих странах наличие альтернативных движений нередко ведет к дроблению левых сил и тем самым в определенной степени сдерживает развитие политического самосознания масс. Нельзя не учитывать и того, что многим «альтернативистам» свойственно причудливое сочетание консервативных позиций по ряду вопросов с радикальным протестом против существующей системы и общественных устоев.

Тем не менее важной заслугой «новых социальных движений» и их идеологов является постановка широкого круга вопросов, связанных с защитой дела мира, окружающей среды, самореализацией личности и др. Присущая этим движениям манера действий и выступлений, характеризующаяся личностной инициативой, отсутствием заорганизованности, стремлением активно участвовать в выработке лозунгов, требований, программных установок, свидетельствует о том, что в современных условиях в высокоразвитых капиталистических странах вовлекаются в действие все более широкие массы. Как коммунистами, так и социал-демократами ощущается настоятельная потребность «делать политику по-новому», всемерно демократизировать процесс выработки и принятия решений. «Новые социальные движения» выступают как важный фактор борьбы за демократизацию общества.

Трудности мобилизации сил рабочего класса, а также непролетарских слоев на демократической, а тем более антикапиталистической основе используются многими западными социологами и политологами как довод в пользу опровержения марксистского учения о всемирно-исторической миссии рабочего класса. Соответственно отрицается роль основного противоречия между трудом и капиталом как своего рода синтезирующего начала в сложном сплетении социальных конфликтов современного буржуазного общества. Весьма живучей оказалась концепция Г. Маркузе об «интегрировании» рабочего класса в буржуазное общество и утрате им революционности. Следуя ей, леворадикальные и левоэкстремистские течения склонны возлагать особые надежды на наиболее обездоленные слои населения, изображая их носителями социального протеста. В свою очередь влиятельные течения современной социал-демократии приписывают роль носителей прогресса по преимуществу «новому рабочему классу» и средним слоям. Что касается интерпретации проблем рабочего движения и социальных движений в западном обществе буржуазными социологами, они

отрицают антагонистический характер противоречий современного капитализма, исходя из теории «конфликтности», либо занимают откровенно антирабочие позиции. Со страниц буржуазной печати и средств массовой информации исходят обвинения рабочего класса и его организаций в ретроградстве, эгоизме и нежелании принести жертву на алтарь общенациональных, «цивилизационных» интересов. Марксистскому направлению рабочего движения ставится в вину преклонение перед материальными и недооценка иных, «постматериальных» ценностей. Марксизму нередко противопоставляются антитехницистские утопии.

Было бы неверно игнорировать возникшие в рабочем движении серьезные трудности объективного и субъективного порядка, которые со всей очевидностью проявились во второй половине XX столетия и особенно в последнее десятилетие; трудности, которые заставляют целый ряд деятелей коммунистического движения констатировать факт тяжелых поражений рабочего класса в конце 70-х — 80-х гг. Опыт новейшего времени и особенно последних лет предостерегает от упрощенных, односторонних суждений об утрате революционности рабочим классом, равно как и от механистических представлений о его «фатальной», «перманентной» революционности, предопределенной классовой принадлежностью и положением в производстве и обществе. Тем большая историческая ответственность ложится на плечи коммунистических партий — революционного авангарда, способного выработать и предложить конструктивный альтернативный проект обновления общества и мобилизовать на его реализацию широчайшие народные массы.

* * *

Коммунистические партии действуют в странах Запада в исключительно сложных условиях. Против них на всем протяжении их существования направлен главный удар сил реакции; серьезные антикоммунистические предубеждения характерны также для влиятельных левых организаций и движений. Наряду с массовыми партиями — итальянской, французской, японской и др., объединяющими, по данным начала 80-х гг., около 90% общего числа коммунистов зоны развитого капитализма, «есть и такие, которые еще не разорвали кольца политической изоляции, им еще предстоит решить задачу выхода на широкие массы рабочего класса, на массовые

рабочие и демократические организации»[1]. На протяжении многих лет революционные по своей природе и целям партии вынуждены действовать в нереволюционной обстановке, среди массы, неспособной понять необходимость революционного метода действий. Отсутствие у ряда партий со времен «холодной войны» 40—50-х гг. реальной возможности массовых политических действий и возобновившийся со второй половины 70-х гг. «крестовый поход» против коммунизма в немалой степени осложняют нормальный процесс творческого обновления партиями своей политической линии, приведения стратегии и тактики в соответствие с новыми условиями при сохранении верности программным установкам марксизма. Отсюда задержка с освоением новых реальностей, болезненность процесса корректировки программных и политических установок компартий. Часть коммунистов сохраняет приверженность устаревшим представлениям и оценкам, тогда как другая, напротив, под флагом «обновления» пытается навязать партии заурядную прогрессистскую программу действий. Немало коллизий возникает в процессе выработки и соподчинения краткосрочных и долгосрочных установок, в ходе практической деятельности коммунистов, в их взаимоотношениях с различными слоями населения, особенно с молодежью, наконец, в связи с функционированием самой партии как целостного организма. Не случайно именно в результате столкновения различных точек зрения на роль партии в современном обществе оказалось нарушенным единство сил коммунистического движения в Испании, Англии, Финляндии и ряде других стран. Налицо также целенаправленные действия всех антикоммунистических сил, имеющие целью изолировать коммунистов от общества и обречь их на иммобилизм и бесплодное сектантство.

Однако коммунисты видят свой долг и призвание в том, чтобы давать отпор силам реакции, отстаивать социальные интересы народных масс, несмотря на порою весьма серьезные препятствия, защищать демократические права и свободы и готовить условия и предпосылки для социалистической трансформации общества. Они идут в первых рядах борцов за мир, обретая ценный опыт диалога и координации действий с пацифистскими, экологическими, молодежными, женскими, религиозными

---

[1] *Красин Ю. А.* Международное коммунистическое движение как предмет изучения. М., 1980, с. 34.

движениями и организациями. Вместе с тем в процессе живой практической деятельности на различных уровнях — в парламентах и местных органах власти, на производстве и в профсоюзах, по месту жительства и в антивоенных комитетах, среди безработных и молодежи — существенно корректируются и наполняются конкретным содержанием альтернативные программы действий коммунистов. Своим острием они направлены против «неоконсерватизма», «неоглобализма», ядерной стратегии. Соответственно уточняются и видоизменяются представления о том альтернативном типе общественного развития, который предлагают коммунисты в противовес тупикам и порокам буржуазной цивилизации, а также о самом содержании и способах реализации революционной политики на рубеже XX—XXI вв. с учетом порожденных НТР кардинальных перемен в мире, в жизни общества, с учетом возникающих глобальных проблем.

Существенное место в идейно-теоретической и политической работе коммунистов стран Запада занимает в последние годы анализ сущности и причин влияния «неоконсерватизма», выявление возможностей и перспектив противодействия «неоконсервативной» стратегии в условиях современной фазы развития капитализма и мировой капиталистической системы, особенностей НТР и ее социальных последствий. Коммунистические партии самокритично признают существенное запоздание с изучением реальных процессов и односторонность прежних суждений о якобы исчерпанных ресурсах капитализма; подчеркивают необходимость всестороннего учета всей суммы противоречивых факторов [1] его функционирования. Об «историческом отставании» ряда положений политической платформы от требований времени было немало сказано на XXV съезде Французской компартии [2]. В дискуссии в преддверии XVII съезда Итальянской коммунистической партии, да и на самом съезде констатировалось, что при верном в целом курсе партией «не уделялось внимания серьезным сдвигам в жизни масс, в коллективном сознании, а это привело к потере бдительности, недоучету сдвигов, вызываемых социально-экономическими процессами, недооценке идеологических изменений и даже слепоте по отношению к отдельным политическим

---

[1] См.: Проблемы мира и социализма, 1986, № 10, с. 46; Рабочий класс и современный мир, 1987, № 2, с. 90—91.

[2] L'Humanité, 10. II 1985.

факторам»[1]. Еще более самокритичный характер приняло обсуждение итогов парламентских выборов 14—15 июня 1987 г. на пленумах ЦК и ЦКК Итальянской компартии в 1987 г., поскольку итоги выборов подтвердили серьезное ослабление за последнее десятилетие позиций компартии в итальянском электорате, а процент голосов, полученных ее кандидатами, сократился до уровня 1963 г.— весьма неблагоприятного для левых сил Италии[2].

К настоящему моменту коммунистические партии и исследовательские марксистские центры активизировали работу по изучению всего комплекса современных процессов, тенденций, явлений, порожденных НТР, кризисами — циклическими, структурными, валютными, энергетическими, экологическими и иными, а также наступлением правых сил. «Неоконсервативная волна» ставится в прямую связь с завершением к концу 70 — началу 80-х гг. длившейся несколько послевоенных десятилетий полосы капиталистического развития, характеризовавшейся ставкой господствующих классов на кейнсианские концепции «экономического роста», использованием в широких масштабах методов государственно-монополистического регулирования, господством крупносерийного поточно-конвейерного производства, преобладанием реформаторских средств решения социальных и трудовых проблем. Однако, как подчеркивают видные исследователи-марксисты, этот тип капиталистического развития уходит в прошлое, ввиду необратимости экономических, социальных, научно-технических процессов, и на его место приходит иной тип организации производства и управления и иные ценностные ориентиры[3].

В отличие от левых сил «неоконсерваторы» проявили незаурядную чуткость к происходящим процессам. «Горькая истина заключается в том, что консерваторы сделались поборниками обновления»,— констатировал теоретический орган Итальянской коммунистической партии «Ринашита»[4]. Их знаменем стали такие броские и привлекательные для масс лозунги, как «модернизация», «эффективность», научно-технический прогресс; они учли растущее разочарование масс в социал-реформаторских методах, оказавшихся тесным образом связанными с го-

---

[1] L'Unità, 23. VII 1985.
[2] L'Unità. 26—28. VI 1987.
[3] Quali risposte alle politiche neoconservatrici. Idee e orientamenti della sinistra. Roma, 1987, p. 7—8.
[4] Rinascita, 4. X 1986, p. 3.

сударственно-монополистическим регулированием и непомерным разбуханием государственного и бюрократического аппарата.

Констатируя серьезные неудачи левых сил и рабочего движения в ряде стран, коммунисты далеки от пессимизма и капитулянтства перед «неоконсерватизмом». Они справедливо обращают внимание на то, что «неоконсервативная» стратегия оказывается несостоятельной в главном — в способности преодолеть кризисные потрясения и противоречия; более того, она в огромной степени усугубляет их, поскольку сопровождается гигантским возрастанием роли монополий — национальных и транснациональных. Обострилась неравномерность развития отдельных районов, отраслей, стран и регионов, усилилась социальная поляризация общества.

Коммунистические партии придают большое значение развенчанию в глазах общественности всех проявлений «неоконсерватизма», показывают глубокий разрыв между посулами его идеологов и практическими результатами его применения. Отказ от «жесткой регламентации» труда и «диктата» профсоюзов обернулся кризисом занятости, «новой бедностью», маргинализацией и отстранением от активного участия в производственной деятельности и общественной жизни значительных масс населения — преимущественно молодежи, женщин, лиц предпенсионного возраста, представителей национальных меньшинств и иностранных рабочих. Обещание ограничить вмешательство государства в экономику на деле дало двойной эффект — резкое усиление власти и рост прибылей монополий, усиление позиций частного предпринимательства, но одновременно и более широкое применение методов государственно-монополистического регулирования на многонациональной основе. Аналогичная судьба постигла и другие широковещательные обещания поборников «неоконсерватизма». А главное, как подчеркивают коммунисты, по мере упрочения позиций правых сил стал вырисовываться весьма зловещий вариант общественного развития, чреватый деградацией демократии, усилением диктата крупного капитала и ВПК, социальной атомизацией общества, подчинением достижений научно-технического прогресса интересам монополий и концентрацией их в руках небольшого круга ведущих империалистических держав, опасной для судеб мира ориентацией на ядерную стратегию и конфронтацию с силами социализма и развивающимися странами. Отсюда

вывод о необходимости сосредоточения усилий для отпора правым силам, для восстановления поколебленного событиями последнего десятилетия престижа социалистических ценностей и социалистической идеологии.

Именно поэтому, как считают коммунисты многих стран, особую значимость в современных условиях приобрел идеологический, культурный фронт деятельности. Эффективный отпор стратегии правых сил и крупного капитала возможен при условии политической и идейной переориентации масс, подпавших под воздействие «неоконсервативной» и праворадикальной идеологии и политики, через преодоление возросшей в последние годы идейной и политической индифферентности весьма значительной части населения, особенно молодежи, через обновление левой политической культуры. Речь идет о необходимости всестороннего учета усложнившихся социальных чаяний масс и всего круга вопросов, оказавшихся в поле зрения рабочего класса и новых социальных движений, в том числе защиты окружающей среды, решения энергетической проблемы, ориентации научно-технического прогресса и использования его результатов в интересах всего мирового сообщества, других цивилизованных аспектов мирового развития[1]. Диалог и сопоставление точек зрения, поиск общей платформы действий и выработка конструктивных альтернатив рассматриваются коммунистами как современный способ реализации классовых союзов.

Коммунисты в полной мере осознают необходимость существенного расширения социальной базы этих союзов ввиду гигантски возросшего по многим параметрам разнообразия видов трудовой деятельности, социальных типов средних слоев, увеличения в условиях «технологической революции» удельного веса автономных производителей и мелких предпринимателей. Диапазон поисков компартий и предлагаемых ими решений исключительно широк, далеко не идентичны представления о социальных рамках таких союзов, политическом их составе, путях их формирования — «сверху» или «снизу». Опыт деятельности компартий в этом отношении, их реальная роль и политический вес среди левых сил, а также в самом обществе весьма различны; непросто складываются взаимоотношения коммунистов с социал-демократическими и социалистическими партиями, а также с различными «альтернативными» движениями.

---

[1] Critica marxista, 1982, N 2, p. 16.

Вместе с тем в позициях коммунистов и их практической деятельности по консолидации левых сил есть немало общего. Общим является прежде всего стремление компартий добиваться единства сил труда — работающих и безработных, работников высококвалифицированного и неквалифицированного труда, занятых в сфере материального производства и в сфере услуг, научной и технической интеллигенции и т. п. В этом направлении развивается диалог коммунистов с деятелями профсоюзного движения и выработка профсоюзной стратегии компартий, на это направлены практические действия компартий по сплочению безработных, организации борьбы с локаутами и увольнениями. Идут поиски путей упрочения влияния коммунистов на предприятиях, среди новых категорий рабочего класса и ИТР. Поднимается вопрос об обновлении методов и стиля работы профсоюзов и коммунистических партий и путях расширения профсоюзной и партийной демократии.

Коммунисты придают большое значение координации действий с массовыми социальными движениями, рассматривая их как важный резерв левых сил. В последние годы коммунистическими партиями ряда стран разработаны детальные программы защиты интересов молодежи, женской части населения, укрепления сотрудничества с экологическими движениями. Однако налаживание сотрудничества с этими слоями населения и движениями идет весьма трудно. Жизнь показывает, что одинаково опасны попытки некритического восприятия и привнесения в коммунистическое движение в непереработанном виде ориентиров и ценностей «альтернативных» движений (проблем секса, стереотипов молодежной «контркультуры», утопий «возврата к природе» и иных) и упрощенные представления о распространении на эти движения «гегемонии партии». Коммунистические партии все больше склоняются к тому, что в условиях резкого расширения спектра социальных сил, которые заинтересованы в общественных переменах, путь к союзу с этими силами лежит через уважение их самостоятельности и своеобразия и взаимное обогащение в процессе совместной борьбы [1].

Одним из наиболее сложных и насущных вопросов упрочения левых сил является, как и прежде, достижение единства действий коммунистов и социал-демократов.

---

[1] L'Humanité, 6. XII 1986.

Политический вес социал-демократических партий в странах Запада (за исключением США) весьма велик. В 80-е гг. позиции этих двух важнейших направлений рабочего движения заметно сблизились, особенно по вопросам мира, разрядки, безопасности, защиты окружающей среды, борьбы против неоколониализма. Немало точек соприкосновения порождает рост правой опасности. Однако серьезными препятствиями для диалога и совместных практических действий остаются различные представления — реформистские или революционные — о путях борьбы за преодоление капитализма, антикоммунистические предубеждения большинства социал-демократов и социалистов и претензии последних на монопольное положение среди левых сил. К ним в последние годы добавились разногласия в оценке «модернизации», политики «жесткой экономии», возможностей борьбы за обновление общества в условиях кризисных потрясений, уроков социального реформаторства 50—70-х гг. и др. Отсюда весьма трудный диалог между компартиями и социал-демократией и острые разногласия между ними во многих странах, особенно во Франции, Италии, Греции, Испании, Португалии и др. А это оборачивается раздробленностью и дезориентацией левых сил, ослабляет их противодействие стратегии «неоконсерватизма» и «неолиберализма».

В ходе социальной и идейной борьбы последних лет существенно видоизменяются отстаиваемые коммунистами программы действий, хотя их разработка сталкивается с немалыми трудностями и далека от завершения. В первую очередь это относится к платформе социально-экономической борьбы в условиях НТР и наступления правых сил. Сделаны лишь первые шаги по определению насущных задач рабочего класса и профсоюзов в борьбе против «неоконсервативных» методов структурной и технологической перестройки, возросшей интенсификации труда, за обеспечение контроля профсоюзов за инвестиционной политикой и технологическими новшествами, созданием гибкой системы переквалификации рабочих и служащих, защитой социальных льгот, за гарантии против увольнений и т. п. Ставке «неоконсерваторов» и предпринимателей на «общество разных скоростей», «двух третей» коммунисты противопоставляют борьбу за занятость, за содержательный труд и использование научно-технического прогресса в целях сокращения продолжительности рабочего дня и гармоничного развития лично-

сти, за совершенствование социальной инфраструктуры, защиту социальных программ, совершенствование и демократизацию системы образования и профессиональной подготовки. В числе наиболее типичных требований коммунистов — борьба за сокращение рабочего дня без уменьшения заработной платы, обеспечение пособиями всех безработных, трудоустройство молодежи и защита права на труд женской части населения. Средства на эти и подобные мероприятия должны, по мнению коммунистов, высвободиться в результате демократических реформ налоговой системы, ограничения прибылей монополий, экспорта капиталов и особенно вывоза прибылей международных монополий.

Коммунисты считают своим долгом бороться против политики денационализации и реприватизации предприятий и учреждений государственного сектора, которую активно проводят английские консерваторы, правые силы Бельгии, ФРГ, Франции и других стран. Они при этом не склонны, подобно социалистам и социал-демократам, к идеализации роли государственного сектора в его современном качестве составной части государственно-монополистической системы. Коммунистические партии выступают за радикальное оздоровление и преодоление неэффективности государственных предприятий и учреждений, ратуют за превращение государственного сектора в флагмана научно-технического прогресса, в кузницу квалифицированных кадров, в важный фактор демократического программирования [1].

Коммунисты выражают серьезную тревогу по поводу того, что объективно прогрессивный процесс интернационализации экономической жизни при наличии диктата со стороны США и нескольких ведущих держав сопряжен с утратой либо ослаблением самостоятельности национальной экономики, а также с прямым демонтажом промышленного потенциала более слабых стран. Вместе с тем по-прежнему среди коммунистов нет единства в отношении к «общему рынку»; с немалыми трудностями сопряжена организация отпора нажиму международных монополий, тем более на принадлежащих им предприятиях деятельности профсоюзов чинятся серьезные препятствия. В последние годы коммунисты более активно, чем прежде, отстаивают требования реконверсии военных отраслей промышленности, сокращения военных расходов,

---

[1] L'Humanité, 1. XII 1986.

ограничения экспорта оружия и т. п. Они выступают за равноправное научно-техническое сотрудничество всех стран и народов, независимо от социального строя.

Существенно видоизменяется и политическая программа действий коммунистов. В качестве альтернативы правому сдвигу в странах Запада коммунисты выдвигают различные варианты демократизации общества, осуждают терроризм, расизм, ксенофобию, обращают внимание на явную деградацию демократических институтов и парламентского строя. Вместе со всеми демократическими и левыми силами они ищут путей возвышения реальной роли представительных учреждений и эффективности исполнительных органов власти, оздоровления политической жизни в центре и на местах, сохранения и расширения производственной и социальной демократии. Отдавая должное новому политическому мышлению, коммунисты ставят вопрос об обеспечении народного суверенитета при решении вопросов войны и мира, выборе стратегии безопасности, отстаивают органическую взаимосвязь борьбы за демократию и социальный прогресс с борьбой против ядерной угрозы.

Коммунистические партии видят свою миссию в том, чтобы, решая вопросы сегодняшнего дня, одновременно прокладывать путь к социалистическим преобразованиям, хотя и считают последние делом будущего. В программных документах большинства коммунистических партий высокоразвитых капиталистических стран подтверждается выработанная ранее концепция перехода к социализму мирным путем, в виде длительного процесса постепенных преобразований всех сфер жизни. Продолжается разработка концепции самоуправляющегося социализма коммунистами Франции, Бельгии. По-прежнему актуальным остается вопрос о взаимосвязи демократии и социализма, о путях «разрыва с капитализмом».

Не секрет, что тема «революции в странах Запада», перехода к социализму в условиях высокоразвитого капитализма в серьезной мере дискредитирована политическими спекуляциями противников и критиков ленинизма, их рассуждениями о «неприменимости» опыта Великого Октября в условиях Запада, о существовании двух якобы различных ветвей марксизма — «западного» и «восточного», о различных «моделях» революции — в «центре» и на «периферии», в «сильном» и «слабом» звеньях империализма, о необходимости «дистанцирования» от реального

социализма, особой революционной миссии стран Западной Европы по сравнению с социалистическими странами и антиимпериалистическими движениями. С подобной интерпретацией специфики перехода от капитализма к социализму в странах Запада полемизируют многие марксисты. Тем не менее очевидно, что эта проблема существует. Многие процессы в зоне развитого капитализма выходят за пределы теоретических представлений Маркса, Энгельса, Ленина о социалистической революции и ее задачах, они не стояли на повестке дня ни в одной из стран, вставших на социалистический путь развития.

Не случайно в ходе дискуссий о социалистической перспективе коммунисты поднимают вопрос о том, что альтернативные капитализму проекты социалистического общества должны соответствовать потребностям грядущего XXI столетия, учитывать значительно обогащенные благодаря опыту социализма и общественному прогрессу идущего к концу столетия социальные чаяния народных масс и насущные потребности современного мира.

Возможность практического осуществления социалистических преобразований — дело будущего и зависит от многих факторов. Она в немалой степени определяется способностью социалистических стран «полнее использовать преимущества нового общественного строя для ускорения научно-технического, экономического и социального прогресса, обогатить новыми гранями социалистический образ жизни», дать ответ на вызов времени. От того, насколько успешно будут решены эти задачи, подчеркивал в выступлении на XI съезде Социалистической единой партии Германии Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев, в решающей степени будет зависеть притягательность социализма, укрепление его позиций на международной арене[1]. Отсюда тот пристальный интерес, который проявляют коммунисты и другие прогрессивные силы капиталистических стран к ходу перестройки и демократизации в СССР, к процессам, происходящим в других социалистических странах.

В то же время судьбы общественного прогресса, мира, цивилизации зависят и от того, сумеют ли левые силы в зоне развитого капитализма парализовать исходящие от правящих кругов реакционные импульсы и, преодолев трудности переломного периода, сказать веское слово в определении путей общественного развития.

---

[1] См.: *Горбачев М. С.* Избранные речи и статьи, т. 3, с. 362.

3. МАССОВЫЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ: СОВРЕМЕННЫЙ ОБЛИК И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

В 70-е гг. стало очевидным, что массовые демократические движения, прежде всего антивоенное и экологическое, превратились во влиятельный и неустранимый фактор общественно-политической жизни несоциалистического мира. В некоторых странах эти движения оформились в партии — «зеленых» и так называемые партии мира, нарушив тем самым традиционный баланс политических сил. Наряду с деятельностью в новом статусе политических партий продолжались массовые (и немассовые, локальные) выступления, в ходе которых постепенно прояснялся социально-политический облик этого нового субъекта гражданской активности, складывались и подвергались апробации самостоятельные формы борьбы (например, гражданские инициативы), зарождались традиции, укорененные в фактах еще недавней истории (например, ежегодные антивоенные демонстрации, приуроченные к 12 декабря в знак протеста против решения о довооружении НАТО, принятого 12 декабря 1979 г.). В течение 80-х гг. сформировалась *новая политическая субкультура,* охватывающая в основном перегруппированный и расширенный за счет вовлечения ранее пассивных социальных групп левый фланг политического спектра, но принципиально «открытая» для всех других политических сил. Особенность этой субкультуры состоит в том, что она функционирует как *оппозиционная* по отношению к истеблишменту и как *альтернативная* по отношению к традиционным левым организациям, прежде всего рабочим партиям и профсоюзам, рассматривая в то же время все наличные политические группировки как возможных партнеров для союзов и совместных действий.

Уже сейчас можно констатировать основной парадокс, связанный с феноменом новых социальных движе-

ний: их беспрецедентный размах (альтернативные и экологическое движения являются самыми массовыми за всю послевоенную историю) и практически нулевой результат в достижении политических целей, ибо ни экологистам, ни сторонникам мира не удалось пока решить те задачи, которые они ставили. Гораздо успешнее в этом смысле гражданские инициативы, действующие в локальных масштабах и ориентированные на «технологию малых дел».

Специфическая «деполитизированная ангажированность» массовых демократических движений, их стремление опираться на силы и механизмы гражданского общества, отсутствие стабильных организационных структур («зеленые», например, называют себя «антипартийной партией») и руководящих органов существенно снижают их эффективность на арене политической борьбы. «Модель», в соответствии с которой происходит их конституирование в самостоятельную политическую силу, выступает как антипод формам организации рабочего движения: сплоченная партия, дисциплинарные обязательства, идеологический консенсус, наделенное полномочиями руководство отвергаются сторонниками новых социальных движений. Такого рода организационные принципы задают, по их мнению, парадигму «развития сверху», превращают широкие массы в объект манипулирования со стороны партийной элиты. Вместо этого они провозглашают спонтанность, «ценностный консенсус» и «базовую демократию», причем эти понятия определяются не столько в теоретическом плане, сколько в контексте практических задач движения. Для успеха «малых дел» и решения локальных задач движения это не является препятствием, но укрупнение масштаба деятельности высвечивает противоречия, негативные тенденции и тупиковые направления их эволюции, обнаруживает опасности, неизбежно связанные с популистским характером протеста, ставит ряд новых проблем и задач теоретического и практического характера, от решения которых во многом зависит перспектива этих движений.

Теоретическая оценка объективной роли новых социальных движений как одной из главных движущих сил современного общественного развития, предложенная во второй половине 80-х гг., придала новый импульс дискуссиям о содержательном и типологическом соотношении массовых демократических и рабочего движений —

ключевой проблемы союзнической политики рабочего класса. Параллельно шел активный поиск вариантов решения практической задачи — налаживания сотрудничества, политического взаимодействия между рабочим и массовыми социальными движениями, между партиями рабочего класса и такими новыми политическими формированиями, как, например, «зеленые». Однако, за немногими исключениями, добиться сколь-нибудь устойчивого успеха в этом направлении к исходу нынешнего десятилетия все еще не удалось.

Новые социальные движения остаются и функционируют в рамках политического контекста как самостоятельная сила, взаимодействуя с рабочим движением на основе равного для всех принципа «открытости», но без какой-либо специальной стратегии союзов, основанной на общности позиций. Малая эффективность чисто политических действий не всегда является для них весомым аргументом в пользу необходимости «протянуть руку» рабочему движению. Утопическая установка на «преобразование сознания» в сочетании с понятными опасениями потерять свое «политическое лицо» при тесном взаимодействии с более многоопытным и сильным союзником выступает как приоритетная по отношению к политической сфере.

* * *

Массовый демократический протест 80-х гг. в странах Запада — явление гораздо более масштабное и противоречивое, чем сходные движения в начале и середине нашего столетия. Причина этого — в качественно ином состоянии мира, в тех переменах, которые происходят в структуре буржуазного общества в эпоху его кризиса и попыток адаптации к условиям и требованиям научно-технической революции, в особенностях взаимосвязи объективных и субъективных, интернациональных и национальных факторов развития, в специфике отношений индивида и общества на исходе XX в.

За 20 лет, истекших после бурного 1968 г., общество впитало и переработало многое из того, за что боролись молодые бунтари 60-х гг. Сейчас перед преемниками их демократической традиции стоят другие задачи и, что еще более существенно, другие противники, хотя на первый взгляд может показаться, что по-прежнему важно бороться с предрассудками и инерцией массового сознания: в 60-е гг. главными вопросами борьбы были автори-

тарное воспитание, ханжеская сексуальная мораль, идеологическое манипулирование личностью; в 80-е гг.— экология, проблемы войны и мира, установление нового мирового экономического порядка. Можно констатировать парадоксальную ситуацию: адресатом *политически* ангажированного движения 60-х гг. являлось, по сути дела, *гражданское общество;* адресатом *деполитизированных* массовых демократических движений протеста 80-х гг. объективно являются национальные и международные политические инстанции и институты. Враждебное отношение к политике как рациональному механизму разрешения социальных конфликтов, ориентация на базисные формы протеста, несмотря на весь их демократический потенциал, существенно снижают эффективность массовых социальных движений. Многие особенности движений обусловлены и тем, что в них, с одной стороны, пересеклась логика развития социально-политически и идейно разнородных течений, а с другой — выявились не только общие, но и специфические для каждого из них потребности дальнейшей эволюции.

Хотя многие из новых социальных движений не без основания относят к разряду «движений одного вопроса», на решение которого по преимуществу нацелена активность участников, более внимательный анализ показывает, что внутреннее содержание этих движений не исчерпывается протестом против отдельных негативных сторон современного буржуазного общества. Они несут в себе огромный потенциал критики буржуазной цивилизации в целом, выступают с претензией на масштабный поиск гуманистической альтернативы реалиям современного капитализма прежде всего с целью исключить войну и насилие как способ разрешения международных конфликтов.

По своим конечным целям преобразовательный потенциал новых социальных движений является радикальным. Если отвлечься от некоторых нетипичных доктрин и требований, то он нацелен на ненасильственную замену ныне существующего общественного порядка качественно иным утопическим социумом: без диктатуры какого-либо класса, без представительной демократии, без государственного аппарата, т. е. *децентрализованной коммунитарной общностью свободных граждан,* обеспечивающих свои потребности добровольным трудом и решающих все проблемы посредством локального самоуправления.

Характерно, что ведущие социологи на Западе усматривают в данных движениях продукт всеобщего и глубинного кризиса, затронувшего самые основы социальной жизни. Признавая этот кризис, они тем не менее не расценивают его как угрозу существованию западной цивилизации или симптом ее краха. Идеологи новых социальных движений считают капиталистическую общественную систему способной к радикальной трансформации и претендуют на то, чтобы контролировать этот процесс. Современный период рассматривается ими как переходный. Впрочем, не только они, но и теоретики практически всех других направлений признают, что мир переживает процесс рождения основ новой цивилизации. Говорится о «смене предмета истории» (Р. Дарендорф), о развертывании «второй культурной революции», в ходе которой «идея станет решающей материальной силой» (Р. Баро), о начале «нового цикла» истории Запада, основанного на формировании «постиндустриальных социально-экономических структур и ценностей», носителями которых являются представители «нового класса», возглавляемого группой «враждебных интеллектуалов» (Д. Белл) [1].

Рассматривая новые социальные движения, исследователи отмечают их высокий интеллектуальный потенциал, враждебность экономической, политической и культурной системе буржуазного общества, заинтересованность в глубоких переменах, обращение к глобальной проблематике (борьба за мир, экология, новый мировой экономический порядок, эмансипация женщин и национальных меньшинств и т. д.), ориентацию на «постматериальные ценности». К этому, как правило, добавляются стремление к разрыву с традиционной системой партийного представительства, отрицание институциональных форм, желание возродить анархистскую традицию, например, идеи базисной демократии и прямого политического участия. Эти и другие требования расцениваются идеологами новых движений не только как программа, но и как способ «самовыражения» нового исторического

---

[1] Некоторые влиятельные неоконсервативные теоретики, в основном американские, приписывают западной интеллигенции наличие «субверсивного замысла», направленного против капиталистической системы, ибо критика и обличение этой системы являются «главным делом их жизни». Об этом пишут М. Новак, Р. Нисбет, П. Джонсон (одна из работ последнего даже озаглавлена «Враги общества»).

субъекта, выступающего в качестве их носителя. Таким субъектом, согласно мнению большинства исследователей, являются *средние слои,* которые благодаря своей количественной экспансии обрели новое социальное качество.

Данные оценки фиксируют весьма существенные черты этих движений, верно «ухватывают» то, что «лежит на поверхности» нового социального феномена. Но все же они остаются скорее теоретическими предпосылками, чем результатом исследования, поскольку не раскрывают причинно-следственные связи между кризисными процессами и переменами в общественной жизни современного капитализма, сдвигами в массовом сознании, в системе социальных ценностей и новыми по характеру и формам выражения требованиями массового демократического протеста.

Новые социальные движения развиваются в условиях структурной перестройки и модернизации экономики, когда интенсивно внедряется новейшая технология, формируются новые центры производственной активности и ликвидируются целые отрасли производства, переживают упадок многие промышленные регионы, в массовых масштабах обесцениваются трудовые навыки многих профессиональных групп, получает распространение массовая безработица, свертываются социальные программы и нарастают военные расходы, понижается реальная заработная плата. Экономическую и социальную неуверенность испытывают многие слои населения. Надежды, возлагаемые на будущую «технотронную цивилизацию», не могут ослабить очевидных негативных тенденций происходящих перемен: ухудшения природных и общественных условий жизни, появления возможностей большего контроля и регламентирования поведения огромных масс людей, усиления авторитаризма.

В последние десятилетия трансформируются содержание и механизмы взаимодействия основных структурных компонентов, определяющих массовое сознание и общественно-политическую активность населения развитых капиталистических стран. Существенные сдвиги происходят в потребностях, ценностных ориентациях, установках, интересах и мотивах деятельности различных социальных групп. Меняется образ мышления, восприятие окружающей социальной действительности, и, как следствие, формируются новые модели политического поведения.

8 Заказ 3891

И хотя нарастающие с середины 70-х гг. экономические трудности наложили свой отпечаток на эти процессы, а перестройка массового сознания вступила в фазу частичной «стагнации» (но не отката), хотя в некоторых кругах западного общества усилилась тяга к «стабильности» — экономической и социальной,— сопровождающаяся развитием «охранительных» тенденций, масштабы происшедших перемен в содержании и структуре ценностей таковы, что позволяют вспомнить слова Гегеля: «Великим, бросающимся в глаза революциям должна предшествовать тихая, скрытая революция, совершающаяся в самом духе века, революция незримая для взора каждого, наименее доступная для наблюдения современников, столь же трудно выразимая в словах, сколь и трудно постижимая» [1].

Отличительными чертами складывающейся новой системы ценностей являются ориентация на качественные, содержательные аспекты жизни, отказ от потребительского отношения к окружающему миру. Разумеется, такого рода ценностные устремления не новы. Но их интенсивный рост «вширь», формирование в систему, противостоящую господствующей в обществе, их превращение в мотивации, определяющие поведение и деятельность значительных масс населения,— явление, несомненно, новое.

Социально-психологический облик носителей «нового сознания» характеризуют озабоченность сложившейся в мире и обществе ситуацией, повышенные жизненные притязания, неудовлетворенность своим общественным положением, критическая оценка деятельности государственных институтов, отрицание необходимости и возможности посреднической функции партий по представительству их интересов и потребностей на политическом уровне. Растущая несовместимость новых ценностей со старыми формами представительства и принятия решений сказывается в ослаблении, размывании партийной идентификации тех групп населения, которые осознают свою возросшую способность к самостоятельной политической деятельности и готовы к личному участию в решении общественных проблем. Существенно и то, что, по свидетельству западных исследователей, на данном этапе главным постматериальным фактором стала оппозиция к войне — наряду с оппозицией к иерархически авторитарной модели индустриального общества.

---

[1] *Гегель Г.* Работы разных лет. М., 1970, т. 1, с. 183—184.

* * *

Возникновение новых ценностных ориентаций отражает объективные изменения в социально-классовой композиции общества и — более опосредованно — в совокупном общественном труде и структуре общественного производства. По мере развертывания НТР в структуре общественного производства капиталистических стран произошли сдвиги в соотношении материального и духовного его секторов, особое место заняли те сферы, в которых обеспечивается расширенное воспроизводство социальных и духовных предпосылок труда. Подчинение развития этих областей деятельности отношениям наемный труд — капитал, происходящее при активном, подчас решающем, участии государства, означало углубление процесса пролетаризации, вовлечение в него новых слоев населения. Все это привело к расширению зоны классовых противоречий.

Нарастающее вмешательство государства в общественную жизнь, усиление процессов централизации и «огосударствления» общества имеют двоякие последствия. С одной стороны, социальные конфликты приобретают популистский характер — форму противоречия между «народом» и «государством». С другой — в качестве ответной реакции возникают «антиэтатистские» тенденции в массовом сознании, в том числе анархистского толка.

«Народ» в современном буржуазном обществе имеет качественно иные характеристики, чем в эпоху, предшествовавшую НТР: он представлен прежде всего наемными трудящимися, в составе которых ведущую роль стали играть работники нефизического, умственного труда — инженерно-технический персонал, интеллигенция, различного рода служащие. В качестве субъектов всеобщего (опосредованного) труда они обособлены и противопоставлены участникам предметно-производственной деятельности. Но одновременно под воздействием НТР впервые возникают и предпосылки «снятия» этого противопоставления: процесс дифференциации сопровождается усилением объективных взаимосвязей особых видов труда в рамках общественного производства, превращением новых групп наемных работников в составную часть совокупной рабочей силы — производительной силы общества. Однако в плане социально-политической и социально-психологической самоидентификации это превращение новых групп наемного труда в составную часть рабочего

класса отмечено особой сложностью и неравномерностью.

Усложнение и противоречивость внутренних структур совокупного общественного труда проявляются в социальной сфере в групповых социально-культурных различиях, в образе жизни, стереотипах поведения, уровне образования и материального обеспечения. Эти различия переживаются как конкретный жизненный опыт. В результате популистское противостояние правящих кругов и гражданской оппозиции дополняется противостоянием различных оппозиционных групп, выдвигающих репрезентативные модели и программы. Возникает своего рода «политический рынок», где конкуренция между сторонниками различных моделей развития может оказаться острее и болезненнее, чем конфликт между гражданским обществом и центральным правительством. Например, периодически обостряются разногласия между консервативно-националистическими группами оппозиции и либерально-прогрессистскими, возникающие, как правило, в такие моменты, когда особенно необходимо объединить усилия в борьбе за демократизацию и либерализацию.

Из наличия совокупности противоречий напрашивается вывод: объективный процесс углубления классовой поляризации отнюдь не всегда однозначно влечет за собой соответствующую поляризацию в системе общественных конфликтов. «Поликонфликтность» социальной системы как бы создает «равное напряжение» во всех ее точках, а это ведет к стабилизации, к исчезновению «слабого звена», «точек прорыва». В этом же направлении действует тот факт, что большой объем конфликтов институционализирован, т. е. разрешается на легитимной основе.

Система социально-культурных конфликтов усложняется влиянием глобальных, в том числе транснациональных, факторов, реально воздействующих на жизнь трудящихся масс Запада в условиях, когда производство приобрело международный характер.

Именно на такой комплексной социальной основе, не только национальной, но и мировой, формируются современные потребности масс. Наряду с поиском новых — «человечных», «неотчужденных» — форм труда, отношений между людьми, они направлены на преодоление «кризиса субъективной и природной основы общества», защиту самой жизни на Земле.

Перестройка системы ценностных ориентаций вокруг ценностей духовного порядка возможна при условии достаточно устойчивого удовлетворения материально-экономических потребностей. Этим в значительной мере объясняется, почему представители более образованных и обеспеченных социальных групп приобщаются к «новым» ценностям активнее, чем менее благополучные в социально-экономическом отношении категории трудящихся. «Тяга к иному образу жизни в большей мере характерна для новых средних слоев, особенно гуманитарной и научно-технической интеллигенции, а также для молодых трудящихся, занятых в передовых отраслях производства» [1].

Индивидуалистические интересы, культивируемые частнособственническими отношениями капиталистического общества в сфере производства, вступают в противоречие с объективной тенденцией его обобществления. Отражением этого антагонизма является процесс «частичной солидаризации людей» — формирование массовых общностей ассоциативного типа, возникающих за пределами материального производства на основе ценностных ориентаций, которые противостоят господствующим в буржуазном обществе. Этот усиливающийся поиск общности с другими людьми фиксируют многие социологические опросы [2].

Идеологи новых социальных движений склонны отрицать диалектическую связь материальных и духовных ценностей и стоящих за ними потребностей. «Старые ценности сохраняются как ценности производителя, а новые — выступают как ценности потребителя и досуга»,— пишет один из ведущих теоретиков альтернативного движения Й. Хубер [3]. Но трудовая деятельность и потребление представляют собой две стороны единого процесса общественного воспроизводства и одновременно — наиболее существенные формы жизнедеятельности индивида, которые конституируют его образ жизни. То обстоятельство, что для работников умственного труда эти формы деятельности совпадают с производственной

[1] *Вайнштейн Г. И.* Социально-психологические истоки массовых демократических движений.— Рабочий класс и современный мир, 1986, № 5, с. 64.

[2] *Yankelovich D.* New rules: Searching for self-fullfilment in a world turned upside down. N. Y., 1981, p. 251.

[3] *Huber J.* Am Ende des Regenbogens: Zur Entwicklung der Alternativbewegung.— In: Wohin denn wir: Texte aus der Bewegung. B., 1982, S. 53.

деятельностью, способствуют восприятию противоречий способа производства преимущественно как противоречий образа жизни. Отсюда трактовка производства как производства вообще, а наемного труда — как труда вообще; классовый индивид капиталистического общества рассматривается как человек вообще, представитель человечества. Это обусловлено способностью духовного труда удовлетворять всеобщий интерес, создавать продукт, который имеет общечеловеческую ценность.

Эти представления о производстве как производстве вообще, субъектами которого являются индивиды вообще, люди как существа, созидающие контакты и отношения, как члены общества без всякого различия [1], выражает концепция индустриализма, разрабатываемая идеологами новых социальных движений. Отсюда формирование требований, которые выступают в виде требований труда вообще, а не представителей конкретно-исторического — наемного — вида труда и которые противопоставляют этот труд вообще собственности (присвоению) вообще. Такие требования приобретают форму устремлений отдельного индивида или задачи общества в целом, а не требований определенного слоя или класса. В своей глубинной основе перед нами форма проявления всеобщей тенденции общественного прогресса, отрицания классового эксплуататорского общества и перехода к неформационному развитию, которая, возникнув в конкретных общественно-исторических условиях капитализма, представляет собой утопическую попытку «здесь и сейчас» выйти за пределы объективно возможного. Отдельные группы наемных трудящихся пытаются решить проблему создания новой социальной реальности путем образования локальных очагов нового образа жизни, ячеек новых социальных отношений, что не затрагивает глубинных основ существующего общества.

Как бы то ни было, политическая активизация значительной части масс, качественные изменения в характере выдвигаемых ими требований, ориентация на завоевание возможности непосредственного выражения своих мнений отражают становление в капиталистическом обще-

---

[1] Появление такой специфической и расширяющейся в последние годы социальной категории, как маргиналы, которые, будучи вытеснены из общественного производства (или не будучи включены в него), как раз и выступают в качестве «не-класса», членов общества вообще, служит как бы «материализацией» подобных представлений.

стве принципиально новой «базисно-демократической» политической культуры, ядро которой образуют проблемы расширения демократии, участия, внимания к интересам маргинальных групп и гражданским правам, вопросы экологии и образа жизни, задачи борьбы за мир и ядерную безопасность. В обществе возникают новое «политическое пространство» и новое политическое мышление. Массовые демократические движения являются индикатором этих глубинных перемен, новых процессов и черт в экономической, социальной, политической и духовной жизни стран Запада. «Мы находимся перед лицом больших социальных и культурных перемен, в ходе которых феномены пассивности и отхода от политики переплетаются с новым опытом политических действий и объединений, феномены политического и идеологического проникновения правых в традиционно левый электорат соседствуют с конструктивными стремлениями по-новому определить ценности социализма и «включить» новые ценности в платформы левых» [1].

Но пока «левые силы с опозданием делают необходимые политические выводы из изменений в обществе и новых форм протеста», причем речь идет «об отставании не только в аналитической работе, но и по сравнению с «реальным движением» масс» [2].

* * *

Видеть и учитывать те силы и факторы, которые взаимодействуют с массовыми демократическими движениями в социально-политической сфере, так же важно, как и правильно оценивать сами эти движения.

Новые социальные движения не исходят в своей стратегии из образа врага. Все силы, действующие в обществе, они расценивают как данный исторический контекст, как возможных партнеров и оппонентов, а не как «своих» и «чужих», «друзей» и «врагов». Никто не отвергается в качестве возможных союзников, никакие предварительные условия для совместных действий в тактических ситуациях не выдвигаются. Предпосылкой данной позиции является не только лояльность и «беспартийность» массовых демократических движений, но

---

[1] *Napolitano G.* Die Grenzen überwinden: Die PCI, die Sozialdemokratie und die Zukunft der Linken in Europa.— Neue Gesellschaft. Bonn, 1985, N 1, S. 56.

[2] *Ренар К.* Творчество революционных масс.— Проблемы мира и социализма, 1987, № 6, с. 15.

и качественные изменения самого политического контекста; идейно-теоретические «водоразделы» между левым и правым лагерями оказались смещенными, обмен ценностями и оценками между консерваторами и либералами достиг такой степени, что исследователи нередко констатируют: неоконсерватизм и неолиберализм почти неразличимы в теории, либерал отличается от консерватора лишь своей психологией и поведением. «Новая волна» массовых демократических движений прокатывается по политическому ландшафту, где подчас остались лишь обломки от «крепостей» и «пограничных барьеров», некогда разделявших политические лагери.

В совокупности данные обстоятельства придают массовым демократическим движениям противоречивый характер и в сфере идеологии, и в сфере политической тактики. Новые социальные движения несут в себе романтику планетарного всеединства, утопию общечеловеческого братства, но им присущи «новый прагматизм» в проведении конкретной политики. Не связанные с определенным классом, не ограниченные ни обязательной для всех теорией, ни организационными структурами, ни программно-тактическими обязательствами, они оказываются предельно «открытыми» для сотрудничества с любыми политическими силами при решении ближайших тактических задач. Теоретические разногласия при этом в расчет не принимаются. Условием совместных действий выступает ценностный консенсус, а не теоретический и организационно-дисциплинарный конформизм.

Этот прагматизм не опровергает моральную риторику массовых демократических движений вследствие их отказа от борьбы за власть и открытости высказываний как о самих себе, так и о тех, кто в данный момент является мишенью для критики. Составляющие основную массу этих движений представители новых средних слоев — образованные, наделенные способностью к рефлексии и к самостоятельному выражению собственных политических позиций — стремятся участвовать в политической жизни не только как члены социальных групп, но и в качестве независимых индивидов. В силу этой фундаментальной интенции и всеобщности новые социальные движения не приемлют классовую ангажированность любого толка, но одновременно и «перекрывают» ее, включая в себя в снятом виде классовые интересы как разновидность партикулярных человеческих интересов.

Обращаясь к рассмотрению новых социальных движений, нужно учитывать все их реальные особенности: искреннюю преданность общечеловеческим гуманистическим ценностям, разочарование в наличных политических институтах и структурах (включая левые партии и идеологии), ориентацию на спонтанность и независимость, нежелание участвовать в «крысиных бегах» борьбы за власть, открытость и готовность к союзу с любыми политическими силами, разделяющими их ценности,— хотя бы на время, на небольшом отрезке общего пути. В то же время эмоциональность и идейный вакуум (санкционированный их теоретиками, но все же создающий дискомфорт) делают эти движения уязвимыми для манипулирования со стороны властолюбивых политических профессионалов — именно тех, на кого обращен их гнев.

Противоречивость этих движений находит свое выражение и в том, что критическое отношение к «старому» политическому истеблишменту, замешанное на представлении о его неспособности к действительным переменам, ненависть к нынешнему «политическому клиру», обслуживающему систему партийного представительства в рамках буржуазно-демократического государства, они распространяют и на рабочее движение, на все его политические течения. Конфронтация с рабочим движением, противопоставление ему себя в качестве «третьей» силы заложены в самом факте возникновения новых социальных движений. Протест против традиционной левой политической культуры в гораздо большей степени определяет их «политическое лицо», конституирует их как самостоятельный феномен, чем ярко выраженная антибуржуазность. Их «самость» определяется именно той «другой альтернативой», которую они выдвигают в противовес рабочему движению, чью «старую» революционную альтернативу они отвергают как несостоятельную.

Идеологи и участники новых социальных движений отвергают основополагающие принципы теории и практики международного рабочего движения: борьба за интересы рабочего класса для них — «устаревший фронт борьбы», всемирно-историческая миссия пролетариата — «иллюзия», партии — негодный инструмент социальных преобразований, ибо они «устали от самих себя» (П. Келли), революционные изменения не должны носить насильственного характера и вести к предопределенной

цели: «История всегда остается открытой и непознанной»[1] и т. п. Этот перечень можно продолжить, ибо у теоретиков новых социальных движений имеются многообразные варианты «альтернатив» и классическому, и реформированному, и «догматизированному» марксизму. Хотя по многим пунктам представители рабочего класса поддерживают новые социальные движения и активно в них участвуют, их роль в рамках этих движений существенно иная, нежели в рядах рабочего движения. Здесь они отстаивают уже не столько классовые, сколько общедемократические и общечеловеческие интересы.

Новые социальные движения «открыты» для контактов и сотрудничества с коммунистами, а огромные резервы в области базиса превращают их в перспективного партнера, за счет которого можно существенно расширить свой электорат без ущерба для самих массовых движений. Выдвигаемые ими цели в принципе совпадают с конечными целями рабочего движения и его идеалом гармоничного и справедливого общества будущего, образ которого присутствует в социалистической идеологии.

В общедемократической борьбе важно учитывать не только и не столько *различия* интересов участвующих в ней социально-классовых сил, сколько то, что они *сходятся* на известных, определенных, хотя и ограниченных, но общих задачах[2]. Общей идеей, объединяющей рабочее и новые социальные движения, является убеждение в необходимости *радикальной трансформации* социальной основы общества. Глубина конфликтов, порожденных развитием капитализма, отсутствие адекватных механизмов их разрешения и катастрофический характер их последствий дают основание для вывода о невозможности их преодоления посредством реформ. Сторонники и идеологи новых социальных движений говорят о надвигающейся революции, основанной на росте сознания и на популистском протесте против всех форм угнетения. По сути дела, речь идет о стремлении к иному типу участия в функционировании буржуазной социальной системы, к перестройке этой системы путем введения в нее новых векторов движения и целевых установок. Теоретики этих движений расценивают такое стремление как революционное. Альтернативные модели решения совре-

---

[1] *Dahrendorf R.* Konflikt und Freiheit: Auf dem Weg zur Dienstklassengesellschaft. München, 1972, S. 77.

[2] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 15, с. 276.

менных проблем действительно не укладываются в приемлемые для существующего государственного механизма схемы.

Однако в отличие от революционных концепций «новой левой» 60-х гг., а также от классической революционной стратегии международного рабочего движения теоретики «новой революции» отвергают *насилие* как средство ее осуществления, *партии* — как организационную форму политического протеста и *идеологию* как форму социально-политического целеполагания. Не экспроприация собственности и политической власти, а установление «нового стиля жизни» и нового мирового порядка, основанных на «постматериальных» ценностях,— вот цель этих устремлений. «То, что кипит в современном обществе,— это революция снизу, мятеж подавляющего большинства против тех, кто лишил это большинство права на ответственность, за легитимацию здравого смысла, за ценность простого человека, которую многие теоретики давно потеряли из виду» [1].

Стремление «снизу» влиять на политику далеко не всегда означает отказ от традиционных форм борьбы политической, скорее речь идет о поиске наиболее эффективных каналов воздействия. Значительная часть сторонников альтернативных движений не отрицает таких способов политического волеизъявления масс, как участие в выборах, работа в профсоюзах, деятельность в партии. И все же подавляющее большинство отдает предпочтение сотрудничеству в гражданских инициативах или группах самопомощи.

Многие западные исследователи именно в росте групп гражданских инициатив усматривают «новый политический стиль развития индустриальных обществ, равно как и существование непредставленных политических интересов» [2]. Они отмечают, что выступления в рамках той или иной гражданской инициативы поднимают «общий тонус» социальной активности и побуждают к участию в других гражданских инициативах. При этом подчеркивается, что особое место в структуре гражданских инициатив занимают «пацифистские группы, образующие самую густую сеть среди базовых групп внепарламентской оппозиции» и противопоставляющие милитаризации

---

[1] *Damman E.* Revolution in the Affluent Society. L., 1984, p. 12.
[2] Electoral Change in Advanced Industrial Demokraties: Realignment or Dealignment. Princeton, 1984, p. 131.

и гонке вооружений «конструктивные представления об общей политике мира и фундаментальную демократическую концепцию социальной обороны» [1].

Очевидно, что значение новых движений заключается не в успехах или неудачах отдельных акций гражданского протеста; важен сам по себе процесс «самоконституирования», самогенерирования гражданской активности, степень воздействия на формирование социокультурных ориентаций масс, стереотипов социального действия в долгосрочной перспективе. Так, развитие антивоенного движения отражает рост гражданской ответственности широких масс населения за судьбы своей страны, за будущее человечества, за историю. В свою очередь оно стимулирует процесс усвоения массами капиталистических стран новых политических, идеологических и ценностных ориентиров, формирования нового мышления, отвечающего требованиям эпохи утверждения человечества в качестве единого, хотя и противоречивого целого, оказавшегося перед лицом требующих скорейшего решения глобальных проблем.

Для коммунистов сотрудничество с массовыми демократическими движениями имеет ценность не только как способ расширения электоральной базы. Комплекс проблем, находящихся в центре внимания этих движений, имеет не только актуальный, но и перспективный характер. Для компартий эти движения могут выступать в роли своеобразного «барометра», «системы раннего предупреждения», «учебного макета», с помощью которого можно судить о возникновении новых задач и явлений, о тенденциях в развитии настроений, организационных форм и теоретических ориентаций. Более того, они являются генератором новых демократических идей, разработка которых способна обогатить теоретический арсенал компартий.

Современная историческая обстановка требует новых подходов, способов и форм решения национальных и общемировых проблем. Она обязывает к поиску механизмов равноправного международного сотрудничества, конструктивного взаимодействия стран в масштабах всей планеты, с одной стороны, преодоления противоречий, которые разделяют социальные движения, стремящиеся к прогрессивным переменам,— с другой. Подчинение за-

---

[1] *Evert T.* Ziviles Ungehorsam von der APO zur Friedensbewegung. Waldkirch, 1984, S. 98.

дач максимизации экономической эффективности социальным целям и требованиям экологической безопасности является таким же императивом современного развития, как и создание безъядерного и ненасильственного мира. Движение по этому пути требует нового мышления и новой политики, достойных человека, стоящего на пороге 2000 г.

Возможности становления такого мышления, означающего качественный скачок в историческом процессе возвышения интеллектуального начала, имеют материальную основу, коренятся в *общественном бытии* современного мира, опираются на тот *общий интерес,* который, говоря словами К. Маркса, существует в действительности в качестве взаимной зависимости индивидов, на ту роль, которую уже сегодня играет познавательно-теоретическая деятельность, наука, в структуре совокупного общественного труда и общественного сознания. Новое политическое мышление и новая политика не могут быть продуктом абстрактного теоретизирования. Они вырастают и реализуются в практическом действии, через соединение идеалов реального гуманизма и демократических устремлений масс, через объединение усилий всех тех, кто несет ответственность за историю, борется за предотвращение ядерного катаклизма, за осуществление общечеловеческих интересов.

4. СТРАНЫ ВОСТОКА: ИСТОРИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ

Революционное движение в Азии, Африке и Латинской Америке явилось результатом и показателем растущей всемирности исторического развития. Это обстоятельство в полной мере оценили еще основоположники марксизма-ленинизма, особенно В. И. Ленин, который был современником великого пробуждения Азии в начале XX в. Он всегда рассматривал национально-освободительную борьбу в колониях и зависимых странах как составное звено мирового революционного процесса. Необратимый кризис мирового империализма, обусловленный прежде всего социалистическим движением пролетариата в развитых странах, равно как и решимость народов сбросить с себя иго чужеземного угнетения,— вот что вызвало к жизни революционное брожение на бывшей мировой «периферии». Особое значение Ленин придавал Октябрьской революции, благодаря которой Восток «окончательно втянулся в общий круговорот всемирного революционного движения» [1]. Он говорил о новой полосе мировой истории, в которой движение социалистического пролетариата в развитых странах и национально-освободительная борьба угнетенных народов оказываются взаимосвязанными: первое не только воздействует на вторую, но и испытывает на себе ее «обратное отражение».

Это взаимодействие, а также общность основных объективных задач революционной борьбы (антифеодальные, буржуазно-демократические и антиимпериалистические преобразования), которые вставали перед освобождающимися народами на различных стадиях исторического развития, обусловливали, по Ленину, универсальные черты революционного процесса в зоне национально-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 403.

освободительного движения. И вместе с тем для Ленина было несомненным *своеобразие* революционных движений в колониальных и зависимых странах. Эта специфика проступала уже в ленинской характеристике Октябрьской революции: «...Россия, стоящая на границе стран цивилизованных и стран, впервые... окончательно втягиваемых в цивилизацию, стран всего Востока, стран внеевропейских... могла и должна была явить некоторые своеобразия, лежащие, конечно, по общей линии мирового развития, но отличающие ее революцию от всех предыдущих западноевропейских стран и вносящие некоторые частичные новшества при переходе к странам восточным» [1]. «Пограничное» положение России, относительная неразвитость российского капитализма, вместе с тем острота социальных противоречий в стране и политическая активность рабочего класса привели к тому, что Россия оказалась «слабым звеном» в цепи мирового капитализма, пролетарское движение слилось здесь с общедемократическим, крестьянским и возглавило последнее.

Своеобразие же Востока (и развивающихся стран в целом) — в том числе и по сравнению с Россией — оказывается более глубоким, поскольку революционный процесс протекает здесь в условиях большей исторической отсталости, добавляются новые, антиколониальный и антиимпериалистический аспекты, поскольку революционный подъем возникает на общедемократическом уровне и оказывается сопряженным с более высокими задачами революционной борьбы и идеологии, достигнутыми в развитых странах. Отсюда новые, не известные ранее комбинации общественных сил. Отсюда и кардинальной важности ленинский тезис о том, что «дальнейшие революции в неизмеримо более богатых населением и неизмеримо более отличающихся разнообразием социальных условий странах Востока будут преподносить... несомненно, больше своеобразия, чем русская революция» [2].

Некоторые черты этого своеобразия были отмечены самим В. И. Лениным. Он констатировал живучесть традиционных общественных структур, пережитков средневековья на Востоке, которые неизбежно должны накладывать отпечаток на характер освободительной борьбы.

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 379.
[2] Там же, с. 381.

Он говорил о неизбежном подъеме национализма в колониальных и зависимых странах, который «имеет историческое оправдание» и вместе с тем уходит корнями в «патриархальность и захолустность»[1]. Ленин указывал также на *особую* роль крестьянства в революционных движениях на Востоке и в связи с этим — на возможность распространения там идейных течений народнического (популистского) типа, сочетающих антифеодальную и антикапиталистическую направленность[2]. Эта инерция отталкивания от «буржуазности» (отождествляемой с колониальным господством), усиленная воздействием международного коммунистического движения в развитых странах, примера социалистических революций, ведет к тому, что освободительное движение в странах Востока, «первоначально направленное на национальное освобождение, обратится против капитализма и империализма»[3]. Исходя из этого, Ленин сформулировал на II конгрессе Коминтерна важнейший тезис о возможности для народов Востока некапиталистического типа развития, минующего буржуазную фазу и создающего предпосылки для последующего перехода к социализму, поскольку на новом историческом этапе происходит взаимодействие национально-освободительного и пролетарско-социалистического движений[4].

С тех пор прошло более полувека. Сегодня мы можем сказать, что история развивалась «по Ленину» — не только в смысле реализации увиденных им генеральных тенденций революционного процесса в зоне национально-освободительного движения, но и в плане все большего выявления его специфики, качественных особенностей, порой непредсказуемости тех или иных его поворотов. Несомненно: линия социально-политического радикализма в борьбе освобождающихся народов в общем и целом шла вверх — от разлома мировой колониальной системы (40—50-е гг.), выделения на рубеже 50—60-х гг. группы развивающихся стран социалистической ориентации (Алжир, Бирма, Гана и др.) до образования в 70-х гг. в некоторых молодых государствах авангардных партий трудящихся, руководствующихся принципами марксиз-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 330; т. 41, с. 168.

[2] См. там же, т. 41, с. 243, 244. Подробнее об этом см.: *Хорос В. Г.* Идейные течения народнического типа в развивающихся странах. М., 1980.

[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 38.

[4] См. там же, т. 41, с. 245—246.

ма-ленинизма. Кроме того, еще ранее ряд стран в Азии и Латинской Америке стали на путь строительства социализма (Монголия, Китай, Северная Корея, Вьетнам, Лаос, Куба). Точно также бесспорно, что постоянными доминантами национально-освободительного движения были конфронтация с империализмом, союз с мировой системой социализма, с международным коммунистическим движением. И вместе с тем в развивающемся мире имели место полпотовщина, захлебнувшаяся в исламском традиционализме иранская революция, отход некоторых прогрессивных режимов (Египет, Гана и др.) от социалистической ориентации, сменяющие друг друга бесплодные, псевдорадикальные военные диктатуры.

Ныне этап борьбы за национальное освобождение в основном завершен (за исключением Юга Африки и некоторых других территорий). Однако революционный процесс в развивающемся мире продолжается. Молодыми государствами еще далеко не решены задачи экономического освобождения от империализма и неоколониализма; в них существуют и даже нарастают острые социальные проблемы, порожденные как наследием колониального прошлого, так и периодом независимого развития. В странах социалистической ориентации идет борьба за реализацию программ некапиталистического развития, за углубление социально-экономических и политических преобразований, за переход к строительству социалистического общества. Этот процесс сопряжен с многочисленными трудностями, приводящими порой к замедлениям движения и даже поражениям революционных сил. В развивающихся странах, взявших курс на буржуазный путь развития, общественная борьба идет в разных направлениях: и по линии противостояния империализму, обеспечения независимого национального развития (на буржуазной основе); и против собственной буржуазии, за расширение социальной справедливости и политической демократии.

Думается, что сегодня ленинское положение о своеобразии революционного процесса на бывшей мировой «периферии» не только не утратило своей ценности и актуальности, но и нуждается в дальнейшем раскрытии на основе последующего исторического опыта. Это необходимо, во-первых, для того, чтобы не «спрямлять» (как это порой встречается в работах некоторых марксистских авторов) наше понимание национально-освободитель-

ных революций по меркам и категориям, выработанным на материале развитых стран. Во-вторых, для того, чтобы лучше уяснить те специфические противоречия, зигзаги и даже тупики, с которыми встречаются революционные силы в Азии, Африке и Латинской Америке и которые, может быть, на современном этапе общественного развития освободившихся государств проступают особенно рельефно.

Своеобразие обнаруживается лишь на фоне общего. Поэтому выявление исторической специфики революционного процесса в современных развивающихся странах предполагает сравнение его с революциями прошлого. Разумеется, в рамках одной главы такое сравнение может быть проведено лишь бегло и по отдельным параметрам, но без него не обойтись — хотя бы в порядке постановки проблемы.

* * *

Политические революции, приводящие надстройку в соответствие с базисом (и в свою очередь призванные стимулировать дальнейшие фундаментальные общественные сдвиги) обусловлены революцией социальной, необходимостью углубления объективных общественных изменений базисного порядка — экономических, социальных, культурных. Глубина социальной революции во многом определяет не только саму возможность политической революции, но и ее историческую результативность. При этом имеет большое значение, в какой мере социальная (и, соответственно, политическая) революция является результатом внутренних, вызревших самопроизвольно в рамках данного общества факторов развития и в какой мере — факторов внешних (примера либо прямого воздействия извне). Далее, важно, возникли ли в обществе не только глубокие общественные противоречия и конфликты, но и какие-то механизмы, формы, способы, возможности разрешения этих конфликтов. Существенно, в частности, насколько происходящие объективные, базисные изменения способствовали вызреванию элементов новой надстройки — правовых порядков, политических институтов, руководящего ядра революционных сил, его связи с массами, соответствующего уровня политического сознания. Короче говоря, политическая революция замыкается на многие звенья общественного процесса, в конечном счете — на изменения формационного порядка. Поэтому сравнительная типология политических

революций должна опираться на формационные характеристики общественного развития.

С этой точки зрения можно выделить политические революции в регионе *первичного,* «классического» капитализма (Западная Европа и ее дочернее ответвление — Северная Америка), революции во *втором* эшелоне буржуазного развития (Россия, Япония, Балканские страны, некоторые латиноамериканские страны — например, Бразилия и Аргентина), наконец, революционный процесс в *третьем* эшелоне мирового капитализма (страны колониальной и зависимой «периферии» Азии, Африки и большинства государств Латинской Америки).

Для первого эшелона капитализма характерно параллельное, относительно одновременное складывание всего комплекса его формационных предпосылок — экономических, социальных, правовых, политических, идейных и культурных, а также длительность, постепенность этого процесса (XIV—XIX вв.), благодаря чему оказалось возможным движение «методом проб и ошибок». К этому можно добавить органичность, «самопроизвольность» вырастания буржуазных форм из докапиталистических структур, наличие в европейской социокультурной традиции динамичных элементов (институтов и идей), благоприятствовавших такому вырастанию. Отсюда глубина, «основательность» базисных общественных изменений и вместе с тем относительная синхронность с ними вызревания элементов новой надстройки. Это не только способствовало успешным историческим рывкам (промышленный и аграрный перевороты, буржуазные революции, научный прогресс и пр.), но и помогало подымающейся буржуазии более или менее успешно справляться с возникавшими в процессе становления капиталистических отношений социальными противоречиями и конфликтами.

Соответственно политические революции в первом эшелоне капитализма — как раннебуржуазные (XVII—XVIII вв.), так и революции XIX в., направленные на «доделку» классических буржуазных революций (Франция) либо на буржуазно-демократические преобразования в менее продвинутых европейских странах (Германия, Италия и др.),— возникали в основном из внутренних факторов развития. Хотя и нельзя отрицать взаимовлияние этих революций друг на друга, оно имело место в рамках единого в геополитическом и социокультурном отношениях региона. Зрелость объективных предпосылок

(экономических, социальных, культурных) капитализма была здесь весьма высока, так что революции лишь окончательно утверждали буржуазные принципы в политико-правовой сфере, облекали практически уже сложившееся социально-экономическое содержание в буржуазную оболочку. «Экономика» предшествовала здесь «политике» и в большой мере определяла ее. Многие элементы «гражданского общества» и будущей политической системы (парламентские институты, судебные учреждения, формы общественной самодеятельности, массовые организации, принципы политической мысли) складывались еще в недрах старой формации. В ходе революции они были пущены в ход, постепенно приведены в систему и видоизменены применительно к потребностям нового, буржуазного общества. Наконец, в движущих силах этих революций ясно выражена классовая гегемония буржуазии, поддерживаемой широкими слоями города и деревни. Правда, в революциях XIX в. политический радикализм буржуазии резко идет на спад, возрастает роль трудящихся, особенно рабочего класса, в среде которого зарождается и крепнет социалистическое движение.

Иная ситуация складывается в странах второго эшелона мирового капитализма. Они стартуют на гораздо более позднем историческом рубеже — примерно с конца XVIII до середины XIX в. Большинство формационных предпосылок здесь выражено слабо, а какие-то (политические и правовые) могут долгое время вообще отсутствовать. Стимул национальному буржуазному развитию исходит не только (а порой и не столько) изнутри, но и извне, от более развитого Запада, который выступает как в качестве примера, так и внешней угрозы. Процесс капиталистического развития значительно форсируется, сжимается во времени и деформируется. Поскольку формационный рывок не обеспечен здесь зрелостью объективных факторов, он осуществляется за счет усиления бедствий масс, требует гораздо большего социального напряжения, обостряет общественные противоречия, диспропорции и конфликты, что не может не осложнить складывание «нормальной» буржуазной формации.

Дополнительные резервы процесса «обуржуазивания» стран второго эшелона заключались в использовании некоторых сопутствующих факторов — националистического подъема и динамических элементов социокультурной

традиции (Япония), наличия богатой буржуазной диаспоры (Греция), рабовладельческого плантационного хозяйства, вписанного в международный капиталистический рынок (Бразилия) и др. С другой стороны, серьезные трудности, с которыми сталкивается этот процесс вследствие более позднего капиталистического старта, порождают элемент *альтернативности* формационного развития. Он реализовался в России, где социальные противоречия периода первоначального накопления и последующего становления капитализма были особенно остры (благодаря двойному гнету трудящихся — крепостническому и буржуазному, а также имперской политике самодержавия). Кроме того, сказалось влияние социалистического движения в развитых странах. В результате Октябрьской революции в России построение основ современной цивилизации произошло на социалистическом пути.

В буржуазно-демократических революциях второго эшелона буржуазного развития наблюдаются немалые изменения по сравнению с первым. Значительно ниже зрелость внутренних объективных предпосылок, существенно возрастает роль внешнего фактора — воздействия более развитых стран. Однако заимствованные элементы надстройки буржуазного типа плохо приживаются в общественных структурах, где преобладают пережитки докапиталистических отношений. Зато традиционная авторитарная власть «переключается» на строительство капитализма. В движущих силах революции буржуазия представлена слабо, велики ее противоречия с народными массами. Отсюда незавершенный характер ряда буржуазно-демократических революций, их верхушечные черты, замена революций реформами «сверху», возрастание и роль государства в осуществлении не только социально-экономических, но и политических изменений. Вместе с тем увеличивается роль пролетариата и крестьянства, значение их союза в революционной борьбе (как это было в ходе буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг. в России).

Великий Октябрь открывает новую эпоху, эпоху перехода к социализму. Она характеризуется не только обострением противоречий капитализма, но и необходимостью выхода из противоречий запоздалого буржуазного развития в его втором и третьем эшелонах. Социалистическая революция началась в России, наиболее «слабом звене» мирового капитализма, а затем пробила себе до-

рогу в странах первого и второго эшелонов (народно-демократические революции в Восточной Европе и на Балканах) и на так называемой «периферии» капиталистического развития (Монголия, Куба, Вьетнам и др.). В социалистических революциях более ярко, чем в предшествующем типе буржуазно-демократических революций в странах второго эшелона капитализма, проявляются равенство «политики» над «экономикой», опережение базисных предпосылок надстроечными. Роль внешнего фактора в подготовке социалистических революций этого типа весьма значительна. Например, в России возникновение и развитие революционной социал-демократии и рабочего движения в большой мере стимулировалось социалистическим движением в Европе, рожденной в ходе его развертывания теорией научного социализма. Еще значительнее роль внешнего фактора в последующих социалистических революциях, для которых пример Октября и социалистического строительства в СССР в ряде отношений является отправным пунктом. Движущими силами социалистических революций становится рабочий класс и трудовое крестьянство, руководимые марксистско-ленинскими партиями.

В первой стране победоносной социалистической революции объективные предпосылки строительства социализма — экономические, социальные, правовые, политические, культурные — были недостаточны, о чем многократно говорил В. И. Ленин. Особенно существенной он считал слабость культурного развития: «необходима именно культура»; требуются «элементы знания, просвещения, обучения, которых у нас до смешного мало» по сравнению с развитыми странами; «не хватает цивилизации для того, чтобы перейти непосредственно к социализму» [1]. Это подчеркивание вождем пролетарской революции значения культуры как одной из важнейших формационных предпосылок социализма было вполне оправданным, ибо культура — не только надстройка, не просто фасад общественного здания, но и его «цокольный этаж»: именно в этой сфере вырабатывается система ценностных ориентаций, направляющих социально-трудовую деятельность человека как главного элемента производительных сил. Но, во-первых, определенный уровень капитализма (не слабый, а «*средне*слабый», как определял В. И. Ленин) в России все же был достигнут: «без известной высоты

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 391, 404.

капитализма у нас бы ничего не вышло»[1]. Во-вторых, политическая активность российского рабочего класса и революционные традиции в среде передовой интеллигенции способствовали созданию политической партии нового типа, которая, руководствуясь научным марксистско-ленинским мировоззрением, оказалась в состоянии мобилизовать трудящиеся массы на защиту завоеваний пролетарской революции и строительство социализма.

Третий эшелон мирового капитализма (нынешние развивающиеся страны Азии, Африки и Латинской Америки) включается в мировую историю более чем на столетие позже второго. Черты «запоздалого развития» (преобладание внешних импульсов модернизации над внутренними, сохранение докапиталистических, архаических структур, далеко не готовых к «обуржуазиванию», социально-экономическая и культурная отсталость, традиционная политическая культура) проявляются здесь еще отчетливее, к ним прибавляются качественно новые. Они порождены колониализмом и неоколониализмом, обусловившими гигантски возросший разрыв в уровне развития между империалистическим регионом и развивающимся миром. Положение последнего усугубляется тем, что научно-техническая революция, наложившаяся на процесс национального освобождения бывших колоний и зависимых стран, обернулась к последним не столько своими достижениями, сколько глобальными проблемами (демографической, продовольственной, энергетической и др.), которые наиболее остро ощущаются именно на мировых «окраинах». Все это настолько затрудняет формационные процессы, что некоторые исследователи говорят о затухании социально-трансформирующих потенций капитализма[2], хотя возможность для ряда стран Востока осуществлять эволюцию в рамках зависимого, «периферийного» капитализма не исключается.

Соответственно в третьем эшелоне еще более отчетливо проявляется альтернативность развития. Это связано не только с «инерцией» антиимпериалистической борьбы молодых государств, но и с растущим воздействием мировой социалистической системы. Опыт СССР и дру-

---

[1] Ленинский сборник XI, с. 397.

[2] См.: *Рейснер Л.* Возможен ли переход от уклада к капиталистическому способу производства? (О пределах капиталистической трансформации освободившихся стран).— Азия и Африка сегодня, 1978, № 11, с. 29.

гих социалистических стран стал в глазах ряда национальных лидеров в Азии, Африке и Латинской Америке свидетельством преимуществ плановой экономики как средства ликвидации национальной отсталости, мобилизации ресурсов общества и сплочения его в процессе развития. «Наша нищета и слабое национальное развитие,— говорил видный деятель национально-освободительного движения бывший президент Танзании Дж. Ньерре,— делают социализм единственным рациональным выбором для нас» [1].

Освобождение от оков колониализма для стран третьего эшелона капиталистического развития явилось лишь отправной точкой, началом борьбы, в ходе которой молодым государствам пришлось решать трудную проблему выбора пути. Под воздействием многочисленных факторов и противоречий — внешних и внутренних, национальных и социальных, экономических и политических — революционный процесс приобрел здесь особую напряженность, размах, разнообразие форм. Несколько десятилетий после второй мировой войны — начальной точки процесса крушения колониальной системы — дали в развивающихся странах буквально каскад политических революций — национально-освободительных, национально-демократических и народно-демократических. Но именно в этот период отчетливо выявилось историческое своеобразие социальных революций, сдвигов базисного порядка на бывшей колониальной и зависимой «периферии» — в основном они были вызваны действием внешних факторов и поэтому не проникли «на всю глубину» общественных структур, часто почти не затронув значительные слои населения. Породив острейшие, чрезвычайно болезненные противоречия и диспропорции стремительного столкновения докапиталистических отношений с буржуазными, традиционных структур с современными, социальные революции в освободившихся государствах не смогли либо не успели «доработаться» до кристаллизации институтов, методов и общественных сил, которые несли бы в себе возможность разрешения возникших общественных противоречий.

Так, в экономической сфере капитализм, занесенный еще колонизаторами, в некоторых странах так и остался анклавом, инородным по отношению к остальным

---

[1] *Nyerere Julius K.* Man and Development. Dar es Salaam. E. A., 1974, p. 114.

традиционным или полутрадиционным народнохозяйственным структурам. Будучи в ряде освободившихся государств ведущим, но не системообразующим экономическим укладом, капитализм на современном этапе научно-технической революции попросту не в состоянии овладеть традиционным социально-экономическим массивом (мелкое производство в городе и деревне, сельскохозяйственная сфера), ибо предприятиям, созданным на основе современной капиталоемкой и трудосберегающей технологии, не требуется много рабочих рук. Наоборот, скорее действует тенденция консервации традиционных секторов, превращение их в своего рода «отстойник» общества, резервуар дешевой рабочей силы. Это диктуемое законами прибыли ограниченное внедрение современных производительных сил приводит к глубоким диспропорциям между промышленностью и сельским хозяйством, крупным и мелким производством, к различного рода диспропорциям в народнохозяйственном механизме в целом. Для полноты картины следует учесть, что современный сектор освободившихся государств включен в мировую капиталистическую систему разделения труда и находится в тесной зависимости от нее — через систему ТНК, международные финансовые организации, вывоз сырья, производство монокультур и пр.

Указанные черты образуют в совокупности особое качество «периферийного» — «зависимого» — капитализма. Конечно, в освободившихся государствах уровень экономического развития и степень ущербности национального капитализма не являются одинаковыми. Но даже в тех сравнительно немногих государствах (типа Индии или Мексики), где сложился вполне развитый национальный капитализм, весьма значительны зависимость от иностранного капитала и разрыв между очагами современного производства и обреченными на прозябание мелкими и мельчайшими хозяйствами добуржуазного типа.

Если говорить о *социальных* предпосылках политических революций, то процесс классообразования в Азии и Африке отличается значительной незавершенностью, аморфностью, размытостью. Современные классы, буржуазия и пролетариат, в среднем составляют лишь 10—12% населения (в развитых капиталистических странах 70—75%). В среде буржуазии наиболее влиятельны монополистические и неокомпрадорские группы, как правило, тесно связанные с иностранным капиталом; средний предпринимательский слой чрезвычайно тонок; основную

массу составляют мелкокапиталистические предприятия, по преимуществу использующие методы добуржуазной эксплуатации, основанные на пережитках феодализма, племенных или семейно-клановых отношений. Весьма незначителен и фермерский слой. Рабочий класс в силу его неразвитости и тесных связей (семейных, родовых) с деревней можно назвать пролетариатом только с известными оговорками. В социально-классовой структуре преобладают промежуточные слои (мелкая буржуазия, ремесленничество, крестьянство, средние и низшие городские слои, люмпенство) с присущей им амбивалентностью социальной психологии и социального поведения.

Особенно необеспеченной оказывается социальная революция со стороны ее культурных предпосылок. Дело не только в значительном проценте неграмотности и низком качестве системы образования. Главное в том, что чрезвычайно живучи стереотипы поведения, механизмы сознания, религиозные заповеди и пр., сложившиеся в культуре прошлого и препятствующие выработке в массовых масштабах нового типа личности, ориентированной на современные ценности труда, общественной жизни, политики. Ярким примером того, каким тормозом для общественных преобразований выступают традиционные формы сознания и поведения, является иранская революция конца 70-х гг.

Культурная отсталость проявляется и в сфере *национальных* отношений, имеющих для азиатских, африканских и латиноамериканских стран особое значение. Лозунги национального освобождения были центральными на этапе борьбы с колониализмом, проблемы национального строительства не сняты с повестки дня и сейчас. Если в странах первого и в большинстве стран второго эшелона к моменту политических революций нации в целом были сформированы, то в большинстве развивающихся государств освобождение от колониального и зависимого состояния совпало с процессом их образования. Это обстоятельство скорее осложнило дальнейшее социально-политическое развитие молодых государств, нежели способствовало ему. Дело не только в оставленных колонизаторами искусственных границах, разделяющих этносы в освободившихся государствах (особенно на территории Африки), но и в серьезных внутренних этнонациональных противоречиях (экономических, конфессиональных, трибалистских и др.), преодолеть которые чрезвычайно

нелегко, поскольку они уходят корнями в историческое прошлое, социокультурные традиции. В этой связи достаточно сослаться на непрекращающуюся гражданскую войну в Бирме, этнорелигиозные вспышки в Индии, постоянные племенные распри в африканских странах.

Наконец, последствия социальной революции (точнее, недостаточной ее глубины) наиболее сильно проявляются в сфере политической борьбы. Здесь, во-первых, необходимо отметить повышенную (даже по сравнению со вторым эшелоном) роль государства, становящегося в условиях исторической отсталости и национально-этнической гетерогенности молодых обществ основным интегрирующим и мобилизующим началом. В этом смысле в третьем эшелоне первенство «политики» над «экономикой» проявляется еще заметнее, чем во втором. Вместе с тем этатистские методы развития порождены не только отсталостью. Их корни уходят в традиции докапиталистических, особенно восточных, деспотий и монархий, политическую культуру прошлого. Элементы последней достаточно органично вошли в политическую жизнь освободившихся стран, поскольку в этих странах сохраняются значительные массивы традиционного или полутрадиционного населения и нет прочных демократических традиций. Модернизация политической жизни проводилась еще колонизаторами, а после завоевания политической независимости — путем заимствования чужого опыта. В обоих случаях первостепенную роль играют внешние факторы. Поэтому политические структуры современного типа — представительные институты, политические партии, пресса, контролирующая политическую власть, и др.— оказываются деформированными, не работающими или не справляющимися со своими задачами. «Осовременивание» политической жизни чаще идет по другим каналам — например, через использование государством современного бюрократического делопроизводства или полицейской репрессивной техники.

Во-вторых, в политических революциях в странах третьего эшелона капитализма роль различных классов и слоев весьма специфична. По сравнению с предшествующими революциями значительно расширилась социальная база революционного процесса. Однако нет класса-гегемона. Вследствие социально-экономической неразвитости и зависимости стран от иностранного капитала буржуазия здесь постепенно переходит от умеренной позиции к консервативной (если не сказать реакционной),

к сговору с неоколониализмом. Относительно невелика роль формирующегося и недостаточно организованного рабочего класса. Зато бьет через край политическая активность промежуточных слоев — мелкой буржуазии, средних городских слоев, «раскрестьянивающегося» сельского населения, люмпенства, образующих блок весьма разнородных политических сил. Это расширение социальной базы революционной борьбы означает не только увеличение активности масс, но одновременно и разрыхление процесса, политические колебания, непредсказуемость исхода революций.

Когда-то замечательный русский демократ Н. Г. Чернышевский сетовал на то, что даже в передовых странах Европы «только еще авангард народа — среднее сословие, уже действует на исторической арене... а главная масса еще и не принималась за дело, ее густые колонны еще только приближаются к полю исторической деятельности» [1]. С тех пор история подвигалась быстро: через два-три десятилетия широкое участие масс в общественно-политической жизни европейских стран — всеобщее избирательное право, рабочее движение, деятельность политических партий и т. д.— стало фактом. Невиданный подъем активности масс в России проложил дорогу Октябрьской революции, рождению первой страны социализма. Наступила очередь колониальных и зависимых стран. По мере распространения национально-освободительного движения на громадных территориях историческая самодеятельность масс приняла такие масштабы, которые не мог себе представить выдающийся русский революционный демократ середины прошлого века.

Однако «омассовление» революционного процесса принесло новые проблемы. В действие вступали слои населения, движимые двойным побудительным мотивом — социальным угнетением, усугубленным противоречиями запоздалого, «периферийного» капитализма, но далеко не подготовленные к борьбе по уровню сознания, организованности, классовой сплоченности. Социальная база политических революций расширилась преимущественно за счет промежуточных социальных слоев, в том числе деклассированных, люмпенских элементов, готовых подхватить какие угодно радикальные (так же, как порой и

---

[1] *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1950, т. 7, с. 666.

реакционные) лозунги, но неспособных к *конструктивной* деятельности в силу своей социокультурной неукорененности, выброшенности из прежних, традиционных и невписанности в современную систему социальных связей. Грандиозный зигзаг, откат иранской революции в 1978—1979 гг. может быть понят лишь с учетом роли городских, люмпенского типа, низов, которые стали жертвами хаотичной урбанизации и «белой революции» шаха, а затем, прикормленные муллами и одетые в форму «стражей революции», превратились в слепое орудие насилия реакционной исламской диктатуры. Следствия вовлечения в революционный процесс неразвитых в политическом отношении масс — обилие на политической сцене развивающихся стран авантюристов, диктаторов или леваков-экстремистов, феномен «реакционных революций», перерождение некоторых прогрессивных режимов, полпотовщина и т. п.

Вышесказанное не означает, что в политической жизни развивающихся стран побеждают лишь реакционные или реформистские силы. Напротив, острота противоречий в развивающемся мире такова, что — подтверждение тому опыт прошлых десятилетий — неизбежны попытки разрешить эти противоречия революционным путем. Более того, стимулирующая роль внешнего фактора проявляется главным образом через вызревание *субъективных* предпосылок революционного процесса — революционной мысли и общественного сознания.

Уже на уровне массовой психологии действует то, что социологи называют «революцией растущих ожиданий», возникающей из «демонстрационного эффекта» стандарта жизни развитых стран и надежд, связанных с обретением политической независимости. Но заимствование опыта извне особенно характерно для политических лидеров и идеологов, для образованной среды, интеллигенции — элиты, вырабатывающей политические решения и собирающей под свои знамена массы сторонников. Эта среда стремится использовать модели развития, апробированные в развитых странах, внедряет в жизнь политические образцы, выработанные в классических революциях прошлого, берет на вооружение передовые общественные теории, вплоть до марксизма-ленинизма, и наталкивается на сопротивление «социального материала», который в посттрадиционных обществах Азии, Африки и Латинской Америки оказывается особенно неподатливым и своенравным.

Резюмируем предшествующий анализ двумя выводами. Во-первых, в зоне национально-освободительного движения историческое своеобразие политических революций состоит в том, что они *не повторяют* ни буржуазно-демократические революции в странах первого и в значительной мере второго эшелона буржуазного развития (для этого они, как правило, не имеют достаточных объективных предпосылок, многие из них вряд ли вообще могут успешно завершить развитие национального капитализма в ситуации растущего отставания от капиталистического «центра»), ни (это относится к национально-демократическим и народно-демократическим революциям) модель развития СССР и других социалистических стран, поскольку их стартовый уровень гораздо ниже. В этих условиях требуются иные, модифицированные формы перехода к социализму[1].

Во-вторых, сопоставление основных типов политических революций обнаруживает определенную тенденцию: постепенный рост — от первого эшелона к третьему — *несоответствия объективных* (экономических, социальных, культурных) *предпосылок и субъективных* (идейных и организационных) *факторов* революционного процесса, опережение первых вторыми, которое в зоне национально-освободительного движения становится наиболее явным, своего рода парадоксальной закономерностью.

Разумеется, в этом парадоксе нет ничего неестественного. Исторически он понятен: как в формационном процессе второго и особенно третьего эшелонов буржуазного развития, так и в соответствующих политических революциях он обусловлен достигнутым уровнем мирового исторического развития.

Он действует и в пробуржуазных режимах (где, к примеру, плохо приживается буржуазная демократия из-за отсутствия необходимых предпосылок), и в странах социалистической ориентации, низкий стартовый уровень социально-экономического и культурного развития большинства которых является немалым тормозом для преобразований социалистического типа.

---

[1] См.: Теоретические проблемы перехода к социализму стран с неразвитой экономикой. М., 1983.

* * *

Проиллюстрируем вышесказанное конкретным материалом, по необходимости фрагментарным в рамках небольшой статьи. Речь пойдет о некоторых странах социалистической ориентации — странах, где революционная борьба находит выражение в общественных преобразованиях некапиталистического типа, направленных на последующий переход к социализму. Интересующее нас противоречие между объективными предпосылками и субъективными факторами революционного процесса выступает здесь на различных уровнях — экономическом, политическом, культурном.

Экономическая сфера является, возможно, наиболее «узким местом» в странах рассматриваемого типа. Хозяйственные успехи, темпы экономического роста большинства государств соцориентации более чем скромны, несмотря на то что в них проводилась в жизнь стратегия развития, которую можно определить как социально-экономическое «нетерпение»: форсированная индустриализация, импорт современной технологии, ускоренное кооперирование деревни и пр. Это «нетерпение» вполне естественно в ситуации отсталости, порожденной объективными факторами — как внешними, так и внутренними. Но эти же факторы (особенно внешние) лимитируют возможности молодых государств в скорейшей и эффективной ликвидации отсталости [1].

Такая ситуация приводит к двояким последствиям. Во-первых, волюнтаристские попытки форсированного создания «некапиталистической» экономики, чрезмерного ограничения частного сектора вызывают серьезные хозяйственные и социальные трудности. Например, в Алжире в 70-х гг. на индустриализацию уходила непропорционально высокая доля ВВП (в иные годы чуть ли не половина), в результате чего возникли крупные диспропорции между промышленностью и сельским хозяйством, возросла внешняя задолженность, потребовалось сдерживание роста потребления широких масс и пр.[2] Естественной реакцией на подобную хозяйственную

---

[1] Более подробно (на примере Алжира и Танзании) см.: *Хорос В. Г.* Опыт некапиталистического развития освободившихся государств: теория и практика.— В кн.: Революционная демократия и коммунисты Востока. М., 1984, с. 115—130.

[2] См.: *Фридман Л. А.* Проблемы и противоречия экономического развития стран социалистической ориентации.— В кн.: Партии и революционный процесс в странах Азии и Африки. М., 1983.

стратегию являются оживление рыночной сферы и предпринимательства, привлечение иностранного капитала и в целом — тенденции «обуржуазивания» и политического поправения. В той или иной степени этот зигзаг характерен для многих государств данного типа (Танзания, Бирма, Мали, Гана, Гвинея).

Во-вторых, «нетерпение» порождает такую стратегию развития, реализация которой предполагает технократические, этатистские методы руководства экономикой, выдвигает на передний план госаппарат, чиновничество (административное, хозяйственное, партийное). Субъективный фактор, т. е. политическое руководство обществом, незаметно трансформируется в объективный — особый слой людей, наделенных широкими полномочиями и обладающих специфическими материальными и престижно-статусными интересами. Здесь мы подходим к анализу интересующего нас противоречия в сфере политики — к проблеме взаимоотношений руководителей и масс в процессе осуществления прогрессивных преобразований.

Свержение иноземного ига принесло с собой «революцию растущих ожиданий» и в политической области. Во многих молодых государствах к власти пришли силы, отвергавшие буржуазный парламентаризм и провозглашавшие популистские лозунги «прямой», «народной», «подлинной» демократии, реализующей «незыблемое единство» новой власти и народа. Эти лозунги в определенной мере отражали ситуацию, сложившуюся в ходе национально-освободительной борьбы и революций, социальная база которых формировалась не на классовой, а на общенациональной основе. Когда рассеялась эйфория первых лет политической независимости, выяснилось, что в большинстве освободившихся государств популистские принципы управления выкристаллизовались в политический авторитаризм, лишь слегка прикрытый идеологическим флером «третьего пути» и патриархального «консенсуса».

Но и национально-демократические режимы, избравшие некапиталистический путь, также развивались в направлении возрастающей политической централизации. Как правило, страны этой группы являются однопартийными. В правящей партии основную роль играет небольшой «кадровый» костяк, образующий вместе с административно-чиновническим персоналом госаппарат, построенный по принципу жесткой вертикальной субординации.

Во главе его стоят национальный лидер (обычно президент, он же руководитель партии) и его ближайшее окружение, «команда», столь всесильная в принятии политических решений, что любые органы (парламент, кабинет, суд, партийный съезд и др.) являются зачастую лишь простыми исполнителями ее воли.

Разумеется, между госаппаратом и остальным населением существуют различные посредствующие звенья, массовые организации (профсоюзные, крестьянские, молодежные, женские и пр.). Но они, как правило, приводятся в движение односторонним импульсом — сверху вниз, в то время как «обратная связь» действует несравненно слабее. Так, рассматривая различные формы политического участия масс в Алжире (рабочие ассамблеи на предприятиях, профсоюзное движение, мобилизация студентов на работу в деревне и пр.), французский политолог Ж. Лека приходит к следующим выводам: 1) это всегда контролируемое участие; 2) оно замкнуто в отдельных секторах общества и не затрагивает всерьез сферу управления; 3) мобилизуемым группам, по существу, предписывается программа действий; 4) политическое участие масс осуществляется отдельными кампаниями, оно не институциализировано, а связано с конкретными проблемами и нуждами режима [1].

Сходные оценки даются применительно к Танзании. По наблюдениям американской африканистки Ф. Хилл, даже когда партийные или государственные органы обращались к массам и призывали их к активности, это была инициатива лидеров, да и то лишь эпизодическая. Проводя многие важные политические мероприятия, власти «требовали только отсутствия оппозиции» [2]. Точно так же, оценивая методы политической мобилизации масс в Гвинее в 60—70-х гг. (в период правления А. Секу Туре) — митинги, парады, демонстрации, семинары и т. д., французский автор К. Ривьер пишет о том, что они были направлены лишь на организацию всеобщего одобрения того, что в данный конкретный момент предлагалось населению властями. Но на деле эта «сверхполитизация» масс означала их собственную пассивность [3].

---

[1] Socialism in the Third World. N. Y. e. a., 1975, p. 143—144.

[2] Ibid., p. 230.

[3] *Rivière C.* Guinea: the Mobilisation of the People. Ithaca — London, 1977, p. 232.

Было бы упрощением считать, что такой тип взаимоотношений между руководством и массами — мы говорим прежде всего о прогрессивных, национально-демократических режимах — возникает изначально в результате сознательных намерений их лидеров. Напротив, обращаясь к трудам и выступлениям многих руководящих деятелей (Н. Нкрумы, М. Кейты, Х. Бумедьена, Не Вина, Дж. Ньерере и др.), к соответствующим официальным программам, мы находим там идеи «народоправства», призывы к всемерному вовлечению масс в процесс управления, пробуждению политической активности трудящихся. В подавляющем большинстве случаев это искренние устремления, а не демагогия. Процесс завоевания политической независимости в молодых государствах Азии и Африки выдвинул на авансцену людей, сформированных классическим наследием революционной мысли и освободительного движения более развитых стран, идеями демократии, прогресса, социализма, в том числе научного. Большое влияние оказал на них опыт СССР и других социалистических стран. Эту сумму идей они стремились применить в своих странах, чтобы преодолеть национальную отсталость, способствовать развитию своих народов по лучшим образцам, выработанным человечеством. Неразвитость обществ, в которых они действовали, не только не останавливала, но казалась своего рода преимуществом — некоей tabula rasa, на которой можно сразу писать «правильные письмена». Отсюда различного рода программы минования буржуазной стадии, «национального социализма» и пр.

Однако на пути реализации этих целей возникли объективные трудности. Первая связана с низким уровнем сознания основной массы населения, отсутствием демократических традиций, элементов «гражданского общества», наконец, просто неграмотностью людей и огромной инерционностью традиционного типа сознания, не приемлющего каких-либо новаций. Как противоядие возникла идея особой миссии государства, госаппарата, призванного собрать под свои знамена все мало-мальски образованные, развитые элементы общества и проводить в жизнь научно обоснованную, плановую стратегию развития. Этот управленческий авангард должен был «все организовать» — процветающую экономику, демократическую политическую систему, культурный подъем, даже саму спонтанную инициативу и самодеятельность масс.

Но здесь возникло второе объективное препятствие. Очень скоро выяснилось, что госаппарат как посредствующее звено между политическим центром принятия решений и народом отнюдь не является чистым проводником «разумных» идей и указаний, а напротив, слоем, который обнаружил большую социальную «плотность», неподатливость, самодостаточность. Большинство чиновников были выходцами из наиболее обеспеченных слоев общества, воспринявших потребительские стандарты чиновничества колониальных времен. После завоевания независимости многие перекочевали в государственные органы непосредственно из колониального аппарата управления, усвоив его элитарные амбиции, а также сложившиеся стереотипы отношений господства и подчинения. Будучи практически бесконтрольным, этот слой ревностно сохраняет свои привилегии — экономические, политические, престижно-статусные.

Правда, в странах, где провозглашен некапиталистический путь развития и введены определенные ограничения частнохозяйственной деятельности, где политика распределения доходов носит более эгалитаристский характер, бюрократия лишена возможности «обуржуазиваться» столь откровенно, как в странах, идущих по капиталистическому пути. Тем не менее ее экономические и социальные позиции весьма сильны. Может быть, они даже более контрастны по отношению к остальному обществу, чем в предыдущем случае. Ведь в национально-демократических системах государство является основным собственником и распорядителем производства, оно по преимуществу контролирует и систему распределения. Это превращает чиновничество в громадную силу, влияющую на все общество. Уже цитированный нами К. Ривьер отмечал, например, что в Гвинее 60—70-х гг. был создан такой тип общества, в котором главную роль играла «принадлежность и доступ к системе распределения материальных благ» [1].

Кроме того, в рассматриваемых режимах может сложиться своеобразный «неформальный альянс» бюрократии с мелкобуржуазной (иногда среднебуржуазной) городской и сельской верхушкой, который фактически прибирает к рукам государственные дотации и фонды

---

[1] *Rivière C.* Dinamique de la stratification sociale en Guinée. Thèse... Lille; Paris, 1975, p. 619.

развития[1]. Время от времени в этих странах принимаются различные меры по ограничению притязаний чиновничества (запрещение участия в предпринимательской деятельности, повышение налогов на крупные оклады, периодические проверки доходов служащих, предложения сдать излишки земель в государственный фонд и т. д.). Но, как правило, эти меры имеют скорее символическое значение.

Бюрократизм и бюрократия наносят обществу не только материальный ущерб (коррупция, раздувание штатов госаппарата, растрачивание государственных средств). Не менее существен урон, проистекающий из политических и хозяйственных амбиций бюрократической прослойки. Она стремится к монопольному положению в сфере управления и не заинтересована в том, чтобы стимулировать политическую активность трудящихся. С другой стороны, как об этом свидетельствуют, например, методы кооперирования в Танзании, логика бюрократического «службизма» нередко приводит к администрированию, чрезмерному чиновническому усердию по «выполнению планов», что опять-таки отрицательно сказывается на проявлении инициативы снизу и чаще всего лишь дискредитирует мероприятия, задуманные во имя тех же масс.

Словом, в развивающемся обществе возникает проблемная ситуация, выразительно описанная президентом Танзании Дж. Ньерере. «С немногими социалистами,— пишет он,— мы стремимся построить социализм; с небольшим числом людей, понимающих суть демократии, мы стремимся осуществить процесс развития демократическими средствами; с горсткой технических специалистов мы намереваемся осуществить фундаментальную трансформацию нашей экономики. А с образованной *элитой,* которая в целом воспитана на индивидуалистических принципах, мы хотим создать эгалитарное общество!»[2]

Противоречие между объективными и субъективными факторами революции в политической сфере выступает, как видим, на двух уровнях — элитарном и массовом. Возникает своего рода порочный круг: неразвитость по-

---

[1] *Stren R. E.* Ujamaa Vijijini and Bureaucracy in Tanzania.— Canadian journal of African Studies. Montreal, 1981, vol. 15, N 3, p. 596—597.

[2] *Nyerere Julius K.* Man and Development. Dar es Salaam, 1974, p. 47.

литического сознания масс порождает антидемократические, бюрократические методы руководства, а это, в свою очередь, закрепляет политическую пассивность трудящегося населения.

Как преодолеть этот порочный круг? Опыт развивающихся стран социалистической ориентации пока не дает однозначного ответа на этот вопрос, хотя различные попытки в этом направлении национально-демократическими лидерами предпринимаются. Об одной из них неоднократно писалось в советских исследованиях: национально-демократическая власть стремится компенсировать недостаток политической демократии социальными мероприятиями, «развивать демократию социальную»[1] — обеспечивает права трудящихся на труд, отдых, образование и пр., т. е. осуществляет «социальные инвестиции». В этом плане достижения прогрессивных режимов в странах Азии и Африки бесспорны, здесь, может быть, наиболее наглядно проявляются преимущества социалистической ориентации над курсом капиталистического развития.

Однако при всех своих достоинствах «социальная демократия» не может заменить демократии политической и не всегда является ее подготовительным этапом. Более того: выступая порой в форме благ, «даруемых» трудящимся, социальная демократия способна закрепить их общественно-политическую пассивность, стимулировать развитие иждивенчества, основанного на предположении, что, коль скоро любая инициатива исходит сверху, «власть сама должна все устроить». Об опасностях, связанных с этой своеобразной социально-психологической закономерностью, не раз писалось в научной литературе, посвященной взаимоотношениям лидеров и масс в освободившихся государствах. Тем более, что необходимым условием эффективности «социальных инвестиций» является подъем производства, которого нельзя достичь без подлинной политической мобилизации масс.

Думается, что глубокая политическая демократизация в странах рассматриваемого типа невозможна без длительного, систематического воспитания масс, подъема уровня их политического сознания и культуры. По-видимому, необходим определенный «риск» со стороны руко-

---

[1] См.: Развивающиеся страны: закономерности, тенденции, перспективы. М., 1974, с. 339.

водства, связанный с предоставлением, правовым гарантированием и постепенным расширением сферы общественной самодеятельности масс. Слово «риск» поставлено нами в кавычки потому, что неизбежные на первых порах издержки активного политического участия широких слоев населения должны окупиться в дальнейшем, когда люди ощутят себя хозяевами собственной жизни, ответят на оказанное доверие подлинной заинтересованностью в общественных делах.

Для подтверждения этой мысли сошлемся на самих национальных лидеров, в частности Дж. Ньерере. Допустим, рассуждает он, во главе кооператива — «уджамаа» — стоит хороший специалист, проекты которого крестьяне не могут верно оценить,— например предложения о долгосрочных вложениях. «Крестьяне поэтому могут сменить руководителя, не способствующего, по их мнению, быстрому хозяйственному росту. Они в данном случае допустят ошибку. Это не беда. Главное в том, что и впредь крестьяне будут пользоваться правом и возможностью выбора своих руководителей. Ибо люди, не верящие своим руководителям, не станут участвовать в выполнении планов сельскохозяйственного развития, а это исключит всякий прогресс как сейчас, так и в последующие годы» [1]. С этим нельзя не согласиться: даже самое квалифицированное руководство не может заменить деятельности самих масс, без которой немыслим общественный прогресс.

Наконец, несоответствие, противоречие между объективными предпосылками и субъективными факторами революционного процесса проявляется в попытках национальных демократов использовать элементы традиционного, докапиталистического коллективизма (община, расширенная семья, принципы солидаристской морали, религии и пр.) в строительстве социализма. В данном случае противоречие заключается, во-первых, в переоценке многими национальными лидерами степени общности традиционного солидаризма и социалистического коллективизма — консерватизм и примитивность традиционных отношений являются серьезным препятствием, если не тормозом, на пути превращения прежней общины, скажем, в кооперацию социалистического типа. Во-вторых, натолкнувшись на препятствия, национальные руководители нередко переходят к политике администра-

---

[1] *Nyerere Julius K.* Bunge la azimio. Dar es Salaam, 1970, p. 12.

тивного «нетерпения» (например, форсированной кооперации деревни), в ходе которой вместе с действительно застойными, архаическими элементами выбрасывается и сам механизм общинного самоуправления, который в принципе мог бы способствовать начальным формам деревенской кооперации. Примером может служить такое масштабное мероприятие по кооперации крестьянства, на базе использования традиционных общинных принципов, как «уджамаа» в Танзании [1].

* * *

Из всего сказанного, конечно, не следует, что противоречие между объективными предпосылками и субъективными факторами революционного процесса в развивающемся мире принципиально неразрешимо, что революционные преобразования в освободившихся странах не могут углубляться и социалистическая ориентация является каким-то преждевременным или беспочвенным лозунгом. Напротив, в наши дни идея некапиталистического развития получила дополнительные импульсы вследствие углубления противоречий мирового капитализма, объективной невозможности всестороннего обеспечения социального прогресса освободившихся государств на путях зависимого, запоздалого капитализма, наконец, вследствие позитивного воздействия на развивающийся мир мировой социалистической системы и международного коммунистического движения. «Широкие перспективы общественного прогресса,— говорится в Программе Коммунистической партии Советского Союза, принятой XXVII съездом КПСС,— открывает некапиталистический путь развития, *путь социалистической ориентации,* избранный рядом освободившихся стран... Это — явление большого исторического значения» [2].

Другое дело, что выбор некапиталистического пути развития еще не гарантирует последующего прогресса и может привести к откатам и попятным движениям. Ибо следовать социалистической ориентации в известном смысле «труднее», чем идти по пути капитализма. Последний путь исторически гораздо более «накатан», он предполагает обыкновенный прагматизм и ориентацию на собственнические инстинкты экономически привилегированных групп населения (хотя в конечном счете и ведет

---

[1] Подробнее см.: *Хорос В. Г.* Указ. соч., с. 140—149.
[2] Материалы XXVII съезда КПСС, с. 135—136.

развивающиеся общества к глубоким социальным контрастам и потрясениям). Первый же путь представляет собой нелегкий исторический эксперимент, в котором даже опыт стран реального социализма далеко не всегда может быть использован из-за различия исходного уровня и возможностей развития. Но понимание трудностей этого эксперимента, обусловленных исторической закономерностью углубления несоответствия между объективными предпосылками и субъективными факторами революционного процесса по мере подключения к мировой истории все новых и новых отставших в своем развитии стран, и есть первый шаг к разрешению указанных трудностей и противоречий.

III. ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ БОРЬБА

1. БУРЖУАЗНОЕ СОЗНАНИЕ В СИСТЕМЕ ГОСПОДСТВА КАПИТАЛА

Буржуазное сознание как таковое представляет собой целостный комплекс установок и норм, жизненных ориентаций, общественных идеалов, ставших основой поведения личности. Оно рассматривает капиталистические отношения как естественную основу социального взаимодействия индивидов, принимает буржуазные порядки как оптимальную общественную систему или во всяком случае «меньшее из зол».

Прежде чем исследовать истоки, природу, внутреннюю динамику буржуазного сознания, необходимо выделить его реальных носителей. Будучи господствующим типом сознания, оно широко распространено во всех классах и слоях капиталистического общества. Его опознавательным знаком служит общественное поведение личности. В частности, для приблизительной оценки степени распространения и устойчивости буржуазного сознания можно использовать данные избирательной статистики. В 1895 г. Ф. Энгельс писал, что выборы дают «точные сведения о наших собственных силах и о силах всех партий наших противников»[1]. Избирательную статистику как средство анализа динамики общественного развития высоко ценил В. И. Ленин[2]. При всех различиях массового политического сознания и электорального поведения выборы довольно точно выявляют степень поддержки буржуазных партий.

С этой точки зрения зона развитого капитализма являет собой довольно пеструю картину. Буржуазные партии безраздельно господствуют в политической жизни США[3]. В Японии правящей либерально-демократической партии противостоит оппозиция в лице социалистов и

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 22, с. 539.

[2] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 245.

[3] Еще в конце прошлого века Энгельс писал: «...американский рабочий воображает, что традиционная буржуазная форма хозяйства есть нечто по самой своей природе и на все времена прогрессивное и превосходное...» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 38, с. 476).

коммунистов. В Западной Европе буржуазные и рабочие партии ведут борьбу за политическую власть с переменным успехом. При всем разнообразии конкретных ситуаций буржуазные партии являются основным компонентом политической системы современного капитализма.

Широкая устойчивая поддержка буржуазных политических сил в немалой степени обеспечивается за счет идейно-психологического воздействия на массы. Разными методами в зависимости от конкретных обстоятельств буржуазия навязывает свое представление о мире другим классам и слоям общества. Буржуазное сознание является одним из важнейших элементов, обеспечивающих социальное взаимодействие.

Так же, как и другие типы общественного сознания, буржуазное сознание представляет собой сплав идейных установок и социального опыта. Советские ученые рассматривают политическое сознание в неразрывном единстве с политической деятельностью, как продукт взаимодействия личности и политической реальности [1]. Как правило, речь идет о коллективной деятельности, в процессе которой массы приобретают опыт, на базе которого формируется политическое сознание [2].

Современная буржуазная идеология отражает исторический опыт господствующего класса, служит теоретической основой его политической деятельности. В то же время она создает общие рамки, в которых развивается сознание основной части населения капиталистического мира. Буржуазная идеология вступает в сложное взаимодействие с реальной практикой индивидов, интерпретируя ее определенным образом и изменяясь под ее влиянием. Рожденные в процессе этого взаимодействия взгляды и представления во многом определяются социальным положением человека, его местом в общественном разделении труда.

Естественным носителем буржуазного сознания является капиталист. Для классического буржуазного сознания предпринимательская деятельность — единственно здоровая основа общества. Товарный фетишизм превращает предпринимателя в центральную фигуру,

[1] См., например: *Холодковский К.* Некоторые вопросы развития массового политического сознания.— Мировая экономика и международные отношения, 1979, № 6, с. 126—128; *Мшвениерадзе В. В.* Современное буржуазное политическое сознание. М., 1981, с. 125—127.

[2] См.: *Дилигенский Г. Г.* Массовое политическое сознание в условиях современного капитализма.— Вопросы философии, 1971, № 9, с. 53—66.

созидателя общественного богатства, гаранта социального благополучия.

Социальный опыт буржуазии, как любого другого класса, накапливается в процессе практической деятельности. Развитие капитализма расширило и усложнило общественную практику буржуа. Прежде всего изменились условия деятельности предпринимателей как организаторов производства. Современное «дело» требует предприимчивости, готовности к риску, экономических и специальных знаний. В процессе экономической деятельности капиталист вступает в сложные связи и отношения с другими агентами производства. Вследствие обобществления капитала, переплетения интересов предпринимательство все более принимает групповой характер.

Новые условия хозяйствования наиболее отчетливо видны на примере транснациональных корпораций (ТНК), превратившихся в системообразующую основу капиталистической экономики. Сфера их интересов охватывает весь мир, в своей деятельности они уделяют большое внимание социальным, внутри- и внешнеполитическим факторам. В штаб-квартирах ТНК заправляет делами менеджериальная элита, мыслящая глобальными категориями. В ТНК, обороты которых превышают доходы целых государств, формируется транснациональная финансовая олигархия, которая распоряжается судьбами миллионов рядовых тружеников.

Выход предпринимательской деятельности за чисто экономические рамки приучает буржуа мыслить более широкими социальными категориями, не чураться политических проблем. В политическом «просвещении» хозяев важную роль играет их ближайшее окружение, профессиональные управляющие, быстрее и легче осваивающие новые стороны действительности.

Высшее политическое образование буржуазии дает школа классовой борьбы. Экономические завоевания рабочего класса, усиление его политических позиций, деятельность коммунистических партий, исторический вызов социализма заставляют ее уделять все больше внимания политическому обеспечению своих позиций. Как отмечают советские исследователи В. И. Борисюк и И. М. Бунин, «существенно возрос, особенно за послевоенный период, уровень политической активности как класса в целом, так и отдельно взятого буржуа, расширились социально-политические функции буржуазии в обществе» [1].

[1] Социальная психология классов. М., 1985, с. 126.

Политизации сознания буржуазии способствует и деятельность государства, нередко заставляющего предпринимателей поступиться сиюминутными выгодами ради долгосрочных интересов. Активным носителем этой тенденции служит верхушка государственного аппарата, по праву входящая в господствующий класс.

Расширение сферы интересов буржуа, более активное участие массы предпринимателей в общественно-политической жизни стимулировали развитие классового самосознания. Несмотря на весьма разнородный состав господствующего класса (средняя, крупная, монополистическая и транснациональная буржуазия, высшие менеджеры, верхушка чиновничества, политическая элита), его сплачивает сознание общности коренных интересов.

Углубление противоречий капитализма, необходимость сохранения массовой опоры существующего строя заставляют буржуазию искать союзников. Составляя незначительное меньшинство населения (2—6%), она нуждается в поддержке других классов и слоев. Для понимания причин устойчивости идейно-психологического влияния буржуазии на массы необходимо более подробно охарактеризовать различные элементы социально-политического блока, формирующегося вокруг господствующего класса.

В поисках опоры буржуазия прежде всего обращается к средним слоям, занимающим промежуточное положение в социальной структуре современного капитализма. Средние слои составляют $^1/_4$—$^1/_3$ населения капиталистических стран. Это конгломерат социальных групп, среди которых выделяются мелкая буржуазия и интеллигенция. Средние слои всегда были источником пополнения господствующего класса, что в немалой степени определяет их психологию и сознание. Размытость границ между средними слоями и господствующим классом создает иллюзию общности интересов, усиливает идейно-психологическое воздействие буржуазии на непролетарское население. Проводя политику социального лавирования, правящие круги в первую очередь учитывают интересы этих категорий трудящихся. Используя различные рычаги, буржуазия стремится превратить разнородную массу средних слоев в оплот существующего строя.

При наличии представительных институтов сохранение господства буржуазии немыслимо без согласия и поддержки со стороны значительной части рабочего класса, составляющего 60—80% самодеятельного населения

капиталистических стран. Как известно, положение эксплуатируемого, лишенного средств производства и вынужденного жить продажей своей рабочей силы, не развивает автоматически классового сознания. Более того, весь процесс воспроизводства существующих отношений направлен на интеграцию рабочего в буржуазное общество. Маркс писал, что на определенной стадии «капиталистического производства развивается рабочий класс, который по своему воспитанию, традициям, привычкам признает условия этого способа производства как само собой разумеющиеся естественные законы»[1].

В зависимости от уровня политического развития В. И. Ленин выделял передовых рабочих, широкий средний слой и массу низших слоев[2]. Социальная и социально-психологическая разнородность пролетариата, влияние традиций, особенности классовой борьбы порождают различные стихийные тенденции в рабочей среде. Тяге к обновлению противостоит конформизм и пассивность, поскольку многие принимают существующие порядки.

Интеграция рабочего в систему закрепляется массированным воздействием буржуазной идеологии. На протяжении всей жизни пролетарию приходится продираться сквозь строй чужих мыслей и чувств. Ленин отмечал, что «наиболее распространенная (и постоянно воскрешаемая в самых разнообразных формах) буржуазная идеология... стихийно всего более навязывается рабочему»[3]. В мощном поле господствующих убеждений мало кому удается сохранить духовную независимость.

Конечно, реальное сознание буржуазных индивидов представляет собой сложный конгломерат ценностей, идей, установок, норм. Они образуют различные сочетания, создавая причудливую мозаику взглядов и позиций. Но в бесконечном разнообразии оттенков и нюансов выделяются основные линии, вокруг которых организуются остальные элементы сознания.

* * *

Победа буржуазных революций, перестройка всей жизни на новый лад произвели глубокий переворот в общественном сознании. Постепенно буржуазное мировоззрение превращается в господствующий тип сознания, проникает во все классы и слои общества. В «Немецкой

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 747.
[2] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 268—271.
[3] Там же, т. 6, с. 41.

идеологии» К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «Индивиды, составляющие господствующий класс, обладают, между прочим, также и сознанием и, стало быть, мыслят; поскольку они господствуют именно как класс и определяют данную историческую эпоху во всем ее объеме, они, само собой разумеется, делают это во всех ее областях, значит господствуют также и как мыслящие, как производители мыслей, они регулируют производство и распределение мыслей своего времени; а это значит, что их мысли суть господствующие мысли эпохи» [1].

Буржуазное сознание — продукт товарно-денежных отношений. Оно фиксирует реальность так, как она предстает в глазах товаропроизводителя, даже если его единственным товаром является собственная рабочая сила. В его зеркале отражается мир, в котором общественные отношения превратились в свойства вещей. Раскрывая природу этого самообмана, Маркс писал в «Капитале»: «Уже при рассмотрении простейших категорий капиталистического способа производства, и даже товарного производства, товара и денег, мы указали на мистифицирующий характер, превращающий общественные отношения, для которых вещественные элементы богатства при производстве служат носителями, в свойства самих этих вещей (товар), и, что еще ярче, превращающий само производственное отношение в вещь (деньги). Все общественные формы, поскольку дело доходит до товарного производства и денежного обращения, принимают участие в этом извращении. Но при капиталистическом способе производства и при капитале, который образует его господствующую категорию, его определяющее производственное отношение, этот заколдованный и извращенный мир получает несравненно большее развитие» [2].

Капиталистическое овеществление общественных отношений одушевляет неживые предметы, наделяя их магической силой. Поэтому в системе ценностей буржуазной личности центральное место занимает обладание собственностью, обеспечивающее права гражданства в мире собственников. Превращение частной собственности в основу социального взаимодействия придало общественным отношениям обезличенно-формальный характер. Отношения между людьми подменяются отношением капиталов, доходов, статусов. Вещная оболочка придает буржуаз-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 3, с. 46.
[2] Там же, т. 25, ч. 2, с. 394.

ным отношениям видимость универсальности. Маркс отмечал, что «для людей, захваченных отношениями товарного производства, эти специальные особенности последнего... кажутся имеющими всеобщее значение...» [1].

Поскольку капиталистическое производство подменяет общественные отношения отношением вещей, то в сознании людей они приобретают внеисторический характер, представляются независимыми от человеческой деятельности, более того — выступают в качестве естественной основы этой деятельности.

Движимое неуемным стремлением капитала к быстрому росту, буржуазное сознание отличается большим внутренним динамизмом. Оно постоянно преобразует мир в соответствии со своими установками. Экспансионизм буржуазного сознания в полной мере проявляется и в духовной деятельности. Рассматривая другие взгляды как заблуждения, рассеять которые призван свет проповедуемой им истины, оно стремится утвердить себя в качестве единственно верного мировоззрения.

В обществе, где социальные связи опосредуются вещами, системообразующей основой массового сознания является индивидуализм. «Раздробление человечества на монады, из которых каждая имеет свой особый жизненный принцип, свою особую цель, этот мир атомов достигает здесь своего апогея»,— писал Энгельс [2].

На закате феодальной Европы буржуазный индивидуализм стал могучей силой, позволившей раскрепостить творческую энергию личности. Отвергая феодальную иерархию, построенную на личной зависимости, сословном неравенстве и привилегиях, идеологи поднимающейся буржуазии утверждали, что все люди равны, наделены одинаковыми правами и единственной основой социальной организации может быть свободное согласие заинтересованных лиц, принимающее форму общественного договора. Создавая основы цивилизованной жизни, они добровольно объединяются в сообщества, учреждают законы, обязательные для всех. В таком «правильно» устроенном обществе человек может и должен стремиться достичь максимально высокого положения.

Направив энергию освобожденной от феодальных пут личности в сферу экономической деятельности, буржуазный индивидуализм способствовал ускоренному развитию

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 84.
[2] Там же, т. 2, с. 264.

производительных сил, предопределившему победу нового строя. Развитие различных форм корпоративизма, характерных для государственно-монополистического капитализма, не уничтожило индивидуалистическую основу буржуазного сознания. В буржуазном сознании индивидуализм прочно ассоциируется с такими понятиями, как свобода, равенство возможностей, конкуренция, личный успех.

Став основой жизни, буржуазный индивидуализм оказывает мощное воздействие на психологию и поведение масс. «Распространяясь далеко за пределы собственно буржуазного класса, индивидуализм, основанные на нем мотивационные стратегии и ориентации выступают как один из важнейших базисных компонентов массового сознания капиталистического общества»,— констатирует Г. Г. Дилигенский[1].

В зависимости от среды индивидуализм выполняет различные социально-психологические функции. Предпринимателя он освобождает от груза обязательств по отношению к окружающим, мелкого собственника превращает в резерв господствующего класса, рабочего вынуждает полагаться исключительно на свои силы в жестокой борьбе за существование, интеллигента замыкает в кругу собственных проблем и интересов.

Конечно, буржуазное сознание распространялось не в вакууме и не «отменяло» мировоззрение предыдущих эпох. Оно активно взаимодействовало с докапиталистическими формами сознания, перерабатывая их и видоизменяясь само. Характер и результаты этого процесса во многом зависели от особенностей развития капитализма, форм борьбы буржуазии за власть, политической активности масс.

Среди предшествующих форм массового сознания, с которыми столкнулась буржуазия, наибольшее значение имела религия. Отношение буржуа к религии определялось итогами Реформации, степенью соответствия церковной организации потребностям нарождающегося капиталистического порядка. Например, в США, где ведущую роль играл протестантизм, религия органично вошла в буржуазное сознание[2]. Но даже там, где церковь оставалась одним из оплотов феодализма, после более или менее продолжительного противоборства религия

---

[1] *Дилигенский Г. Г.* В поисках смысла и цели. М., 1986, с. 38—39.

[2] См.: *Фурман Д. Е.* Религия и социальные конфликты в США. М., 1981, с. 77—99.

превращается в один из устоев буржуазного общества. Так во Франции религия стала глубинной основой правой политической культуры. Избирательная статистика свидетельствует, что в общем и целом верующие настроены более консервативно, чем атеисты.

Стабилизирующая роль религии резко возрастает в периоды кризисов и потрясений, когда подрывается гегемония господствующего класса. Например, после второй мировой войны, сильно ослабившей позиции западноевропейской буржуазии, конфессиональные партии сыграли важную роль в обеспечении широкой поддержки существующего строя, особенно в Италии, Франции, Австрии, Западной Германии[1].

Другим важнейшим компонентом массовой психологии и сознания, с которым взаимодействует буржуазная идеология, является национализм. В Западной Европе, колыбели капитализма, нации формировались в период разложения феодализма. Укрепление национального единства компенсировало распад общинных, корпоративных, патриархальных, семейных связей. Национальное сознание отражало становление новой этносоциальной общности.

Национальное сознание — сложный комплекс чувств и представлений. В зависимости от обстоятельств места и времени национальная идея приобретает различные формы. В ней могут отражаться и чувство гордости своей страной, и ущемленное самолюбие, и объективные потребности общественного развития. Превратившись в господствующий класс, буржуазия широко использует национализм для укрепления своих позиций. В Западной Европе ее задача облегчалась концентрацией на относительно небольшой территории множества враждующих наций и народностей. В США, где развитие капитализма совпало с формированием нации, буржуазное сознание сразу приобрело националистическую окраску. Сплав религиозных убеждений, национальных предрассудков и буржуазных ценностей резко усилил воздействие идеологии американизма на массы. В XX в. борьба за сферы влияния, две мировые войны, крах колониальных империй, бурный рост транснациональных корпораций, меж-

---

[1] См., например: *Величко О. И.* Политический католицизм и рабочее движение в Австрии. М., 1985, с. 88—121; *Наринский М. М.* Борьба классов и партий во Франции. М., 1983, с. 12—16; *Сокольский С. Л.* Христианско-демократический союз ФРГ: социология и политика. М., 1983, с. 4—12.

дународная миграция рабочей силы, углубление внутренних противоречий капитализма постоянно подогревают национальные чувства. В критические моменты господствующий класс широко использует национализм в борьбе с прогрессивными силами.

В буржуазном сознании национализму противостоит космополитическая тенденция. В борьбе за власть буржуазия взяла на вооружение универсальные принципы, игнорирующие национальные различия. Появление мирового рынка, превращение истории во всемирную широко раздвинули горизонты сознания. В XX в. интернационализация капитала, различные формы политической интеграции, унификация духовной жизни, стремление к объединению сил в борьбе с социализмом усиливают космополитизм буржуазного сознания. В мире, где сузилась сфера господства капитала, постоянная борьба и взаимодействие националистической и космополитической тенденций порождает такие противоречивые образования, как идеи европеизма, атлантической солидарности, общности судеб западной цивилизации.

* * *

В процессе перехода от феодализма к капитализму выделяются, приобретают все большую автономию отдельные сферы жизни общества. В частности, становление буржуазного общества отмечено выделением политики, которая «есть область отношений *всех* классов и слоев к государству и правительству, область взаимоотношений между *всеми* классами»[1], в самостоятельную сферу деятельности. Соответственно в процессе разложения синкретического религиозного сознания средневековья выделяется политическое сознание как отражение социального опыта масс.

Социальный идеал буржуазной личности требовал соответствующего политического оформления. В домонополистическую эпоху оптимальной формой политической организации общества, открывающей широкий простор деятельности буржуа, являлась парламентская республика. В. И. Ленин констатировал, что «демократическая республика есть наилучшая возможная политическая оболочка капитализма, и потому капитал, овладев... этой наилучшей оболочкой, обосновывает свою власть настолько надежно, настолько верно, что *никакая* смена

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 79.

ни лиц, ни учреждений, ни партий в буржуазно-демократической республике не колеблет этой власти»[1].

Адекватная капиталистическому базису политическая надстройка создавалась постепенно. В течение долгого времени во многих странах буржуа действовали в условиях полуфеодального государства, выступая как «группа давления», а не господствующий класс. Вплоть до первой мировой войны буржуазная республика была скорей исключением, чем правилом. Национальные особенности процесса утверждения буржуазии как класса, определяющего «данную историческую эпоху во всем ее объеме», наложили глубокий отпечаток на ее политический облик, способность вершить государственные дела.

Так же, как капиталистическое производство, буржуазно-демократические институты стали мощным средством политической интеграции масс. «Главная историческая причина, которая обусловила особую выпуклость и (временную) силу буржуазной рабочей политики в Англии и Америке, это — давняя политическая свобода и необычайно выгодные, сравнительно с другими странами, условия для развития капитализма вглубь и вширь»,— подчеркивал Ленин[2].

Используя экономические, политические, идеологические рычаги, буржуазия создает социальный блок, массовую опору своей власти. Его структура, границы менялись в зависимости от обстоятельств места и времени. В частности, большое значение имели методы борьбы за власть, характер классовых союзов и компромиссов, степень активности и самостоятельности масс. Утверждаясь и самоутверждаясь, буржуазия умело выдавала свой частный интерес за всеобщий.

Но даже там, где, уничтожив «старый порядок», буржуазия прочно овладела политической инициативой, она не могла долго почивать на лаврах. Углубление противоречий капитализма, рост пролетариата, развитие рабочего движения, становление буржуазно-демократических институтов активизировали массы. В борьбе за свои права они приобретали опыт, позволяющий преодолевать стереотипы мышления и поведения, навязываемые господствующим классом. В новых условиях Энгельс считал основной задачей революционных сил развитие полити-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 33, с. 14.
[2] Там же, т. 22, с. 232.

ческого сознания масс, их активное участие в борьбе за новое общество. В конце своей жизни он писал: «Прошло время внезапных нападений, революций, совершаемых немногочисленным сознательным меньшинством, стоящим во главе бессознательных масс. Там, где дело идет о полном преобразовании общественного строя, массы сами должны принимать в этом участие, сами должны понимать, за что идет борьба...» [1]

Появление монополий, вступление капитализма в империалистическую стадию породили новые противоречия в сфере политической организации общества. Обладая огромной экономической мощью, финансовая олигархия стремилась выхолостить представительные институты, узурпировать власть, что наталкивалось на сопротивление масс. В. И. Ленин писал: «Капитализм вообще и империализм в особенности превращает демократию в иллюзию — и в то же время капитализм порождает демократические стремления в массах, создает демократические учреждения, обостряет антагонизм между отрицающим демократию империализмом и стремящимися к демократии массами» [2].

В эпоху империализма и пролетарских революций буржуазия вынуждена уделять особое внимание идейно-политическому обеспечению своих позиций. Резкое сокращение удельного веса собственников в составе самодеятельного населения, рост организованности трудящихся, распространение революционной идеологии заставляют ее мобилизовать все резервы в борьбе за массы. Необходимо также учитывать, что вплоть до первой мировой войны в большинстве стран Западной Европы право голоса имели не более 30—40% взрослого населения [3]. Включение в политическую жизнь огромных масс населения могло резко изменить баланс сил. В поисках точки опоры — особенно в критические периоды — буржуазия использует глубинные пласты сознания в качестве политического оружия. «Если демократизован строй государства,— констатировал в 1913 г. В. И. Ленин,— то капиталистам *приходится* искать опоры в массах, а для этого надо организовать их под лозунгами клерикализма (черносотенства и религии), национализма-шовинизма и т. д.» [4].

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 22, с. 544.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 71.
[3] См.: *Вебер А. Б.* Указ. соч., с. 72.
[4] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 23, с. 188.

В борьбе с набиравшим силу социалистическим движением буржуазия опиралась на отсталые отряды трудящихся, в том числе на значительную часть рабочего класса. Она старательно консервировала непролетарские формы сознания, включая докапиталистические. Но, конечно, ее политическая деятельность не сводилась только к охранительным мерам. Внутри господствующего класса шла острая борьба по кардинальным проблемам развития капитализма.

В этой борьбе различные фракции буржуазии апеллировали к разным слоям населения, делали упор на тех или иных сторонах сознания масс. Постепенно образовался целый спектр буржуазных политических сил — радикальных, либеральных, консервативных и т. д.— со своей идеологией, программой, массовой базой. Они заложили основы соответствующих политических субкультур, ставших устойчивой формой организации сознания и поведения масс. Выражая определенные тенденции развития, они дают возможность буржуазии приспособиться к быстро меняющемуся миру.

* * *

Великая Октябрьская социалистическая революция, положив начало новой эпохе в истории человечества, явилась важнейшим рубежом и в развитии буржуазного сознания. Появление первого социалистического государства создало возможность глобального противопоставления и самоидентификации буржуазного сознания по принципу «мы — они». Отныне все происходящее воспринимается через призму основного противоречия эпохи как «за» и «против» в историческом споре капитализма с социализмом. По мере укрепления позиций социализма углубляются внутренние противоречия буржуазного сознания. Стремясь перехватить историческую инициативу, оно пытается использовать новаторские подходы социализма и предложить свое решение возникающих проблем.

Сужение сферы господства империализма, исторический вызов социализма вынуждают буржуазию постоянно учитывать новую реальность. В поисках ответа на вызов социализма буржуазный мир раздвигает привычные представления о взаимоотношениях личности и общества, включает в свою систему координат чуждые ему ценности и нормы. В то же время важнейшей «скрепой» буржуазного сознания, соединяющей его различные компоненты, становится антисоветизм и антикоммунизм.

В условиях государственно-монополистического капитализма развивается процесс фетишизации буржуазного сознания. Распространение обезличенных форм собственности, усложнение структуры отношений между трудом и капиталом, регулирующая деятельность государства создают плотную завесу, скрывающую от глаз процесс капиталистического присвоения результатов чужого труда. Без помощи теории обыденное сознание не может проникнуть в суть происходящего.

В XX в. меняется сам механизм формирования буржуазного сознания. В мире, расколотом социальными революциями, буржуазия не может более полагаться на автоматически действующие средства духовного подчинения масс. В борьбе за идейно-политическую гегемонию в обществе она уделяет все больше внимания целенаправленной обработке сознания различных слоев населения. Бурно развивается «индустрия сознания», включая разнообразные средства воздействия на умы.

Вторая мировая война углубила кризис буржуазного сознания. Несколько до предела насыщенных лет изменили до неузнаваемости социальный облик планеты. Социализм превратился в мировую систему, все сильнее влияющую на ход исторического развития. Начался распад колониальных империй, на карте мира одно за другим появляются десятки новых государств.

В то же время усложнилась антитеза «капитализм — социализм» в сознании масс. Социалистическая система государств, начавших строительство нового общества со среднего или низкого уровня развития капитализма, заметно проигрывала, когда речь шла о жизненном уровне основной части населения, организации досуга и т. д. Положение усугублялось трудностями и ошибками, неизбежными в небывалом деле перестройки всей жизни на коллективистской основе, отступлениями от принятых норм, извращением принципов социализма вплоть до преступлений на почве злоупотребления властью. Умело обыгранные буржуазной пропагандой негативные стороны жизни социалистических стран создавали малопривлекательный образ нового общества, вырабатывали подспудное ощущение, что реальной альтернативы капитализму нет.

Развитие по капиталистическому пути большей части освободившихся государств резко расширило ареал распространения буржуазного сознания. Увеличилось разнообразие его проявлений, возродились, казалось, давно

ушедшие в прошлое типы буржуазной личности. Взаимодействие на мировой арене различных тенденций массового буржуазного сознания — от фашистских до революционно-демократических — усложнило его внутреннюю диалектику, породило необычайное богатство оттенков.

Набирающая силу научно-техническая революция одновременно создала неслыханные возможности и невиданные опасности. Человечество столкнулось с новыми проблемами, в решении которых старый опыт был плохим советчиком.

Многое изменилось и в буржуазном обществе. Огромная человеческая масса, втянутая в водоворот событий, крах привычного уклада жизни, лишения и страдания, гибель десятков миллионов людей потрясли до основания старый мир. Крах фашистских и полуфашистских режимов создал политический вакуум в ряде государств. Решающий вклад Советского Союза в разгром фашизма увеличил притягательную силу идей социализма. Образование мировой социалистической системы усилило позиции рабочего класса. Даже та часть трудящихся, которую пугала перспектива революционной ломки капиталистических порядков, не хотела жить по-старому.

Чтобы восстановить нарушенную систему социально-политических союзов, буржуазия должна была учитывать новую историческую ситуацию, возросший уровень сознания масс. В послевоенной стабилизации капитализма важную роль сыграли «новые люди», представители модернистских фракций буржуазии, часто связанных с госаппаратом. Неоценимую услугу оказали своему классу и крупные буржуазные политики, вынесенные наверх кризисной ситуацией: Ш. де Голль, К. Аденауэр.

Мобилизуя массы в поддержку капиталистической реставрации в Западной Европе, буржуазия широко использовала религию, национализм, социально-политический консерватизм. В то же время ее ведущие представители понимали: для того чтобы все осталось по-старому, необходимы большие перемены. Не затрагивая основ существующего строя, буржуазные идеологи и политики стремились «реформировать» общество. По их замыслу «индивидуализм» вытесняется «принципом солидарности», на базе которого развивается сотрудничество труда и капитала. Используя экономические и политические рычаги, государство добивается, чтобы «социальные партнеры» в своей деятельности руководствовались соображениями «общего блага». Чтобы не допустить углуб-

ления социального неравенства, дальнейшей поляризации общества, необходимо всячески стимулировать «образование собственности» у трудящихся, в том числе на средства производства. Не полагаясь слепо на добрую волю сильных мира сего, государство должно защищать «слабых».

Новые идеи с трудом прокладывали дорогу в толщу господствующего класса, встречали ожесточенное сопротивление консервативных сил. В политическом воспитании буржуазии, перестройке ее сознания и поведения решающую роль сыграла борьба масс, показавшая, что назад дороги нет. Не снимая основных противоречий капитализма, буржуазный реформизм расширил поле маневра господствующего класса, обогатил его идейно-политический арсенал. Степень эффективности стратегии буржуазного реформизма во многом зависела от ее экономического, социального, политического обеспечения. С этой точки зрения послевоенную историю капитализма можно разделить на два периода, граница между которыми проходит на рубеже 70-х гг. Они сильно отличаются друг от друга, в том числе и по социальному опыту масс. Эти отличия преломились в их сознании и поведении, изменили расстановку политических сил.

В 50—60-е гг. буржуазия, апеллируя к массам, использовала исключительно благоприятную экономическую конъюнктуру. В 1950—1973 гг. темпы роста промышленного производства в развитых капиталистических странах увеличились до 5,4% в год по сравнению с 1,8% в 1913—1937 гг.[1] В упорной борьбе трудящиеся добились значительного повышения жизненного уровня. В ведущих странах Запада реальная заработная плата увеличилась в 1,5—3 раза. Перед лицом достижений социализма буржуазное государство было вынуждено использовать часть прибылей для смягчения классовых антагонизмов, развития социальной инфраструктуры. Разгром фашизма, отпор силам реакции укрепил демократические завоевания масс.

В то же время послевоенное развитие капитализма подрывает традиционные основы социально-психологического влияния господствующего класса. Индустриализация, урбанизация, развитие транспорта и связи, распространение средств массовой информации уничтожают патриархальный мир замкнутых, изолированных общин,

---

[1] См.: Проблемы мира и социализма, 1979, № 10, с. 49.

в которых всем заправляла местная знать. Рост мобильности населения, усложнение структуры связей и отношений индивида с внешним миром, ослабление социальных барьеров расширяют горизонты личности. Вовлечение новых категорий населения в процесс производства, расширение сферы капиталистической эксплуатации, углубление классовых противоречий втягивают в борьбу ранее пассивные отряды трудящихся, укрепляют их позиции, повышают социальные ожидания. Ощущение своей силы развивает у трудящихся чувство собственного достоинства, внутреннюю независимость, привычку к самостоятельным суждениям и действиям. Распространение образования, рост информированности «среднего человека» разрушают стереотипные формы мышления.

Значительные метаморфозы претерпели традиционалистские элементы буржуазного сознания. Секуляризация сознания, обновленческие тенденции в церкви, расширение политической автономии верующих ослабили клерикализм. Развитие экономической и политической интеграции капиталистического мира постепенно превращало в анахронизм воинствующий национализм. Появление целой системы государств, основанных на принципах коллективизма, подрывало архаичную систему ценностей, вынуждало искать новые формы социального взаимодействия индивидов.

Ослабление гегемонии господствующего класса происходило в условиях политизации всей жизни общества. Подводя итоги коллективного исследования советских авторов, С. П. Перегудов отмечает «постоянно идущий процесс распространения вширь и вглубь буржуазного общества политических отношений, проникновение их во все поры и «уголки» этого общества, все более непосредственное вовлечение в них широких масс населения, его отдельных слоев и групп» [1]. Политика прочно вошла в повседневную жизнь рядового человека, заняла важное место в его сознании.

К концу 60-х гг. стало очевидным снижение эффективности традиционных средств социального контроля. В ряде стран в обстановке подъема рабочего и демократического движения разразились социально-политические кризисы, возникла угроза дезинтеграции буржуазного

---

[1] Современный капитализм: политические отношения и институты власти. М., 1984, с. 319.

блока, паралича государственных институтов, что наиболее отчетливо проявилось в мае 1968 г. во Франции [1].

Уменьшение политического потенциала традиционалистского сознания особенно заметно на периферии капиталистической Европы, где оно более устойчиво. Так, его влияние в общественно-политической жизни Португалии, Греции, Испании, в середине 70-х гг. освободившихся от фашистских режимов, довольно ограничено. В борьбе за политическую гегемонию буржуазия этих стран не могла столь широко, как раньше, эксплуатировать предрассудки масс. Несмотря на прочные позиции церкви, ни в одной из них не возникло сильной конфессиональной партии [2]. Не играет значительной роли и национализм, кроме Греции, где он постоянно подогревается конфликтом с Турцией и кипрской проблемой. Не удалось создать и устойчивый консервативный социальный блок.

Во второй половине 60—70-х гг. кризис буржуазного блока, утрачивающего традиционалистскую основу, принимает различные формы в зависимости от национальных особенностей, традиций классовой борьбы, расстановки политических сил. В Соединенных Штатах падает доверие к основным общественным институтам, особенно правительству и крупному бизнесу [3]. В Центральной и Северной Европе социал-демократы перехватывают инициативу у буржуазных партий. В Юго-Западной Европе левые, ударной силой которых были коммунисты, переходят в наступление.

Ослабление позиций буржуазии было вызвано не только социально-политическими причинами. В 70-е гг. капитализм вступает в кризисную полосу: падают темпы экономического роста, растут инфляция и безработица, возникает угроза социальным завоеваниям трудящихся, углубляются классовые противоречия. Структурный кризис экономики подтачивал социальную опору буржуазии.

---

[1] См.: Трудовая Франция против власти монополий. Майско-июньские события 1968 г. и дальнейшее развитие классовой борьбы. М., 1973.

[2] Раскрывая причины этого явления, советский испанист С. М. Хенкин пишет: «Хотя церковь остается могущественной силой, широкие слои населения стремятся отделить ее от светских сфер жизни, и в частности отказываются следовать ее рекомендациям по политическим проблемам. В 1983 г. лишь 8% опрошенных испанцев сказали, что всегда следуют политическим советам церкви» (Рабочий класс и современный мир, 1985, № 1, с. 96—97).

[3] *Lipset S. M., Schneider W.* The Confidence Gap. N. Y.— L., 1983, ch. 1. 2.

Властвующая элита оказалась перед необходимостью реорганизации буржуазного блока в соответствии с новыми условиями. В поисках выхода господствующий класс обращается к основам, тем идеям и принципам, на которых зиждятся капиталистические порядки. Он отбрасывает все, что выходит за рамки буржуазных принципов социальной организации, апеллирует к частнособственническим инстинктам обывателя. Его задачу облегчало банкротство реформистской политики, ассоциировавшейся в сознании масс с коллективистскими ценностями.

Выразителем новых потребностей капитала стало консервативное крыло буржуазии, постепенно захватившее политическую инициативу. Овладев рычагами государственной власти в ведущих странах капиталистического мира, оно осуществляет свою программу возрождения буржуазного духа: создает режим наибольшего благоприятствования деятельности капитала, продает государственное имущество в частные руки, стимулирует мелкое предпринимательство, поощряет рост личных состояний. Всячески способствуя «образованию собственности», консерваторы укрепляют материальную основу буржуазного сознания.

Консервативный синтез, осуществленный правыми силами, включает и другие элементы. Оживляется интерес к религии. На основе принципа «своя рубашка ближе к телу» разжигается национализм и шовинизм. В общественном сознании актуализируются консервативные ценности[1]. Вызванные кризисом растерянность и смятение порождают тоску по сильной власти, способной навести порядок. В глобальном плане активизируются попытки переломить в свою пользу основные тенденции мирового развития, доказать историческое превосходство капитализма над социализмом.

В стратегии буржуазии все более важное место занимает прямое воздействие на политическое сознание и по-

[1] Советский исследователь А. А. Галкин констатирует: «...если взять зону развитого капитализма в целом, то основное направление сдвигов в господствующей идеологии не вызывает сомнений. Консерватизм завоевал определяющие позиции в официальной общественной науке, получил распространение в массовых интеллектуальных кругах. Консервативные идеи заняли доминирующее место в политических документах буржуазных партий, не только правого, но и центристского толка. Более того, некоторые традиционные консервативные взгляды стали проникать в систему ценностей той части общественности, которая издавна тяготела к левому флангу и отвергала консервативные постулаты» (Рабочий класс и современный мир, 1985, № 2, с. 68).

ведение масс. Переход к целенаправленной организации политической жизни требовал мобилизации сил. Растет общественная активность буржуа, политические проблемы занимают все большее место в деятельности монополий, предпринимательских союзов, различных организаций господствующего класса. Наряду с традиционными рычагами идейно-психологического воздействия на массы, такими, как церковь, государственный аппарат, система воспитания и образования все шире используется столь мощное оружие, как современные средства массовой информации. «В ведущих империалистических государствах,— пишет Н. В. Загладин,— создан мощный разветвленный механизм разработки и распространения концепций, призванных поработить сознание масс. Сложился целостный политико-идеологический комплекс, тесно связанный как общностью классовых интересов, так и «личной унией» с военно-промышленным комплексом, спецслужбами, правящими кругами, монополистической олигархией» [1]. Не жалея красок, средства массовой информации рисуют «образ мира», утверждающий в общественном сознании идею превосходства, незыблемости капиталистических порядков. Сила воздействия политико-идеологического комплекса увеличивается за счет умелого использования психологических средств.

Используя огромный опыт массовой работы, накопленный рабочими организациями, перестраиваются буржуазные партии. Они создают хорошо отлаженный аппарат управления, расширяют ряды, активизируют членскую массу, укрепляют связи с примыкающими организациями, развивают бурную агитационно-пропагандистскую деятельность [2].

Буржуазные политики широко используют новейшие достижения научно-технической революции. Опросы общественного мнения, современные методы анализа сознания и поведения масс, политологические исследования, видеозаписи, электронно-вычислительная техника, спутники связи, банки данных, услуги всевозможных специалистов призваны обеспечить постоянное взаимодействие между управляющими и управляемыми. Политика превратилась в сложнейшую область деятельности, требующую прочную материальную базу.

Буржуазия все больше координирует политическое воспитание и организацию масс в международном

[1] *Загладин Н. В.* В погоне за недостижимым. М., 1984, с. 72.

[2] См., например: *Новиков Г. Н.* Голлизм после де Голля. М., 1984, с. 241—251.

масштабе. Вслед за экономической выходит за страновые рамки политическая деятельность транснациональных корпораций. Порожденные интеграцией международные объединения предпринимателей также не чураются политических проблем. Постоянное согласование позиций правительств капиталистических государств затрагивает и внутреннюю политику. Создание таких политических объединений, как «межнациональные партии» в Европейском экономическом сообществе, Европейский и Всемирный союз христианских демократов, Либеральный интернационал, придало идейно-политическим течениям наднациональное измерение.

Стремлением к консолидации буржуазных политических сил продиктовано объединение в 1978 г. в рамках так называемого Европейского демократического союза христианско-демократических и консервативных партий субконтинента. Следующим шагом в этом направлении явилось создание в 1983 г. Международного демократического союза (МДС), своего рода «правого интернационала», собравшего под свои знамена консервативные, либеральные и христианско-демократические партии «свободного мира». Будучи неправительственной организацией, МДС тем не менее обладает немалым политическим весом, в частности, потому что в него входят правящие партии «большой пятерки»: США, Японии, ФРГ, Великобритании, Франции.

* * *

Несмотря на смену вех, послевоенный период обнаружил большую устойчивость политического влияния буржуазии на массы. В развитых капиталистических странах более половины избирателей на протяжении десятилетий голосуют за буржуазные партии. Опросы общественного мнения показывают, что основная часть населения с теми или иными оговорками поддерживает существующие порядки.

Социально разнородный буржуазный блок цементирует различные силы. Относительно высокий жизненный уровень притупляет остроту восприятия эксплуатации труда капиталом. Представительные учреждения создают видимость демократического участия масс. Стандартизированная массовая культура пропагандирует и насаждает буржуазный образ жизни. Социализм еще не воспринимается как реальная альтернатива капитализму. На фоне нищеты и страданий сотен миллионов людей

в бывших колониях и полуколониях капиталистический мир кажется чуть ли не островком благополучия.

В современном буржуазном обществе осью политической жизни служат представительные институты, олицетворяющие государственную власть. Однако подавляющее большинство населения не участвует в их деятельности даже на низовом уровне. Для рядовых граждан организация и ведение государственных дел остаются тайной за семью печатями. Не имея соответствующего опыта, многие принимают на веру господствующие стереотипы. Предлагаемая «модель социума» включает в себя идеализированные представления о капитализме как обществе «равных возможностей», «воплощении демократии», «оплоте цивилизации». Привлекательный образ буржуазного общества закрепляется негативным отношением к иной социальной системе, формируемым мощной антикоммунистической пропагандой.

Нечастые взлеты самостоятельной активности масс так или иначе «перевариваются» буржуазным государством. В общем и целом послевоенное сорокалетие было периодом относительно мирного, эволюционного развития капитализма. Классовые конфликты редко принимали форму фронтальных столкновений, власть буржуазии практически не ставилась под вопрос. Широкое использование правящими кругами стратегии социального лавирования, демократический антураж в немалой степени скрывали классовую сущность политических институтов.

Положение усугубляется тем, что политическое просвещение масс далеко не всегда в центре внимания рабочих и демократических организаций. Необходимость выжить в трудной борьбе за существование, повседневные заботы, недооценка значения борьбы за духовную гегемонию в обществе ограничивают развитие этой деятельности. В осмыслении сложных процессов, происходящих в современном мире, массы нередко лишены верных ориентиров. Используя различные рычаги, буржуазия держит под контролем основную массу трудящихся. Из разнородных элементов она создает блок социальных сил, поддерживающих существующие порядки. Признавая законной власть капитала, они гарантируют политическую стабильность буржуазного общества.

Устойчивость буржуазного блока не означает неизменность. За внешней стабильностью скрывается постоянное движение, динамика которого отчетливо видна

в эволюции основных буржуазных партий. По данным социологических исследований, в крупных буржуазных партиях, таких, как британские консерваторы, французские голлисты, западногерманские и итальянские христианские демократы, можно выделить три основных компонента[1]:

— буржуазия и средние слои (мелкая буржуазия, интеллигенция);

— более консервативные слои населения (женщины, старики, бедняки, жители небольших общин, практикующие верующие);

— относительно пассивные отряды пролетариата с неразвитым классовым сознанием (рядовые служащие, неорганизованные рабочие).

Эти весьма разнородные социальные категории объединены одним: в силу своих интересов или сложившихся обстоятельств они далеки от организованного рабочего движения. Таким образом, в течение долгого времени глубинной основой буржуазного блока являлась пассивность значительной части масс, ее нежелание или неспособность бороться за свои права. Сфера идейно-политического влияния господствующего класса определялась живой диалектикой борющихся сил, его позиции наиболее прочны там, где слабы рабочие организации.

Эмпирический материал подтверждает наличие прямой связи между вышеуказанными социально-политическими характеристиками личности и поддержкой буржуазных партий. Например, в начале 80-х гг. итальянские рабочие, собиравшиеся голосовать за христианских демократов,— это прежде всего жители небольших (менее 10 тыс. человек) населенных пунктов, с низким уровнем образования. Среди рабочих избирателей ХДП 50,5% — не члены профсоюза (для сравнения у коммунистов — 24%).

Как правило, этим категориям населения присущ комплекс социальной слабости, внутренняя психологическая зависимость от хозяев. В словах и поступках они постоянно оглядываются на власть, стараются «быть, как все». Уровень их жизненных ожиданий невысок, они хотят сохранить свое положение, не претендуя на большее. Поэтому они с недоверием и опаской относятся к переменам, предпочитая знакомое зло незнакомому. Не веря в

[1] См.: *Степанова Н. М.* Консервативная партия и рабочий класс в послевоенной Англии. М., 1972; Рабочие избиратели в странах Западной Европы. М., 1980.

свои силы, они склонны искать защиту и покровительство. Естественно, они тяготеют к тем, кто олицетворяет закон и порядок. Равнение направо превращается в условный рефлекс.

Не имея опыта самостоятельных действий, они плохо ориентируются в хитросплетениях политики. Вплоть до недавнего времени относительная неразвитость сознания электората буржуазных партий проявлялась в пассивности массовой базы, политическая деятельность которой часто ограничивалась голосованием. Впрочем, немногим активнее были и рядовые члены этих организаций. Поскольку основной функцией буржуазных партий является борьба за голоса избирателей, они уделяли мало внимания политическому воспитанию своих сторонников.

Политическая пассивность, узость кругозора проявлялись и в характере голосования. Выбор избирателей буржуазных партий во многом определялся персональными соображениями, отношением к личности кандидата, иной раз — его «образом», искусно создаваемым средствами массовой информации. Политические оценки нередко отступали на задний план.

Социально-психологическая основа поддержки буржуазных сил, конечно, не сводится к пассивности. Политическая активизация масс далеко не всегда означает включение в классовую борьбу. Она может питаться другими системами ценностей: религиозной, националистической, консервативной. В сознании и поведении этих слоев населения классовые противоречия отступают на задний план, и они, как правило, голосуют за буржуазные партии. Политический конформизм закрепляется не только поддержкой буржуазных партий, но и участием в деятельности «примыкающих» к ним массовых организаций (спортивных, культурных, идеологических, благотворительных и т. д.).

Наконец, даже развитие классового сознания, участие в борьбе за интересы трудящихся не обязательно ведет в стан левых. В сложной гамме классовых интересов рабочий может отдавать предпочтение не коренным, стратегическим, а непосредственным, ориентироваться на улучшение своего положения в рамках системы, стабильность которой он будет поддерживать. «В целом,— констатирует Г. Г. Дилигенский,— масса сторонников буржуазных политических сил из пролетарской среды в социально-психологическом отношении достаточно разнородна. Сю-

да относятся люди, глубоко впитавшие «почтительное» отношение к существующей системе власти; политически индифферентные трудящиеся, принимающие формы поведения, навязываемые им буржуазной пропагандой; наконец, те рабочие и служащие, которые пытаются соединить консервативные представления с ориентацией на защиту своих классовых интересов, всерьез воспринимают современные буржуазные партии (ХДС — в ФРГ, ХДП — в Италии, партию голлистов — во Франции) как «общенародные», способные якобы осуществлять социально-прогрессивную политику» [1].

Как отмечалось, структурный кризис, поразивший капиталистический мир на рубеже 60—70-х гг., сделал необходимой реорганизацию буржуазного блока, изменение удельного веса его различных компонентов. Изменилась и иерархия мотивов, которые приводят значительную часть трудящихся на сторону буржуазии. В обстановке растущих экономических трудностей, кризиса «государства всеобщего благоденствия» вокруг господствующего класса сплачивались те, кто уповал на частную инициативу. Возлагая свои надежды на классические черты буржуазной личности — индивидуализм, независимость, предприимчивость, дух конкуренции, они считали источником всех бед «социализацию» общества: рост влияния рабочих организаций, расширение государственного регулирования, создание дорогостоящей социальной инфраструктуры, засилие бюрократии. Заставляя честных тружеников содержать тунеядцев, «благотворительное» государство насаждает «уравниловку», убивающую чувство личной ответственности за свою судьбу.

В создающееся неоконсервативное ядро буржуазного блока вошли и массовые слои населения, не приемлющие перемен, происходивших в повседневной жизни западного общества: снижение религиозности, усложнение этнического состава, либерализацию морали. Одной из доминант сознания сторонников неоконсерваторов был страх перед происходящими в мире преобразованиями: укреплением позиций социализма, ростом влияния бывших колоний и полуколоний, борьбой народов за свои права. Различные формы массового недовольства, порожденные внутренними и внешними противоречиями капитализма, сливались в единый поток, вынесший консерваторов к власти.

---

[1] Социальная психология классов, с. 96.

Объективной основой буржуазного блока 80-х гг. явилось совпадение интересов тех слоев общества, которые, сохранив относительное благополучие, стремились к быстрейшей нормализации положения. Исходя из своего опыта, они считали, что лучше всего это сделает капитал, если развязать ему руки. Конгломерат сил, сплотившихся вокруг буржуазии, включает и мелких собственников, и большинство новых средних слоев, и значительную часть рабочего класса. Например, в Великобритании заметно увеличилось влияние консерваторов в рабочей среде. На парламентских выборах 1979, 1983 и 1987 гг. они получили около $^1/_3$ голосов рабочих. В США на президентских выборах 1980 и 1984 гг. за правого республиканца Р. Рейгана голосовало 47 и 53% рабочих. В Японии с 1976 по 1982 г. доля промышленных рабочих, поддерживающих либералов, увеличилась с 28 до 46%.

Находясь у власти, консерваторы всячески культивируют частнособственнические инстинкты в массе своих сторонников. Они поощряют мелкое предпринимательство, распродают государственное имущество в частные руки, способствуют приобретению индивидуальных домов и квартир, распространяют акции среди трудящихся. «Наша политика заключается в том, чтобы каждый, имеющий доход, стал собственником... Мы строим демократию собственников»,— заявила М. Тэтчер после третьей подряд победы консерваторов на парламентских выборах 1987 г.[1] Таким путем они стремятся напрямую связать интересы большинства населения с движением капитала, его расширенным воспроизводством. «Диффузией» собственности они рассчитывают еще теснее привязать людей к существующей системе.

Не меняя положения человека в обществе, новые формы собственности смещают центр тяжести интересов, направляя их в сторону приобретательства. Они создают иллюзию социального продвижения, приобщения к состоятельному кругу. Так, превращение в 80-е гг. акционерной собственности в массовый феномен оказывает глубокое воздействие на общественную психологию и сознание. «Короче говоря, бизнес стал популярным,— констатирует «Ньюсуик».— По всей Европе миллионы обычных людей впервые в жизни приобрели акции. В Британии акции продаются в универсамах и аэропортах. Во Франции собрания акционеров проводятся в концертных залах с

---

[1] Time, 22. VI 1987, p. 14, 15.

музыкой, улыбающимися распорядительницами, демонстрацией диапозитивов. В Италии предприниматели и промышленники стали кумиром средств массовой информации. «Прибыль», столь долго бывшая ругательством в большинстве европейских языков, приобрела респектабельность» [1].

Консервативные правительства, правые партии, деловой мир всячески поощряют распространение индивидуальной собственности, рассматривая ее как мощное оружие политической стабилизации. Эта политика приносит плоды. Например, на выборах 1987 г. в Великобритании за консерваторов проголосовало 44% рабочих, имеющих собственные дома, и только 21% снимающих муниципальные квартиры. В частном интересе, капитале, полномочными представителями которого выступают неоконсерваторы, новые собственники видят силу, способную оживить экономику, вывести общество из тупика структурного кризиса.

Получив стратегический перевес, консерваторы стремятся закрепить новое соотношение сил в зоне развитого капитализма. Крупная победа либералов на «двойных» (т. е. одновременно в нижнюю и верхнюю палаты парламента) выборах в Японии летом 1986 г., сохранение консервативно-либеральной коалиции в ФРГ после выборов в начале 1987 г., три победы консерваторов на выборах в Англии, поражение левых сил на выборах во Франции, Италии, Португалии в 1986—1987 гг., сдвиг вправо во внутриполитической жизни этих стран говорит о распространении неоконсерватизма вширь, гомогенизации на правой основе политических структур капиталистического мира.

Однако по мере осуществления программы «новых правых» на первый план будут выходить и уже выходят издержки консервативного курса: появление большого слоя маргиналов, рост социального неравенства, обострение классовых противоречий, ограничение гражданских прав и свобод, усиление межимпериалистического соперничества, нестабильность международной обстановки. Он вызовет и уже вызывает растущее сопротивление со стороны различных слоев населения. Даже с точки зрения буржуазии, не говоря о ее союзниках, «консервативная модель» может быстро утратить свою привлекательность.

---

[1] Newsweek, 31. VIII 1987, p. 30.

2. РЕЛИГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ СОВРЕМЕННОСТИ

В последнее время обществоведы все чаще признают, что так называемый религиозный фактор играет заметную роль в важнейших социально-политических процессах и без его систематического профессионального изучения подобного рода процессы невозможно ни понять, ни тем более прогнозировать. Это очевидно показала уже революция в Иране. Религиозный момент оказывается далеко не формальным и во многих других общественных движениях Азии и Африки. Но дело вовсе не ограничивается «мусульманским миром» и в прошлом отсталыми странами, которые энергично вовлекаются в единый общественно-исторический процесс. Религия ныне составляет существенный элемент антиимпериалистической идеологии и в странах Латинской Америки и по-прежнему оказывает ощутимое влияние на политическую жизнь индустриально развитых стран Запада, в частности США. В последние годы оно проявляется, пожалуй, более ощутимо.

Иллюстрацией может служить образование так называемого «морального большинства», открыто связывающего политический консерватизм с религиозным фундаментализмом, настойчивые попытки администрации США оправдать свой агрессивный внешнеполитический курс ссылками на Библию и т. п. Несомненно, возросла политическая активность Ватикана, глава которого все настойчивее претендует на роль «духовного лидера и совести человечества». Укажем и на то, что многие христианские организации Европы и США выступают инициаторами массовых антиядерных движений, обычно фигурирующих как «пацифистские».

При этом выявляется существенное обстоятельство: сторонники одних и тех же вероисповеданий разделяют неодинаковые, а то и прямо противоположные полити-

ческие позиции. Если в Иране ислам сыграл решающую роль в антишахской, антиимпериалистической революции, то в Пакистане под его флагом проводится проамериканская политика. К мусульманским символам взывал и Садат, и его смертельные противники. Да и внутри христианских течений не утихает острая полемика по злободневным общественным проблемам, например войны и мира.

Теоретический подход к данной проблеме не может ограничиться лишь констатацией неоднозначной роли религии в политической жизни. Нужно еще выявить инвариантные содержательные взаимоотношения между этими двумя формами общественного сознания и массовой деятельности. Разумеется, они каждый раз складываются конкретно, и, говоря об отдельных странах, следует максимально учитывать специфику господствующей религии, местные историко-культурные, в том числе и антицерковные, традиции, классовые противоречия и сложившиеся формы их выражения в социальном сознании.

Будучи сложным, многоплановым явлением, религия — это не только специфическое мировоззрение (как собственно религиозно-массовое, так и теологически-концептуальное), но и особый социальный институт, включающий церкви, монастыри, различные ордена, братства и пр. Кроме того, существуют многочисленные «мирские» объединения, которые созданы под эгидой духовенства,— профсоюзные, молодежные, женские, спортивные и т. п., не говоря уже о религиозных политических партиях. Не следует забывать и о многочисленных школах, институтах, исследовательских центрах, издательствах, периодических публикациях, радио- и телепрограммах, контролируемых церковью.

Для того чтобы разобраться в отдельных фактах и процессах, рассмотрим проблему «религия и социальные движения» в общетеоретическом плане, выявляя типологию, реальное содержание и ключевые моменты их взаимоотношений. Основное внимание сосредоточим на анализе религии как особого мировоззрения, ее роли в различных, в том числе и государственно-монополистических, структурах, ее способности как осуществлять апологетические функции, так и стимулировать социально-оппозиционные, в том числе и революционные, движения. Такой подход позволит выработать некоторые общие понятия и абстракции.

Как свидетельствует история, средством сохранения существующей власти и нейтрализации революционных выступлений может служить либо внешнее физическое насилие, либо духовное воздействие на внутренний мир людей, внедрение особой «охранительной» идеологии, ориентирующей массы на воспроизводство данного политического строя. Такая практика осуществляется профессиональными идеологами, которые формулируют соответствующие доктрины. Они могут быть разными — политическими, правовыми, философскими, этическими. Отметим, однако, любопытный факт: первыми представителями интеллигенции были жрецы, а наиболее эффективным типом социально-апологетической идеологии исторически выступила именно религия. Напомним известное замечание Маркса: «...первая форма идеологов, *попы*» [1]. Не случайно, говоря о способах классового угнетения, Ленин специально выделяет «функцию палача» и «функцию попа» [2]. Насколько обоснованны такие суждения? Имеются ли у религии какие-то специфические черты, обеспечившие ее столь успешный альянс с официальной политикой?

Идеология господствующего класса, противостоящая революционному сознанию,— это система взглядов, которая оправдывает данный строй, так сказать, в принципе. Осуществить такую функцию она может, лишь адресуясь ко всему населению, доказывая «естественность» сложившихся порядков, предлагая «единые» и для всех «приемлемые» социальные идеалы. В классово антагонистическом обществе сделать это в форме, достоверно фиксирующей позиции различных социальных слоев, невозможно. Нужен особый, в сущности, мифологический тип идеологии, предлагающий такие ценности, в которых примиряются, интегрируются несовместимые классовые интересы. Светская мысль обычно взывала к «мудрому законодателю», «историческим традициям», к «интересам нации» и т. п. Своей цели, однако, подобные доктрины достигали с трудом. В сознании масс они воспринимались как корыстное дополнение к средствам физического принуждения.

Иным языком способна разговаривать с массами религия. Исторически она существует как «практическое» повседневное сознание угнетенных масс, выражение их

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 3, с. 30.
[2] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 237.

мироощущения в гуще «превратностей мира». Религиозные представления в конечном счете формировались независимо от официальной пропаганды, а поэтому воспринимались эксплуатируемыми не как «чужие», навязанные «извне» доктрины, а как мировосприятие, воплотившее их сокровенный жизненный опыт.

Такова характерная черта религии: она вырастает «снизу», сливаясь со стихийно формирующимся самосознанием масс; ей оказывается подвластной интимная, утаиваемая от казенных регламентаций сфера социальных упований, надежд, идеалов. Поучительным примером может служить эволюция христианства, которое, возникнув как идеология «низших слоев» Римской империи, как форма радикального идеолого-нравственного протеста, вскоре решительно порывает с прежним «демократически-революционным духом»[1] и становится эффективным орудием оправдания имперского гнета.

Почему же эти «снизу» идущие религиозные представления столь легко могут быть преобразованы в учения, оправдывающие политическое принуждение сверху? Решающую роль здесь играет, если говорить коротко, идея сверхъестественного мира. В качестве конечных «предельных» оснований для общеобязательных идеалов религия утверждает сферу божественного, трансцендентного. Их определяющим критерием объявляются не непосредственные мирские, естественные интересы людей, а ценности, вытекающие из особого, человеку недоступного божественного промысла. Поэтому, как нетрудно понять, реальные «земные» интересы провозглашаются второстепенными, в принципе подчиненными высшим небесным соображениям.

Чем можно объяснить доверие к подобным истолкованиям, которые игнорируют реальные причины появления религиозных воззрений? Дело в том — и это фундаментальный момент марксистского атеизма,— что в них (иными словами, в самосознании верующего) не фиксируются действительные земные причины и механизмы образования, возникновения религиозных представлений. В результате верующие, независимо от меры их искренности и начитанности в «священных текстах», оказываются беззащитными перед произвольными и спекулятивными интерпретациями социального смысла и причин воспроизводства своих представлений. В этой

---

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 33, с. 43.

способности — частные, исторически изменчивые социальные интересы представлять во всеобщем, универсальном виде, используя особый «символический» язык, в котором исчезают действительные корни этих интересов,— и состоит специфика религии как культурно-исторического феномена. Именно она позволяет ей выступать в качестве эффективного противодействия всякому революционному движению, отвергающему существующие общественные порядки.

Но такова лишь одна сторона связи религии с официальной политикой и социально-оппозиционными, революционными движениями, поскольку упомянутая политическая амбивалентность религиозных доктрин осталась пока необъясненной.

* * *

Поучительны оценки, которые Энгельс давал первоначальному христианству. «Христианство,— писал он, например,— как и всякое крупное революционное движение, было создано массами» [1]. Характеризуя обстановку, в которой возникла новая религия, он отмечает: «И все же найти такой выход было необходимо для того, чтобы все они оказались охваченными единым великим революционным движением... Такой выход нашелся. Но не в этом мире» [2]. Каков смысл термина «революционный» в этих высказываниях? В раннем христианстве «нет ни догматики, ни этики позднейшего христианства; но зато есть ощущение того, что ведется борьба против всего мира и что эта борьба увенчается победой; есть радость борьбы и уверенность в победе, полностью утраченные современными христианами и существующие в наше время лишь на другом общественном полюсе — у социалистов» [3].

Энгельс неоднократно возвращается к этой мысли: «В истории первоначального христианства,— подчеркивает он,— имеются достойные внимания точки соприкосновения с современным рабочим движением» [4]. Данная параллель может показаться неожиданной. Но нужно проникнуть во всю историческую масштабность подобной оценки. Да, христианство возникало как форма массового социального протеста. Очевидно также, что такой

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 8.
[2] Там же, т. 22, с. 483.
[3] Там же, с. 478.
[4] Там же, с. 467.

протест мог выступить лишь в превратной форме, вызвав к жизни особый тип религии, которая надолго пережила конкретно-исторические обстоятельства своего появления.

О создателе «Откровения Иоанна» Энгельс писал: «Вот как мало сознавал наш автор в 69 г. христианского летосчисления, что он — представитель совершенно новой фазы развития религии, фазы, которой предстояло стать одним из революционнейших элементов в духовной истории человечества» [1]. Здесь, как нам представляется, подчеркивается другой крайне существенный момент: «революционность» раннего христианства проявилась не только в том, что оно отразило решительные выступления «низов». Оно бескомпромиссно отвергло все духовные, социальные, нравственные нормы и идеологические поступки рабовладельческого мира, выдвинув духовные формы и навыки, которые во многом определили контуры европейской культуры. Речь должна идти не только об официальном католицизме, но и о различных течениях свободомыслия и гуманизма, которые при всем неприятии церковного канона в своем содержании и тенденциях отталкивались от него, двигались в проблемном поле, впервые очерченном и символизируемом именно христианством.

Однако в ходе последующей истории «революционность» христианства претерпела кардинальные изменения; оно постепенно утрачивает ориентацию на скорое обновление «внешнего» мира и превращается в морализаторскую доктрину, острием нацеленную «внутрь» — в сердце мирянина. На первый план все более выдвигается искупительная жертва Христа как решающая гарантия спасения рода человеческого, которое, в свою очередь, связывается не с социальной активностью, а с верой в эту искупительную жертву. Иными словами, условием спасения провозглашалось особое нравственно-психологическое состояние («просветление», «исполнение духом святым», «преображение», «второе рождение» и т. п.), которое достигается уже в посюстороннем мире, а «второе пришествие», «обновление» мира, наказание грешников и пр. переносились на более отдаленные времена. Меняться должен не мир, а сам «внутренний человек», ожидание физически-осязаемого катаклизма вселенной заменяется представлением о «революции духа»,

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 22, с. 478.

незримо совершающейся в душе грешника, примиряющей его с ненавистными социальными порядками, а напряженное ожидание крушения «сатанинского» мира вытесняется ликующей уверенностью в персональном «спасении».

В исходном «священном» тексте эти два оттенка «революционности» не отделены друг от друга; здесь положения, различные по своему социально-классовому звучанию, формально равны в ранге «слова божьего». А поэтому разные эпохи, как проницательно отметил Л. Фейербах, каждый раз вычитывали свою, самодельную библию.

Попробуем конкретнее представить себе христианство в роли как официальной «охранительной» системы, так и идеологии радикальных общественных протестов.

Подчеркнем, что социальная база появления и существования религиозных представлений шире конкретных политических структур и программ. «Христианство,— писал Маркс,— не судит *о ценности* государственных форм, ибо оно не знает различий, существующих между ними, оно учит, как должна учить религия: будьте покорны власти, ибо *всякая власть* от бога»[1]. Обосновывая «земные» привилегии господствующих классов (и никак не забывая свои собственные), церковные идеологи так истолковывают библейские положения, чтобы оправдать существующую систему власти ссылками на высший божественный авторитет. Однако изменение материальных условий жизни людей (а повторяем, принципиальное содержание религиозного мироощущения формируется «снизу») неизбежно «вынуждает... пока еще действующую подспудно народную оппозицию принимать сначала мистическую и почти не поддающуюся никакому надзору форму религиозных движений»[2]. Поставить этот процесс под свой контроль церковь не в состоянии. Здесь и таится источник неизбежности драматических коллизий внутри религиозного сознания.

Выясняется неожиданная вещь. В религиозной идеологии, когда она говорит на языке масс, могут вызревать и кристаллизоваться политически оппозиционные и революционные настроения. Внутри нее неотвратимо возникают «еретические» концепции, которые воспроизводят всю жесткость и авторитарность официальной

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 1, с. 110.
[2] Там же, т. 9, с. 530.

догматики: апелляцию к «высшей», божественной истине, признание абсолютного авторитета «священного писания», непримиримость к инакомыслию, претензии на мессианскую роль и т. п. Вспомним рассуждения Ф. Энгельса об эпохе Реформации. В средние века, подчеркивает он, католическая церковь выступала «в качестве наиболее общего синтеза и наиболее общей санкции существующего феодального строя»[1]. Эта эпоха, когда «чувства масс вскормлены были исключительно религиозной пищей; поэтому, чтобы вызвать бурное движение, необходимо было собственные интересы этих масс представлять им в религиозной одежде»[2]. И решающий вывод Энгельса: «Вследствие этого всякое общественное и политическое движение вынуждено было принимать теологическую форму»[3].

Таков многозначительный урок истории: на определенных этапах социально-политические программы, способные вызывать активность масс, могут создаваться лишь в рамках и средствами религии, способной придать им универсальную форму. Выступит ли данная религиозная доктрина как «охранительная» идеология, освящающая сложившуюся политическую систему, или, напротив, выразит — пусть в фантастическом виде — социально радикальные или даже революционные настроения, зависит не столько от данной религии, сколько от реальных общественных противоречий и сложившейся формы их выражения в массовой психологии и идеологии.

Наиболее очевидна социально-стабилизирующая роль религии (и соответствующих организаций) тогда, когда она является официальной религией, включенной в структуру государственной власти. Тогда «функция палача» и «функция попа» сближаются: политики охотно используют церковный аппарат для подавления всякого свободомыслия, социальной оппозиции, а тем более революционных движений. В свою очередь, церковь постоянно пользуется правительственной репрессивной системой для защиты своих интересов.

«Охранительная» функция церкви особенно рельефно выступала в моменты радикальных переломов в общественно-историческом процессе. Красноречиво, напри-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 7, с. 361.
[2] Там же, т. 21, с. 314.
[3] Там же.

мер, прошлое католицизма[1]. Напомним, что власть Ватикана основывалась на учении, будто «спасение» («оправдание») невозможно без особой благодати, которую лишь церковь способна предоставить грешникам. В ответ протестантизм выдвинул идею единоспасающей «личной веры», даруемой лишь богом по мотивам, которые люди в принципе постичь не способны. Если, однако, достаточно «личной веры», независимой от «добрых дел», то отпадает необходимость в церкви как особом социальном институте, со всеми его сложными и далеко не бескорыстными ритуалами, предписаниями, таинствами. И это, казалось бы, чисто богословское нововведение было воспринято буржуазной Европой как мощное оружие в борьбе против феодальных порядков и церкви, их санкционирующей.

Маркс писал о Лютере: «...*революционное* прошлое Германии теоретично, это — *реформация*. Как тогда революция началась в мозгу *монаха*, так теперь она начинается в мозгу *философа*»[2]. Однако реформация была классово-неоднородной. Наряду с народными формами, непосредственно воплотившими бунтарское мироощущение крестьян и плебейских слоев (например, мистически-утопическая программа Т. Мюнцера), существовало буржуазно-бюргерское крыло, защищавшее интересы начинавшей себя осознавать буржуазии. Наиболее очевидным образцом может служить социальная природа и историческая роль кальвинизма.

Доктрина Кальвина и созданная им разветвленная организация стали религиозным выражением интересов «самой смелой части тогдашней буржуазии» (Энгельс). «В кальвинизме,— писал Энгельс,— нашло себе готовую боевую теорию второе крупное восстание буржуазии. Это восстание произошло в Англии»[3]. Однако «революционный» в отношении феодальной церкви кальвинизм узаконил собственный духовный деспотизм, никак не уступающий католическому. Добившись в Женеве неограниченной власти, Кальвин беспощадно расправлялся с любыми проявлениями народного протеста и отступлениями от провозглашенных от имени бога догм.

---

[1] Немало характерных эпизодов можно найти и в истории православной церкви в России, которая всеми средствами поддерживала царизм, крепостничество, санкционируя жестокие расправы над всеми проявлениями социальной оппозиции. Не случайно В. И. Ленин называл служителей православия «крепостниками в рясах».

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 1, с. 422.

[3] Там же, т. 22, с. 308.

Такова, коротко говоря, типология взаимоотношений между религиозным фактором и социальными, в том числе и революционными, движениями в условиях классово антагонистических обществ. Она позволяет сделать существенный вывод: в действительной истории «религиозная» и «политическая» деятельность не отгорожены глухой непроницаемой стеной, а размежевание политических сил далеко не всегда совпадает с абстрактным противостоянием «горнего» и «дольнего» миров. Следует еще выяснить, как религиозные концепции становятся «светскими» (политическими), а специфика религии проявляется в идеологических программах, оформляющих реальные общественные движения.

В этом ключ к объяснению места религиозного фактора в современных социально-политических процессах.

* * *

В наше время на Западе резко возросла роль идеологического манипулирования людьми, практика целенаправленного изготовления и распространения ориентированных на массовое потребление и подражание стандартизированных политических оценок, социологических подсказок и т. п., т. е. культивирования особого мифологического сознания, подчиненного не критериям истины, а потребности ввести мироощущение и поведение людей в общественно-санкционированное русло[1]. Тем самым возрастает интерес к древней и предельно канонизированной форме такого сознания — религии.

Во-первых, религиозные сюжеты наиболее понятны и близки мироощущению так называемого человека с улицы; во-вторых, они более других приспособлены для оформления конкретных политических лозунгов в классово бескорыстные, общегуманистические соображения. Спектр сил, использующих язык религии, предельно широк: от крайне правых, фашиствующих террористических режимов до организаций, борющихся за революционное преобразование общества. Для эпохи научно-технической революции данное суждение звучит несколько неожиданно, а поэтому остановимся на нем подробнее.

Принято считать, что наше время все отчетливее выявляет архаический, заведомо рутинный характер фанатичной религиозной веры, проповеди иррационализма и неверия в человеческий разум. А поэтому шансы религии

---

[1] См., например: *Campbell A.* Myths to live by. N. Y., 1974.

на выживание прежде всего связываются с ее «модернистскими» вариантами, со способностью так или иначе осваивать светские проблемы, приглушая специфическое, апеллирующее к трансцендентному миру измерение. Время от времени такая «модернизация» действительно имеет место («социальное евангелие», «теология смерти бога», концепция демифологизации религии и т. п.), однако она не исчерпывает общую тенденцию. Даже в США, где сильна традиция «обмирщения» религии, ныне растет влияние фундаменталистских доктрин (так называемое евангелическое христианство), религий «Нового века», экстатических сект, неоориенталистских образований, проникнутых откровенной враждебностью к рационализму и научному знанию[1].

Все эти казалось бы непредвиденные метаморфозы оказываются тривиальными, если посмотреть на них в свете концепции Маркса. Для него, как известно, религия — никак не невежество, незнание, продукт идеологического заговора или социального своекорыстия. Она возникает в качестве исторически закономерного, «внутреннего» продукта общества, отражающего господство враждебных человеку сил. Невиданный же расцвет современной науки и техники не только не ликвидирует бессилие человека перед общественными стихиями, но, напротив, на уровне обыденного сознания может рассматриваться как его причина. Укажем на обостряющиеся экологические проблемы, разгул международного терроризма, на рост преступности, военные путчи, непрекращающиеся войны и т. п. И наконец, венцом всех страхов и тревог выступает угроза ядерной катастрофы.

Одним словом, обостряющиеся противоречия буржуазного сообщества неизбежно создают потребность в религии; церковные же организации лишь удовлетворяют эту потребность, видоизменяя содержание и акценты своей проповеди. Поскольку речь идет об общественно-организованном сознании, то решающее воздействие на него оказывает сфера политики.

При этом важно учитывать, что религия — не просто совокупность умозрительных представлений о мироздании и человеке, это цельное мировоззрение, способ социально-нравственной ориентации повседневной

---

[1] Подробнее см.: *Митрохин Л. Н.* Религии «Нового века». М., 1985; *Он же.* Религия в политической жизни США. М., 1985.

деятельности людей, особая форма выражения и систематизации их житейского опыта. Мера ее воздействия на повседневное поведение может быть неодинаковой, однако она способна выступать побудительным мотивом самой различной деятельности: начиная от общих моральных призывов и кончая предельно конкретной политической активностью.

В иерархии форм общественного сознания религия занимает, так сказать, верхний этаж, всего дальше отстоящий от материальной жизни людей. Поэтому она непосредственно не предопределяет характер социальных воззрений человека, зависящих прежде всего от общественно-производственной деятельности, политического опыта, места индивида в обществе и т. п. Однако она может достроить, «прояснить» этот опыт, выступить как его высшая санкция и оправдание. Отдельным частным идеологическим установкам она способна придать концептуальную жесткость, духовную бескомпромиссность и, таким образом, заметно подействовать на социальное мышление своих последователей. В результате, как мы отмечали, нередко приверженцы одного и того же течения занимают неодинаковые, а то и прямо противоположные политические позиции, воспринимая свою принадлежность к ним как верность собственному христианскому долгу.

Примером могут служить хотя бы острые разногласия среди американских баптистов по поводу расизма и путей его ликвидации.

Показательна позиция известного евангелиста Билли Грехэма. Он настойчиво пугает близким «концом света». «Наш мир, — пишет он,— в огне, и человек без бога не может контролировать пламя... Кажется, мы бешено несемся к Армагеддону» [1]. В числе главных «языков пламени» он называет и расизм: «Не может быть сомнения в том, что в мире повсюду обостряются расовые трения. В некоторых районах они уже вспыхнули подпольной войной» [2]. Каковы же причины глобальной тревоги? «Причина всех волнений, корень всех горестей, страх каждого человека заключены в этом коротком слове — грех... Он причина того, что человек попал в западню дьявола» [3].

---

[1] *Graham B.* World Aflame. A Cedar Book. N 144, p. 17.
[2] Ibid., p. 19.
[3] *Graham B.* Peace with God. A Cedar Book. N 15, p. 73.

Подобный диагноз предопределяет и рецепт излечения общественных недугов, в том числе расизма. «Единственное реальное разрешение этой проблемы», подчеркивает Б. Грехэм, нужно искать «у подножия креста, где мы соберемся в братской любви» [1]. До тех пор, пока мы не примем любовь Христа в наши сердца, «расовые трения будут увеличиваться, расовые требования будут становиться более воинственными, и прольется море крови» [2]. Одним словом, это знакомая концепция «революции духа», совершающейся в душе индивида. Ее политическая суть очевидна: в условиях, когда массовое движение против расизма принимало все более радикальный характер, рассуждения Билли Грехэма были способом нейтрализации революционного накала, средством апологетики существующих порядков. И точка зрения Билли Грехэма, мультимиллионера и почти официального пастора страны, была широко распространена среди респектабельных баптистских идеологов.

С иных позиций выступал Мартин Лютер Кинг [3]. Говоря об организованном им в г. Монтгомери (Алабама) бойкоте, Г. Уинстон отмечал: «...вопрос о сегрегации в автобусах оказался искрой, которая воспламенила и объединила всю негритянскую общину и ее союзников — демократически настроенных и прогрессивных белых американцев, подняв их на борьбу против всей системы угнетения» [4].

Можно было бы истолковать социально-политическую программу Мартина Л. Кинга как конкретизацию его размышлений о сути христианства, и в частности принципа евангельской любви. Однако в таком случае механизм ее формирования предстанет в мистифицированном виде.

Решающую роль здесь, несомненно, сыграл жизненный опыт негра, родившегося в штате Алабама. «Я вырос,— писал Мартин Л. Кинг,— ужасаясь не только сегрегации, но и насильственным и варварским действиям, которые из нее вытекали, я прошел через места, где зверски линчевали негров, и видел ночные рейды

---

[1] *Graham B.* Peace with God. A Cedar Book. N 15, p. 180.

[2] Ibid., p. 51.

[3] Подробно о его взглядах см.: *Митрохин Л. Н.* Негритянское движение в США: идеология и практика. М., 1974, гл. III.

[4] Уинстон Г. Вместо предисловия.— *Кинг М. Л.* Есть у меня мечта... М., 1970, с. 7.

Ку-клукс-клана»[1]. Не случайно он рано пришел к твердому убеждению, что сегрегация является «рационально необъяснимой и морально неоправданной»[2]. Именно такая социальная позиция обусловила его представление о роли христианства в обществе. «Любая религия,— писал Мартин Л. Кинг,— которая претендует на то, чтобы иметь дело с душой человека, и не имеет отношения к трущобам, которые его давят, к экономическим условиям, которые его душат, к социальным условиям, которые его калечат, является религией сухой, как пыль. Это религия, какой ее хотят видеть марксисты,— опиум народа»[3].

Историческая заслуга М. Л. Кинга состояла в том, что он выдвинул категорический лозунг: «Свободу немедленно!» — и призвал негров «перейти к прямым действиям». Хотя предложенная им тактика, во многом навеянная движением М. Ганди, допускала лишь «ненасильственные» действия, она знаменовала несомненную радикализацию массового антирасистского движения.

Отметим, однако, момент, для нас наиболее существенный: свою программу Кинг, баптистский проповедник, обосновывал, исходя из понимания сути христианства и долга его последователей. Религия понималась им не просто как средство спасения души, но и как побудительный мотив к практическому решению насущных социальных проблем, грех — как расистские и эксплуататорские порядки, человек — не как неисправимый грешник, а «соработник» бога в достижении справедливости на земле с помощью непреодолимой «силы любви» и т. д. И не может быть сомнения в том, что именно такая доктрина, созвучная мироощущению аудитории, к которой он обращался, и послужила решающим средством вовлечения в активный протест широких масс.

Взгляды Кинга представляют для нас интерес и потому, что могут рассматриваться как некая модель, характеризующая и «внутренние» теологические новации, предлагаемые радикальными богословами, и их роль в рационализации стихийно складывающихся настроений социального протеста. Так, многие сходные сюжеты мы находим в воззрениях идеологов «теологии освобожде-

---

[1] *King M. L.* Stride Toward Freedom. The Montgomery Story. Perennial Library. Harper and Row. N. Y.; Evanston, 1964, p. 72.
[2] Ibid., p. 79.
[3] Ibid., p. 21.

ния», хотя она формировалась в иной историко-культурной среде.

Маркс как-то заметил, что у религии нет собственной истории. Речь шла о том, что ее модификации и разнообразные формы обусловливаются конкретно-историческими социальными факторами, общей духовной ситуацией, складывающейся независимо от деятельности религиозных проповедников. Выявление такой зависимости имеет первостепенное значение для достоверного понимания нашей темы. Каждая революция (и в этом ее коренное отличие от переворота, путча, придворных перестановок) означает выступление против господствующей власти широких масс, что в конечном счете обусловливается объективными противоречиями данного общества.

При этом социально-оппозиционная идеология, естественно, формируется из того наличного содержания, которое характерно для сознания масс, ассимилирует привычные и понятные для него символы, идеалы, ценности. И если религиозные представления составляют органический элемент их «практического сознания», то обострение объективных (в том числе и политических) противоречий неизбежно вызывает изменения и в этих представлениях, которые способны в значительной мере усилить социальную активность людей, придать ей дополнительную энергию.

Иными словами, воздействие религиозных проповедников на массовое сознание, а следовательно, и на социальные процессы определяется не мерой «адекватности» в реконструкции «священных» текстов, а тем, насколько такие интерпретации соответствуют воззрениям, формирующимся в более широком социальном контексте, а расстановка и конфигурация различных богословских школ по-своему воспроизводит сетку сложившихся политических позиций, меру их распространенности и влияния.

Было время, когда широкое движение против расизма в США сделало Кинга властителем дум миллионов людей. Ныне подобные выступления утратили массовый характер. Росло влияние правых консервативных сил, и неизбежной стала смена духовных кумиров и перетасовка богословских доктрин. За последнюю четверть века заметно увеличилось число последователей фундаментализма и евангелического христианства (их ныне 50 млн человек) и почти на треть сократилось количество приверженцев либеральных, модернистских направ-

лений[1]. Показательна феерическая карьера баптиста-фундаменталиста Дж. Фолуэлла, основателя так называемого «морального большинства». Безвестный проповедник в 50-е гг., ныне он — фигура национального масштаба, признанный советник президента, символ удачи и процветания. Причины лежат, разумеется, не в его богословской учености. Он всплыл на волне антисоветизма, милитаризма, агрессивного внешнеполитического курса.

О Дж. Фолуэлле у нас писали достаточно, и нет смысла подробно характеризовать его деятельность. Но на одном моменте, пожалуй, стоит остановиться. До сих пор мы больше подчеркивали зависимость религиозных представлений от объективных социальных условий. Но имеется и обратная, не менее важная зависимость, а именно: религиозные доктрины, «впитавшие», «переработавшие» массовые представления, способны оказывать на них обратное воздействие, «организовывать», «дисциплинировать» их в решении острых политических проблем, какой, например, является гонка вооружений. Отношение к ней многих американцев противоречиво. С одной стороны, под влиянием антикоммунистической пропаганды, запугиваний угрозой ядерного удара со стороны «Советов» они порой поддерживают совершенствование средств «возмездия» и агрессивные внешнеполитические акции администрации. С другой — они не могут не осознавать фатальную опасность такой политики. В этой обстановке идеологи «морального большинства» предлагают доктрину, декларирующую неизбежность и даже благотворность ядерного апокалипсиса, тем самым как бы «разрешающую» данное противоречие.

Вообще говоря, эсхатологические сюжеты ныне весьма характерны для американских проповедников (мы упоминали, например, о Билли Грехэме). Однако они обычно направлены на интенсификацию религиозных чувств людей, на их готовность «обратить» сердце к Христу. В своих проповедях Дж. Фолуэлл предлагает теологическую «новинку»: предсказанный Библией «конец света» совершится уже при жизни данного поколения и будет не чем иным, как ядерной войной. Выясняется, что подобные проповеди находят свою аудиторию. Канадская газета в январе 1985 г. сообщила, что в близкий «конец света» верят по меньшей мере 8 млн американцев, которые «убеждены, что вознесутся на небо прежде,

---

[1] См.: Наследники Джозефа Маккарти. М., 1984.

чем все начнется. Они почти уверены, что наше поколение — последнее на земле, и у них нет ни малейшего сомнения, что Гог из пророчества (Иезекииля.— *Авт.*) — это Советский Союз». Более того, газета приводит множество фактов, свидетельствующих об очевидном влиянии взглядов Дж. Фолуэлла на высших чиновников администрации, в том числе и президента, который не раз публично высказал сходные соображения. В октябре 1978 г. он, например, говорил: «Я вновь обращаюсь к нашим древним пророкам из Ветхого завета и к знакам, предвещающим Армагеддон, и я невольно спрашиваю, не мы ли то самое поколение, которое станет его свидетелем» [1]. В устах президента США подобные рассуждения приобретают зловещий характер.

В подобной концепции имеется и другой политический мотив. Агрессивная политика, накапливание средств массового уничтожения расцениваются как исполнение пророчества, а выступления против ядерного безумия — как уступка Сатане. И не случайны слова одного видного евангелиста-республиканца: «Любая проповедь мира до возвращения Христа — ересь. Он сказал, что это противоречит слову Господню, что это дело рук антихриста».

* * *

До сих пор мы говорили о развитых индустриальных странах Запада, прежде всего США, где при всех острых социальных противоречиях отсутствуют сколько-нибудь серьезные революционные выступления политического характера. Поэтому религия играет здесь прежде всего роль «стабилизирующего» фактора, прямо или косвенно противостоящего радикально-оппозиционным выступлениям, тем более что они обычно связываются с «безбожным» марксизмом. Это характерно как для господствующих теологических концепций и конкретной политической позиции церквей, так и для разного рода «христианских» партий и организаций [2].

---

[1] Globe and Mail, 13. I 1985.

[2] Подчеркнем, что по своей социальной сути, структуре, текущей деятельности, процедуре постановки и принятия решений, программам и лозунгам подобные партии — политические, а не религиозные организации. Привычная же апелляция к христианским символам (равно как и включение их в наименование) — дань общественному вкусу, строго говоря, формальная. Место подобных институтов в общих социально-политических структурах хорошо показано О. И. Величко в книге «Политический католицизм и рабочее движение в Австрии» (М., 1985).

Это, естественно, не исключает критического отношения к тем или иным правительственным программам и действиям. Примером могут служить энергичные выступления ряда церковных и религиозных организаций стран Западной Европы (прежде всего, Голландии, Дании, Англии, ФРГ), США и Канады против гонки вооружений и оснащения Европы американскими ракетами. Однако подобные акции, строго говоря, не выходят за рамки либерально-буржуазной политики и не подвергают сомнению «естественность» и вечность капиталистических порядков.

Решительно другой социальный облик религия принимает в государствах так называемого «третьего мира», где бушуют революционные страсти и возникают радикальные демократические массовые движения. Разумеется, положение в различных странах и регионах складывается неодинаково — в зависимости от особых местных условий. Однако, как правило, в любой ситуации четко проявляется тенденция к политизации религии, ее вовлеченности в злободневные общественные проблемы [1].

Здесь, несомненно, выделяется недавняя революция в Иране — она прежде всего привлекла внимание специалистов к религиозному фактору. Дело не только в том, что антишахское движение стало одним из центральных эпизодов в современном революционном процессе, оказав огромное воздействие на политическую ситуацию в Азии и, пожалуй, во всем мире. Весь сложный и противоречивый ход его развития предельно ясно выявил не только принципиальную схему взаимодействия политики и религии, но и все их многоплановые и сложные взаимосвязи — начиная от зарождения массового антиимпериалистического движения и кончая установлением безраздельного господства консервативного духовенства.

События в Иране обстоятельно охарактеризованы в советской литературе [2]. Поэтому мы попытаемся, опира-

---

[1] См.: Вопросы научного атеизма. М., 1985. Вып. 33. Раздел 4: Национально-освободительная борьба и религия.

[2] Отметим прежде всего два труда Агаева С. Л. «Иран в прошлом и настоящем (Пути и формы революционного процесса)» (М., 1981) и «Иран: рождение республики» (М., 1984). О февральском восстании см.: *Резников А. Б.* Иран: падение шахского режима. М., 1983. Ощутить внутреннюю агонию последствий демократического взрыва в Иране во многом помогает книга С. Л. Агаева «Иранская революция, США и международная безопасность» (М., 1984). В ней рассказывается об истории с американскими заложниками.

ясь на уже проделанный анализ, выделить некоторые моменты, существенные для нашей темы. Иранская революция определяется отечественными авторами как народная, демократическая — по движущим силам, методам борьбы и всеобщим требованиям социальной справедливости, как антимонархическая, антиимпериалистическая — по основной направленности, как буржуазная — по социальной сущности и как исламская — по идеологической форме и руководящей роли шиитских богословов[1]. Наше внимание, естественно, прежде всего привлекает последняя характеристика.

В Иране, как известно, создалась уникальная ситуация: отсталая страна с характерным традиционно-патриархальным укладом, неразвитым классовым сознанием, отсутствием зрелого пролетарского движения и возрастающим антагонизмом между символизирующей социальный гнет «западно» ориентированной шахской верхушкой и народными массами. В этих условиях главным идеологическим знаменем революции, символом национальной общности стала шиитская ветвь ислама, а его специфический «язык» — наиболее понятной и близкой широким массам формой выражения их жизненных потребностей.

Дело, однако, не ограничилось областью идеологии. Религиозная вера, как отмечалось, материализуется в конкретных социальных институтах, в деятельности особой социальной группы — духовенства, которого в стране насчитывалось около 300 тыс. человек. «Земное» представительство мусульманства осуществляют мечети, и именно они стали организационными центрами революции. В них не только распространялись воспламенявшие народное сознание послания изгнанного из страны аятоллы Хомейни, но впоследствии комплектовались боевые отряды, распределялось оружие, раздавалось продовольствие, планировались боевые операции и т. п.

Отсюда два крайне существенных следствия, во многом объясняющие последующий ход событий.

Во-первых, поскольку свой протест массы с самого начала осознавали и выражали на религиозном языке, то

---

[1] См. предисловие Р. А. Ульяновского к книге С. Л. Агаева «Иран: рождение республики», а также его статью «Религиозный фактор в освободительных движениях современности (на примере Ирана)» (Вопросы научного атеизма. Вып. 33).

он стал не только решающим «духовным» импульсом массовых революционных действий, но и формой, в которой воспринимались и оценивались их результаты, а следовательно, и монопольным способом идеологической ориентации людей, определителем конкретных целей и задач их деятельности. Однако подлинная природа общественного явления и идеологические формы, в которых оно выступает,— вещи разные. События в Иране — не религиозная революция. Они были вызваны объективными общественными противоречиями, которые в конечном счете сложились независимо от деятельности духовенства. Однако их объективная суть выразилась в иллюзорном виде и осознавалась как возвращение к нормам «подлинного ислама», составившего идеологическую и организационную основу революции. Только в этом, как можно видеть, весьма условном смысле ее можно назвать «исламской». Однако в ходе событий эта мера условности менялась.

Во-вторых, и специфически «исламский фактор» с самого начала обеспечил исключительную влиятельность духовенства, которое не только формулировало общие и конкретные задачи движения, но и через различные организации имело возможность контролировать и направлять практическую деятельность восставших. После того как шахский режим был свергнут, духовенство настойчиво стремится институциализировать «исламский фактор»: формализировать в рамках религиозной ортодоксии «земные» потребности, вызвавшие социальный взрыв, нейтрализовать, а впоследствии и подавить все иные оппозиционные силы, сосредоточить всю власть в своих руках. Борьба, таким образом, велась на два фронта: против революционно-демократических сил (примером может служить жестокая расправа над Народной партией Ирана) и против мусульман-модернистов, стремившихся учитывать интересы торгово-предпринимательских кругов, так или иначе связанных с Западом.

После ожесточенной борьбы установилась единоличная власть клерикалов. Разумеется, своекорыстная политика духовенства имела определенный классово-объективный смысл: она соответствовала интересам мелкого и среднего национального торгово-предпринимательского капитала. Но это относилось преимущественно к первому периоду, ломавшему монополию прозападного крупного капитала. Что же касается «позитивной» программы, то она все определеннее подчинялась корпора-

тивным интересам духовенства, ориентирующегося не на широкие демократические преобразования, а на идеал средневекового теократического «исламского» государства. Тем самым постепенно искажалась буржуазно-демократическая природа революции, устанавливалось полное единовластие фанатичного духовенства, возрождалась система подчиненных ему репрессивных органов, система угнетения и эксплуатации.

Иными словами, как отмечает Р. А. Ульяновский: «...чем глубже заходили специфически исламские черты новой организации власти, чему правящее духовенство уделяло первостепенное внимание, тем больше углублялся кризис истинно народной, антиимпериалистической, демократической революции»[1]. А на этапе, если можно так сказать, попятного движения определение «исламская» обретает содержательное значение, фиксирует глубокие, существенные итоги революции в Иране.

Такова метаморфоза воздействия так называемого исламского фактора. Ислам, несомненно придавший особую энергию движению народных масс, одновременно обеспечил возможность манипулирования их сознанием, подчинение власти реакционных исламских священников, что в конце концов привело к выхолащиванию демократического протеста и установлению уходящего корнями в средневековье репрессивного и теократического режима, жестоко подавляющего всякое свободомыслие, демократизм и гражданские права. Антиимпериалистическая революция в Иране, самое массовое и радикальное движение в Азии за последние десятилетия, разбилась о фундаменталистскую мусульманскую ортодоксию[2]. События в Иране могут служить примером лишь одного типа связи ислама с революционными процессами, обусловленной местными специфическими особенностями. Другую роль он играет в формировании программ революционно-демократических партий стран Азии и Африки, выступающих с антиимпериалистических позиций. Здесь он нередко составляет идеологическую основу, стержень «арабского», «мусульманского» социализма, провозглашающего

---

[1] См.: *Агаев С. Л.* Указ. соч., с. 10.

[2] Об этом см.: *Гаврилов Ю. Н.* Религия в идеологии и политике революционной демократии стран Азии и Африки.— Вопросы научного атеизма. Вып. 33; а также: *Малышева Д. Б.* Религия и общественно-политическое развитие арабских и африканских стран, 70—80-е годы. М., 1986.

главной задачей решительную борьбу против чужеземных угнетателей.

Отмеченная нами способность религии омертвлять, формализовать, выхолащивать подлинные корни социальных противоречий особенно рельефно выступает во время международных конфликтов, сопровождающихся конфронтацией различных религиозных систем. Теологи, подчеркивал Маркс, различают два рода религии: «Всякая чужая религия является выдумкой людей, тогда как их собственная религия есть эманация бога»[1]. Поэтому «отечественные» религиозные доктрины оказываются весьма удобным средством апологии корыстных классовых интересов под видом интересов «национальных», «общечеловеческих». В такой роли могут выступать самые различные религии — примеров тому в современной действительности немало. Но в наибольшей мере это относится к религиям авторитарным, официальным, открыто проповедующим вражду к другим народам и вероисповеданиям. Характерным примером может служить тот же ислам.

Маркс писал: «Коран и основанное на нем мусульманское законодательство сводят географию и этнографию различных народов к простой и удобной формуле деления их на две страны и две нации: правоверных и неверных. Неверный — это «харби», враг. Ислам ставит неверных вне закона и создает состояние непрерывной вражды между мусульманами и неверными»[2]. Исламская концепция «священной войны» против иноверцев с ее идеей «святости» гибели за «дело Аллаха» способна придать политическим конфликтам жесткость и бескомпромиссность, с трудом мыслимую в рамках светских доктрин. В качестве примера можно указать на истовый фанатизм, сопутствующий бессмысленной войне между Ираком и Ираном. И ситуация становится тем более трагической, когда исламская доктрина сталкивается с иудаистской концепцией «богоизбранного» народа, которая в свою очередь легко трансформируется в оправдание любых действий против «мусульманского мира». В этом случае националистически окрашенные доктрины способны вытравить из сознания реальные, социально-классовые корни конфликтов и использоваться для разжигания искусственной вражды между народами.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 142.
[2] Там же, т. 10, с. 167.

* * *

Сколь бы теоретически содержательными ни были понятия и абстракции, в которых решается наша тема, неправомерно чисто механическое перенесение их на новые события. Здесь необходимо то, что Маркс определил как «восхождение» от абстрактного к конкретному, в ходе которого предмет исследования воссоздается во всей своей сложности и неповторимости. Это требование становится предельно ясным, когда мы заводим речь о «теологии революции» (позже она получила наименование «теология освобождения») — широком религиозно-общественном движении, развившемся в лоне современного католицизма. Возникновение диссидентских взглядов, как мы отмечали, явление для христианства весьма характерное. Но здесь имеется в виду явление, которое по своим масштабам и социальной значимости не имеет прецедентов за минувшие века.

Католицизм — средневековая разновидность христианства, в свое время выступивший как наиболее «общая санкция» феодальной сословности. На протяжении столетий Ватикан неизменно поддерживал реакционные политические режимы. В отличие от протестантизма он наследует жесткую иерархическую структуру, во главе с папой — непререкаемым авторитетом в вопросах веры и управления. Послушная ему церковь давно отработала систему незамедлительной ликвидации любого вольнодумства в своих рядах. И тот факт, что по этому средневековому монолиту прошла глубокая трещина, а его репрессивный аппарат пока не в состоянии справиться с непослушными пастырями, говорит о серьезности и значительности конфликта, далеко вышедшего за рамки внутрицерковных распрей. Неприятие Ватиканом «теологии освобождения», неоднократно высказывавшееся папой, завершилось Инструкцией (сентябрь 1984 г.), резко осуждающей «мятежных пастырей», и, в частности, вызовом «на проработку» одного из виднейших идеологов новой теологии Л. Боффа. Столкнувшись, однако, с явно враждебным отношением к Инструкции со стороны многих епископов Латинской Америки, Рим в апреле 1986 г. подготовил новый документ. Он составлен в более мягких тонах, однако фактически воспроизводит прежние критические выпады в адрес «теологии освобождения».

Действительно, речь идет не об отдельных строптивых богословах, которыми столь богат наш тревожный век, и даже не о традиционной конфронтации консервативных

клириков и вольнодумствующих мирян, а о «бунтарских» воззрениях, поразивших все этажи церковной структуры Латинской Америки, где проживает около половины католиков. С одной стороны, идеологами и приверженцами новой теологии выступают представители высшего духовенства, а с другой — повсеместное распространение получают «базовые», или «низовые», общины, где остро переживаются насущные социальные проблемы и создается почва для решительных богословских новаций. Размах их деятельности способен поразить любое воображение. В одной лишь Бразилии насчитывается около 100 тыс. таких общин, объединяющих свыше 3 млн прихожан.

Уже имеется немалая литература о «теологии освобождения»[1], хотя, как нам представляется, многие сложные проблемы, связанные с ней, изучены пока недостаточно. Коснемся лишь некоторых, выявляющих новые аспекты нашей темы.

«Церковь — самый могущественный фактор единства народов Латинской Америки»,— говорил папа Павел VI. Действительно, пока существовали социально и культурно разнокачественные национальные сообщества, слабо связанные между собой, «универсальный» католицизм мог послужить «внешним» обручем, воедино стягивающим и унифицирующим местные культуры. В последние десятилетия, однако, на континенте бурно развивается чувство национального самосознания, активизируются движения за политическую и экономическую независимость от иностранного капитала, уравнивающего народы в нищете и бесправии. Не случайно растет оппозиция к «вселенскому» римскому католицизму, глухому к насущным потребностям трудящихся. Она принимает различные формы. Прежде всего решительного разрыва с религией и перехода на позиции марксизма. Это путь коммунистических и рабочих партий. Далее, появляются многообразные варианты «народного» католицизма, вбирающие в себя местные дохристианские (языческие) су-

[1] Еще в 1972 г. И. Р. Григулевич рассказал о предыстории этого явления в книге «Мятежная» церковь в Латинской Америке». Из последних публикаций отметим: *Пасика В. М.* «Теология освобождения».— Вопросы философии, 1985, № 1; *Поташинская Н.* Перед судом инквизиции.— Наука и религия, 1985, № 4; *Ходорковский Л. Д.* Ватикан и социальный вопрос в 80-е годы.— Рабочий класс и современный мир, 1985, № 4; *Овьедо А., Мамонтов С.*— «Теология освобождения»: новая «ересь»? — Проблемы мира и социализма, 1986, № 3.

еверия и магию. В рамках же устоявшихся католических структур возникает движение за пересмотр казенной догматики Ватикана. Немаловажную роль здесь, кстати говоря, сыграл II Ватиканский собор (1962—1965). Провозглашенная им программа «обновления» была воспринята левыми католиками как повод для пересмотра церковной ортодоксии в духе современных, и прежде всего региональных, общественных нужд. «Теология освобождения» — одна из наиболее радикальных и массовых проявлений такой тенденции.

Ее пафос и суть воспроизводят логику формирования «еретических» концепций, которые призывают к недвусмысленным обличениям роскоши и несправедливости, столь частым у евангелистов, воскрешают раннехристианские мотивы мести и надежды на сокрушение социального зла. Исходя из программной установки — выражать «интересы бедняков», идеологи «теологии освобождения» заявляют, что церковь не должна ограничиваться заботой о личном спасении. Ее первоочередной долг — добиваться социальной справедливости уже здесь, на Земле. В этом духе толкуются и ключевые пункты вероучения. Так, грех, например, понимается не как состояние души отдельного человека, а как общественное зло, борьба с ним — как борьба за социальную справедливость; Иисус Христос объявляется революционером, защитником угнетенных, на первый план выдвигается практическое воплощение в жизнь евангельских заветов. Одним словом, как заявил влиятельнейший перуанский богослов Г. Гутьеррес: церкви по плечу не только духовно-спасительная, но и политико-освободительная миссия.

В этой связи проявляется особый интерес к учению Маркса. Леонарду Бофф, например, писал о том, что Маркс помог понять, что религиозная деятельность не ограничивается одними религиозными рамками, а также имеет выход на политику, экономику и идеологию.

Как оценить подобные высказывания, вообще говоря, характерные для «мятежных пастырей»? Порой в печати высказывается мнение, будто «теология освобождения» — это «своеобразное отражение» марксизма в сознании революционно настроенных христиан, а их воззрения образуют некий «синтез» марксизма и христианства. Такие оценки представляются нам слишком общими, недостаточными.

Происходит радикализация политических воззрений представителей духовенства, вызванная ростом револю-

ционных настроений, прежде всего среди трудящихся. Так, Л. Бофф в интервью журналу «Шпигель» прямо заявил, что «положение в Центральной Америке сейчас именно таково, что христианам не остается ничего другого, кроме как взяться за оружие, повинуясь голосу собственной совести и долгу перед богом и людьми» [1]. И для выражения этих настроений отдельные богословы заимствуют те или иные марксистские методологические принципы, способы анализа, призывы и т. д. В принципе, однако, они остаются теологами, которые хотя и модернизируют католическое вероучение, но разделяют его основоположные устои, отстаивая веру как фундамент всякого знания и практической деятельности.

Так что вопрос о соотношении взглядов «мятежных пастырей» и марксизма более сложен, чем может показаться на первый взгляд. Одни из них искренне разделяют его гуманистический, революционный пафос, но, естественно, оставляют в стороне диалектико-материалистическое мировоззрение [2]. Но встречаются и такие, кто, заявляя о своем «интересе» к марксизму, прежде всего озабочен тем, чтобы подменить его богословскими взглядами и тем самым парализовать, «перехватить» воздействие на массы подлинного революционного учения. Все это следует иметь в виду, когда ставится вопрос об отношении к «теологии освобождения» коммунистических и рабочих партий.

Коммунисты поддерживают борьбу трудящихся против эксплуатации и нищеты, даже если ее участники осознают свои цели в религиозной форме. Никакого противоречия с принципиальной атеистической позицией здесь нет. В. И. Ленин, например, неоднократно выступал с требованием критики религии, но такой критики, которая сплачивает, а не разъединяет трудящихся в борьбе против эксплуататоров. «Единство этой действительно революционной борьбы угнетенного класса за создание рая на земле,— писал он,— важнее для нас, чем единство мнений пролетариев о рае на небе» [3].

Общность социальных идеалов и ценностей, разделяемых как марксистами, так и религиозными деятелями, составляет основу того, что называется диалогом. Его никак нельзя свести к некоему «мероприятию», участни-

---

[1] Der Spiegel, 1984, N 38, S. 152.

[2] См.: *Гарсия Санчес Х.* Право на выбор.— Наука и религия, 1986, № 7.

[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 146.

ки которого пытаются наметить взаимные компромиссы, стремясь максимально навязать и утвердить свой подход. «Диалог» — это процесс, который ныне совершается независимо от инициатив тех или иных профессиональных идеологов. В самой живой духовной ткани века идет соперничество христианства и марксизма — двух наиболее влиятельных идеологических систем, сопоставление их способности ориентировать массы на достижение мира, демократии и свободы. Это вместе с тем выработка программы совместных выступлений атеистов и верующих за достижение мира, демократии, социальной справедливости [1].

Особую злободневность такая принципиальная установка обретает в условиях обострения глобальных проблем и широких массовых движений за их решение. Закономерно поэтому, что задача налаживания практического сотрудничества в демократической борьбе марксистов и верующих — программное положение коммунистических и рабочих партий. Плодотворность такого подхода убедительно подтвердило хотя бы активное участие верующих и духовенства в сандинистской революции, после победы которой в 1979 г. ряд католических священников вошли в правительство Никарагуа.

Об этом ярко свидетельствует и книга «Фидель и религия» (Гавана, 1985), зафиксировавшая диалог между Фиделем Кастро и активным деятелем «теологии освобождения» Бетту. Как справедливо подчеркнул в предисловии к ней министр культуры Кубы Армандо Арит, представители марксизма и христианства, которых враги прогресса пытаются представить как непримиримых противников, находят здесь «новые и удивительные пути понимания».

Борьба за освобождение народов Латинской Америки, подчеркивает кубинский руководитель, носит неизбежный характер, а поэтому необходимо объединить усилия марксистов и христиан. При этом, подчеркивает он, речь идет не о конъюнктурных, тактических соображениях, а о «стратегическом союзе». Указывая на несостоятельность подхода доктринеров, погрязших в далеком от живых практических потребностей «академическом атеизме», он напоминает: «Кубинская революция

---

[1] Подробнее см.: *Митрохин Л. Н.* Диалог марксистов с христианами. М., 1974; *Андреев М. В.* Марксисты и христиане: диалог. М., 1983, а также: Коммунистическое и рабочее движение и церковь.— Вопросы научного атеизма. Вып. 33, раздел 2.

никогда не вдохновлялась антирелигиозными чувствами. Мы исходили из самого глубокого убеждения, что не должно существовать противоречий между революцией и религиозными мыслями народа». В этой связи Фидель Кастро высоко оценивает деятельность «мятежных пастырей», подчеркивая, что церковь на этом полушарии «никогда не имела такого престижа и авторитета, которых она достигла с момента движения, когда многие священники и епископы стали отождествлять себя с делом бедняков» [1].

* * *

Подведем некоторые итоги.

Религия (таков ключевой момент ее марксистского понимания) не есть какой-то искусственный, «внешний» придаток человеческой культуры, но ее закономерно возникающий и на определенных этапах неотъемлемый компонент. Поэтому для понимания ее исторических форм и социальной функции решающими оказываются объективные общественно-политические воззрения, которые образуют своеобразное силовое поле, в котором искривляются, обретают свои конкретно-исторические формы наличествующие религиозные сюжеты, догматы, социально-нравственные программы. Наиболее заметно такая зависимость проявляется в периоды революционных потрясений, когда резко поляризуются противоположные социальные силы, равно как и идеологии, их представляющие, и встает вопрос о месте религии в такой «саморазорванности» социальной ткани.

Как мы видели, отношение религиозных доктрин и революционных идей оказывается достаточно многообразным. Религия (даже представленная отдельным течением) может выступать и как типично «охранительная» идеология, смыкающаяся с официальной, и как система взглядов, санкционирующая (и тем самым усиливающая) социально-оппозиционные и даже революционные выступления. При оценке таких связей особенно неприемлем поверхностный чисто морализаторский подход — выражается ли он в огульном охаивании деятельности всех религиозных организаций или в стирании принципиальной границы между научным и религиозным мировоззрением.

---

[1] Fidel y la religion. La Habana, 1985, p. 294.

Поэтому еще раз следует подчеркнуть: важно различать объективный социально-политический смысл общественного движения и научную обоснованность лозунгов и программ. Движение может быть прогрессивным, а программа — ненаучной, иллюзорной. Однако в той мере, в которой она соответствует стихийно формирующим настроениям социального или революционного протеста, она способна придавать им цельность, убедительность и служить стимулом для решительных действий.

Здесь возникает принципиальный вопрос. Если одна и та же вероучительная доктрина способна оформлять различные по своей классовой природе движения, не следует ли отсюда, что религия «нейтральна» по отношению к политическим конфликтам, стоит «над схваткой». Можно, скажем, предположить, что в сущности не столь существенно, какая — религиозная или научно-материалистическая — концепция составляет фундамент идеологии общественного движения, важна классовая суть такого движения и способность идеологии придавать ему энергию.

Такой вывод был бы ошибочен. Да, религиозная идеология может интенсифицировать, стимулировать выступления социального протеста, но она неспособна дать программу действий, исходящую из достоверного понимания реальных общественных закономерностей. И по мере того как движение углубляется, приобретает размах, сталкивается с противодействием политических сил, по мере неизбежного углубления классового самосознания его участников, религиозная оболочка начинает обнаруживать свою ограниченность, неспособность ориентировать людей на наиболее эффективные пути и методы достижения поставленных целей. И тогда эта оболочка либо душит проявления социального протеста, либо, напротив, она отбрасывается в пользу программ, научно выражающих подлинные цели движения и пути их достижения.

11 Заказ 3891

3. МАРКСИЗМ И ДОПРОЛЕТАРСКИЕ ИДЕОЛОГИИ

Термин «допролетарские идеологии» имеет тут до известной степени условный характер и предполагает уточняюще ограничительное истолкование. Речь идет преимущественно об идеологиях *крестьянских,* исторически предшествующих научной идеологии рабочего класса и вместе с тем идейно-политически и социально-психологически сосуществующих в современном мире с марксизмом. Таким образом, возникает вопрос о феномене *контакта* марксизма с идеологией крестьянского типа в условиях *новой идеологической ситуации* «ядерного века», *эффекте присутствия* своего рода «реликтовой» идеологической системы патриархальной эпохи в современном мире и обозримом историческом будущем. Непосредственный предмет рассмотрения — *сфера соприкосновения и взаимодействия* марксизма и допролетарских идеологий, переживающих ныне, как уже замечено, нечто вроде своего «второго рождения» в процессе выхода все новых и новых народов на арену исторической жизни современного мира.

Нельзя, естественно, рассматривать ни крестьянскую идеологию, ни марксизм как некие идеологические стереотипы, в статике. Мы имеем тут дело с определенными идеологическими *процессами,* взаимодействие которых происходит на разных стадиях развития этих идеологий. В итоге всякий раз, когда мы наблюдаем феномен соприкосновения марксизма с допролетарскими идеологиями, мы как бы возвращаемся к моделям тех идеологических ситуаций, которые уже «проработаны» марксизмом ранее, но которым суждено вновь и вновь воспроизводиться в новых (хотя и узнаваемых) формах развития общественной мысли тех стран и регионов, которые выходят в данный исторический момент за пределы докапиталистического развития и так или иначе приобщаются к

новой идеологической ситуации в ее глобальном масштабе. При этом, естественно, наиболее притягательными и приемлемыми для идеологий крестьянского типа были и будут оказываться именно те положения, элементы, формы и принципы, те виды марксистской идеологии, которые социально-психологически и идейно-теоретически связаны в нем с наиболее отдаленными от нас во времени периодами его развития или ориентированы на такие именно периоды. В свою очередь указанная притягательность *этих,* а не иных положений, элементов, форм и принципов марксизма естественным образом будет способствовать выдвижению их на первый план в самом марксизме в сфере контактов с идеологиями крестьянского типа в указанных странах и регионах на данном этапе их развития. Отсюда неизбежность *нарастания* интереса к социально-историческим прецедентам и моделям, ключевым по отношению к которым является, понятно, феномен русской революции, завершившейся победой социализма в стране, сохранявшей экономическую, социально-психологическую и идейно-политическую многоукладность.

Слов нет, вопрос о соотношении марксизма и допролетарских идеологий — и в том ограничительном смысле, который выше оговорен,— не может рассматриваться изолированно, вне связи с кардинальнейшей проблемой духовной жизни века — проблемой отношения марксизма к непролетарским идеологиям вообще и его взаимодействия с ними,— проблемой, нарастающая актуальность которой едва ли не самоочевидна с точки зрения перспектив духовного развития человечества в пору, когда необходимость нового взгляда на изменившийся мир, «нового подхода», «нового мышления» в «ядерный век», выработки нетрадиционного подхода к нетрадиционным ситуациям уже не берется под сомнение ответственными политическими деятелями и активно поддерживается ныне многомиллионным движением сторонников мира.

Феномен «нового мышления» (о котором здесь будем вести речь лишь в непосредственной связи с обсуждаемым вопросом), даже если судить о нем только по тем чертам и признакам, которые едва начинают определяться, не прибегая к теоретико-методологическому прогнозированию, отнюдь не знаменует наступление эры некоей духовной идиллии и идеологической эйфории (хотя, возможно, и не исключает иллюзий на сей счет), но при всем том непременно подразумевает *взаимопонимание*

противоборствующих сил, исключающее катастрофическую конфронтацию, при которой оружие критики могло бы «перерасти» в критику оружием, итогом чего ныне явится лишь нулевой результат на самоубийственном для «сторон» уровне. «Быть или не быть» в современном мире, как известно, возможно лишь вместе. Возникает *новая идеологическая ситуация,* не имеющая аналогов в истории общественной мысли. Это не значит, конечно, что марксистская мысль приходит к означенной ситуации, отбрасывая весь опыт своего прошлого развития. Напротив, именно сейчас изучение этого опыта активизируется в свете качественно новых задач. Возникшая ситуация диктует новый подход к освоению марксизмом опыта своего собственного развития, новую меру идейно-методологической «разборчивости» при анализе различных элементов этого опыта, новую, в частности, «точку отсчета» на шкале приоритетных идеологических моделей из числа ранее уже «проработанных» и «выстраданных» марксизмом.

Нельзя считать, что ныне существует «два марксизма»: один — для «третьего мира» (перед которым во многом стоят еще задачи преодоления докапиталистических социально-экономических проблем), другой — для «развитых стран» (в качестве, скажем, идеологической альтернативы «кризису западной цивилизации»). Согласно логике подобного рода можно было бы говорить и о существовании одновременно трех и более «марксизмов». На самом же деле мы скорее имеем ныне перед собой достаточно своеобразную картину процесса эволюции марксистской идеологии за все время ее существования на разных социально-исторических этапах, которые и соответствуют (с достаточной степенью относительности) реально существующим сейчас социально-экономическим и идейно-политическим ситуациям в разных странах и регионах мира. Пусть при этом те или иные идеологические образования и окажутся уже «пережитыми» — они тем не менее являются несомненными реалиями современной идейной жизни.

Здесь надо учесть и следующее принципиально значительное наблюдение: «Характерная особенность общественной эволюции освободившихся стран состоит в том, что в отличие от эпицентров капитализма каждая новая фаза развития не вытесняет здесь полностью предшествующую ей...» Более того: «...теоретически нормальным... является такое положение, когда среди предшест-

вующих капитализму укладных форм главную роль может играть не феодальный, как на родине капитализма в Западной Европе, но любой иной докапиталистический уклад»[1]. Соответственно и в сфере идеологии возникает ситуация «слоеного пирога» — параллельного сосуществования разнородных идеологических систем, развивающихся на самых разных уровнях общественного сознания, сообщающихся между собой, но не перемешивающихся и не сливающихся в одну массу. С неизбежностью на самых разных уровнях общественного сознания будут обсуждаться самые разные «модели мира»[2]. При этом идейное прошлое «сторон» окажется существенным аргументом в споре. Характерно, что как раз в беспрецедентной ситуации, которая ныне возникает, значение предшествующего опыта возрастет небывало — именно в нем усматривается прообраз «модели будущего». Однако объективно главным содержанием спора останется проблема развития «всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому бы то ни было *заранее установленному* масштабу»[3]. Из вышесказанного помимо прочего следует, что вопрос о взаимоотношениях марксизма с непролетарскими, допролетарскими в частности, идеологиями не будет «снят» в ныне обозримом историческом будущем.

При всем том нельзя не учитывать того важного обстоятельства, что вопрос об отношении марксизма к непролетарским идеологиям имеет солидную традицию. В качестве одного из исходных положений тут следует учесть, что непролетарские идеологии — во всей их идейной, социально-психологической, национальной *«многоукладности»* — явились средой духовного «обитания» марксизма на всем протяжении его развития. Борясь с этой «средой», марксизм при всем том находился с ней в сложных отношениях, неизбежно взаимодействуя с ней.

Далее. Само возникновение марксизма было неразрывно связано с развитием непролетарских идеологий, поскольку именно они стали — в высших достижениях немецкой классической философии, французского утопического социализма и английской политической экономии —

---

[1] *Крылов В. В.* Капиталистически ориентированная форма общественного развития освободившихся стран.— Рабочий класс и современный мир, 1983, № 2, с. 20, 24.

[2] См.: *Лейбин В. М.* «Модели мира» и образ человека. Критический анализ идей Римского клуба. М., 1982.

[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 46, ч. 1, с. 476.

идейно-теоретическими *источниками* марксизма. Верно ли будет полагать, что источники марксизма иссякли с его возникновением? Или, может быть, напротив, возникновение марксизма как бы дало этим источникам новую жизнь, не только в «снятом» виде, а и непосредственно — в форме длящегося их постижения, переосмысления и поисков новых возможностей их развития и обогащения? Вывод, который следует сделать из ленинских высказываний, содержащихся, к примеру, в таких его широко известных произведениях, как «Три источника и три составных части марксизма», «Задачи союзов молодежи», «О значении воинствующего материализма», свидетельствует в пользу последнего предположения. В полном соответствии с ленинской позицией ставит вопрос об отношении марксизма к его идейно-теоретическим источникам в широкой идейно-исторической перспективе А. Грамши в своих знаменитых «Тюремных тетрадях» [1]. Впрочем, всякое иное отношение к означенному вопросу приводило бы нас к ложной установке на то, что с появлением марксизма богатство идейно-теоретического многообразия мира «должно» сужаться, а сам марксизм «должен» развиваться и существовать в условиях некоей имманентной «самодостаточности» и идеологического «герметизма».

Таковы кратко некоторые из важнейших аспектов общей постановки вопроса.

Есть, однако, еще один аспект, который наиболее актуален ныне для регионов, в которых живет большая часть человечества. Речь идет о странах, где революционный авангард тяготеет к марксизму, прокламирует марксизм, а само рабочее движение развито недостаточно или практически почти отсутствует. В данной ситуации марксизм вступает в остро противоречивые отношения с теми допролетарскими идеологиями, которым он здесь наследует и которые он призван заместить, завоевав сознание масс.

Известно и то, что проблема взаимоотношений марксизма с допролетарскими идеологиями не снимается сама собой с победой социализма в той или иной стране. В известном смысле вопрос о соотношении марксизма и непролетарских идеологий вообще — вопрос об *идейной гегемонии* пролетариата в условиях социалистического

[1] Подробнее см.: *Лебедев А. А.* Антонио Грамши о культуре и искусстве. М., 1965.

общества. Еще в «Что делать?» Ленин отмечал, что распространение марксизма вширь может вести к понижению его теоретического уровня и что к марксистскому движению в этом случае примыкают люди, теоретически неподготовленные (т. е. остающиеся на каких-то иных, а не марксистских позициях). Такая ситуация, возникновение которой, очевидно, следует считать в подобных случаях неизбежной, служит одной из причин феномена «переодевания» в марксизм (принятие марксистской терминологии, отдельных положений марксизма и т. д.) непролетарских, допролетарских, мелкобуржуазных, в частности, идеологий, представители которых в указанных случаях склонны занимать позицию «святее папы» и, внешне настаивая на «самом ортодоксальном», «чистом» марксизме, на деле могут заниматься не чем иным, как борьбой с марксизмом в *форме его «защиты»,* к чему еще надо будет вернуться в этой работе в несколько иной связи.

Вообще же говоря, в любом обществе сохраняется ныне какая-то степень идейной многослойности, сосуществуют — пусть отнюдь не мирно — разные уровни, типы и виды общественного сознания. Все это известно, но может быть по-новому рассмотрено в связи с вопросом, который поставлен. Да и сам поставленный тут вопрос по-новому прозвучит в данной связи.

* * *

Известно, что марксизм отнюдь не мирно сменил в России субъективно-социологическую доктрину народничества, которая после поражения революционного движения 60-х гг. XIX в. и последовавшего кризиса всей освободительной мысли в стране оказалась основной идеей революционного процесса, а само народничество — особенно в его левоэкстремистской модификации — главной ударной силой освободительного движения. Мысль, согласно которой, как полагал П. Л. Лавров, лишь личность может быть «двигателем прогресса», едва ли, кажется, не «напрашивалась» всякому, кто пришел к выводу, что от масс, которые «подвели» революционеров 60-х гг., ждать нечего. Революционные преобразования представали в таком случае результатом «подхлестывания» столь «медленной» истории. В основе подобных постулатов, которые ждали своего осуществления в «эксцессах» и «аффектах», по П. Н. Ткачеву, была реальная, но не осознаваемая передовыми деятелями той поры причина —

кризис форм массового движения, который был вызван падением крепостного права. Бунт — классическая форма антифеодального крестьянского движения — с этой поры начинает уходить в прошлое, в последнюю очередь покидая сознание идеологов народничества. Стачка — классическая форма стихийной самоорганизации пролетариата — в ту пору лишь обнаруживает себя в сознании передовых деятелей той поры, но только в последнюю очередь. Перед Россией после отмены крепостного права вставали задачи буржуазно-демократических преобразований, а тогдашние революционеры, прокляв «обманную» реформу, предали анафеме и все ее последствия, и едва ли не более всего — «язву пролетариатства». Выступая против «надвигающегося капитала», без надежды на поддержку масс, утописты-народники стали искать себе опору в заговорщической тактике, в идеях «революции для народа, но без народа». Или даже вопреки пассивности народа. Революционный экстремизм обернулся политическим терроризмом. Тактика террора, которая, как говорил В. И. Ленин, «состоит в систематической организации политических убийств без связи с революционной борьбой масс» [1], сразу же стала оказывать *обратное* воздействие на идеологические постулаты левого народничества, внося в них момент политического произвола и общественно-исторической безответственности. Ткачев, к примеру, считал, что революцию можно «сделать», когда очень захочется,— ждать, когда народ «проснется», бессмысленно: «Предоставьте ему устроить свою жизнь по его собственной воле, и вы увидите, что он не внесет в нее ничего нового...» [2] Левонароднический экстремизм стал превращаться в нечто замкнутое, глухое по своей духовной сути. В этой среде «работали» и «жили» особые «подпольные люди», «конспираторы» — функционеры тайной революции. Сознание их все более фанатизировалось. Они все более напоминали собой тех «алхимиков революции», о которых столь едко писали К. Маркс и Ф. Энгельс [3]. Идея трагической необходимости героического самопожертвования, сжигавшая их, сближалась с мыслью о некоем мессианстве и избранничестве. Мир представал разделенным на «героев и толпу».

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 182.
[2] *Ткачев П. Н.* Избр. соч.: В 4 т. М., 1933, т. 3, с. 264.
[3] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 7, с. 287—288.

Не следует, конечно, на таких лидеров народничества, как Лавров или, скажем, Михайловский, возлагать прямую историческую ответственность за последующее развитие некоторых их идей, но неоспоримо, что утверждение исторического права и политической необходимости «мыслящей личности» на манипулирование массами было очень близко их доктрине. Подобные идеи, как бы самозарождающиеся в условиях спада массового движения, оборачиваются чуть ли не готовой моделью того «перехвата» общественной инициативы «у низов», когда на смену периоду общественного застоя приходит пора общественного пробуждения масс или возникает чреватая взрывом кризисная ситуация, как то свидетельствуют современные исследования [1].

Перспектива подобного рода была еще скрыта на рубеже XIX—XX вв., но довольно острое ощущение того, что жизнь идет не так, как «нужно», чувство социального одиночества, «заблудившегося» сознания и потери социально-исторической ориентировки приводили к тому, что революционное народничество испытывало беспокойство и начинало искать пути к какому-то обновлению, как бы чувствуя необходимость «влить свежую кровь» в свои идеи, «высматривало» теоретическое подспорье «на стороне»...

Отношение к народничеству претерпело в нашей науке известную эволюцию. И ныне бывает так, что некоторые авторы не могут, как видно, отделить свое восхищение самоотверженностью героев-народовольцев от оценки объективной направленности их утопических идей — предмет исследования затемняется эмоциональной оценкой. Опускается зачастую и контекст той идеологической и практически-политической традиции, вне которой мы теперь уже и не вправе ретроспективно рассматривать такие явления, как левый экстремизм и политический терроризм,— к слишком грозным ситуациям, как выяснилось, приводили порой некоторые тенденции прошлого. И какие подходящие к случаю цитаты не изыскивай, главная мысль Ленина по поводу отношения марксизма к народничеству в целом в пору, когда марксизм вышел на арену общественной жизни страны, не поддается перетолковыванию. «Вся история русской революционной

---

[1] См.: *Симония Н. А.* Становление капитализма и предпосылки пролетарской революционности в странах Востока.— Рабочий класс и современный мир, 1985, № 3, с. 53.

мысли за последнюю четверть века,— писал он в 1905 г.,— есть история борьбы марксизма с мелкобуржуазным народническим социализмом»[1]. Иными словами, после того как в 1879 г. на Воронежском съезде «Земля и воля» распалась на «Народную волю» и «Черный передел», народническая идеология обрела альтернативу в сфере российского освободительного движения в виде марксизма.

Характерно, что уже в 1884 г. в работе «Наши разногласия», имея в виду народнические теории «волевого» переустройства России, Плеханов писал, что еще в 1881 г. «вместе с Александром II динамит убил и эти теории». И далее он высказывает чрезвычайно важную для понимания отношения марксизма к народничеству мысль: «Но как русский абсолютизм, так и бакунизм во всех его разновидностях только убиты, а не похоронены. Они уже не живут, не развиваются, но они еще продолжают разлагаться и своим разложением заражают всю Россию...» И далее самое, быть может, важное: «...только здоровая атмосфера марксизма может помочь Народной Воле закончить так блистательно начатое ею дело... Марксизм укажет нашим «народовольцам», каким образом, привлекая к движению новые, почти еще не затронутые им слои, они... могут тем не менее до конца остаться верными делу рабочего класса и социализма»[2]. Не принимая доктрины народничества, Плеханов, как видим, вместе с тем предлагает народникам некий союз, с тем чтобы на этой новой идеологической основе народничество смогло бы осуществить и свою собственную мечту. И нельзя сказать, что этот призыв был совершенно не услышан. Во всяком случае, в нем выразились некоторые реальные обстоятельства и противоречия тогдашней идеологической ситуации. Налицо была явная идейная несовместимость марксизма с народнической доктриной. Как только «Земля и воля» распалась на экстремистское крыло и ту часть, которая переходила на позиции марксизма, взаимоотношения между марксизмом и народничеством свелись к вопросу «кто — кого». Это — с одной стороны. А с другой — те же народники не только враждовали с марксизмом, но и были первыми по времени распространителями его в России. Был период, когда «Капитал» сделался едва ли не настольной книгой большинства право-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 40.

[2] *Плеханов Г. В.* Избр. филос. произв. М., 1956, т. 1, с. 129.

верных народников. В. Фигнер писала, что в ту пору создавалось положение, при котором прежние, традиционные взгляды народников лежали в их концепциях основным пластом, а сверху располагались элементы, почерпнутые из марксизма. И эти два слоя не перемешивались. Плеханов отмечал, что философско-историческая часть учения Маркса оставалась непрочитанною главой любимой книги народников-лавристов. К слову сказать, сам Плеханов в пору, когда он был еще народником, старался, отстаивая свои взгляды, опираться на Маркса. Не менее характерно и то, что и перейдя на позиции марксизма, признавая несовместимость, как он сам это сознавал, марксизма с народничеством, Плеханов еще какое-то время надеялся строить социал-демократическую организацию наподобие народнической [1].

В феномене столь устойчивого тяготения народничества к марксизму нет ровным счетом ничего абсурдного, хотя внешне оно и вполне парадоксально. Тут «срабатывал» типологический эффект объединения разнородных сил против «общего врага». Народники видели в марксизме союзника по борьбе с наступающим капитализмом, остальное для них отходило на задний план, как бы даже не существовало. Капитал надвигался с Запада, представляясь народникам чужеродным злом, привнесенным в русскую действительность. Такая оценка ситуации, модель которой была тогда продемонстрирована на русской почве, ныне наблюдается исследователями в целом ряде стран и регионов современного мира [2].

В общем же и целом можно сказать, что на какой-то отрезок времени (краткий, но принципиально важный) народники так или иначе *интегрировали* марксизм в свою доктрину. Интегрированными оказывались почти любые отдельно взятые положения марксизма, и таким способом «доказывалось» нечто, к марксизму не относящееся. На этапе развития освободительной мысли в стране в непосредственно пореформенный период народничество оказалось главной формой «бытования» марксизма в России. И вместе с тем народничество само «оделось» в марксизм. Иными словами, первоначальное распространение марксизма в России шло в виде его народнической

---

[1] Подробнее см.: *Полевой Ю. З.* Зарождение марксизма в России, 1883—1894 гг. М., 1959, с. 165—166.

[2] См.: *Агаев С. Л.* Левый радикализм, революционный демократизм и научный социализм в странах Востока.— Рабочий класс и современный мир, 1984, № 3.

ревизии, что и стало формой его распространения. В конечном счете речь тут идет о механизме того процесса, с помощью которого марксизм овладевал массами, преодолевая объективно неизбежное противоречие между уровнем собственного мироистолкования и уровнем сознания масс. В ходе преодоления этого противоречия, по всей видимости, возникают некие промежуточные формы, при которых марксизм мог бы быть постепенно или даже по частям усвоен массами как опосредствованный более привычными для этих масс идеологическими системами. Более того, современные исследователи отмечают характерность таких эпизодов в странах «третьего мира», когда «резкий переход от... революционно-демократических взглядов к «чисто марксистской платформе», как это ни парадоксально, на деле отбросил ратовавших за такой переход «даже не на леворадикальные, а на левоэкстремистские позиции» [1].

А. Грамши отмечал в качестве закономерности развития и распространения марксизма вообще то обстоятельство, что «философия практики должна была вступать в союз с чуждыми тенденциями, для того чтобы победить сохранившиеся в народных массах пережитки докапиталистической формации...» [2]. Указанная Грамши закономерность соответствует той рекомендации Ленина, которую современные исследователи-марксисты рассматривают в качестве методологической опоры при анализе явлений сегодняшней действительности: «...*приспособить*... коммунистическую партию (ее состав, ее особые задачи) к уровню *крестьянских* стран колониального Востока» [3]. Примечательно в этой связи, что Неру, неоднократно сопоставлявший в своей «Автобиографии» развитие общественной мысли в Индии с опытом России, объясняя причины того, что «такие способные люди, как коммунисты... терпят в Индии столь большую неудачу», писал: «Главная их ошибка состоит, по-видимому, в том, что они подходят к индийскому национальному движению с меркой европейского рабочего движения...» Между тем как «главной проблемой в Индии является проблема крестьянства» [4].

---

[1] *Агаев С. Л.* Указ. соч., с. 136.

[2] *Грамши А.* Избр. произв.: В 3 т. М., 1959, т. 3, с. 82.

[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 457. См. применение этого положения в статье С. Л. Агаева (Указ. соч., с. 133).

[4] *Неру Дж.* Автобиография. М., 1955, с. 387, 389.

Возвращаясь к непосредственно российской проблематике, обратим внимание на вывод, который сделан на основе изучения широкого круга исторических материалов А. И. Володиным и Б. С. Итенбергом. «...В процессе «пересадки» идей марксизма на русскую «почву», осуществлявшейся немарксистами, хотя бы и с глубокой симпатией к марксизму относившимися, были свои издержки, подчас значительные. Однако до поры до времени основное содержание, смысл и значение такого рода явлений определяли не эти издержки, а прежде всего то, что даже и *в неадекватной,*— подчеркивают авторы,— *деформированной, искаженной форме теория Маркса и Энгельса все активнее и шире входила в общественное сознание России»* [1].

Подобное положение в дальнейшем создавало предпосылки для того, чтобы люди, проповедовавшие субъективно-социологическую доктрину, искренне считали себя марксистами, а люди, внутренне расходившиеся с народническими доктринами и обращавшиеся к марксизму, продолжали считать себя народниками. Тот же Михайловский, например, выступал с публичной защитой учения Маркса, защищая лишь то, что ему представлялось марксизмом. Лавров вообще заявлял, что разница между социал-демократами и народниками во взглядах на общину, на судьбы капитализма в России и т. д. не имеет принципиального значения [2]. В дальнейшем, по мере того как в России все более развивалось пролетарское движение и марксизм обретал классовую почву, мы встречаемся уже с феноменом *постнароднической* идеологии, сочетавшей некоторые народнические традиции переосмысления марксизма с разного рода «бунтаризмом» в «марксистских» одеждах.

Советскими исследователями уже было показано, сколь неосновательны попытки выискивать «корни большевизма» в левоэкстремистской доктрине народничества, столь характерные для западных авторов. Но нет оснований отрицать, что субъективно-социологическая доктрина народников в некоторых характерных своих чертах имела наследников в русской общественной мысли.

---

[1] *Володин А. И., Итенберг Б. С.* Еще раз об отношении к Марксу и марксизму в России 60—70-х годов XIX века.— Вопросы философии, 1983, № 1, с. 72.

[2] Подробнее см.: В. И. Ленин и русская общественно-политическая мысль XIX — начала XX в. Л., 1969, с. 187—188.

* * *

Сначала несколько слов о той народнической — в самом широком значении термина — традиции, которая прослеживается в «третьем мире» и сегодня. В принципиально-методологическом отношении советские исследователи в этом случае опираются на те положения Ленина, смысл которых заключается в распространении понятия «народничество» за сферу российского освободительного движения и придании термину типологического значения [1]. Важное исходное методологическое значение при обращении к указанному феномену имеет и сам по себе факт допущения Марксом некапиталистического развития тех или иных стран при определенных условиях [2]. Уже одно допущение подобного рода в общем-то обязывает марксистского исследователя рассматривать современное «народничество» в странах «третьего мира» не как некую идеологическую метафору, а как реальную идеологическую силу в ряду иных идеологических сил современности. Систематизируя работу, проделанную авторами, обращавшимися к проблеме современного «народничества», В. Г. Хорос приходит, например, к выводу (возможно, и чрезмерно широкому, но характерному), что феномен «популизма» в современной идеологии может и должен быть истолкован как идеологическое «обоснование «особого», некапиталистического развития через интеграцию в процесс модернизации традиционных коллективистских ценностей и институтов как особая ветвь немарксистского социализма. Реальное социально-политическое содержание такого рода теорий и программ может быть самым различным — от либерально-реформистского до революционно-демократического» [3]. Автор склонен считать термины «народничество» и «популизм» едва ли не равнозначными и отдает предпочтение последнему потому, что он более привычен для обозначения явлений *современного* мира, тогда как первый закреплен за «русской моделью». Автор предпри-

---

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 22, с. 120.

[2] Эволюцию взглядов по этому вопросу К. Маркса прослеживает И. К. Пантин в книге «Социалистическая мысль в России: переход от утопии к науке» (М., 1973, с. 282—318) и позднейших своих работах.

[3] *Хорос В. Г.* Идейные течения народнического типа в развивающихся странах. М., 1980, с. 12. Приведенное положение повторено как общепринятое в статье «Популизм» А. Д. Ковалева и В. Г. Хороса в «Философском энциклопедическом словаре» (М., 1983).

нимает попытку построить некую общую «модель популизма» как логической структуры, апеллируя к «примеру русского народничества». Суждения автора хотелось бы лишь дополнить двумя соображениями, имеющими прямое отношение к настоящей теме. Во-первых, столь тесно сближая понятия «популизма» и «народничества», нет, видимо, оснований так безоговорочно интегрировать в них и либеральный реформизм, и революционный демократизм — ссылка на «русскую модель» здесь не оправдана. Революционные демократы 60-х гг.— идеологи класса дореформенного крестьянства, как об этом уже говорилось выше. Пореформенное народничество утратило эту классовую базу со всеми вытекающими отсюда серьезными последствиями. Соответственно требует уточнения и вопрос о либеральном реформизме в период подготовки реформы и проведения ее и в послереформенное время в России. Во-вторых, в том истолковании народничества-популизма, при котором именно революционный демократизм определяет левую границу феномена, характерным образом выпадает, будучи вынесена за пределы данного феномена вообще, *левоэкстремистская* его модификация. А это принципиальный вопрос в условиях современности. И «русская модель», поскольку уж автор на нее ссылается и из нее исходит, как раз и свидетельствует о неправомерности предлагаемого им решения. Да и данные, относящиеся к современному положению вещей, свидетельствуют о теснейшей связи современного левого экстремизма и «революционного» терроризма с самыми разными гранями «популистской» проблематики «третьего мира», включая те «случаи», когда эта проблематика оказывается в сфере идейно-политической действительности и высокоразвитых современных капиталистических стран («маргиналы», «индейцы метрополии», люмпены) [1]. Важно отметить при этом и то обстоятельство, что современный «популизм» в его левоэкстремистской модификации демонстрирует выраженную тенденцию принимать обличье «истинно марксистской» идеологии, противостоящей «ревизионистским извращениям». Тут, впрочем, мы подходим к феномену, при котором «теоретическая победа марксизма заставляет врагов его *переодеваться* марксистами» [2]. Сказано это было

[1] См.: *Мяло К. Г.* Левоэкстремистские группировки в странах Западной Европы: идейный и социально-психологический генезис.— Рабочий класс и современный мир, 1985, № 1, с. 130—136.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 23, с. 3.

В. И. Лениным применительно к судьбам все того же русского народничества и «постнародническим» тенденциям в России.

В ряде исследований советских авторов убедительно показано, что левоэкстремистская тенденция народнического типа нашла свое продолжение в определенных сторонах левоэсеровского движения. При этом если народники стремились, как отмечено, интегрировать в своей доктрине учение Маркса, то идеологи социально-революционного толка подкрепляли идеологию эсеровского типа именами Чернышевского, Герцена, а затем Лаврова и Михайловского[1]. В русском освободительном движении была в свое время найдена и «дурная антитеза» субъективизму и революционному экстремизму, чуть не полвека господствовавшим на политической арене страны,— либеральное перерождение самого же народничества и, далее, деятельность «легальных марксистов», экономистов и, далее, меньшевиков. Известно, что эсеры в качестве программного принципа провозгласили «старое» народническое требование: «Земля и воля!» Вместе с тем основным практически-политическим методом они (прежде всего эсеры-«максималисты», левые эсеры, затем эсеры вообще) считали политический террор, не только «индивидуальный», но «оптимально» и массовый. Ко времени победы Октябрьской революции эсеры были, как известно, массовой партией в стране, отражавшей, согласно Ленину, так или иначе интересы большой части русского народа[2]. Отсюда и объективная закономерность того, что уже после установления Советской власти большевики в течение некоторого времени шли на прямое сотрудничество с левыми эсерами. Тут мы вновь наблюдаем продолжение процесса соприкосновения марксизма с допролетарской идеологией, который оказывается непременным условием превращения теории Маркса в господствующую в нашей стране. Как известно, компромисс с эсерами не мог быть продолжен — по причинам, рассмотрение которых не входит в нашу задачу, эсеры пришли к решению традиционными для них средствами изменить соотношение сил в свою пользу. О чем и было прямо сказано в 1920 г. на конференции партии эсеров и на X съезде их партии. Дальнейшее развитие событий также не имеет отношения к нашей задаче. Но весьма

[1] См.: *Хессин Н. В.* Н. Г. Чернышевский в борьбе за социалистическое будущее России. М., 1982, с. 188—189.

[2] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 15, с. 209.

важно здесь отметить тот факт, что в момент, когда эсеры в условиях крайне напряженного состояния всей жизни страны, вызванного и последствиями интервенции, и гражданской войной, и «перегибами» «военного коммунизма», решили перейти к экстремистским формам борьбы, Ленин выступил против опасности *левого коммунизма в партии*[1]. И вот тут феномен контактирования марксизма с непролетарскими идеологиями в процессе усвоения этими идеологиями учения Маркса и овладения учением Маркса массами оборачивается новой гранью.

Еще в 1918 г. при заключении Брестского мира левые коммунисты уже ставили Советскую власть на грань катастрофы[2]. В условиях *вынужденного,* как неоднократно отмечал Ленин, перехода к режиму «военного коммунизма» левые коммунисты пытались самой этой вынужденности придать вид *нормы,* исходя из идеи «прямого» перехода, «перескакивания» страны к коммунизму, безграничного расширения «революционной войны» и «подталкивания» революции в международном масштабе. «Подобная «теория»,— писал Ленин еще в 1918 г.,— шла бы в полный разрыв с марксизмом, который всегда отрицал «подталкивание» революций, развивающихся по мере назревания остроты классовых противоречий, порождающих революции»[3]. При всей кажущейся «сверхновизне» означенная теория не была такой уж новинкой в России, хотя, конечно, не надо прямо сопоставлять позицию левых коммунистов в этом случае с позицией, к примеру, того же Ткачева, с его идеей провоцирования революционных «аффектов». Опыт и уроки выступлений Ленина по поводу опасности истолкования феномена «военного коммунизма» в левацком духе имеют принципиальное методологическое значение и при обращении к анализу левокоммунистических, левоэкстремистских и смежных с ними явлений в современном мире. Впрочем, обращение к прецеденту «русской модели» в указанной связи вообще имеет нарастающее идейно-методологическое значение.

---

[1] Этот аспект полемической направленности работы Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» рассматривается в статье А. А. Лебедева «Проблема политических компромиссов» (В кн.: Ленин как политический мыслитель. М., 1981, с. 180—199).

[2] См. подробнее в кн.: Ленинизм и диалектика общественного развития. М., 1970, с. 218 и др.

[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 403.

* * *

В нашей литературе уже было высказано мнение, что «в лице «левого» терроризма капиталистический мир столкнулся с явлением, которое, будучи самостоятельным порождением современного буржуазного общества, в то же время по своему политическому типу является *модернизированным* воплощением нечаевщины... Деятельность Нечаева была лишь ранней, начальной формой экстремистского революционизма. Но в ней, как во всякой первичной форме, с принципиальной полнотой и акцентированностью проявилась система существенных специфических черт и признаков, которые характеризуют явление в целом...» [1].

В книгах Ц. И. Кин проанализирован едва ли не избыточный материал, позволяющий судить о степени «вживления» левого экстремизма в современную западную прогрессивную культуру, в которой он присутствует ныне уже не только как объект, но и как субъект — кукушонок в гнезде певчей птицы. Этому автору среди советских исследователей принадлежит и приоритет ответственного заявления относительно того, что именно *левый* экстремизм представляет в нашу эпоху *главную* опасность в сфере действия прогрессивных сил Запада. «...Дикий синтез садизма и «марксизма»,— пишет К. Г. Мяло,— в значительной мере и осуществил терроризм, у истоков которого садическая компонента была выражена очень заметно» [2]. В щедро документированной книге С. А. Эфирова читаем: «С враждебным отношением к культуре как к атрибуту «буржуазности» человечеству приходится сталкиваться не раз... Всестороннее обоснование этого анархистского нигилизма содержится в работах А. Негри. С его точки зрения, разрыв со «старым миром» должен быть абсолютным...» Путь к нигилистическому «коммунизму» Негри лежит только через насилие. Таким образом, этот идеолог левого экстремизма стремится лишить само понятие «коммунизма» всякой научной и культурной обоснованности, противопоставив «коммунизм» культуре и науке как *непролетарским* идеологическим явлениям. На их место он выдвигает «пролетарский» миф. «Берутся,— читаем у С. А. Эфирова,— например, бесспорные марксистские положения — о клас-

---

[1] *Витюк В. В.* Нечаевщина как политическое и социально-психологическое явление.— Социологические исследования, 1981, № 2, с. 161—162.

[2] *Мяло К. Г.* Указ. соч., с. 128.

совой структуре общества, эксплуататорском характере буржуазного государства, буржуазной демократии и фашизме, кризисе капитализма, наднациональных монополиях, исторической миссии пролетариата, революции, национально-освободительной и антифашистской борьбе, коммунизме и т. д.,— предельно упрощаются, до крайности гипертрофируются, и в результате справедливые, прошедшие историческую проверку идеи трансформируются в гротескные, иногда просто параноидальные фантазии, в которых не остается ничего от реальных трудных проблем современного мира, хотя он и превращается в своего рода «фильм ужасов». Солидаризуясь с В. В. Витюком и опираясь на него относительно принципиальной оценки нечаевщины в свете той роли, которую играет современный левый экстремизм, «переодетый» в марксистскую фразеологию, автор данной работы вместе с тем считает, что Нечаев все-таки «не был... первым предтечей современных экстремистов». Прослеживая родословную левого экстремизма, автор обращается к таким фигурам, как К. Гейнцен, В. Вейтлинг, И. Мост, к М. Робеспьеру, ссылаясь на ту оценку эволюции якобинства, которая содержится, в частности, в работе Е. Г. Плимака «Революционный процесс и революционное сознание» (М., 1983). Тут надо сделать одно замечание, поскольку следует отличать социально-исторически *вынужденные* заблуждения от «фальшивой игры» в духе Нечаева. Это различение важно, в частности, еще и потому, что утрата его ведет к идейному приподыманию современного левого экстремизма, ибо если за Робеспьером стояли и историческое заблуждение, и историческая правда, то за Нечаевым — провокация и цинизм. Указанное различие важно в том случае, когда речь заходит уже не о связи, а об отличии нечаевщины от того же русского народничества. «Известно,— читаем у С. А. Эфирова далее,— что среди народовольцев были люди, настроенные до крайности экстремистски. И некоторые советские исследователи придерживаются мнения, что люди этого типа «шли к Нечаеву»... Отдавая должное личному мужеству носителей этих тенденций, их самоотверженности, бескорыстию, несгибаемости и чистосердечию, сторонники такого взгляда полагают, что от народовольческих деятелей такого типа до Нечаева — один шаг, и этот шаг они были готовы пройти»[1]. Различия между народовольчеством и

---

[1] *Эфиров С. А.* Покушение на будущее. М., 1984, с. 100, 118—119, 158, 170.

нечаевщиной при всем том безусловны. Но если, сопоставляя современный левый экстремизм с драмой якобинцев, важно подчеркнуть пропасть, разделяющую эти два явления, то, сравнивая нечаевщину с народовольческим экстремизмом, приходится указать на тот «мостик», который народовольческий экстремизм перебрасывал к нечаевщине и всему, что затем явилось ее продолжением и развитием. Да ведь и сам Нечаев вошел в русское освободительное движение по прямым рекомендациям Ткачева и Бакунина. Если для части русского народничества ревизия марксизма оказывалась в свое время формой его усвоения и распространения, то для левого экстремизма в современных условиях «верность» «истинному» и «чистому» марксизму является формой *борьбы с ним.*

Из сказанного можно, очевидно, сделать теперь и тот вывод, что «устоявшееся» и даже до известной степени как бы даже и «самоочевидное» положение, согласно которому марксизм, контактируя с непролетарскими — допролетарскими, в том числе и историческими в первую очередь,— идеологиями, подвергается *справа* либерально-ревизионистской опасности, а слева опасности сектантско-догматической,— это положение в современных условиях должно быть несколько уточнено и дополнено. Отмеченные опасности сохраняются. Но речь ныне идет *еще* и *о том,* что по отношению к допролетарским идеологиям «третьего мира» левый экстремизм, выступая под видом «истинного» марксизма, тем самым обнаруживает тенденцию к *замещению* марксизма или «играет на опережение» марксизма, который в означенных условиях с неизбежностью выступает в виде наиболее понятном для допролетарского массового сознания, наиболее привычном для масс. В такой ситуации борьба за «чистоту» марксизма с левоэкстремистских позиций объективно означает стремление исключить возможность соединения марксизма со стихийным массовым движением, развивающимся в рамках допролетарских идеологий. В ситуации современного «разделенного мира», когда противоборствующие социальные силы и классовый антагонизм все более четко конституируются соответственно двум главным противоборствующим социально-политическим системам на международной арене, именно левый экстремизм, выступающий под видом и «от имени» марксизма, способен сыграть роль опасного детонатора. Сама фетишизация насилия (против чего столь решительно выступали в свое время основоположники марксизма) как

универсального средства для избавления мира в оптимальные сроки от всех бед и зол капитализма толкает современный левый экстремизм к лозунгу «Война — мать революции», к всеобщей (в современных условиях — атомной) войне в целях единовременного («все и сейчас!») разрушения «старого мира». Так современный левый экстремизм смыкается с ультрареакционными идеологиями. И в этой связи борьба марксизма с идеологиями, выступающими под видом марксизма с антимарксистских позиций, приобретает особое значение и всемирно-исторический смысл. Но в этой же связи требуют повышенного внимания всякого рода левонароднические, левопопулистские тенденции в современном мире, поскольку нельзя не учитывать идейно-методологического и практически-политического урока, который был в свое время уже преподан «русской моделью» возникновения феномена нечаевщины «в тени» народовольчества.

* * *

Когда-то, в пору «военного коммунизма», в России получил распространение лозунг: «Кто не с нами, тот против нас!» Легко представить, чему соответствовал он на практике. Но этому левацкому призыву был противопоставлен другой лозунг, исходящий из ленинских установок в области культурного строительства на базе лучших достижений мировой цивилизации. Столкновение двух этих лозунгов — выражение двух политически противоположных точек зрения на идеологическую борьбу в целом, на вопрос об отношении марксизма к непролетарским идеологиям и допролетарским идеологиям прежде всего. Несомненно, всякого рода — и левый и правый — экстремизм может быть в принципе подвергнут критике с разных, даже и прямо противоположных, позиций, не только с марксистских, но и, скажем, с позиций буржуазного консерватизма и неоконсерватизма. Но несомненно, что необходимость выработки «нового мышления», соответствующего реалиям «ядерного века», в принципе исключает допущение любых экстремистских тенденций.

Остается сделать еще один уже напрашивающийся вывод, что «русская модель» отношения марксизма к допролетарским идеологиям народнического типа применима в решении задачи выработки «нового мышления» не только, конечно, относительно «третьего мира». И потому, что идеологические проблемы этого региона не могут

быть ни решены, ни даже поставлены сами «в себе», вне связи с глобальными проблемами человечества. И потому, что вопрос об отношении марксизма к допролетарским идеологиям указанного типа есть в известном смысле один из основных вопросов дальнейшего развития самого марксизма и его судьбы в идеологическом обновлении всего человечества. Современные народническо-популистские идеологии означенного типа — не просто и не только «допролетарские» идеологии, но «недостаточные» в этом смысле, не просто и не только «переходные» и «промежуточные» — это прежде всего *саморазвивающиеся* идеологии. И «саморазвиваются» они, как то и было выявлено еще «русской моделью», одновременно в разных направлениях, представляя собой идеологический резерв и суля перевес той из противоборствующих сторон, которая окажется в свою очередь наиболее контактна по отношению к ним, не утрачивая при этом собственной сущности и не растворяясь в них. Вместе с тем если согласиться, что популизм — это современное народничество, то нельзя не добавить, что между «старым» русским народничеством и современным популизмом существует некое принципиально историческое различие. В известном смысле «старое» русское народничество было «уходящей» идеологией, социальная база которой стремительно таяла по мере роста капитализма в стране. Социальная база популизма стремительно расширяется и вследствие того, что «демографический взрыв» происходит в странах «третьего мира», и вследствие деколонизации ряда стран и целых регионов, ведущей к «декапитализации» их в «антизападном» направлении, в частности. В последнем случае идеологии популистского типа действительно способны выступить как альтернативные по отношению к тем, которые уже нашли выражение в других странах и регионах. Даже сами слабости популизма способны тут оборачиваться силой — границы феномена размыты, зачастую не имеют партийной определенности, сам феномен может выступать как идеологическое образование меж- и надпартийного характера. По этой, в частности, причине именно такого рода идеология оказывается в ряде случаев приемлема для новых общественно-политических течений современности (например, возможна постановка вопроса о популизме «зеленых» или популизме пацифистского типа вообще — за пределами «третьего мира»; нашими исследователями отмечен и особого рода популизм «индейцев метрополий»,

«белых негров» в странах развитого капитализма и т. д.). В то же время и некоторые идеологические концепции, традиционные для развитых стран капиталистического мира, тяготеют ныне к популизму. Например, уместна постановка вопроса о популистских тенденциях в среде социал-демократии, демократической интеллигенции Запада, а с другой стороны — среди маргинальных слоев. В известном смысле можно даже сказать, что само «новое мышление» — это, по сути, и есть новая постановка в новых условиях «старого» классического, впервые нашедшего реальное воплощение в «русской модели» вопроса о соотношении марксизма и допролетарских идеологий народническо-популистского типа, если рассматривать этот вопрос и это соотношение как всемирно-исторический процесс в единстве его внутренних противоречий и при обязательном для марксиста стремлении к учету всей полноты равнодействующих идеологических сил в современном мире.

Отметив таким образом тут некоторые характерные черты тех закономерностей, которыми определяется идеологическая коллизия в сфере соприкосновения марксизма с допролетарскими идеологиями и взаимодействия его с ними, надо еще добавить, что сам феномен контакта марксизма с такими идеологиями — *стихийный объективно-исторический процесс,* возможность воздействия на который обусловлена его собственной «природой», в пределах которой марксизм выступает одновременно и как субъект такого воздействия, и как его же объект. Контакт марксизма с допролетарской идеологией возникает на уровне, определяемом не современной формой марксистского самосознания, а именно той его формой, к которой обнаруживает тяготение данная домарксистская идеология. Нет, повторим, «разных марксизмов», но, сохраняя свою идеологическую сущность и методологию, марксизм развивается одновременно в очень широком идеологическом спектре, определяемом всей средой его «духовного бытования» — в Европе ли, в странах ли Востока, Африке и т. д. В то время как «чистый марксизм», лишь претендуя на универсализм и всеобщность, на самом деле, вне зависимости от субъективных побуждений тех, кто на нем настаивает, есть некий идеологический *фантом.* Но означенный фантом — не просто «пустая фраза», не некое «пустотелое нечто», готовое заполниться любым содержанием. Этот фантом, не имеющий собственного содержания, обнаруживает способность *пара-*

зитировать на реальном марксизме и его реальных проблемах, «заостряя» до предела *любые* его положения и тем обращая их в их полную противоположность. Нарастание опасности подобного рода «заострения» марксизма становится очевидным тем более, чем более обнаруживается, что возникло не только коренное изменение идеологической ситуации, но и всей *идеологической перспективы*. Дело в том, что победа над идеологическим противником в представимом будущем не сможет быть «окончательной и бесповоротной» по одной той простой причине, что сам носитель чуждой идеологии может быть сокрушен лишь самоубийственным и для его противника способом. Неизбежность признания взаимообусловленности существования взаимовраждебных социальных сил переводит идеологическую перспективу из сферы решения вопроса «кто — кого» в сферу решения задачи сохранения *среды духовного обитания* человечества в единстве составляющих ее идеологических противоположностей.

И еще раз: нет «разных марксизмов» — есть «разные миры» в современном стремительно и, по видимости, беспредельно нарастающем многообразии мира, есть разные *духовные миры*, с которыми марксизм будет контактировать и взаимодействовать в перспективе, неоспоримой ныне даже и для прямых его противников, все расширяющегося идеологического диапазона. Можно сказать, что именно марксизм, за которым будущее, более всех иных идеологий «заинтересован» в идеологическом многообразии мира — истинном духовном богатстве человечества, непрерывно и в увеличивающихся духовных масштабах вырастая из этого многообразия и этого богатства, не «отменяя», а приумножая их.

Теоретико-методологическая актуальность вопроса о соотношении марксизма и непролетарских, допролетарских в частности, идеологий в любом его «срезе» — историко-культурном, практически-политическом или социально-экономическом — обнаруживает едва ли не самоочевидность, и уникальный опыт России обретает ныне в данной связи действительно всемирно-исторический универсализм и почти неограниченную перспективу. Национальный опыт развития российского освободительного движения к марксизму обретает ныне интернациональное значение и с точки зрения идейно-теоретического своего освещения, и в практически-политическом смысле и применении.

4. СОВРЕМЕННЫЙ ЛЕВЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ В СТРАНАХ ЗАПАДА И ИДЕОЛОГИЯ БУНТАРСТВА

В 70-е гг. на авансцену политической жизни ряда западноевропейских стран выступил «левый», или «красный», терроризм, выдвинувший экстремистские лозунги немедленной, или осуществляемой по образцу вооруженных национально-освободительных движений «третьего мира», революции. Отнюдь не будучи ни первой, ни единственной разновидностью террористического действия в этот период, теснейшим образом соседствуя и вступая в сложное взаимодействие с «правым», или «черным», терроризмом, с одной стороны, и государственным терроризмом — с другой, «левый» терроризм тем не менее оказался в центре внимания общества, у истоков целого ряда событий, вся масштабность и значение которых для современного мира стали очевидны лишь по прошествии определенного времени.

С тех пор, пройдя несколько этапов в своей эволюции, «левый» терроризм к середине 80-х гг. превратился в своеобразную «группу давления», или, по словам бывшего руководителя римской колонны «красных бригад» в период «дела Моро» В. Моруччи, «Кровавое лобби»[1]. Притом лобби, влияние которого быстро выходит за пределы одной страны и в тенденции приобретает глобальный характер, как о том свидетельствует новая волна террористических акций в середине 80-х гг. Их «отрежиссированность», тщательная привязка как к глобальным проблемам нашей эпохи (что, в частности, нашло выражение в февральском 1985 г. коммюнике «красных бригад», выпущенном по поводу убийства ими бывшего мэра Флоренции Ландо Конти, где убийство это связывалось с проблемой участия Италии в программе СОИ, сторонником которого, согласно коммюнике, был Конти), так и

[1] L'Espresso, Roma, 1983, giugno, 25, p. 47.

злободневным, острым вопросам и событиям той или иной страны позволяют судить о политической искушенности и осведомленности тех, кто стоит за кулисами событий. Анархические хеппенинги западноберлинских баров и дискотек, «киношные» выходки Баадера и даже «пролетарская романтика» первых «бригадистов» сейчас принадлежат прошлому. В определенной части общества, главным образом в кругах левой интеллигенции, это укрепляет довольно сильно распространенные иллюзии относительно качественной несопоставимости нынешнего «лоббистского» терроризма и его былой «идеалистической» и «героической» разновидности.

Но именно «идеалистические» группировки 70-х гг. были непосредственными предтечами институционализированного терроризма «новой волны», и анализ диалектики романтического бунтарства и политического лоббизма представляется особо актуальным еще и потому, что «романтики» 70-х гг. своей агрессивной и безответственной демагогией на темы «революции» и «герильи» в немалой мере способствовали тому отождествлению национально-освободительных, антифашистских и революционных движений с терроризмом, к которому так охотно прибегает сейчас империалистская пропаганда и которое так негативно воздействует на международную ситуацию в целом. Показательно в этом смысле хрестоматийно известное определение терроризма, предложенное в свое время одним из главарей аргентинской хунты, генералом Виделой: «Террористами являются все, кто распространяет идеи, противоположные западной и христианской цивилизации». Спустя несколько лет тенденция к подобному отождествлению обнаружилась и в респектабельных буржуазных кругах, так что госсекретарь США Шульц смог заявить в декабре 1985 г., выступая в Лондонском «Обществе пилигримов»: «Терроризм — это уже сейчас то оружие, к которому все чаще прибегают силы, стремящиеся к подрыву западных государств и друзей Запада в третьем мире. Мы должны быть столь же хорошо подготовленными и организованными, чтобы противостоять этим угрозам» [1].

Почти одновременно американский политический обозреватель Э. Льюис писал по поводу доктрины «нового глобализма» с основополагающим для нее отождествлением терроризма и национально-освободительной и ан-

---

[1] Washington Post, 10. XII 1985.

тиимпериалистической борьбы народов «третьего мира»: «...источником этой теории является правый лагерь в идеологии. Данная концепция заключается в следующем: США должны вмешиваться в войны, идущие в странах третьего мира, всюду, где есть хоть какая-то возможность бороться с советским или марксистским влиянием. Они должны делать это во всем мире, не считаясь с особенностями местных условий. Ограничение американского влияния также должно подчиняться потребностям идеологии» [1].

Разумеется, такое сложное явление, как доктрина «нового глобализма», требует специального анализа [2]. Однако, думается, нельзя отрицать, что в своих крайних посылках и выводах доктрина эта в немалой мере дублирует, и видимо не случайно, глобализм и агрессивный напор стратегов «тотальной герильи» 70-х гг.

Это особенно явственно обнаруживается там, где, как в опубликованном в начале 1986 г. докладе «Херитидж фаундейшн», доктрина неоглобализма преподносится как универсальная стратегия Запада, избранная им для защиты подлинно «революционных» и подлинно «освободительных» — с точки зрения авторов этой доктрины — движений в странах «третьего мира». И то обстоятельство, что предпочтительной зоной приложения доктрины «нового глобализма», как и концепции «универсальной герильи», т. е. всеобщей партизанской войны «отверженных», оказываются страны «третьего мира», делает возможные последствия такого взаимоподпитывания «левого» и «правого» глобализма особо опасными.

Любые исторические аналогии относительны, но нельзя тем не менее не вспомнить в этой связи драматический прецедент — успешное обыгрывание некоторых лозунгов, форм, самого эмоционального накала левых движений, которым было отмечено зарождение фашизма. Такое напоминание представляется уместным еще и потому, что в своем генезисе современный «левый» терроризм, дебютировавший в конце 60 — начале 70 гг. в развитых капиталистических странах Запада, оказался органически связанным с тем амбивалентным идейно-психологическим комплексом анархического бунтарства, который уже и в 20-е гг. был присущ экстремизму в обоих его ипостасях. Ныне он активизировался в силу целого ряда

[1] New-York Times, 9. XII 1985.

[2] См.: *Бушуев В.* Антикоммунизм в «неоглобалистской» доктрине США.— Коммунист, 1986, № 6.

особенностей современного капитализма и геополитической структуры современного мира.

При этом органичный для данного комплекса пафос ненависти к культуре и любым сколько-нибудь сложным социально-политическим институтам, затемняющим простые отношения между «массой» и «революционным авангардом» (или — в правом варианте — вождями), здесь сразу же обнаружил тенденцию облекаться в символы непримиримого противостояния «Запада» и «Востока», что в немалой мере способствовало позднейшим спекуляциям. Эти спекуляции были облегчены и тем, что в современном политическом словаре понятия «Запад» и «Восток» все чаще соотносятся с капиталистическим и социалистическим мирами, а порою под «Востоком» подразумевается только Советский Союз («Россия»), который и предстает олицетворением начал, враждебных западной цивилизации (в тенденции, отождествляемой с цивилизацией вообще).

Однако у истоков «левого» терроризма в терминах «Запад — Восток» главным образом воспринимался и осмысливался тот круг проблем современного мира, который теперь принято именовать глобальным конфликтом Севера и Юга. Такое восприятие проблемы «Запад» — «Восток» отличало молодежные движения протеста 60-х гг., а их крайне левый фланг позже и выдвинул из себя первые террористические группировки — западных «городских герильеро»[1]. Последние открыто поставили знак равенства между буржуазным угнетением личности во всех, в том числе и скрытых, формах и фашизмом, а как следствие — между революцией («герильей») и полным разрушением западной цивилизации. Нередко они и сами себя определяли как «пятую колонну третьего мира» в странах буржуазного Запада, тем самым закладывая основы для того позднейшего — в доктрине «неоглобализма» абсолютного — отождествления революционных и национально-освободительных движений «третьего мира» с враждебными «Западу» силами вообще, о котором уже упоминалось.

Своеобразным центром, вокруг которого сложилась и идеология, и практика «левого» терроризма уже у самых его истоков, стало абсолютное неприятие буржуазной демократии — не только как политического строя, но

[1] Разумеется, будет уместно еще раз подчеркнуть, что речь идет лишь о крайне левом фланге «новых левых» движений, но отнюдь не обо всем их комплексе.

и как определенного стиля жизни. В частности, это нашло выражение в одном из его наиболее резко бросающихся в глаза парадоксов; «левый» терроризм дебютировал не в странах с тираническими диктатурами, а в странах буржуазно-демократических или недавно осуществивших переход к парламентской демократии (наиболее яркий пример — Испания; некоторые исследователи склонны относить сюда также Германию, Италию и Японию, с их относительно недавним тоталитарным прошлым).

В этой взаимозависимости между тенденциями к демократизации общества и дебютами террористов особо явно обнаруживается, что своим основным врагом они (нередко бессознательно) склонны ощущать не тот или иной конкретный диктаторский режим, а скорее именно систему институтов представительной демократии — как раз в силу ее способности к легализации и мирному разрешению некоторых социальных конфликтов. А это в глазах экстремистов роковым образом отодвигает в недосягаемую даль то «окончательное решение», которое, с их точки зрения, одно только и заслуживает имени «Революция» и которое одно только и открывает путь к подлинному социальному обновлению.

Именно эта доминирующая психологическая установка на «Революцию», думается, в немалой мере определяет характерную связь дебюта террористов с ситуацией начинающихся в обществе перемен. Их отличает стремление «оседлать», узурпировать этот процесс перемен, не дать ему двинуться по пути реформ, а максимально сдвинуть его «влево» — что на практике нередко означает «вправо». Особенность ситуации 60—70-х гг. в том, что здесь объектом подобной узурпации стали по большей части процессы, идущие в странах «третьего мира», а ряд концептуальных положений политической философии «новых левых», унаследованных экстремистами, придал их ненависти к демократии характер непреложной теоретической догмы.

Ключевая роль принадлежала при этом, несомненно, развитому в русле «новых левых» движений понятию «системного террора» и связанной с ним психологической готовности к отождествлению «революции» и «насилия», «революции» и апокалипсической — всеразрушающей, но и всеочищающей катастрофы.

Многообразные социально-экономические и социально-психологические факторы развития столь острой

ненависти к буржуазной демократии в среде молодой интеллигенции и студенчества в 60—70-е гг. достаточно хорошо известны и основательно проанализированы в целом ряде исследований, в том числе и советскими авторами. Хорошо известны также и собственные — нередко вопиющие — пороки и несовершенства буржуазной демократии. Однако для позиции коммунистов в этом вопросе характерно принципиальное неприятие любых попыток поставить знак равенства между буржуазной демократией и фашизмом, двумя качественно различными формами классового господства буржуазии, и эта позиция была сформулирована еще на VII конгрессе Коминтерна в докладе Г. Димитрова.

Как известно, отказ от такого разграничения грозит трагическими последствиями. Что же касается современного левого терроризма, то уже при самом его зарождении он характеризовался возрождением устойчивого анархистского тождества «революция — инсуррекция», — где «революция» есть, прежде всего, бунт против всякой государственности, будь она демократическая или фашистская, но также и бунт против культуры — и последующим проецированием этого тождества на страны «третьего мира». Нельзя не согласиться с итальянским социологом Дж.-М. Браво, сотрудником Института Грамши в Риме, который в ходе своего исследования исторического, идейного и психологического фона вспышки красно-черного экстремизма в Италии 70-х гг. отметил в качестве важнейшей составляющей экстремизма в обоих его ипостасях стремление к «дестабилизации системы», существующего порядка вещей вообще. Эта дестабилизация в конце концов превращается в самоцель, и «можно заключить, что экстремизм-терроризм и означает именно дестабилизацию»[1]. Весь комплекс проблем «третьего мира» оказался той почвой, на которой в лоне «левого экстремизма» прорвался как этот пафос ассоциальности, так и традиционный анархический бунтаризм, с характерным для него взглядом на крестьянские массы как на носителей этой мощной силы разрушения.

Однако уже у классиков анархизма — Бакунина, Нечаева, Кафьеро это условное «крестьянство» имело мало общего с массой реальных тружеников, с их конкретными социально-историческими и национальными особен-

[1] *Bravo J. M.* L'Estremismo in Italia. Le origini, gli sviluppi, le teorie. Il rosso e il nero nella mappa di gruppi eversivi. Roma, 1982, p. 187.

ностями, а также, нелишне заметить, и со своей очень развитой культурой. Оно изначально тяготело к тому, чтобы в плане социальном подмениться люмпенской и уголовной стихией, а в плане образном и эмоциональном — зловещими, но «великолепными» фигурами романтических разбойников и преступников: от Фра-Дьяволо до Равашоля. Интенсивное развитие эта линия получила в Италии, в своеобразном культе южноитальянского бандитизма, той «войны разбойников», яркий портрет которой дал Карло Леви в своей знаменитой книге «Христос остановился в Эболи». И, коль скоро речь идет об образе, трудно, пожалуй, найти зарисовку более выразительную и более созвучную устремлениям «левого» экстремизма, с характерной для него трансформацией жажды всеобщей справедливости в жажду всеобщего разрушения.

«...Это слепое желание разрушения, это кровавое и самоубийственное стремление к уничтожению веками накапливается под кротким терпением ежедневного труда. Всякое крестьянское восстание принимает эту форму, возникает из элементарной жажды справедливости, родится в черном тайнике сердца» [1].

Не касаясь здесь вопроса о том, насколько справедлива подобная, несомненно, слишком однозначная оценка крестьянских восстаний, замечу, однако, что емко и образно Леви удалось запечатлеть ту ипостась жакерий, которой принадлежит особая роль в экстремистско-террористическом мифе о «Революции» [2] и которая обрела новую актуальность в свете стремительной экспансии левого экстремизма, с его принципиальной ставкой на тотальную «герилью» против «империализма», на войну «мировой деревни» против «города» в 60—70-х гг.

Антиимпериалистические движения этого региона предстали для экстремистов и как реальное и живое воплощение классической крестьянской жакерии — «бунта проклятых и отверженных землепашцев» [3] против всего враждебного мира, и как желанная сфера действия для

---

[1] *Леви К.* Христос остановился в Эболи. М., 1955, с. 127.

[2] Известно, например, с какой страстью стремились вызвать «тень Стеньки Разина» российские экстремисты. В контексте проникнутых глубоким презрением к трудящейся части народа деклараций Нечаева и Ткачева призывы эти имели совершенно определенный бунтарский смысл.

[3] Таков буквальный смысл строки Эжена Потье, вынесенной Фаноном в название его знаменитой книги («Проклятьем заклейменные»), и речь идет здесь именно о проклятии, которым был заклеймен отверженный богом землепашец Каин.

сильных, непокорных людей, угнетаемых унынием и конформизмом буржуазного существования, в чем находил выражение устойчивый «моровский» комплекс западной левой интеллигенции. Это многое объясняет как в генезисе современного «левого» терроризма, так и в его позднейшей эволюции. У истоков тяготения к подобному эталону революции как беспощадного бунта «детей Каина» мы видим ту интерпретацию, которую получили в зарождающихся террористических кругах проблемы «третьего мира», равно как и сам по себе повышенный интерес к этим проблемам (в том числе и в первую очередь к китайской «культурной революции», а затем и к латиноамериканской герилье). На более позднем этапе — ту криминализацию политической жизни, включая сближение с «черным» терроризмом, к которой очевидным образом начал тяготеть «левый» терроризм, с одной стороны, и прогрессирующее сближение предлагаемого экстремистами социального идеала с утопией уравнительной нищеты в духе казарменного коммунизма вообще и его новейшего, красно-кхмерского варианта — с другой.

Определенные объективные основания для подобного возрождения идеала «революции-бунта», для отождествления вообще революции с крестьянской войной были созданы тем, что в общемировой политический процесс оказались втянутыми многомиллионные обездоленные массы стран Азии, Африки и Латинской Америки и что в 60—70-е гг. эти страны стали ареной многих бурных событий, получивших сильный резонанс в развитых капиталистических странах.

В свое время в нашей литературе увлечение «леваков» произведениями и теорией Мао иногда подавалось иронически, как некий нелепый курьез. Думается, сейчас можно с уверенностью сказать, что такое увлечение маоизмом, глубоко негативное по своей сути, имело тем не менее глубокие корни и было своеобразной реакцией на то, что можно было бы определить как качественно новый уровень целостности мирового исторического процесса, на его ставшую очевидной, доступной субъективному восприятию планетарность. Когда позже западногерманские террористы заявляли, что в ФРГ «город» со всех сторон окружен «деревней» (авангардом которой они себя и считали), то это утверждение, бессмысленное применительно к ФРГ, в планетарном контексте приобретало иное звучание. В извращенной и искаженной форме левоэкстремистское сознание стремилось охватить и освоить

новую историческую реальность в ту несоизмеримость социально-экономических и политических условий существования трудящихся индустриально развитых стран и широких, главным образом крестьянских, масс «третьего мира», которая столь болезненно поражала либерально и демократически настроенных представителей западной интеллигенции. Однако у этого интереса и влечения к «третьему миру» была и другая, темная и опасная сторона, как была она — и вскоре это стало вполне очевидно — у самого экстремистского «глобализма»; этот мир, раздираемый социальными конфликтами, представал как грандиозный испытательный полигон для экстремистских идей в их самых «экстремальных» формах.

В вышедшем недавно философско-утопическом романе А.-Б. Леви, одного из двух крупнейших, наряду с А. Глюксманом, представителей шумно известного направления «новых философов»,— романе, носящем выразительное название «Дьявол мысли» (парафраз известного романа Б. Радиге «Дьявол плоти»), его герой Бенджамен, alter ego автора, начав как пламенный чистый революционер, кончает как безжалостный, сеющий смерть и одержимый диктаторскими стремлениями террорист. Бенджамен, заявил Леви в своем интервью журналу «Тайм», «олицетворяет то, до чего мог бы дойти и я. В 60-е гг. многие из нас верили, что человека следует переделать, а историю переломить надвое, чтобы человечество могло начать сначала. Таковы были лозунги. Но за этим чисто идеалистическим стремлением стояло убийство. Посмотрите на кампучийских красных кхмеров... Наше поколение леваков было самым радикальным поколением французской интеллигенции...» [1].

Со своей стороны польский журналист Веслав Гурницкий, в составе первой группы представителей печати увидевший Кампучию после полпотовского геноцида, с немалыми основаниями писал: «Если внимательно приглядеться к существу действий Пол Пота, можно прийти к ошеломляющему выводу, что идеология «Ангки» была в гораздо большей степени плодом западноевропейского варианта маоизма, чем чисто азиатским продуктом. Приблизительно так же могло бы выглядеть государство «красных бригад» в Италии, группы Баадер — Майнгоф в ФРГ или самых крайних разновидностей партизанского движения в городах Латинской Америки» [2].

---

[1] Time, 10. XII 1984.

[2] *Гурницкий В.* Песочные часы. М., 1983, с. 203.

Подобная интерпретация чудовищного социального эксперимента «красных кхмеров» как попытки наиболее полной и последовательной реализации некоего универсального левоэкстремистского «социального идеала» имеет определенные основания. Она заслуживает внимания еще и потому, что в генезисе «красных кхмеров» прослеживаются очень тесные связи с той, культивировавшей философию и поэтику революции как разрушительного бунта против социума и культуры вообще, интеллектуальной почвой, с которой оказался связанным у своих истоков и собственно западноевропейский «левый» экстремизм-терроризм. Особое место в сочинениях самого Пол Пота, написанных им во «французский» период под псевдонимом Салот Сар, и в сочинениях Кхиеу Самфана занимала тема кровавого «очищения» на путях террора, с отсылками к Робеспьеру. Идеал такого очищения увидел Пол Пот и в маоистской «культурной революции». По его словам, он был пленен этим мощным разгулом «революционного духа масс», а сопровождавшее его насилие определил как «очищение организма от болезненных явлений».

Знак равенства между «революционным духом масс» и разрушительным насилием, «очищением кровью», ставили и западноевропейские маоисты, для которых китайская «культурная революция» являла желанное зрелище, воплощение идеалов, выношенных и взлелеянных целой плеядой видных представителей западной интеллектуальной элиты.

В этой связи хотелось бы особо подчеркнуть, что в отличие, например, от известных явлений периода культа личности в Советском Союзе западные маоисты были прекрасно осведомлены обо всех жестокостях, сопровождавших маоистскую «культурную революцию». С полным знанием, как говорится, с открытыми глазами они ее бурно приветствовали и одобряли, так что нет никаких сомнений: сама эта жестокость казалась им необходимейшим элементом подлинной «революции».

В экстремистском крыле движения «новых левых» (а именно к нему примыкали маоисты) мощно заявляла о себе тенденция к переосмыслению самого понятия «левый» в его самом архаическом и разрушительном значении[1], и на таком эмоциональном фоне произошло обра-

---

[1] Более подробно этот аспект проблемы рассмотрен мною в книге «Под знаменем бунта» (М., 1985).

щение части молодой западной интеллигенции к методам и модели жакерии (или, по современной терминологии, герильи) в Западной Европе, которая не знала таковых со времен Крестьянской войны в Германии, тем более в США, которые, за отсутствием крестьянства, вообще не знали социальных движений подобного рода.

Именно герилья, крестьянская партизанская война, конкретнее же — латиноамериканская герилья быстро стала для экстремистов абсолютным эталоном «революции-бунта» как единственной формы исторического действия, способной привести к очищению и обновлению современного мира. Следует сразу же подчеркнуть, что здесь речь идет о достаточно условной и мифологизированной герилье, заметно отличавшейся уже при зарождении западного «левого» терроризма от собственно латиноамериканских реалий, на которые экстремисты щедро ссылались как на вдохновлявшие их прецеденты, но интенсивно развивавшей те антидемократические и милитаристские элементы, которые присутствовали в мышлении части латиноамериканских герильеро, чья деятельность стала вдохновляющим образцом для первых западных террористов.

Прежде всего, в конкретных условиях развитых капиталистических стран и с учетом того, что подавляющее большинство террористов «первого призыва» в Западной Европе вышло из интеллигентско-студенческой среды, их отношения с массами с самого начала приняли весьма условный, мифологизированный характер. «Городская герилья» не явилась здесь, как в Латинской Америке, этапом, последовавшим за спадом сельской, однако будущим террористам она дала возможность некоего идеологического оправдания исходного разрыва с массами своих собственных стран (абсолютного — в ФРГ) именем туманных и далеких народов «третьего мира». В сущности, это был следующий шаг, который логически следовал из присутствовавшей у части латиноамериканских городских герильеро, также в основном выходцев из студенчества и интеллигенции, посылки о роковой неспособности масс самим начать и осуществить необходимую борьбу. Вот тогда-то в насыщенный раствор и следует бросить горсть «избранных», вокруг которых должна начаться желанная кристаллизация «революции».

Так, латиноамериканский исследователь Л.-М. Вега в своей книге «Герильи Латинской Америки. Приемы против государства» особо подчеркнул миссию интеллиген-

ции в руководстве народным восстанием против государства, что, очевидно, соответствовало устойчивому экстремистскому стереотипу революционной интеллигенции как «соли земли», «фермента», поднимающего на разрушительный бунт аморфные массы. Подобным духом проникнуто уже то определение герильи, которое автор дает на первой же странице своей книги: «Словом «герилья» обозначается тип войны, являющийся выражением как органически присущей народу враждебности по отношению к государству, так и неспособности этого народа вступить с государством в открытый бой»[1]. Тенденция к подобному антидемократизму имманентна идеологии бунтарства, где народопоклонство иной раз трансформируется в народофобию, и во всяком случае всегда имеет оттенок некоего презрительного сострадания к этому народу.

С таким взглядом на массы и связано как «робингудство» тупамарос[2], так и их «кондотьерство» — отношение к народу именно как к инертной массе, не способной сдвинуться с места без вдохновляющего руководства авангарда, а порою — и без удара плетью («прямым действием») со стороны этого авангарда. На уровне броского лозунга эту максиму экстремизма позже сформулировала У. Майнхоф («Бомбы против аппарата подавления мы бросаем в сознание масс!»), на уровне теории наиболее полным образом уроки тупамарос — и вообще латиноамериканских герильеро — были осмыслены Р. Дебре, собственно и заложившим фундамент теории «городской герильи» в развитых странах Запада.

Уже в 60-е гг. в своей самой известной и чрезвычайно популярной в кругах «новых левых» работе «Революция в революции» Дебре заметно, даже по сравнению с теоретиками латиноамериканской герильи, подчеркнул центральную задачу — формирование гибких, подвижных, хорошо законспирированных и военизированных отрядов «революционного авангарда». В силу особенностей своего бытия и функционирования этот авангард очень быстро становится столь же далеким от обыкновенных людей, как если бы он состоял из инопланетян. В сущности, мас-

---

[1] *Vega L.-M.* Guerrillas in Latin America. The Technique of Counter-State. L., 1969, p. 1.

[2] Хотя понятие «комплекс Робин Гуда» получило довольно широкое хождение в прессе применительно к современным «левым» террористам и в Европе, реальные акции «в стиле Робин Гуда» совершали, собственно, одни лишь тупамарос.

сы превращаются в объект грандиозного исторического эксперимента, осуществляемого авангардом, и на глубинную холодность, нечеловечность такой позиции в свое время указал латиноамериканский писатель Марсело де Андраде. «Для Дебре,— писал он,— крестьяне, как горы или лес, просто являются составной частью пейзажа. Говорит оружие, и только оружие» [1].

Дальнейшее — и очень опасное, как показали 70-е годы,— развитие эта установка получила в составленной группой анонимных авторов книге «Мы, тупамарос», сопровожденной послесловием Дебре со знаменательным названием «Учиться у них». Согласно авторам книги, практика городской герильи как «полноценный и полноправный метод борьбы» оформилась после китайской «культурной революции», и она обладает несомненными преимуществами перед деревенской: для нее достижимы все опорные пункты противника, т. е. власти. Экстремистское мышление буквально заворожено здесь чисто военным аспектом социально-политической борьбы, что получило выражение в следующей догме: «Превращение отрядов герильеро в армию не зависит от исторических или географических факторов. Оно не зависит также и от силы того или иного класса. По существу, оно зависит только от стратегического соотношения сил» [2].

Отправляясь от этих посылок, Дебре в своем послесловии особо заострил внимание на мистике «революционной организации, которую следует создать. Иначе говоря, они, по всей видимости, сосредоточили усилия на создании и распространении в народе... образа авангарда, несущего коллективную ответственность за свои действия, являющего собой анонимный идеал и обладающего собственной моралью» [3].

Нетрудно заметить, в какой мере этому эталону «когорты избранных» отвечает полпотовский Ангкор, и намеченная Леви тема духовной связи французских «леваков» с «красными кхмерами» получает еще одно подтверждение своей актуальности.

На возможный универсальный характер этой модели и ее способность обрести благоприятную для себя почву в кричащих противоречиях «третьего мира» указывает,

---

[1] *Andrade M. de.* Considérations sur les thêses de Régis Debray, in «Les Temps Modernes», mai 1969, N 275, p. 168.

[2] *Débray R.* Nous, les toupamares survi de Apprendre d'eux. P., 1971, p. 7, 10.

[3] Ibid., p. 205.

в частности, опыт перуанской левоэкстремистской группировки «Сендеро луминосо» («Светлый путь»), в настоящее время приковывающий к себе пристальное внимание мировой общественности. И хотя анализ экстремистских движений «третьего мира» выходит за рамки этой работы, некоторые концептуальные установки «Сендеро луминосо», их очевидное сходство с фундаментальными положениями программы «красных кхмеров» и идеалами «культурной революции» вообще позволяют рассматривать ее как частный, но очень яркий случай проявления общих закономерностей «левого» экстремизма.

Зародившаяся в отсталом и нищем районе Анд (департамент Аякучо), эта группировка была создана первым поколением интеллигенции, сформировавшейся в открытом здесь университете. «Сендеро луминосо» считает себя ортодоксальной маоистской организацией, а ее члены полагают, что она во главе со своим вождем — «товарищем Гонсало» — открывает новые перспективы перед мировым революционным движением. «Политическая линия,— заявил один из членов организации, впервые в ее истории согласившийся дать интервью представителю прессы,— дана нам самим председателем Гонсало. Мы повинуемся всему, потому что он уже осуществил весь возможный синтез основных положений марксистско-ленинско-маоистской мысли. Он четко заявил, что мы — «четвертый клинок мировой революции» [1].

Немалое и принципиальное сходство с целями, прокламировавшимися «красными кхмерами», обнаруживается и в яростном антиурбанизме сендеристов. Террористы целенаправленно разрушают все, что представляется им носителем «городского вируса», заражающего чистую крестьянскую среду.

«По существу, «Сендеро луминосо» берет на вооружение примитивный и вместе с тем радикальный маоизм,— констатировал перуанский социолог А. Монтойя.— Это борьба деревни против города, это вооруженная борьба, это тотальное противоборство и это, кроме того, жестокий радикальный культ революции. По-моему, «Сендеро луминосо» нельзя понять без культурной революции. Ее бойцы, ее руководители ездили в Китай в период с 1971 по 1977 г. Это и оказало на них решающее влияние» [2].

---

[1] Le Nouvel observateur, 24. V 1985.
[2] Afrique-Asie, 9, 23. IV 1984.

Этот комментарий весьма интересен тем акцентом, который он делает на роли мифологизированной маоистской «культурной революции», не в ее собственно китайской специфике, а в ее международном аспекте. Для экстремистов самых разных стран она стала своего рода эталоном не только «Революции», но также и сокращенной и упрощенной формулой смысла и целей исторического процесса вообще. Как не вспомнить здесь известные слова Ленина: «Для настоящего революционера самой большой опасностью,— может быть, даже единственной опасностью,— является преувеличение революционности, забвение граней и условий уместного и успешного применения революционных приемов. Настоящие революционеры на этом больше всего ломали себе шею, когда начинали писать «революцию» с большой буквы, возводить «революцию» в нечто почти божественное, терять голову, терять способность самым хладнокровным и трезвым образом соображать... в какой момент, при каких обстоятельствах, в какой области действия надо уметь действовать по-революционному и в какой момент, при каких обстоятельствах... надо уметь перейти к действию реформистскому» [1].

«Революция» для экстремистов — это разовый катастрофический сброс истории, когда до основания разрушаемый «старый мир» уступает место идеальному граду, создаваемому по чертежам идеологов, мало склонных считаться с какими-либо реальными тенденциями исторического процесса, а в конечном счете с реальными социальными и просто жизненными интересами широких масс, постоянно приносимыми в жертву идеологическим абстракциям. Такое понимание революции восходит к хилиастическим народным движениям средних веков, и неудивительно, что, натолкнувшись на сопротивление реальной истории, хилиастическая утопия развивается в террор.

Явление это уже неоднократно воспроизводилось в истории, изучалось историками, но тем не менее этот архетип революции, укорененный в мощных культурных и психологических пластах, обладает большой способностью к возрождению там, где возникает для него сколько-нибудь благоприятная ситуация.

Драматизм нынешней ситуации, думается, во многом обусловлен тем, что уже отмечавшаяся синхронизация

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 223.

мирового исторического процесса, вступление в него обездоленных народов «третьего мира» создали благоприятные условия для возрождения этого хилиастического идеала революции как возвращения к изначальному совершенству, как бунта «последних» против «первых», поэтикой которого были отмечены вышедшие из «новых левых» кругов западные экстремисты, и не только они, но также и сформировавшиеся в значительной степени в сфере космополитичной леворадикальной культуры экстремисты «третьего мира».

Наиболее ярким, ныне получившим уже хрестоматийную известность образчиком такой культуры стала вышедшая в 1961 г. книга уроженца Мартиники Ф. Фанона «Проклятьем заклейменные» с предпосланным ей предисловием Сартра. В этом предисловии обозначенная самим Фаноном тема борьбы колоний против метрополий, периферии против центра[1] как восстания отверженных была резко усилена, а беспощадное насилие, сопровождающее такой бунт, обрело черты высшей очистительной миссии «детей Каина».

Резонанс книги Фанона, и в особенности сартровского предисловия, однозначно абсолютизировавшего идею революционного насилия, оказался огромен в кругах, позже вытолкнувших из себя первое поколение собственно западных «городских герильеро», а появившиеся в печати сведения о близости будущих «красных кхмеров», в бытность их во Франции, к тем кругам радикально настроенной алжирской и французской интеллигенции, которые именовались «алжирская сеть», лишний раз свидетельствуют о краткости пути от мифа к реалиям политики в современном мире.

Своеобразное, а в свете более поздних тенденций, наметившихся и в развитых индустриальных странах, особо знаменательное развитие эта схема получила в теоретических разработках итальянской левоэкстремистской группировки «Лотта континуа»[2]. Центром полити-

---

[1] Книга написана главным образом на основе трагических, а зачастую и кошмарных впечатлений от войны Алжира за независимость, в которой Фанон принимал активное участие.

[2] «Лотта континуа» («Борьба продолжается»), равно как и близкая к ней по типу «Потере операйо» («Рабочая власть»),— легальные левоэкстремистские группировки, которые оставило после себя пошедшее весной 1969 г. на спад студенческое движение и которые сыграли существенную роль в генезисе собственно терроризма. Пребывание в одной из них «на пути» в подполье — довольно распространенный факт в биографиях многих террористов.

ческой философии «Лотта континуа», равно как и политической философии более широких кругов левой интеллигенции, рупором которых она стала, можно считать условную фигуру «нового рабочего», заменившего, применительно к условиям индустриально развитого мира, былого «крестьянина» идеологов жакерии, но, по сути, идентичного этому «крестьянину» в своем качестве вечного бунтаря против общества и государства. Согласно теоретикам «Лотта континуа», сама революционность различных категорий рабочих возрастала по мере удаления от центра общества к его периферии. Соответственно решающая роль в грядущих битвах предназначалась «резервной промышленной армии безработных» и иностранным рабочим — «главному революционному элементу в структуре европейского пролетариата».

Луиджи Боббио, один из активнейших деятелей группировки, посвятил целую книгу исследованию ее роли как своеобразного зеркала, а вместе с тем и своеобразного инструмента корректировки широкого социального движения в Италии конца 60 — начала 70-х гг. Как устойчивый вектор такой корректировки обозначилось стремление сделать доминирующими и как бы универсальными целями этого движения цели маргиналов, обитающих на периферии общества. Что же до эталона подобного маргинала, то довольно быстро — и, в сущности, закономерно — обнаружилась тенденция к оттеснению рабочего-иммигранта обитателем городского дна, близким к уголовной и асоциальной стихии.

Те критики «Лотта континуа», отметил Боббио, которые определяли ее не как политическую организацию, а как определенное «состояние души», были правы, и это «состояние души», или умонастроение, ища адекватного для себя социально-политического выражения, реализовалось в экстремистском лозунге «Захватим город!» и откровенной милитаристской проповеди «лобовой схватки», или «генерального сражения», которое рисуется как пролетарская герилья, пожаром охватывающая капиталистический Запад. Готовясь поднять массы на бунт, «Лотта континуа», смыкаясь здесь с аналогичной тосканской группировкой «Потере операйо», стремилась сделать эти массы максимально аморфными, стереть какие-либо функциональные и социальные различия внутри них под общей шапкой готового к вооруженному и универсально-разрушительному действию «пролетария».

В поисках такого идеального «пролетария», который «привносит в мятеж память о древнем угнетении, а в то же время и свои насущные экзистенциальные потребности, который, самое главное, самоосуществляется в борьбе» [1], «Лотта» обратилась к тюрьмам. «Революционный потенциал» заключенных буквально завораживал ее теоретиков, и очень быстро в качестве центральной задачи они выдвинули не столько подключение узников к социально-политической борьбе трудящихся, сколько переоценку самого феномена «преступности» и «отклоняющегося поведения» вообще. В этих целях велась специальная рубрика «проклятьем заклейменные».

К заключенным апеллировали в той или иной мере все левые террористические группировки, включая и «красные бригады». Однако в целом отношение «красных бригад» к уголовной стихии — одновременно и догматическое, и прагматическое — было свободно от того упоения экзотикой «дна», которое характеризовало атмосферу легальных левоэкстремистских кружков, особенно аморфной и полулегальной террористической организации «Рабочая автономия».

Именно «Автономией» была предпринята остающаяся до сих пор самой масштабной попытка использовать стихию полупреступления, полубунта как таран, ударом которого можно было бы пустить ко дну все общество, трансформировать социальное движение недовольных в разрушительную босяцкую жакерию. Это движение, назвавшее себя движением «индейцев метрополии», охватило весной 1977 г. несколько крупных городов Италии, приняв особо разрушительные формы в Болонье, где оно и выбросило максималистский лозунг: «Разрушить все!» Уже в этом названии звучали «тьермондистские» обертоны, столь характерные для левоэкстремистской идеологии, а в еще большей мере они сказались в стилистике движения, активно использовавшего «индейскую» экзотику, и в лозунгах, подчеркивающих, что «индейцы» — это изгои, парии процветающего и благополучного западного общества, выброшенные им за свои пределы.

Значение прецедента 1977 г., равно как и проступивших за пестрым карнавальным обликом движения весьма вероятных связей между террористическим военизи-

---

[1] *Bobbio L.* Lotta continua. Storia di una organizzazione rivoluzionaria. Roma, 1979, p. 191.

рованным подпольем и легальными левоэкстремистскими группировками, интенсивно развивавшими и насаждавшими идеологию стихийного бунта, в том, главным образом, и состоит, что, несмотря на его неудачу, движение «индейцев метрополии» — в ретроспективе это стало особенно очевидно — оказалось едва ли не первым серьезным сигналом, свидетельствовавшим о возникновении в развитых капиталистических странах Запада реальных условий для интенсивного возрождения здесь всего идейно-эмоционального комплекса, связанного с «революцией изгоев».

Появление и продолжающийся рост прослойки «новых бедных» [1], а также обширной массы не столь обездоленных экономически, но ущемленных и социально, и нравственно маргиналов, значительную часть которых составляет образованная молодежь, как бы подвело объективные основания под ту умозрительную, теоретическую экстраполяцию проблематики «третьего мира» и практикуемых в этом регионе земного шара форм борьбы на страны Запада, которую осуществляли левоэкстремистские идеологи 60—70-х гг.

Эту массу маргинализованной (притом не только цветной) молодежи, оседающую в виде «второго общества» (понятие, которым охотно пользовались, в частности, теоретики «Лотта континуа», связывающие именно со «вторым обществом» свои революционные упования), отличает ряд довольно четко определившихся типологических особенностей: глубокое отчаяние, отказ от каких-либо надежд на продвижение в «первое общество» и связанная с этим враждебность в отношении к нему; тенденция к формированию банд как специфической, суррогатной формы социализации тех, кто выпал за пределы «первого общества»; наконец, охотное обращение к наиболее известным клише экстремистской философии бунта, связанное с высоким процентом образованной, в частности гуманитарно образованной, молодежи в рядах маргиналов. Для этой аморфной массы исходная связь с проблематикой «третьего мира» наполняется особым смыслом. Прогрессирующая маргинализация молодежи в западных странах, параллельная обострению глобальной проблемы Севера и Юга, сопровождалась не только активным внедрением организованного терроризма в

[1] В западной прессе встречается иногда даже понятие «новая пауперизация».

ткань современного западного общества, но и интенсивным сближением собственно «третье-мирского» и западного терроризма, так что все чаще их акции становятся неразличимыми (и намеренно не дифференцируются их инициаторами), а западные столицы превращаются в предпочтительные места для проведения в них подобных акций и таким образом привлечения внимания «центра» к проблемам «периферии». Экстремисты превращаются в своеобразный ее «десант», выбрасываемый в самое сердце «метрополии».

События сентября 1986 г. во Франции резко выдвинули на передний план этот наиболее опасный в международном масштабе аспект левоэкстремистского терроризма и его грозную способность провоцировать карательный психоз в духе государственного терроризма. Сегодня, отметила «Юманите», европейцам внушают, что они находятся прямо-таки в состоянии войны. Именно о «современной форме войны» говорит Ле Пен, а «Котидьен де Пари» призвала отныне руководствоваться логикой войны, где неизбежно стремятся к минимуму потерь со своей стороны и максимуму со стороны противника. В пример был приведен Израиль, «отвечающий пятикратным ударом на каждый наносимый ему удар». Однако, комментировала «Юманите», «этот метод никогда не мешал бомбам взрываться, скорее наоборот» [1]. И далее с еще большей определенностью: «Самым худшим было бы поддаться, под влиянием страха, внушаемого террористами, все более настойчивым требованиям репрессий... психозу войны. Репрессии против терроризма необходимы, но слепые репрессии играют на руку слепому терроризму» [2].

Подобный симбиоз, подчеркнутая анонимность акций и закулисность их исполнителей, столь же размытая, сколь и определенная «антиимпериалистичность» вообще — характерные черты того, что принято сейчас именовать «евротерроризмом» или «новым терроризмом». Он с основаниями рассматривается как новая фаза в развитии «левого» терроризма, привлекает пристальное внимание исследователей и прессы, а также дает обильную пищу для опасных политических спекуляций — более всего своей полной анонимностью, столь контрастирующей с экспрессией былых годов, и теснейшей при-

---

[1] L'Humanité, 10. IX 1986.
[2] Ibid., 12. IX 1986.

вязкой совершаемых акций к горячим точкам и глобальным проблемам современного мира.

К характерным особенностям «евротерроризма» можно отнести также возникновение или активизацию террористических группировок в странах, до сих пор считавшихся не пораженными «вирусом» терроризма (в частности, во Франции, Бельгии и Португалии). Феномен особо опасный, а также очень двусмысленный — переход к откровенному противоборству с военной империалистической машиной, выразившемуся в целом ряде нападений на объекты НАТО в Западной Европе и по времени совпавшему с волной антиракетных выступлений осени — весны 1983—1984 гг. Этой волне сопутствовал рост антиамериканских настроений, так что нельзя исключить того, писала, например, газета «Санди телеграф», что подобные нападения могли быть крайним выражением таких настроений. Сам же по себе подобный «воинствующий антимилитаризм» также является устойчивым элементом того анархо-синдикалистского стиля в политике, наследниками которого стали современные экстремисты.

Однако нельзя исключить и того, что речь идет о масштабной провокации, цели которой слишком очевидны. Наконец, вполне возможно — и это более достоверно,— что налицо сплетение и того и другого, и террористы могли сознательно включиться в чужую игру, надеясь затем использовать сложившуюся ситуацию нестабильности в своих целях. Игру, исход которой непредсказуем, но в любом случае может оказаться роковым.

В еще большей мере, нежели прелюдией к новой Кампучии, их деятельность может стать в руках гораздо более опытных и искушенных политиков, скрывающихся за кулисами этого «театра терроризма», инструментом корректировки происходящих в планетарном масштабе процессов. Корректировки, призванной воспрепятствовать прогрессивным социальным преобразованиям в странах «третьего мира» и демонизировать антиимпериалистические и революционные движения в данном регионе (эти интонации громко звучат, например, в пропагандистской войне, ведущейся вокруг Никарагуа, а также антиимпериалистических сил в арабских странах), да и левые силы внутри самих западных стран, в том числе — и не в последнюю очередь — антивоенные движения.

Немаловажно и другое: на фоне социальных сдвигов, вызванных технологической перестройкой современного капитализма и связанной с ними люмпенизацией молодежи, нельзя исключать и того, что эта взвинченная экстремистскими призывами масса будет использована для той фашизации общества, которую откровенно провозглашали своей целью — правда, временной — уже на первом этапе своей деятельности и «РАФ», и «красные бригады», но которая может оказаться отнюдь не временной.

Именно этот социальный слой является резервом, пополняющим ряды фашиствующих молодежных бригад. Вместе с тем впечатления городского гетто, вынесенные из общения с современными бедняками и маргиналами,— один из самых устойчивых в ряду психологических факторов, обусловливающих переход к вооруженным действиям тех молодых людей, мелких буржуа по своему социальному происхождению, врачей, социологов или психологов по профессии, которые продолжают составлять костяк, наиболее активную часть «левого» подполья. Ситуация, стало быть, является обоюдоострой, но в любом случае она грозит усилением нестабильности современного мира, и те единовременность и целостность мирового исторического процесса, которые, хотя и в искаженных формах, получили выражение в мирочувствовании левых экстремистов 60—70 гг., с их программным тьермондизмом, теперь предстают во всей своей масштабности и требуют пересмотра некоторых фундаментальных установок леворадикального мышления.

Как бы ни было сильно впечатление, производимое в свое время на общественное мнение акциями первомартовцев или анархистов-бомбометателей, каковы бы ни были серьезные нравственные и политические основания для возможного их осуждения или, во всяком случае, критического отношения к ним, тем не менее об экстремистских и террористических группировках прошлого никак нельзя было сказать, что они раскачивают всю планету и претендуют на роль детонатора мировой катастрофы. Иным предстает «геополитический аспект экстремизма» в ядерный век и в условиях планетарной структуры современного мира. Думается, не будет преувеличением сказать, что в этих условиях резко изменился прежде всего *пространственно-временной* аспект деятельности «малых групп», той «критической массы», о которой шла речь выше, и что отдаленные последствия

их деятельности (то, что принято называть несовпадением объективных результатов с субъективными намерениями), ранее по большей части обнаруживавшие себя во времени, нередко довольно протяженном, сейчас имеют тенденцию разворачиваться в пространстве. Этот глобальный резонанс деятельности экстремистов должен быть отнесен к числу серьезнейших политических реалий современного мира.

Вместе с тем сократилось и сжалось время развития исходных теоретических посылок экстремистской идеологии до их экстремального практического применения, а это обязывает иначе взглянуть и на вопрос об отношениях между экстремистским «словом» и «делом». Та «сверхскорость», с которой происходит подобный процесс в современном мире, дает все основания считать идеологическую безответственность, столь присущую, к сожалению, части левой интеллигенции, с ее устойчивым стремлением романтизировать анархический бунт и анархическое «микронасилие», противостоящее «макронасилию» буржуазного государства, немаловажным фактором распространения универсального «макронасилия» на нашей планете.

Эскалация «войны нервов» вокруг Ливии, вызванная акциями террористов в аэропортах Вены и Рима, а затем и вооруженная агрессия США против этой маленькой страны, поводом для которой послужил взрыв в западноберлинской дискотеке «Ла Белль», стала, несомненно, самым ярким и грозным примером той органической логики, с какой действия «малых групп» влекут за собой акции государственного терроризма и, как следствие этой совместной деятельности,— политический кризис международного масштаба.

Не следует забывать и о том, какие поистине безграничные возможности открываются при этом для всякого рода провокаций, что, видимо, имело место и в случае событий вокруг Ливии. Иммитационные действия «городских герильеро» расчищают дорогу карательным акциям империалистической государственной машины.

«Кризисы и конфликты,— отмечено в Политическом докладе XXVII съезду КПСС,— благодатная почва и для международного терроризма. Необъявленные войны, экспорт контрреволюции во всех формах, политические убийства, взятие заложников, угоны самолетов, взрывы на улицах, в аэропортах и на вокзалах — вот отвратительное лицо терроризма, которое его вдохновители

пытаются прикрыть разного рода циничными выдумками. СССР отвергает терроризм в принципе и готов деятельно сотрудничать с другими государствами, чтобы выкорчевать его»[1].

Сейчас, когда так остро стоит вопрос о необходимости выработки нового, адекватного ядерному веку политического мышления, об отказе от «тысячелетних традиций» обращения к оружию, думается, очень важно помнить, что такими традициями отмечены не только сложившиеся стереотипы межгосударственных отношений, но также и стереотипы активного исторического действия вообще, в том числе и действия социально-преобразовательного, революционного. Присущая экстремистскому мышлению фиксация на символах противоборства становится серьезным препятствием на пути к разрешению той, по определению М. С. Горбачева, «глубоко революционной задачи» нашего времени, которой и является выработка нового политического мышления.

---

[1] Материалы XXVII съезда КПСС, с. 70.

ПРИЛОЖЕНИЕ

МОМЕНТ РАБОТЫ
(К итогам встречи представителей партий и движений)

В своем докладе «Октябрь и перестройка: революция продолжается», сделанном на торжественном заседании 2 ноября 1987 г., М. С. Горбачев назвал наш юбилей моментом гордости, моментом памяти, моментом размышления, а также взглядом в будущее. Возвращаясь теперь к событиям, происходившим в те дни, юбилей с полным основанием можно назвать и *моментом работы.*

Особое значение имела здесь встреча представителей партий и движений, приславших на празднование юбилея Октября 178 делегаций из 120 стран (встреча происходила 4—5 ноября).

Встреча представителей партий и движений была необычной и по составу участников, и по времени, в которое она произошла.

Впервые за одним столом встретились делегации коммунистов, социалистов, социал-демократов, лейбористов, «зеленых», других политических течений, представлявшие широчайший политический спектр левых сил планеты. В свободной и конструктивной дискуссии, не скрывая своих расхождений и стремясь в то же время найти общий язык, представители левых партий рассмотрели сложнейшие проблемы, с которыми мировое сообщество столкнулось на пороге третьего тысячелетия. Именно в 80-е гг., подчеркивал в своем выступлении на встрече Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев, четко обозначились особенности мирового развития, которые накапливались и зрели в течение всего послевоенного периода [1].

---

[1] См.: Встреча представителей партий и движений, прибывших на празднование 70-летия Великого Октября, Москва, 4—5 ноября 1987 года. М., 1988, с. 16.

Процессы, которые с необходимостью подвели человечество к новому историческому рубежу, неизбежному перелому, в общем-то просты, осязательны, доступны разумению любого человека. В условиях конфронтации между Западом и Востоком в мире накоплено такое количество ядерного и иного оружия, что его применение в возможном военном конфликте будет означать не только самоубийство воюющих сторон, но и гибель самого человеческого рода. Крайне несправедливый характер принял мировой экономический порядок, антагонизмы раздирают страны Севера и Юга; неоколониализм, неэквивалентный обмен между развитыми капиталистическими и развивающимися странами привели к такому состоянию, которое грозит потрясти весь миропорядок. В мире постоянно ухудшается экологическая ситуация, неконтролируемый бурный рост производительных сил наносит непоправимый ущерб окружающей человека биологической среде, смертельно ранимым оказалось само взаимодействие человека и природы.

Угроза самому существованию человечества требует объединения всех прогрессивных сил планеты. Сильнейшее стремление к единству действий господствовало и на встрече.

* * *

Сам факт созыва встречи, широта спектра представленных здесь сил, полная свобода диалога между ними, соответствующая духу нового мышления, рассматривались ее участниками как лишнее доказательство возможности объединения самых различных партий и движений в борьбе за мир и прогресс. В то же время отмечалось, что для этого пока отсутствует организационная база. «Необходимо решиться на создание механизма взаимодействия между партиями различной идеологической направленности, стоящего выше международных блоков и евроцентризма»,— говорил член Национальной координационной комиссии Мексиканской социалистической партии Пабло Гомес [1]. Этот механизм, хотя бы частичный или временный, должен обладать, по его мнению, глобальным видением проблем, вносить согласованность в действия самых различных сил. Вместе с тем другие выступающие, поддерживая идею более частых и широких встреч и дискуссий, были против

[1] Встреча представителей партий и движений..., с. 236.

создания центра принятия решений в международном масштабе.

Генеральный секретарь Коммунистической партии Ирландии Джеймс Стюарт, другие выступающие поднимали вопрос о предельном расширении союза сил, борющихся за выживание человечества. «История показывает,— говорил Джеймс Стюарт, вспоминая эпоху Коминтерна,— что теперь, 50 лет спустя, лозунг «Кто не с нами, тот против нас» неприемлем». Это стало ясно уже на VII конгрессе Коминтерна, но сегодня становится очевидным, что «мы должны идти дальше, находить общую почву в вопросе о мире иногда даже с теми, кто выступает против нас в ходе нашей борьбы за классовые цели» [1].

Выступавшие ставили вопрос об изменении характера многолетней полемики между коммунистами и социалистами. Была высказана идея тесного сближения на основе идеалов Французской революции, Октябрьской революции, современных прогрессивных движений. «Французская революция провозгласила гражданские свободы и идеал демократии. Октябрьская революция подняла знамя борьбы против общественного неравенства, за господство человека в обществе и экономике...— говорил член Исполнительного бюро ЦК Всегреческого социалистического движения Г. Папандреу.— Необходим синтез тех ценностей, которые провозгласили эпоха Просвещения и социализм, а также обогащение их новыми идеями, которые несут экологические, антивоенные и национальные движения. Путь к такому синтезу лежит только через глубокую революцию в области демократии — революцию, в центре которой будет стоять человек и движущей силой которой будет активное участие всех граждан всего мира» [2]. О непреходящих ценностях демократии, необходимости их синтеза с социалистическими ценностями говорили и другие выступающие.

Генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Турции Хайдар Кутлу поставил важный вопрос о том, используют ли комунисты «весь имеющийся потенциал для развития сотрудничества и диалога». Предпосылкой конструктивного сотрудничества он считал отказ от монополии на истину, дальнейшую проверку и

---

[1] Встреча представителей партий и движений..., с. 376—377.
[2] Там же, с. 133.

развитие идей Маркса, Энгельса, Ленина в условиях современности, обязанность «без колебаний говорить о наших ошибках, проблемах и слабостях в теории и практике», а также обязанность в век научно-технической революции «не отставать от быстро меняющейся жизни» [1].

Кстати, о недостатках и слабостях в практике и теории коммунистического движения достаточно откровенно говорили участники встречи — коммунисты. «Следует признать, что наше движение — мировое коммунистическое движение — в последнее время находится в состоянии некоторого застоя, в значительной степени утратило динамизм и устремленность вперед»,— отмечал Генеральный секретарь ЦК Ливанской коммунистической партии Жорж Хауи. «В частности, нам кажется несколько странным,— говорил Председатель Коммунистической партии Дании Оле Сон,— что коммунистические и рабочие партии не могут договориться о проведении совещания или совместных выступлений, в то время как это удается представителям многих других движений разной политической ориентации. Но ведь никто не будет отрицать, что в повестке дня появились новые вопросы» [2].

Мощный импульс к объединению действий дан на московской Встрече, дело за воплощением его в практику.

* * *

Как оценивали выступавшие на встрече сложившуюся в мире ситуацию? Что можно сказать о методологии ее познания?

Главный принцип, которым руководствовалась встреча представителей партий и движений, выразили, на наш взгляд, слова М. С. Горбачева: «...противоречия поддаются модификации» [3]. Эти слова прямо выводят нас к более глубокому пониманию ядра марксистской диалектики.

Во времена сталинского догматизма возникла примитивная и опасная концепция «разматывания» противоречий, их обязательного заострения, углубления, доведения общественных противоречий до антагонистической формы, доведения классовой борьбы «до конца» [4].

---

[1] Встреча представителей партий и движений..., с. 255—256.
[2] Там же, с. 272, 287.
[3] *Горбачев М. С.* Октябрь и перестройка: революция продолжается, с. 51.
[4] См.: История ВКП(б): Краткий курс. М., 1938, с. 106.

Мы не будем говорить о прошлых практических приложениях этой концепции: рискованных международных акциях, превращении социал-демократии в «социал-фашизм», «разматывании» классовой борьбы в строящемся социалистическом обществе, физическом истреблении оппозиции и не имеющих отношения к оппозиции партийных, советских, военных кадров. Скажем о другом — о необходимости уточнения философских концепций, бытующих в нашей литературе. На тысячу ладов повторялась у нас формула, безусловно восходящая к «Краткому курсу»: «Антагонистические противоречия в процессе развития обостряются, углубляются, приобретают характер острого конфликта и разрешаются путем ликвидации одной из борющихся сторон в ходе классовой борьбы и социальной революции, изменяющей данный общественный строй» [1].

Ядерная эра привела нас к пониманию: ликвидация одной из борющихся сторон будет означать и ликвидацию другой стороны, прекращение всякого общественного процесса вообще, надо учиться не обострять, не углублять противоречия общественного развития, а «модифицировать», смягчать их. Антагонизм в общественных отношениях означает в наше время не что иное, как грядущую гибель человеческого рода.

Маркс в свое время писал: «Без антагонизма нет прогресса. Таков закон, которому цивилизация подчинялась до наших дней» [2]. Прекращение действия этого закона Маркс связывал с «великой социальной революцией» в передовых странах — она-то и заставит прогресс перестать уподобляться тому «идолу, который не желал пить нектар иначе, как из черепов убитых» [3].

Ленин на пороге рождения социалистического общества в России выдвинул новую формулу, развивающую мысли Маркса: «Антагонизм и противоречие совсем не одно и то же. Первое исчезает, второе останется при социализме» [4].

В ядерную эпоху возникает необходимость в развитии этих положений. Очевидно, и в классовом обществе (по крайней мере в сфере международных отношений) возможно смягчение антагонизмов, снятие антагонизмов, доведение их до уровня противоречий, более того, сам

---

[1] Философский словарь. М., 1986, с. 19.
[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 96.
[3] Там же, т. 9, с. 230.
[4] Ленинский сборник XI, с. 357.

прогресс в его антагонистических формах становится все более невозможным на Земле. И такой общий вывод был сделан на встрече. В выступлении Фуада Мурси, члена Политбюро ЦК Национально-прогрессивной (левой) партии Египта, прямо говорилось: «В условиях, когда человечеству грозит гибель в пламени ядерной катастрофы, классовый антагонизм между капитализмом и социализмом в мире *приобретает характер противоречия,* в котором приоритет принадлежит общегуманистическому фактору»[1].

Мы бы назвали это понимание новым пониманием ядерной эры. Но следует отметить, что движение к нему началось еще в эру доядерную и продолжалось достаточно долго.

На первое место можно поставить идею мирного сосуществования государств с различным общественным строем, которая принадлежит В. И. Ленину. Далее, можно указать на ленинскую экономическую политику. Ленинская концепция нэпа, отмечал в своем выступлении М. С. Горбачев, «переводила его же идею мирного сосуществования («мирного сожительства») из сферы поначалу только политической, даже дипломатической, в сферу фундаментальных законов эпохи»[2].

Если мирное сосуществование было концепцией «мирного сожительства» капитализма и социализма в сфере внешнеполитической, если нэп был концепцией «мирного сожительства» социализма и капитализма в экономике страны, то некоторые коммунистические партии Запада пытались применить ту же идею «мирного сожительства» социализма и капитализма во внутриполитической сфере. В документе «Путь Британии к социализму», напомнил Генеральный секретарь Коммунистической партии Великобритании Гордон Макленнан, «мы излагаем нашу точку зрения о том, что в социалистической Британии должен быть политический плюрализм, что все демократические политические партии, в том числе враждебные социализму, будут иметь полную возможность соревноваться между собой, добиваясь поддержки масс»[3]. Связь этой концепции с концепциями социал-демократии для нас несомненна, последняя и занималась

---

[1] Встреча представителей партий и движений..., с. 398 (курсив авт.— *Е. П.*).

[2] Там же, с. 16.

[3] Там же, с. 224.

десятилетиями гармонизацией антагонизмов капиталистического общества.

Были отмечены участниками встречи и положения М. С. Горбачева о недопустимости забегания вперед в марксистских прогнозах, о необходимости более адекватного применения марксистской теории к реалиям сегодняшнего дня: «...теперь мы окончательно преодолели попытки лукавить с историей, когда временами исходили не из того, что есть, а что хотелось бы видеть» [1].

«То, что есть» в современном мире М. С. Горбачев характеризовал словами, которые, на наш взгляд, и развивали идею «модификации» противоречий. Эти слова были замечены участниками встречи. Так, Руджеро Пулетти, заведующий международным отделом Итальянской социал-демократической партии, говорил: «Мы, итальянские социал-демократы, убеждены, что Горбачев вынес на обсуждение даже саму концепцию истории и отбросил тот детерминизм, который в прошлом вытекал из догматического понимания марксизма» [2].

«Недогматическая» концепция истории М. С. Горбачева была изложена в следующих словах: «Логика социального движения эпохи выявляется все больше. Суть ее — в материальной и духовной самодискредитации эксплуататорского общества.

Ни негативные моменты в истории социализма, ни целые библиотеки отрицателей марксизма, ни острота и изощренность идеологической полемики в мире не смогли опровергнуть вывода, *что у капитализма есть альтернатива*. И эта альтернатива — социализм.

Однако вариантность развития остается. На каждом очередном витке исторической спирали силы старого мира имеют возможность снять наиболее опасные в данный момент противоречия и продлить свое господство. Так и произошло, например, с использованием капитализмом научно-технической революции. Конечно, внутренние антагонизмы капиталистического строя на каждом новом этапе воспроизводятся, но уже по-новому, иначе».

Далее М. С. Горбачев поставил задачу уточнения ряда устоявшихся у нас общих положений. «За привычной формулой о постоянном углублении общего кризиса капитализма только еще проглядывается суть происхо-

---

[1] Встреча представителей партий и движений..., с. 16.
[2] Там же, с. 318.

дящего в способе производства, не говоря уж о политических прогнозах... Сейчас уже невозможно рассматривать мировое развитие с точки зрения только борьбы двух противоположных социальных систем. Диалектика этого развития представляет собой единство, противоборство, соревнование и взаимодействие множества факторов» [1].

Выше мы писали: работа марксистской международной мысли, работа XXVII съезда КПСС шла в последнее время в русле выработки *теоретической модели длительного, многовариантного, разноформационного и по возможности более гармоничного развития мира.* Думаем, мы не ошибемся теперь, если скажем: в русле выработки той же концепции шла и работа встречи представителей партий и движений.

* * *

«Если мир очутился в состоянии кризиса — а мы находимся в состоянии глубокого кризиса,— говорил в своем выступлении Генеральный секретарь Норвежской рабочей партии Турбьёрн Ягланд,— то виной тому довлеющие над нами ограниченные и негативные взгляды людей. Вокруг нас мы видели лишь врагов и поэтому считали единственно возможным равновесие страха. Мы полагали, что человек — властелин природы, а поэтому хищническое отношение к ней стало единственной стратегией повышения благосостояния. Мы думали, что люди не в состоянии управлять собой и не способны сотрудничать, следовательно, управлять ими должна элита с помощью силы» [2].

Правда, старое, узкое и корыстное мышление царило в мире не безраздельно. Уже с 50-х гг. началось формирование новых взглядов, которые адекватно отражали изменяющиеся условия второй половины XX в. Всемирно известны предостережения ученых, участвовавших в Пагуошском движении, мир знал о проектах-предупреждениях Римского клуба, с тревожными констатациями-прогнозами выступали лидеры передовых политических партий. Об одной из констатаций напомнил выступавший на торжественном заседании Генеральный секретарь Итальянской коммунистической партии Алессандро Натта. Он привел слова Пальмиро Толь-

---

[1] Встреча представителей партий и движений..., с. 17, 18.
[2] Там же, с. 45.

ятти: «Человек может уничтожить, стереть с лица Земли все человечество... История человечества приобретает совершенно новое измерение, и, следовательно, совершенно новое измерение приобретают отношения между людьми, между организациями и государствами» [1].

Но есть принципиальная разница между положением, скажем, в 50, 60, 70-е гг. XX в. и положением в конце 80-х гг. В первый период новое мышление оставалось достоянием отдельных групп ученых, отдельных представителей буржуазно-либеральной интеллигенции, достоянием наиболее чутких и дальновидных руководителей оппозиционных партий.

Ныне, благодаря прежде всего усилиям нового советского руководства, новое мышление поднято на уровень мировой политики, межгосударственных отношений, оно становится *политическим* мышлением, руководящим принципом реальной международной практики. По словам М. С. Горбачева, «новое мышление с его общечеловеческими критериями, ориентацией на разум и открытость *начало пробивать дорогу в мировые дела,* разрушая стереотипы антисоветизма и подозрительности к нашим инициативам и действиям» [2].

И все же вопрос о границах, рамках нового мышления еще не был вполне ясен для участников встречи. Например, Уильям Каштан, Генеральный секретарь Коммунистической партии Канады, задал вопрос, «относится ли новое мышление лишь к проблеме выживания, или же оно охватывает также другие фундаментальные вопросы марксизма-ленинизма...» «Означает ли этот новый подход,— спрашивал и Генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Мальты Антони Вассалло,— изменение в традиционной коммунистической концепции взаимоотношения между общечеловеческими и классовыми ценностями?» [3] Но для всех выступающих было характерно понимание необходимости внедрения нового мышления в государственные дела людей, прежде всего дела руководителей государств, обладающих ядерным оружием.

---

[1] Семидесятилетие Великой Октябрьской социалистической революции. Совместное торжественное заседание Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, 2—3 ноября 1987 года: Стенографический отчет. М., 1988, с. 102.

[2] *Горбачев М. С.* Октябрь и перестройка: революция продолжается, с. 46 (курсив авт.— *Е. П.*).

[3] Встреча представителей партий и движений..., с. 263, 375.

Всякое человеческое действие предваряет работа мысли, и мы не возражали поэтому против мнения Турбьёрна Ягланда о том, что виной кризисному состоянию человечества — «ограниченные и негативные взгляды людей». Но марксистская теория учит находить, различать в общественной жизни за теми или иными взглядами тот или иной классовый интерес, он-то в конечном счете диктует их поведение, определяет их массовидные действия. Открывается ли — с точки зрения классового подхода — возможность радикального перелома в мировой ситуации?

К этой важнейшей стороне дела вышел напрямик в своем докладе М. С. Горбачев. Он поставил вопрос о том, может ли быть ограничена разумными рамками сама узкоклассовая природа империализма, капитализма. Член Политбюро, секретарь ЦК КПСС А. Н. Яковлев, комментировавший доклад М. С. Горбачева на пресс-конференции 3 ноября, выделил следующие вопросы-размышления.

«Сможет ли империализм трезво воспринять сложившуюся новую обстановку, обуздать свою природу и перейти от военно-силовых принципов к политическим?

— В состоянии ли капитализм, его экономика обойтись без милитаристского наркотика?

— Может ли капиталистическая система жить без неоколониалистской эксплуатации народов развивающихся стран?

Ответить на эти вопросы,— продолжал излагать основную мысль доклада А. Н. Яковлев,— с исчерпывающей определенностью сумеет только время. Не будем предвосхищать его ответ, но подчеркиваем: чтобы человечество выжило, он должен быть только конструктивным, практическим» [1].

Вопросы-размышления М. С. Горбачева нашли живой отклик на встрече. Некоторые деятели коммунистического движения, например представитель сирийских коммунистов Халед Багдаш, делали упор в проблеме обуздания природы империализма на наращивание сил борющихся с империализмом массовых движений и государств: «Иначе говоря, проблема в большой степени зависит от размаха и мощи рабочего движения и движений за мир в развитых капиталистических странах, от размаха и мощи национально-освободительных дви-

[1] Правда, 1987, 4 ноября.

жений в недавно освободившихся государствах, и в первую очередь от роста мощи Советского Союза и других социалистических стран». В свою очередь представители социал-демократии и «зеленых» делали упор на изменения, происходящие внутри социалистического лагеря, прежде всего в СССР. «Ибо нет оснований скрывать,— говорил тот же Турбьёрн Ягланд,— что недостаток гласности в Советском Союзе послужил причиной как обоснованного, так и необоснованного страха на Западе. Тем самым создавались предпосылки для политической поддержки ставки на усиление милитаризации». «Гласность и перестройка,— поддержал ту же точку зрения Юрген Майер, член Правления партии «зеленых», ФРГ,— значительно изменили и улучшили тот образ Советского Союза, который существовал на Западе». «Конечно, доверие во многом зависит от того, как мы воспринимаем друг друга и чем, по нашему мнению, руководствуется и какие цели ставит перед собой другая сторона»,— вторил им и Майкл Биан, вице-президент Австралийской лейбористской партии [1].

Разумеется, акценты в упомянутых выступлениях были расставлены весьма различно. И все же мы решимся утверждать, что выступавшие органично дополняли друг друга. Действительно, в условиях взаимосвязанного, целостного мира обновительные процессы, происходящие в странах социализма, оказывают существенное воздействие на настроения общественности Запада, облегчают мобилизацию новых сил против сил войны. Сказываются они и на правящих кругах Запада.

Во всяком случае, тот же Турбьёрн Ягланд не отрицал необходимости мобилизации масс: «Если политики хотят вернуть контроль над гонкой вооружений, нужно получить поддержку со стороны общественности». С другой стороны, и выступавшие на встрече коммунисты в один голос говорили о позитивном воздействии процесса перестройки в СССР на мобилизацию масс на Западе. М. С. Горбачев заявил в своем выступлении на встрече буквально следующее: «Наша перестройка со всеми ее международными последствиями разрушает страх перед «советской угрозой», и милитаризм теряет свое политическое оправдание» [2].

---

[1] Встреча представителей партий и движений..., с. 316, 44, 58; Семидесятилетие Великой Октябрьской социалистической революции..., с. 435.

[2] Встреча представителей партий и движений..., с. 44, 18.

* * *

«Основной проблемой сегодня — независимо от того, в какой части света мы живем и трудимся,— является проблема выживания человечества. Это самый важный и острый вопрос, который предстоит решить»,— говорил, выражая точку зрения практически всех участников встречи Секретарь Правления Рабочей партии — коммунисты Швеции Рюне Петтерссон [1].

В самом деле, использование чудовищных арсеналов ядерного оружия может привести к катастрофе невиданных масштабов, и если вселенская катастрофа не произошла вчера, сегодня, то это вовсе не значит, что она не может случиться в любой момент завтра, послезавтра. Автономные ядерные системы рассредоточены ныне по всему свету, роковая ошибка компьютера, злой умысел или простой просчет стоящего у пульта человека могут иметь поистине невообразимые последствия для судеб всего человеческого рода. Фактор времени, подчеркивали выступавшие на встрече, приобретает в этих условиях первостепенное значение. Быстрейшая демилитаризация мира, радикальное и полное ядерное разоружение становятся императивом нашей эпохи. Нас торопит время, отмечалось в докладе М. С. Горбачева, нарастающая опасность совершенствования оружия, которое может выйти из-под контроля [2].

В ряде выступлений была выявлена и органическая взаимозависимость демилитаризации мира и смягчения царящей в мире напряженности, разрешения возникших в мире конфликтных ситуаций. «...Гонка вооружений,— развивал ту же идею «модификации» противоречий Г. Папандреу,— это нередко лишь особая и, разумеется, наиболее опасная форма разнообразных и более общих антагонизмов, пронизывающих международные отношения. Если мы в конце концов не сумеем ослабить остроту этих антагонизмов, любой сдвиг в области разоружения, как бы ни было само по себе велико его значение, все же окажется эфемерным» [3]. В плане именно этой взаимозависимости рассматривали участники встречи в Москве предстоявшую тогда встречу в Вашингтоне между Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым и президентом США Р. Рейганом.

---

[1] Встреча представителей партий и движений..., с. 348.

[2] См.: *Горбачев М. С.* Октябрь и перестройка: революция продолжается, с. 47.

[3] Встреча представителей партий и движений..., с. 132.

Не будет преувеличением утверждать, что встреча в Москве жила ожиданием встречи в Вашингтоне. Советско-американский договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности многие выступающие называли историческим соглашением, «первым в истории прорывом», чрезвычайно важным событием в международной жизни. Они говорили о необходимости придать демилитаризации необратимый характер, дополнить вашингтонский договор заключением соглашения о стратегических ракетах, химическом оружии, обычных вооружениях, они доказывали бессмысленность выстраивания в космосе американской стороной «линии Мажино». Но интересно отметить, что в связи с подписанием первого советско-американского договора о ядерном разоружении раздавались на встрече и голоса тревоги, выражались опасения.

От преувеличенных надежд предостерегал Эрих Хонеккер, Генеральный секретарь ЦК СЕПГ: «Несмотря на некоторый прогресс, нельзя сказать, что уже совершен поворот от политики конфронтации к разрядке напряженности». «Встает вопрос,— спрашивала Председатель ЦК Коммунистической партии Нидерландов Элли Изебауд,— будет ли это соглашение началом дальнейших конкретных шагов в деле разоружения, или его можно рассматривать как «случайность», последствия которой будут компенсироваться ускоренным расширением и модернизацией других видов оружия?» О существовании «значительных сил», которые мыслят отнюдь не категориями демилитаризации, а заняты обсуждением вопроса, как защищать Европу с помощью нового «ядерного зонтика», говорил Председатель Коммунистической партии Норвегии Коре Андре Нильсен: «...влиятельные круги в западноевропейских странах — союзницах США гораздо больше заняты вопросом, как вооружаться, чем разоружаться». «В настоящее время,— подчеркивал Турбьёрн Ягланд,— техника развивается так быстро и она настолько сложна, что может вывести из игры как политиков, так и политические процессы». К выступавшим присоединился и Жозеф Вейнинкс, член руководства Социалистической партии (фламандцы), Бельгия, указавший на незначительность сокращаемых арсеналов, продолжающуюся модернизацию различных видов вооружений, существование дорогостоящих и дестабилизирующих мировую обстановку планов [1].

---

[1] Встреча представителей партий и движений..., с. 62, 69, 390, 44, 104—105.

Как выглядят эти тревоги, опасения в свете результатов вашингтонской и московской встреч? Встречи, безусловно, стали важнейшим шагом от политики конфронтации к разрядке напряженности. Договор о ликвидации двух классов ядерных ракет, несомненно, приблизил человечество к реальному уничтожению ядерного арсенала. Хотя мир избавляется всего от 4% ядерных вооружений, но не надо забывать, что, по подсчетам ученых, для того чтобы уничтожить все живое на Земле, достаточно 5%. Другие конкретные шаги в деле разоружения вроде бы намечаются. Подтверждена готовность сторон к 50-процентному сокращению стратегических наступательных вооружений, дан новый импульс ускорению ликвидации химического оружия и сокращению обычных вооружений и вооруженных сил в Европе.

Вместе с тем сразу же после подписания договора началась мобилизация сил, которые стремятся предотвратить изменения к лучшему. Раздались призывы приостановить процесс разоружения, форсировать программу СОИ, вырабатываются меры по компенсации ликвидируемых ракет. С этими опасными тенденциями нельзя не считаться.

Итог мы бы выразили в следующих словах: трудный процесс ядерного разоружения в мире начался. Вопрос о том, приведет ли он только *к частичному ядерному разоружению,* так и не снимающему угрозу выживанию человечества, или завершится *полной ликвидацией* ядерных арсеналов, на чем настаивает СССР, *пока не ясен.* Как раз в дни вашингтонской встречи руководители стран НАТО (Англии, ФРГ, Франции) хотя и приветствовали соглашение, но поспешили подтвердить свою приверженность концепции «ядерного сдерживания». Не отказалась ни на йоту от своих планов развертывания СОИ и американская администрация. Так что борьба за радикальное ядерное разоружение продолжается. Актуальным остается призыв, сделанный в этой связи на встрече. Хироси Татика, член Постоянного бюро Президиума ЦК Коммунистической партии Японии, справедливо предупреждал, что вашингтонское соглашение еще не означает, что автоматически осуществится полное запрещение ядерного оружия: «...для полного запрещения и полной ликвидации ядерного оружия решающим фактором явится подъем движения народов мира, выдвигающих на передний план эту задачу» [1].

[1] Встреча представителей партий и движений..., с. 136.

* * *

Проблему недоразвития огромной части планеты ставили очень многие участники встречи, защищали они и известную формулу «разоружение для развития», приводили знакомые всему миру цифры.

«В нашем противоречивом мире ежегодно расходуется на вооружение около триллиона долларов. Эта цифра равна той сумме, которую составляют долги стран «третьего мира». Можно привести много примеров, характеризующих нынешнюю реальную ситуацию в развивающихся странах...— детализировал свою мысль Секретарь Правления Рабочей партии — коммунисты Швеции Рюне Петтерссон.— 40 тысяч детей ежедневно умирают от голода и болезней. 11 миллионов грудных детей не доживают до одного года. 120 миллионов детей не имеют возможности учиться из-за отсутствия школ. 900 миллионов людей живут на 30 центов в день. 250 миллионов не имеют крыши над головой, 550 миллионов полностью безграмотны. 600 миллионов составляют безработные. 2 миллиарда людей не имеют чистой питьевой воды, что, в свою очередь, является причиной 80 процентов всех болезней» [1].

Эти леденящие душу цифры напрямую связаны с мировой политикой капиталистического Запада, лидеры которого не прочь объявить себя поборниками «прав человека» в мировом масштабе. Последствия господства колониализма, послевоенная неоколониалистская политика Запада поставили «третий мир» на грань катастрофы. Лицемерный характер «забот» Запада о «третьем мире» разоблачали некоторые выступающие. «Так, если в некоторых странах изменения, происходящие в остальном мире, рассматриваются под углом зрения «прав человека»,— заявил заместитель Председателя Политбюро Национального фронта защиты революции, Председатель Партии конгресса независимости Мадагаскара (АКФМ) Ришар Андриамандзату,— нас в первую очередь волнуют такие права народов, как право на самоопределение, право на жизнь в достойных человека условиях, право на жилье, питание, образование, право на солидарность. Однако бремя внешнего долга, явившегося результатом политики империалистических держав, ликвидирует эти права» [2].

---

[1] Встреча представителей партий и движений..., с. 349.
[2] Там же, с. 67.

Какие меры может принять мировое сообщество для ликвидации бедственного положения двух третей или трех четвертей населения мира? Что по этому поводу говорилось на встрече?

Первый секретарь ЦК Коммунистической партии Кубы Фидель Кастро, заостривший проблему внешнего долга развивающихся стран еще в 1979 г., попытался ответить на вопрос М. С. Горбачева: «Может ли обойтись капиталистическая система без неоколониализма?» Он не отвергал такой возможности и даже доказывал, что такое изменение было бы в интересах капитализма. «Как составную часть нашей борьбы за долговременный мир все мы должны взять на себя защиту нового международного экономического порядка. Быть может, пока еще неоколониалисты не способны понять это; но если бы были изменены основы неоколониализма, если бы кончилось экономическое угнетение Азии, Африки, Латинской Америки и Карибского бассейна, то покупательная способность, которую обрело бы население этих трех континентов, дала бы капитализму возможность продлить свое существование на более длительный срок в таких условиях, которые были бы для них, может быть, менее привилегированными, однако в то же время не столь шаткими». Если же капитализм окажется неспособным пойти по такому пути, свое слово скажут сами угнетенные народы. Дело кончится «битвой сотен миллионов людей, которые должны либо убедить неоколониалистов в том, что требуются перемены, либо нанести поражение их политике в результате борьбы народов» [1].

Касаясь проблемы недоразвития, Генеральный секретарь Французской коммунистической партии Жорж Марше говорил: «Мы поддерживаем в этой связи предложение неприсоединившихся стран создать фонд развития, который управлялся бы ООН. Этот фонд мог бы быть создан за счет средств от сокращения на 10 процентов военных расходов. И мы предлагаем аннулирование долгов» [2]. С аналогичными предложениями выступали и другие участники встречи.

Необходимость коллективных действий народов угнетенных стран (в их союзе со странами социализма) подчеркивалась многими выступающими. Но интересно и то, что на встрече были приведены примеры успешных

---

[1] Встреча представителей партий и движений..., с. 168, 169.
[2] Там же, с. 40.

индивидуальных действий. Так, член руководства Перуанской апристской партии Никанор Мухики поделился опытом решения Перу вопроса о внешнем долге: «Банк ставит вопрос так: платите до изнеможения, примите наши условия руководства вашими финансами... Перу отвергает такую альтернативу... Мы заплатили кредиторам только установленную нами же часть процентов и погашения долга — всего 15 миллиардов долларов. А то, что мы должны были передать финансовому капиталу, мы выделили на оказание помощи миллионам крестьян, андинским коммунарам, для оплаты тракторов, семян, удобрений, развития системы орошения, строительства школ и других полезных объектов» [1].

* * *

Вопросов экологии касались многие выступавшие на встрече.

На *прогрессирующем ухудшении* мировой экологической ситуации остановился Генеральный секретарь Швейцарской партии труда Жан Шпильман, выделил он и главные причины, ведущие к такому ухудшению. «Ускоренная урбанизация,— говорил он,— развитие технологий, накопление промышленных отходов, нерешенные вопросы ядерной энергетики, резкое расширение автомобильных перевозок, вопросы о вредных выбросах и загрязнении окружающей среды — таковы тревожные проблемы, стоящие перед всем населением».

Экологический кризис всемирен, он не знает национальных границ и социальных перегородок, он равным образом затронул и систему капитализма, и систему социализма, и начавший свое развитие «третий мир», для преодоления кризиса должна быть выработана принципиально новая экономическая политика, ибо экологический кризис связан с кризисом экономическим, продолжал развивать свои мысли Жан Шпильман. «В этой обстановке настоятельно необходимо,— говорил он,— выдвигать иную экономическую политику, построенную на гармонии человека с природой. Она должна быть подчинена не погоне за прибылью, не интересам количественного роста, а необходимости увязывать всю деятельность человека с решением жизненно важной задачи защиты воздуха, воды и почвы, а также удовлетворения нужд человека». Впрочем, говорил Жан Шпильман, дело касается

---

[1] Встреча представителей партий и движений..., с. 402.

не одной только экономики, «ставкой здесь являются сами основы нашего общества, его цели, культура и мораль» [1].

Вопросы экологии, естественно, волновали Сопредседателя партии «зеленых» ФРГ Ютту Дитфурт. Экология, по ее мнению, «является материальной основой общественных перемен. Все так просто: кто не может дышать, тому не хватает воздуха и для «второго дыхания», для политической борьбы за мир, против капитализма, против фашизма, за демократические и социальные права человека, за справедливый экономический миропорядок. Экологическая революция неразрывно связана с революцией социальной».

Ютта Дитфурт сочла явно недостаточным использование в производстве прогрессивных технологий (они «многим все еще кажутся экзотическими») и выразила несогласие с принятием паллиативных мер. «Левая политика,— подчеркивала она,— должна, таким образом, воспринимать экологический вопрос как вопрос жизни, а не как некую ремонтную технику, которая служит лишь подспорьем остающемуся в основном неизменным производству. Часто приходится поражаться тому, что некоторые диалектики в вопросах экологии размышляют чисто механически: вот воздух, а вот заводская труба, значит, нужно поставить фильтр. А куда девать затем этот фильтр со всеми уловленными ядовитыми веществами, что будет с продуктами сгорания и шлаками, об этом не думают» [2].

Разумеется, пример Ютты Дитфурт элементарен. Но если взять тысячи реальных заводских труб, то опасность загрязнения целых регионов, рек, озер и даже морей становится вполне осязаемой.

Об опасностях своеобразного перехода «количества в качество» в развитии экологических процессов, их существенной непредсказуемости говорил убедительно Генеральный секретарь Партии центра Финляндии Сеппо Кяярияйнен: «Угроза широкомасштабной гибели природы сейчас столь же устрашающа, сколь и опасность, порождаемая гонкой вооружений. Гибель природы — коварный процесс в том смысле, что он заходит далеко, оставаясь невидимым для человеческого глаза. Зримо проявляется он лишь тогда, когда уже поздно что-нибудь

---

[1] Встреча представителей партий и движений..., с. 127, 128.
[2] Там же, с. 173, 172.

сделать, да и нечем,— даже крупными инвестициями. Все человечество, и в первую очередь высокоразвитые промышленные страны, должно пробудиться ото сна и незамедлительно начать серьезное обсуждение своей экологической безопасности. Без этого человек как вид может оказаться на краю гибели» [1].

В самом широком международном контексте рассматривал экологическую проблематику в своем выступлении М. С. Горбачев. «Только сообща можно ослабить и снять глобальную опасность экологического «инфаркта» [2]. Эти слова не остались пустым звуком. На встрече в Вашингтоне, где было подписано первое в послевоенном мире соглашение о ядерном разоружении, Генеральный секретарь ЦК КПСС и президент США в своем совместном заявлении «одобрили советско-американскую инициативу по проведению совместных исследований в области изменений глобального климата и окружающей среды на основе сотрудничества в таких вызывающих взаимную озабоченность вопросах, как защита и сохранение атмосферного озона (проблема, затронутая и на московской Встрече.— *Е. П.*)... Обе стороны продолжат оказывать содействие широкому международному и двустороннему сотрудничеству в области изменений глобального климата и окружающей среды, значение которой все возрастает».

Оценивая в этом плане вашингтонскую встречу, можно сказать: формула «разоружение для экологии» понемногу начинает действовать. Эти усилия надо всемерно развивать и продолжать.

* * *

Большое внимание было уделено на встрече региональным проблемам. В выступлениях многих представителей присутствовала мысль о том, что установление подлинной безопасности в мире немыслимо вообще без разрешения острейших конфликтных ситуаций в целом ряде регионов мира — Латинской Америке, Азии, Африке.

Разумеется, не все региональные конфликты однотипны, у некоторых из них разные истоки, разное течение, разные перспективы на их разрешение; война между Ираном и Ираком была непохожа на борьбу черного населения ЮАР против системы апартеида, события

---

[1] Встреча представителей партий и движений..., с. 213.
[2] Там же, с. 18.

в Афганистане отличаются от событий на границах Ливана и Сирии. Но совершенно несомненна вина империализма, прежде всего империализма США, вина таких его союзников, как Израиль, ЮАР, Пакистан, в развязывании *подавляющего большинства* конфликтов, эта вина подчеркивалась на встрече.

Больше всего выступавшие говорили о концепции войн «малой интенсивности», лежащей в основе глобальной стратегии Вашингтона. Очень хорошо «ядро» этой стратегии раскрыл Амат Дансоко, Генеральный секретарь Партии независимости и труда Сенегала: «Сразу же после американского военного поражения во Вьетнаме западные органы печати объявили о разработке новой американской военной стратегии борьбы против национально-освободительного движения. Сообщалось, что эта стратегия состоит в том, чтобы «повернуть» против революционной власти методы партизанской войны и постоянного вооруженного давления, которые национально-освободительное движение успешно использовало в борьбе против империализма после второй мировой войны. Неважно, что в одних случаях говорят о «конфликте малой интенсивности», в других — о «поддержке борцов за свободу», но, по сути, эта стратегия широко используется сегодня от Кампучии до Никарагуа, от Анголы до Эфиопии, от Мозамбика до Афганистана и даже Зимбабве. Таким образом, в жестоких войнах истощаются силы народов, зачастую и без того обездоленных» [1].

Обобщение выступлений показывает: нельзя не признать, что стратегия империализма оказалась весьма эффективной. Она на долгие годы растянула и даже сделала, на наш взгляд, в определенной мере тупиковым процесс борьбы революционных сил против внешней и внутренней контрреволюции, она не позволяет реализоваться созидательным потенциям революции, она ослабляет силу ее примера, ее международного воздействия, она наносит огромные потери народам слаборазвитых стран, она ведет к огромным человеческим жертвам.

В Анголе, говорил Председатель МПЛА — Партии труда, Президент Народной Республики Ангола Жозе Эдуарду душ Сантуш, материальный ущерб от агрессии и актов саботажа со стороны расистского режима ЮАР «исчисляется в размере свыше 12 миллиардов долларов,

---

[1] Встреча представителей партий и движений..., с. 416.

а человеческие потери превышают 50 тысяч, среди которых старики, женщины и дети». Аналогичное положение создалось в Никарагуа. «В результате американской агрессии,— говорил координатор Исполнительной комиссии Национального руководства Сандинистского фронта национального освобождения Никарагуа, Президент Республики Никарагуа Даниэль Ортега,— погибло более 45 700 никарагуанцев, и это в стране с населением лишь немногим более 3 миллионов человек. 3 миллиардов долларов достиг материальный ущерб в инфраструктуре, торговле и экономике страны, экспорт которой составляет всего 300 миллионов долларов в год» [1].

Для ряда стран, втянутых в региональные конфликты, какой-то выход из тупика открывает недавно провозглашенная революционными силами политика примирения. Означая громадный компромисс с реакцией, существеннейшие уступки революционных сил силам контрреволюционным, эта политика призвана покончить наконец-то с нескончаемой братоубийственной войной, установить в многострадальных странах долгожданный мир. Инициатива в провозглашении новой политики принадлежала Республике Афганистан, ныне тем же путем пытаются идти Кампучия, Никарагуа.

«Мы гордимся, что политика национального примирения берет свое родниковое начало от первого ленинского декрета — Декрета о мире и основывается на ленинском учении о компромиссах,— заявил Генеральный секретарь ЦК Народно-демократической партии Афганистана, Председатель Революционного совета Демократической Республики Афганистан Наджибулла.— Эта политика выстрадана самим нашим народом, каждой семьей, ценой неимоверных жертв и страданий, причиненных нашей земле необъявленной войной, навязанной Афганистану международным империализмом и региональной реакцией... Борьба за национальный мир — это прежде всего переговоры с вооруженной оппозицией, создание «уездов и провинций мира», развитие многопартийной системы и коалиционных форм правления, всенародное обсуждение проекта конституции» [2].

Достичь баланса интересов революции и контрреволюции, соглашения между ними будет, по-видимому,

---

[1] Семидесятилетие Великой Октябрьской социалистической революции..., с. 149, 162.
[2] Там же, с. 114—115.

неимоверно трудно. Пока что главари реакции, «вооруженная оппозиция», предпочитают не идти на переговоры или идут на них крайне неохотно. Но несомненно, что женевские соглашения по Афганистану, политика национального примирения ослабляют позиции контрреволюции, лишают ее опоры в массах, этой политике все труднее становится сопротивляться империалистическим кругам США.

Более или менее очевидно одно: на смену *военно-силовым* способам урегулирования региональных конфликтов в условиях ядерной эры приходят способы *политические.* Свою приверженность к последним подтвердила и делегация СССР в переговорах в Вашингтоне и Москве. Путь к диалогу открыт, дело за другой стороной.

* * *

Рассказывая о политике национального примирения, мы вышли, собственно говоря, к теме «Тактика борьбы сил прогресса». На этой теме стоит остановиться особо.

Борьба левых сил за выживание человечества и мир вовсе не означает отказа от борьбы за социальный прогресс, напротив, та и другая обусловливают друг друга, их диалектическую связь подчеркивали многие выступавшие на встрече.

Вместе с тем выступления выявили отчетливо и многообразие форм борьбы за социальный прогресс. Так, о родстве и вместе с тем многообразии революций говорил член Политкомиссии и Секретариата ЦК Коммунистической партии Чили Володя Тейтельбойм: «Однако в свете нового мышления нуждается и концепция современной революции. Я убежден в ее необходимости, как и в том, что она не нуждается ни в каких схемах. Жизнь, а также пути революции настолько разнообразны, что для их отображения не хватило бы фантазии Габриэля Гарсия Маркеса. Все революции — родные или двоюродные сестры или по крайней мере родственницы. Но ни одна из них не бывает близнецом другой. Они неодинаковы, уникальны, неповторимы в своих формах, особенностях, даже если имеют общее содержание» [1].

Общее в политической борьбе реализуется только в особенном, неповторимом, индивидуальном — это аксиома марксизма. Но ударение, акцент на неповторимости отнюдь не избавляет нас от попыток выработки опреде-

---

[1] Встреча представителей партий и движений..., с. 81—82.

ленной *типологии* форм борьбы. Во всяком случае, анализ выступлений на встрече позволяет разграничить (не претендуя на всеохватывающую классификацию) группы стран, революционные и прогрессивные силы которых решают схожие задачи, варьирующиеся от региона к региону.

1. Страны высокого развития капитализма с социальной обеспеченностью значительной части населения, с устойчивыми парламентскими демократическими режимами и политической властью в целом ряде государств консервативных сил. Основная задача левых сил (или умеренно левых сил) здесь — добиться избирательной победы, выбить из рук консерваторов рычаги государственной машины, продолжить, используя эти рычаги, процессы социального обновления. О ситуации в указанных странах говорили многие выступающие.

Жорж Марше подчеркнул, что бедствия не обошли стороной Францию: «...безработица, нищета, неустойчивость все возрастают. Естественные ресурсы уничтожаются, потенциальные возможности развития уменьшаются. День ото дня силы капитала способствуют созданию все более бесчеловечного и жестокого общества, общества неравенства... Перед лицом банкротства капитализма мы выдвигаем современный и реалистичный лозунг, а именно — строительство демократическим путем социалистического самобытного общества, общества демократического, самоуправляющегося социализма по-французски». Решают левые силы Франции, коммунисты в частности, и другие проблемы: «речь идет о мире и о разоружении, о голоде и о развитии, о научном и техническом прогрессе, об изменениях в области информации и коммуникации, о мирном использовании космического пространства и океанов, о защите окружающей среды» [1].

Весьма самокритично оценивал положение дел в Англии Гордон Макленнан. Капитализм, констатировал он, «сумел быстрее, чем ожидали некоторые деятели рабочего движения, отреагировать на изменения и приспособиться к новой обстановке, преодолеть временный кризис и трудности. Его основной политический представитель — консервативная партия сумела добиться поддержки новых слоев населения, в том числе немалого числа рабочих, несмотря на массовую безработицу и нищету». В то же время «отстает от жизни» рабочее движение, оно

[1] Встреча представителей партий и движений..., с. 39.

«в последнее десятилетие не ответило на идеологическое наступление правых, не сумело убедительно нарисовать образ социализма, целью которого будет расширение демократического народного контроля над всеми областями общественной и экономической жизни. Не в полной мере откликнулся рабочий класс и на играющие важную роль движения за освобождение женщин, против расизма, в защиту окружающей среды... проблему голода». Рабочее движение не сумело привлечь на свою сторону большинство молодежи, хотя ее-то в первую очередь затрагивает безработица, сокращение расходов на социальные нужды, угроза войны. Создание широкого демократического фронта, разоблачение идеологии и политики тэтчеризма — в том числе и в области международных дел (препятствия полному ядерному разоружению, поддержка режима апартеида в Южной Африке) — таковы, по Макленнану, задачи левых сил [1].

Председатель Германской коммунистической партии Герберт Мис сосредоточил свое внимание в основном на положении труда в Европе — «в ее капиталистической части насчитывается около 20 миллионов безработных, имеются города и целые регионы, подошедшие к грани краха, грозящего уничтожением гуманности и человеческого достоинства». Он выдвинул лозунг борьбы: мир, труд и здоровая окружающая среда — без них нет человеческой цивилизации. Генеральный секретарь Коммунистической партии США Гэс Холл выделил финансовые затруднения капитализма: «Биржевой крах и потрясения напоминают тем, кто забыл, что основные законы капитализма продолжают действовать, что и в новой обстановке они не отменяются и по-прежнему определяют развитие капитализма». Генеральный секретарь Санмаринской коммунистической партии Джильберто Гьотти говорил о проблемах, создаваемых НТР: «Так, в нашей жизни имеет место новое явление: если прежде рабочий класс прямо противостоял классу капиталистов, то теперь неимоверно расширился промежуточный слой, имеющий свою проблематику. Возникли новые профессии, новые отрасли промышленности и, естественно, новые потребности. Значительно усложнилась структура общества, что требует нового подхода со стороны всех политических партий, и в частности со стороны СМКП» [2].

---

[1] Встреча представителей партий и движений..., с. 225—227.
[2] Там же, с. 443—444, 145, 312.

2. Страны среднего развития капитализма с гораздо меньшей устойчивостью парламентского режима, низкой социальной обеспеченностью населения, резкими социальными контрастами, сильным развитием классовых антагонизмов и массовых движений. Основная задача левых сил — укрепление демократических режимов и, по возможности, выход к радикальным социальным преобразованиям. К сожалению, не все представители этих стран достаточно подробно говорили о стоящих здесь проблемах, но некоторые интересные мысли были.

Генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Уругвая Родней Арисменди обратил внимание на победу объединительных тенденций в широких слоях народа. «Как бы то ни было, в уругвайской политической жизни появилось удивительное явление — Широкий фронт с участием коммунистов, социалистов, христианских демократов, демократических течений левых сил, военнослужащих, священнослужителей, наиболее представительных деятелей интеллигенции. Этот фронт не плод умопостроений, а реальная политическая сила, играющая важную роль в парламенте, в объединенном профсоюзном движении страны, среди уругвайской интеллигенции, студентов. Ставится задача создания альтернативы старым силам — тоже демократическим, но по-иному,— и с этим связаны перспективы нашей страны». Выступление Саломао Малины, Генерального секретаря ЦК Бразильской коммунистической партии, отличалось горячей приверженностью мирному пути революции, пониманием соответствия именно такого пути сегодняшней мировой ситуации. «Исходя из нашего понимания революционного процесса в Бразилии,— говорил он,— сегодня рабочий класс может найти мирный путь к социализму. Конечно, мы не можем заранее утверждать, в какой форме это произойдет, но уверены, что именно такой путь больше всего соответствует интересам рабочего класса, бразильского народа и нашей международной ответственности». Гражданская же война «может быть только навязана нам реакционными кругами правящих классов» [1].

3. Менее развитые страны капитала с террористическим режимом и демократическим фасадом. Основная задача левых сил — борьба за полнокровную политическую и социальную демократию прежде всего путем

---

[1] Встреча представителей партий и движений..., с. 198, 217.

использования парламентской системы. Диалог и примирение с партизанским движением, рассказывал Генеральный секретарь ЦК Колумбийской коммунистической партии Хильберто Виейра, означали появление «новых политических условий, дали возможность участия более широких слоев населения в борьбе народных масс, позволили развернуть широкое обсуждение социально-политических реформ в целях демократизации». О завоеваниях левых сил (обеспечение единства профсоюзного движения) и их трудностях (неспособность обеспечить единство на выборах) рассказал Генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Эквадора Рене Може[1].

4. Реакционные фашистские, расистские режимы. Основной задачей является борьба народов против диктатуры — как военная, так и политическая. О курсе Компартии Чили на «использование всех форм борьбы против военной диктатуры фашистского толка» говорил в своем выступлении Володя Тейтельбойм. Того же курса придерживаются антирасистские силы в ЮАР. Вместе с тем в выступлении Генерального секретаря Южно-Африканской коммунистической партии Джо Слово была отмечена тупиковость ситуации в ЮАР: «Что касается нас, то мы отнюдь не считаем, что существует возможность в ближайшее время одержать военную победу в классическом духе или поднять восстание против расистского режима. Однако... в настоящий момент нет и реальных перспектив достичь приемлемого политического урегулирования»[2].

Мы привели высказывания представителей далеко не всех стран и партий. Но из приведенных высказываний можно сделать совершенно ясные выводы. Тактику левых сил и течений определяют два обстоятельства: степень демократичности политической структуры общества, степень развития классовых, социальных антагонизмов. Разумеется, сказываются и традиции борьбы. Сами формы борьбы варьируются от парламентских, мирных до военных (с явным преобладанием первых). Перспектива перехода левых сил планеты к повсеместным мирным политическим действиям в общем-то является обнадеживающей; такие действия наиболее соответствуют реалиям ядерной эры.

---

[1] Встреча представителей партий и движений..., с. 280, 333.
[2] Там же, с. 80, 343—344.

* * *

Встреча представителей партий и движений происходила в знаменательный момент годовщины Октября. Почти все выступавшие говорили об огромном значении Октябрьской революции для судеб нашей страны и человечества, хотя были и предупреждения против абсолютизации этого значения: «Подобная постановка вопроса лишает социализм значительной части его фундаментальной истории...» (член руководства Итальянской социалистической партии Лаура Финкато). Но еще важнее, что встреча совпала по времени с перестройкой. Перестройка стояла поистине в центре внимания встречи. Это не удивительно. «Думаю, что перестройка — это универсальное, всеобщее явление»,— говорил член ЦК и генеральный казначей Демократической партии Ботсваны Понатшего Кедикилве [1]. Это высказывание как бы подводит итог другим выступлениям.

Разумеется, перестройка затронула в первую очередь страны социализма, социалистический строй, говорил в своих ярких выступлениях на торжественном заседании и на встрече Первый секретарь ЦК Польской объединенной рабочей партии, Председатель Государственного совета Польской Народной Республики Войцех Ярузельский. «Сегодня он как бы переживает одновременно эпоху и Возрождения, и Просвещения. «Возрождения», поскольку он шире, всей своей сутью, поворачивается к человеку, возрождает все гуманные ценности человеческой жизни. «Просвещения», так как он полнее воспринимает рационализм, марксову диалектику, новые завоевания науки и культуры».

Перестройка оказалась неоценимым подспорьем для сил прогресса во всем мире. Она лишила главных пропагандистских аргументов силы антикоммунизма и реакции. Она побуждает к переосмыслению своих позиций и те общественные группы, которые прежде настороженно или с недоверием относились к программам и лозунгам левых сил [2].

Говорили выступающие и о том, что перестройка в СССР оказалась в сущности прологом к перестройке всей системы международных отношений, поворотом к миру. «Мы думаем, что образ Советского Союза, вступающего

---

[1] Встреча представителей партий и движений..., с. 164, 387.

[2] См.: Семидесятилетие Великой Октябрьской социалистической революции..., с. 68; Встреча представителей партий и движений..., с. 76, 79.

на путь смелых реформ под лозунгами перестройки, гласности и демократизации,— говорил в этой связи Г. Папандреу,— сыграл для дела мира не менее важную роль, чем конкретные предложения, которые легли на стол переговоров» [1].

В некоторых выступлениях отмечалось, что перестройка позволила перейти от обороны к наступлению коммунистическим партиям капиталистических стран. Ранее несогласные со многими явлениями в СССР периода застоя, они были зачастую втянуты в полемику с КПСС. Изъяны реального социализма мешали создать им притягательный образ социализма для трудящихся Запада. Ныне эти компартии полностью поддерживают начинания КПСС, пропагандируют в массах замыслы, завоевания реального социализма.

Разумеется, на встрече — при единодушном одобрении ее участниками перестройки — проявились расхождения в понимании тех или иных ее аспектов. Определенным диссонансом прозвучал на встрече вывод Турбьёрна Ягланда о том, что социалистические страны «очевидно, переживают еще более глубокий кризис», чем «третий мир» и капиталистические страны. Многие выступающие поддержали в полной мере начатую в юбилейные дни работу руководства КПСС по продолжению линии XX съезда. Показательно в этом смысле выступление Жоржа Марше: «Мы не забываем, наконец, что социалистическое общество в вашей стране создавалось в условиях чудовищного искажения, каким был сталинизм, концепция, практика и преступления которого особенно затронули Советский Союз». Но прозвучало, правда, одинокое выступление против линии на углубление критики культа личности Сталина. Председатель Прогрессивно-социалистической партии Ливана Валид Джумблат, одобряя гласность и перестройку, сделал оговорку: «Однако, дорожа авторитетом большевистской революции, мы опасаемся, что некоторые сомнительные элементы — реакционеры и сионисты — воспользуются этой политикой в собственных интересах. В этой связи мы считаем нецелесообразным сегодня осуждать эпоху сталинизма» [2].

Некоторые расхождения проявились в понимании развиваемой в СССР гласности. «Недавно мы с удовольст-

---

[1] Встреча представителей партий и движений..., с. 131.
[2] Там же, с. 47, 442; Семидесятилетие Великой Октябрьской социалистической революции..., с. 87.

вием прочитали в газете «Московские новости» статью Бориса Панкина, советского посла в Стокгольме, в которой он рекомендовал изучать шведские достижения в строительстве общества, основанного на «смешанной экономике» и идущего по «третьему пути»,— говорил Председатель межпарламентской группы, депутат риксдага от Социал-демократической рабочей партии Швеции Стуре Эриксон.— Панкин указал, что настало время прекратить саркастические замечания в адрес социал-демократов как «классовых примиренцев» и вместо этого приступить к критическому углубленному изучению того, что он называет «шведской моделью» [1].

Напротив, с требованием изменить линию «Московских новостей» выступил Халед Багдаш: «Это единственная регулярно выходящая советская газета на арабском языке. Из нее наши коммунисты черпают сведения о том, как идут дела в Советском Союзе. Поэтому содержание этой газеты не должно зависеть от настроения того или иного редактора, от позиции той или иной группы людей в условиях перестройки. Газета должна быть полностью контролируема и управляема КПСС» [2].

Мы не думаем, что последнее требование соответствует нашим представлениям о гласности. Но *всемирная* ответственность советских людей за успех их преобразовательной деятельности совершенно ясно вытекает из анализа материалов встречи.

* * *

Некоторые различия в позициях выступавших на встрече представителей партий и движений несомненны. Их и не могло не быть, учитывая состав встречи. Но выступавшие подчеркивали доминирование *момента единства в разнообразии мнений.*

Этот момент единства можно свести к призыву мобилизовать все силы прогресса для выхода из глубокой кризисной ситуации, в которой оказался весь мир.

Действительно, ныне человеческая цивилизация вплотную подошла к тому рубежу, когда она должна либо погибнуть, либо научиться жить по-новому, утвердить новый миропорядок. Старый, веками создававшийся и практиковавшийся порядок был основан на господстве узкого национального или классового интереса,

---

[1] Встреча представителей партий и движений..., с. 149.
[2] Там же, с. 317.

эксплуатации одних людей другими, на диктате, праве сильного, периодических войнах, бесконтрольности технологических производственных процессов. Новый должен быть основан на взаимном балансе интересов, сотрудничестве наций, стран, коллективной безопасности, разумном использовании мощнейших производительных сил человечества.

Новизна этой ситуации, новизна экономических, политических, военных процессов нашего времени еще не всеми осознана и освоена до конца, отмечалось в докладе М. С. Горбачева. «Но к этому придется идти,— говорил он,— ибо развернувшиеся процессы обладают силой объективного закона» [1].

Если человек не подчиняется логике объективных законов, его деятельность неизбежно терпит крах, он бывает вынужден возобновлять свои преобразовательные попытки. Ныне такое неподчинение чревато куда более серьезной угрозой: прекращением, обрывом всякой человеческой деятельности вообще. Меры к предотвращению такого обрыва искали участники московской Встречи. Будем надеяться, что их усилия найдут действенное продолжение.

---

[1] *Горбачев М. С.* Октябрь и перестройка: революция продолжается, с. 51.

СОДЕРЖАНИЕ

МАРКСИЗМ-ЛЕНИНИЗМ
И РЕАЛИИ КОНЦА XX СТОЛЕТИЯ

Заведующий редакцией *Л. И. Греков*
Редакторы *Можеева А. К., Прозоровский В. В., Хажилова Т. С.*
Младший редактор *Калина В. В.*
Художник *Ю. С. Саевич*
Художественный редактор *В. И. Шедько*
Технический редактор *И. А. Золотарева*

ИБ № 7327

Сдано в набор 15.06.88. Подписано в печать 29.11.88. А00171. Формат 84×108 1/32. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 21,0. Усл. кр.-отт. 21,0. Уч.-изд. л. 22,37. Тираж 30 тыс. экз. Заказ № 3891. Цена 1 р. 70 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

МАРКСИЗМ-ЛЕНИНИЗМ *и реалии конца* XX *столетия*